КИМ ЧЕН СУК

БИОГРАФИЯ

КИМ ЧЕН СУК

БИОГРАФИЯ

Издательство литературы на иностранных языках
Корея, Пхеньян
91 чучхе (2002)

Родной дом Ким Чен Сук в Хвэрене.

Ким Ир Сен и Ким Чен Сук в дни вооруженной борьбы против японских захватчиков.

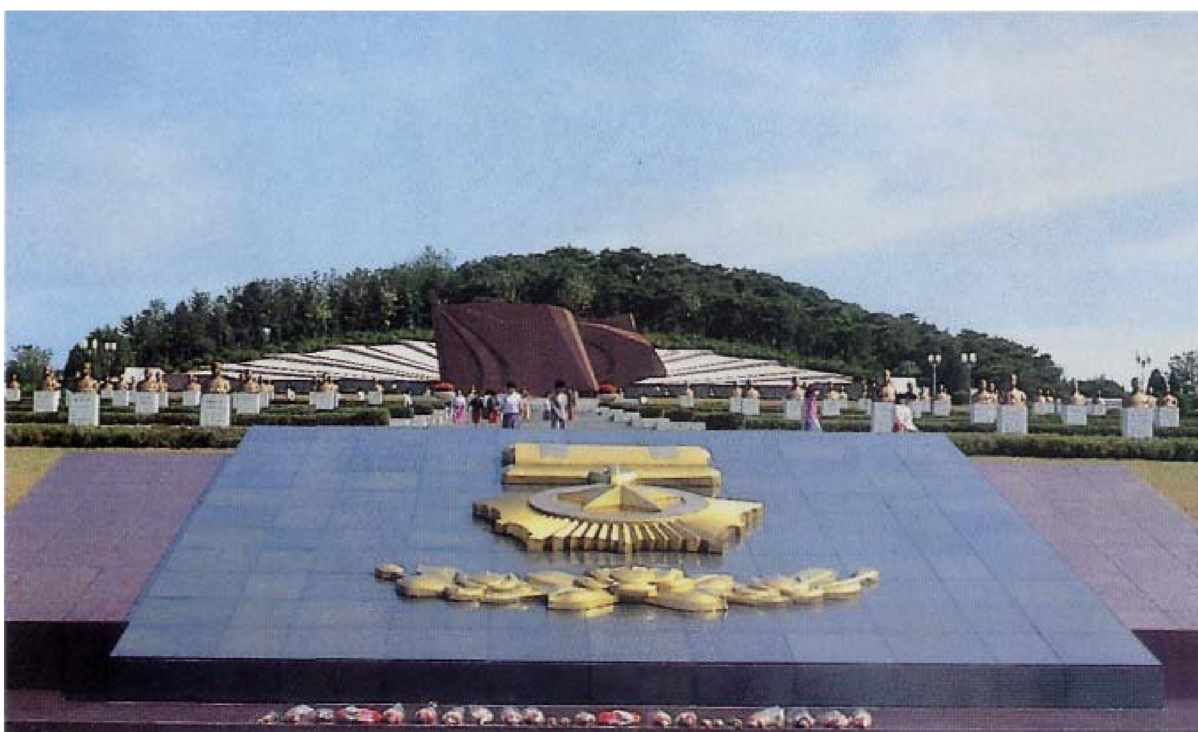
Ким Чен Сук с Ким Ир Сеном и сыном.

Ким Чен Сук с Ким Ир Сеном и сыном на церемонии по случаю второго выпуска Первого центрального военного училища.

Ким Чен Сук принимает участие в выборах депутатов в органы народной власти.

Мемориальное кладбище революционеров.

К ИЗДАНИЮ «БИОГРАФИИ КИМ ЧЕН СУК»

Ким Чен Сук – несгибаемая революционерка, героиня антияпонской войны, посвятила себя целиком делу возрождения Родины и победы революции.

Она охраняла жизнь великого вождя корейского народа Ким Ир Сена и внесла заметный вклад в победоносное свершение ведомой им корейской революции. Проявляя необыкновенную мудрость, непреклонную стальную волю и выдающееся организаторское умение, она всегда выступала в роли его помощницы и приложила большие усилия к завоеванию победы над японским империалистами, к построению обновленной Родины.

Она являла собой яркий пример революционера, отличалась любовью к товарищам и народу вообще, духом самоотверженного служения ему, простотой, скромностью, – иначе говоря, ей присущи были черты деятеля истинно народного типа.

Она делала все для того, чтобы Ким Чен Ир вырос продолжателем дела корейской революции, начатого Ким Ир Сеном.

Благодаря своим высоким идейно-духовным качествам и немеркнущим революционным заслугам перед Родиной и народом Ким Чен Сук вечно будет жить в сердцах корейского народа - и как личный телохранитель Ким Ир Сена, героиня антияпонской войны, и как выдающийся политический деятель и как великая мать революции. Ее дорогое имя золотыми буквами вписано в историю современной Кореи.

Книга посвящается 85-летию Ким Чен Сук.

Декабрь 91 года чучхе (2002)

СОДЕРЖАНИЕ

1. В ПОРУ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАГЕДИИ 4
Детские годы 4
Первый шаг к борьбе 13
2. МОЛОДЕЖНЫЙ АВАНГАРД 22
Руководитель Детского отряда 22
Возглавляя художественную агитбригаду 33
Знаменосец партизанского района 40
Осуществленное желание 47
В Чэчанцзы 54
3. ПОЛКОВОДЕЦ-ЖЕНЩИНА ГОРЫ ПЭКТУ 65
В строю КНРА 65
В Мааньшане 73
Весна в Маньцзяне 82
Подвиги, совершенные в Фусуне 85
Пэктусанский тайный лагерь 92
4. В РАСПОЛОЖЕНИИ ПРОТИВНИКА 103
В поселке Таоцюаньли 103
«Синпхаский канал» 111
Спецпосланница 118
Письмо из тюрьмы 127

5 СКВОЗЬ ЗАВЕСУ СУРОВЫХ ИСПЫТАНИЙ 138
Запомним, за что погибли наши соратницы! 138
Снова в Корее: восстановление связей 145
Цинфэнский тайный лагерь 155
Триумф на мусанской земле 168
6. В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ГОР ПЭКТУ 176
Новый район боевых действий в бассейне реки Туман 176
600 комплектов обмундирования 181
На маршруте обходной операции крупными отрядами 189
Защищая сердце революции 197
7. НЕПОКОЛЕБИМАЯ ВЕРА В ПОБЕДУ 202
Сразу после Сяохаэрбалинского совещания 202
Встречая весну на чужбине 210
Снова в Пэктусанском тайном лагере 216
Рождение партизанского сына 224
8. ИДЯ НАВСТРЕЧУ ДНЮ ПОСЛЕДНЕЙ РЕШИТЕЛЬНОЙ БИТВЫ 232
Военно-политическая подготовка на учебной базе 232
Знаменитый стрелок 236
Накануне последнего решительного боя 240
9. ТРИУМФАЛЬНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ 248
На возрожденной Родине 248
Радостное событие в Мангендэ 264
10. ОБРАЗ НЕИЗМЕННОЙ ВЕРНОСТИ 272

Бессменный телохранитель 272
Бессмертный гимн 283

11. ВО ИМЯ ПРОЦВЕТАНИЯ РОДИНЫ 287

Поддерживая линию вождя 287
В первых рядах движения за всеобщую идейную мобилизацию на государственное строительство 302
Для решения женского вопроса 312
Хорошо подготовить будущие поколения 329
Заслуги в истории строительства армии 340
Думая прежде всего об объединении Родины 354

12. БЛАГОРОДНЫЕ ЧУВСТВА ДОЛГА И ЛЮБВИ 369

Курсанты Мангендэ 369
Тепло душевной заботы 379

13. НАСЛЕДУЯ ВЫСОТЫ РАЗУМА И НРАВСТВЕННОСТИ ВОЖДЯ… 394

Сын горы Пэкту 394
Ты сын Полководца, а значит 404

1. В ПОРУ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАГЕДИИ

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Ким Чен Сук родилась 24 декабря 6 года чучхе[1] (1917) в семье беднейших крестьян – отца Ким Чхун Сан и матери по фамилии О – в деревне Осан волости Хвэрен уезда Хвэрен провинции Северный Хамген (ныне квартал Тонмен города Хвэрен провинции Северный Хамген). Семья ее, не стерпев притеснений и эксплуатации помещиков, брела по белу свету, как гонимая ветром листва, и здесь, в Хвэрене, осела к 1895 году – когда главой семьи был ее родной дед. Арендованная у помещика земля не избавляла переселенцев от беспросветной нужды. С годами жизнь становилась все тяжелее, росли разве что одни долги. И это было понятно: ушел из жизни дед, влился в движение за независимость Кореи отец – опора семейного хозяйства.

До ее рождения семью настигла новая беда: помещик забрал за долги арендуемый надел, была снесена убогая хибарка, и семья вынуждена была снять одну комнату в чужом доме на горке Осан.

Перезимовали там. В следующем году отец пристроил к снимаемому помещению еще одну комнатку, именно в ней и родилась Чен Сук.

В то время японские захватчики, оккупировав Корею, вводили варварский «сабельный режим». Повсюду в стране они творили вопиющие злодеяния – ни в чем не повинных людей расстреливали, сжигали, погребали заживо.

Вся нация была ввергнута в пучину небывалых несчастий и бедствий, а страна превратилась в одну громадную

тюрьму. Достигали небес горькие рыдания народа, лишенного Родины, на истерзанной земле которой лилась рекой кровь соотечественников. Корейский народ встал на решительную борьбу против вооруженных до зубов японских самураев.

В эти суровые годы национальной трагедии все без исключения члены семьи Ким Чен Сук мужественно выступили против японских захватчиков, их жизнь была отдана борьбе за дело Отчизны и народа. Дед ее был патриотом. В молодости участвовал в крестьянском восстании против феодальных правителей, которое кончилось неудачей. Он умер в 1908 году.

Отец тоже был патриотом – борцом за независимость Кореи. С молодых лет он вел борьбу против японских империалистов на обеих берегах реки Туман (река на границе Кореи – ред.). В 1929 году сложил голову на немилой чужбине.

Мать активно помогала своему мужу в его патриотической борьбе и делала все, чтобы вырастить своих детей достойными патриотами, борцами за революцию. Она погибла во время карательной операции японских захватчиков в июле 1932 года.

Старший брат Ким Ги Чжун был опытным подпольщиком. Боролся за претворение в жизнь самобытной революционной линии, начертанной Ким Ир Сеном. В 1934 году был убит врагами.

Младший брат Ким Ги Сон, несмотря на малолетство, тоже был революционером-борцом. Будучи членом Детского отряда, беззаветно преданным Ким Ир Сену, он без колебаний принес свою юную жизнь на алтарь Родины во имя ее возрождения.

Да, вся семья была патриотическая и революционная, и это послужило Чен Сук ничем не заменимой почвой для необыкновенно раннего становления великой революционерки.

Первые годы ее детства прошли в Хвэрене.

Издревле Хвэрен славился красотой природы и благодатными условиями жизни. Однако счастливых воспоминаний о детстве у Чен Сук не осталось. Сызмальства девочка училась удерживать маленькими ручонками грубую рукоять мотыги, пропитанную маминым потом, пропалывать поле, собирать съедобные травы и

опавшие колосья, и ей не удавалось поиграть в «дочки-матери».

Нужда, которую постоянно испытывала семья, не смогла помешать матери воспитывать детей так, чтобы они всегда дорожили чувством морального долга, жили честно и достойно.

С малых лет Чен Сук больше думала о родителях, братьях и сестре, о соседях, чем о самой себе.

Как-то раз Чен Сук, желая облегчить домашние хлопоты матери, работающей в поле, пошла за водой, но вдруг, споткнувшись о камень, разбила глиняный кувшин. Кувшин был обычный, но ведь его привезла с собой мать, когда вышла замуж...

Через несколько дней Чен Сук пошла в гончарную мастерскую неподалеку от деревни. Там часто не хватало рабочих рук, когда вынимали глиняную посуду из печи после обжига, и хозяин нанимал деревенских работниц, выдавая им вместо платы по нескольку глиняных изделий. Но малолетней девочке Чен Сук наняться на эту работу не удалось.

На душе у нее была одна горечь, ничего не оставалось, как вернуться домой. Тут она заметила изнуренную женщину, нанятую на поденную работу, с плачущим ребенком на спине. Чен Сук не могла закрывать глаза на чужую беду. Отвязала ребенка со спины женщины, и сама до полудня нянчилась с малышом.

Наконец, работа кончилась. Хозяин раздал поденщицам по нескольку гончарных изделий. Молодая женщина, едва получив свое, бросилась к «нянечке» и протянула ей одну посудину. «Как мне отблагодарить тебя, просто не знаю!» – искренне сказала женщина.

Чен Сук растерялась, но от подарка поначалу отказалась. Женщина восхищенно отозвалась: «Чья ты такая доченька? Какая ты добренькая!» И оказалась столь настойчива, что ушла только после того, как Чен Сук вынуждена была взять ее скромный подарок.

И сейчас поедешь в Хвэрен, в ее родной дом – увидишь на кухне, в углу печки тот самый маленький кувшин, привлекающий к себе всеобщее внимание посетителей.

Тем временем семья Чен Сук, оказавшись не в состоянии погасить растущие долги, лишилась земли, взятой в аренду у помещика. К тому же полицейские то и дело врывались в дом, ища какие-нибудь улики на отца, решившего посвятить себя движению за независимость Кореи, и бесчинствовали.

Поэтому весной 1922 года семья Чен Сук покинула насиженный край Хвэрен и переселилась в Китай, по ту сторону реки Туман.

Сев в лодку на Маньянской переправе, Чен Сук сквозь слезы глядела на удаляющуюся родную сторонку.

Позднее она сказала, вспоминая тот день: «С тех пор, как я покинула Хвэрен, я ни разу не забывала о родном крае. Тоска по нему терзала меня постоянно – и в радостях, и в горестях, когда я сражалась в горах под руководством Полководца Ким Ир Сена. Во время походов и боев это чувство отступало, но когда в лесу на партизанских биваках я смотрела на необычайно яркую луну, перед моими глазами живо вставали каждое деревцо, каждая травинка, каждый камушек в родном крае».

Переправившись через реку Туман, семья Ким Чен Сук сначала бросила якорь на Северо-Востоке Китая, в горном поселке Бэйгоу уезда Яньцзи. Здесь они устроились в брошенной кем-то ветхой хижинке и стали обрабатывать землю, арендуя ее у помещика.

Все члены семьи трудились в поле от зари до зари, не покладая рук, но жили все так же бедно, как в Хвэрене. Было трудно, зато жили они дружно и снискали уважение и любовь всей дервни. Люди не без зависти называли трудолюбивую и добросердечную семью «семьей из Хвэрена».

С ранних лет Чен Сук работала днем в поле, помогая матери и старшему брату, а ночью при свете горящей лучинки она со старшей сестрой дружно изготавливали конопляную пряжу или ткали холст на кустарном станке.

Однажды рано утром Чен Сук пошла в горы за съедобными травами и уже к закату солнца возвращалась домой с полной корзинкой. И вдруг она услышала плач ребенка – со стороны хижинки, стоявшей у подножия горы. Душераздирающий

детский плач привел ее в хижинку, где лежала в изнеможении тяжелобольная молодая женщина, а голодный ребенок заходился в плаче, царапая иссохшую грудь мамы. Чен Сук взяла плачущего на руки, убаюкивала его. Потом, выложив из своей корзины часть добытых ею съедобных трав, сварила из них жидкую похлебку, покормила больную, а остальное, обработав как следует, оставила ей на завтра. Сама Чен Сук вернулась домой с пустой корзинкой. Узнав об этом, односельчане не переставали восхищаться: «Душа у младшей дочки семьи из Хвэрена глубже, чем у взрослых».

Весною того года, когда ей шел десятый год, на семью свалилась новая беда: ее старшую сестру Ким Гви Инне взяли за долги в батрачки к помещику. В тот день сестра горько плакала, проклиная свою несчастную долю. Чен Сук вместе с матерью противилась изо всех сил помещику, не брезгующему насилием, чтобы добиться своего: тот «угощал» мать пинками. Возвращаясь домой как раз в это время, Ким Ги Чжун увидел эту страшную картину. Он был вне себя от ярости и бросился на злодея. Тогда в драку вмешались сыновья помещика, пришедшие на подмогу своему отцу, – взяли они в руки что попало. Побоище кончилось тем, что Ги Чжун получил тяжелую травму ноги, а Гви Инне злодеи уволокли к себе в батрачки. Случившееся оставило в душе Чен Сук неизлечимую глубокую рану.

Но и этого было мало жестокому помещику: он отнял у страдальцев арендованный ими земельный надел – единственное их средство к существованию, а затем уговорил полицейских установить постоянную слежку за отцом Чен Сук и подвергать обыску хижину семьи, когда им захочется. Спасаясь от притеснений, семья Чен Сук весной 1928 года покинула Бэйгоу – переселилась в горную деревушку Сишаньли, находящуюся в двух километрах от Бадаогоу.

А жить им становилось все труднее. Болезнь сразила отца, покалеченный мироедами старший брат уже не мог как следует заниматься физическим трудом, а его жена страдала послеродовым заболеванием.

Жизнь раскрыла глаза Чен Сук с ранних лет на язвы и

пороки эксплуататорского общества, несущего простым труженикам одни лишь несчастья и горести. Сердце девочки горело ненавистью к японским империалистам и классовым врагам. Глубоко в душу Ким Чен Сук запали заветы отца перед его расставанием навсегда с немилым белым светом и высокий патриотический идеал, рождающий мысли о борьбе с японскими империалистами, мечты о возрождении Родины.

Он говорил: «Мне очень хотелось бы быть погребенным в Корее. Пусть мой прах превратится в землю, но хочется, чтобы он стал корейской землей. Однако это мое чаяние, видимо, окажется несбыточным. Слушай меня, дочка. Где бы ты ни была, не забывай родного края и Кореи. Наказываю тебе бороться за Корею».

После смерти отца в июне 1929 года семья Чен Сук перебралась в село Сяцунь в Фуяньдуне уезда Яньцзи. Здесь семья обрабатывала земельный участок, арендованный у помещика Ли Чхун Пхара.

Но после переселения заболела и мать – опора всей семьи. Так все большие и малые домашние хлопоты с несколькими едоками свалились на хрупкие плечи Чен Сук. Мир был устроен так скверно, что и здоровым мужчинам нелегко сводить концы с концами. А что сказать о несовершеннолетней девочке – кормилице, на шее которой сидела вся семья? Добрые соседи, видя, как девочка маялась день за днем, сочувствовали ей, у них, можно сказать, кошки скребли на душе. Но сама она при любых, даже самых невыносимых трудностях никогда не впадала в пессимизм, не знала уныния. Своим трудолюбием, глубокой привязанностью к семье, светлой улыбкой она несла родным радость и бодрость. Молодец! Она тянула семейную лямку изо всех сил.

В то время в Сяцуне была небольшая частная школа, где обучались около 50 – 60 детей из бедных семей не только Фуяньдуна, но и соседних поселений.

Бедность не позволяла Чен Сук ходить в школу, но ей так хотелось определить в школу хотя бы младшего брата. И такой день пришел. Теперь ее мечта сбудется! Этому она

обрадовалась, пожалуй, больше, чем сам младший брат.

Она аккуратно вычистила ему пиджак и брюки, пусть и не новые, приготовила узелок с книгами.

Ей тоже очень хотелось учиться в школе. Чем сильнее становилась жажда учиться, тем острее она испытывала возмущение несправедливыми порядками в мире: сколько ни трудись до седьмого пота, жизнь сытой не становится, и нет возможности учиться, как бы этого ни хотелось. Ее мечта сбылась летом 1930 года.

По призыву Ким Ир Сена в города и села уходили политработники – они повсеместно открывали вечерние школы, сколачивали революционные организации, просвещали массы и создавали в них основу для революции. Так появилась вечерняя школа и в Фуяньдуне. Читал в ней лекции Квак Чхан Ен – учитель частной школы, состоявший в революционной организации, созданной молодыми коммунистами, присланными Ким Ир Сеном. Он вел патриотическую просветительскую деятельность, направленную против японских империалистов.

В первый день учебы в вечерней школе Чен Сук раньше всех пришла на урок.

О радости того дня Чен Сук рассказала позднее своим товарищам по оружию в период антияпонской партизанской борьбы: «Подумать только! У нас вечерняя школа, и в ней обучают грамоте. Как я была благодарна!.. Такое милое дело я пережила впервые от роду. От радости я плакала, схватившись за краешек доски».

Квак Чхан Ен, энергично размахивая кулаком, разъяснял слушателям: «Знание – сила, незнание – гибель. Значит, надо знать... Знающий обязан учить незнающих, незнающий вправе учиться... Учитесь усердно и прилежно!»

Вернувшись домой вечером, она не могла уснуть всю ночь.

При мысли о том, что и в этом злополучном мире существуют благодетели, проявляющие заботу о бедных, радость горячей волною затопила ее сердце.

Ветеран антияпонской революции Рим Чхун Чху[2] вспоминал

о ней в те годы: «Она выглядела намного старше своих лет. Была это порядочная, умная девушка, отличающаяся необычной тягой к знаниям. В день открытия вечерней школы она раньше других прибежала в помещение класса, и с тех пор не пропустила ни одного урока».

В вечерней школе обучали главным образом родному языку и арифметике. Был, кроме этого, предмет «рассказ», который ученики очень любили. Они выслушали много интересных рассказов, особенно, глубокое, неизгладимое впечатление произвел на них рассказ-легенда о Ким Ир Сене.

«В ночном небе Кореи появилась утренняя звезда, которая ярко освещает вселенную». «Человек ярко освещает всю вселенную, как утренняя звезда, вот он готовится к решительному бою, чтобы, атакуя с разных сторон, сокращая расстояния, разбить наголову япошек. Вступит он в бой со своими войсками – и Корея наверняка станет независимой».

После таких рассказов у нее в душе теплилась надежда: «Был бы действительно такой великий человек! Тогда я пошла бы к нему в войско, чтобы уничтожать японских империалистов, помещиков и капиталистов!..» Такое сокровенное чаяние овладело ею в те годы.

Чен Сук училась в вечерней школе усердно. С необычным рвением разъясняла она своим подругам, которые пока не решались пойти на уроки, что и женщинам надо обязательно учиться грамоте – тогда они смогут познать всю несправедливость общества и избавиться от отсталой феодальной психологии.

Для пробуждения масс революционная организация пользовалась всеми возможностями, даже разными фольклорными играми, обрядами бракосочетания, похоронами и жертвоприношениями, поздравлениями по случаю шестидесятилетия, проводимыми в селе. В частности, традиционное *твэнори* (Веселье вроде вечеринки, участники которого подают хозяину несколько зерна, приготовляют из него блюда и вместе весело проводят время. – ред.), которое любили женщины Фуяньдуна, революционная организация использовала для того, чтобы вселить в них надежду на завтрашний день и

зажечь их сердца революционным порывом.

Однако из-за произвола помещика, для которого это народное веселье было бельмом в глазу, на семью Чен Сук опять свалилось несчастье.

Осенью того года в Фуяньдуне женщины готовились к *твэнори.* Время было предуборочным, и в крестьянских дворах одинаково трудно было с продовольствием. Особенно его не хватало в семье Чен Сук – совсем недавно похоронили бабушку, и дома не оставалось даже небольших запасов зерна, чтобы Чен Сук пришла бы на народное гулянье не с пустыми руками.

Видя это, брат Ги Сон взял серп и, не задумываясь, срезал несколько хорошо налившихся колосьев гаоляна на своем арендном участке, желая готовить сестре зерно для *твэнори.*

Однако спустя несколько дней после этого, узнав о случившемся, ворвался в дом Чен Сук помещик со сыном и кричал во все горло: почему, мол, своевольно срезал злаки на участке, где еще не было позволено – до внесения арендной платы – начать уборку. Помещик устроил дикий скандал – обозвал Ги Сона вором, грозил предать «виновного» суду.

При слове «вор» Чен Сук не выдержала:

«Разве мы что-нибудь украли? Брали то, что сами вырастили! Где же тут воровство?»

Помещик разъярился и заорал: «Ах, ты не считаешься с хозяином земли? Плати сию же минуту долги! Не сможешь - пошлю кого-нибудь из вас крутить у нас крупорушку до конца зимы. Согласны? А не то вас накажут по закону: дом снесут, отнимут землю, а Ги Сона возьмут в волопасы».

Чувства горя и обиды Чен Сук были неизмеримы. Когда помещик удалился, она бросилась в объятия матери и горько плакала.

Так физически еще не окрепшей девочке пришлось батрачить у помещика, обдирая жерновами рис. Кому же, как не ей, а маме или жене старшего брата, которых она любила больше, чем себя, позволить вкусить рабский хлеб? Тем более – младшему брату Ги Сону? Об этом не могло

быть и речи.

Крупорушка помещалась в углу двора помещичьего дома. Хозяин сидел в комнате, но тотчас выбегал и орал, едва лишь на миг смолкало скрипенье крупорушки.

В таком изнурительном труде Чен Сук встретила свое тринадцатилетие.

В тот день мать с Ги Соном пришла на крупорушку, чтобы передать дочке узелок с миской каши. Глядя на беднягу, обреченную крутить тяжелый жернов даже в день своего рождения, мать чувствовала гнетущую боль в душе. Развязав узелок перед дочкой, она вместе с Ги Соном принялись за работу на крупорушке.

Но Чен Сук отводила руки матери и младшего брата и уговаривала:

«Не надо, мамочка! К чему это? Как ни старайтесь ты и Ги Сон обработать хозяйского зерна хоть на мерку больше, вряд ли от этого изменится судьба моя и нашей семьи! Одно мученье...»

Уговорив их уйти домой, Чен Сук опять впряглась в работу. Теперь у нее в душе неудержимо росла одна мысль – без ликвидации этого несправедливого мира никогда не освободишься от нищеты, оскорблений и унижений. И в ней крепла непоколебимая решимость бороться против несправедливости до конца.

ПЕРВЫЙ ШАГ К БОРЬБЕ

Вступая в 1931 год, японские империалисты все более откровенно обнажали свои агрессивные притязания на Маньчжурию, – над всей ее территорией мгновенно нависли пахнущие порохом свинцовые тучи.

Наряду с этим учащались выступления корейского народа против фашистских репрессий японского империализма, носившие массовый и насильственный

характер.

В создавшейся ситуации Ким Ир Сен ощутил, что назрело требование – ускорить подготовку к вооруженной борьбе согласно выдвинутому им на Калунском совещании курсу на антияпонскую вооруженную борьбу. И он перенес арену своей деятельности в районы бассейна реки Туман, сплачивая широкие массы в революционные ряды.

Свежий ветер революции подул и в Фуяньдуне.

В деревне появились политработники-подпольщики, направленные Ким Ир Сеном, создав там Антиимпериалистический союз, крестьянское общество, революционное общество взаимной выручки[3], общество женщин и другие революционные организации и энергично развернув работу по объединению в них масс.

В это время Ким Ги Чжун уже действовал как один из активистов Антиимпериалистического союза. Члены семьи не замечали этого, лишь Чен Сук смутно догадывалась о причине ночных отлучек старшего брата из дома, о том, что он участвует в каком-то непростом деле. Ей подумалось, что путь, по которому идет ее брат, – это путь борьбы за возрождение страны, и решила сама: встану когда-нибудь и я на этот путь. Между тем комсомольская организация разглядела в ней будущего члена революционной организации и поручила учителю вечерней школы дать ей необходимую закалку в практической борьбе.

Однажды Чен Сук услышала от него о Ким Ир Сене, узнала, что он руководит корейской революцией. Она тихо прошептала это дорогое имя, чувствуя, что в нем кроется заветное чаяние всей нации.

«Какой же это человек? Наверняка он вернет корейской нации потерянную Родину, создаст людям новый мир, свободный от эксплуатации и гнета. Он, надеюсь, разгромит японских самураев, оккупировавших нашу страну, и коренным образом изменит этот порочный мир. И я всю жизнь буду на этом пути верным ему бойцом!»

Такая убежденность, такая решимость уже тогда созрела в

глубине ее сердца.

В один из весенних дней 1931 года Чен Сук очень волновалась, отправляясь в гору Наньшань: было условлено встретиться там с представителями революционной организации, чтобы получить свое первое задание. Когда она добралась до подножия горы, из-за темного леса появился учитель вечерней школы, а поодаль от него стоял родной брат Ким Ги Чжун. Чувство глубокого уважения к брату и гордости за него мгновенно наполнило ее сердце, и оно билось гордо и радостно при мысли, что теперь они с братом пойдут вместе плечом к плечу по этому пути. Она получила задание: в ту ночь разбросать листовки с воззванием на дворах и в многолюдных местах. С пачкой листовок она направилась в село, погруженное во тьму.

На следующий день утром весь Фуяньдун гудел, как потревоженный улей. Не только во дворах, но и на дороге белели рассыпанные листовки, а одна даже красовалась на воротах помещичьего дома. После успешного выполнения первого поручения она исполняла задания одно за другим, притом такие важные, как распространение воззваний и связь. Порой ей приходилось прикидываться наивной девочкой с гор, продающей съедобные растения, иногда она перевоплощалась в ученицу, спешащую в школу, или в заботливую сестру, идущую с братишкой Ги Соном в гости к родственникам, лишь бы благополучно пройти через вражеские кордоны. Ее светлым умом, смелостью и сообразительностью не переставали восхищаться члены организации.

В этой работе и борьбе она познала истину революции, получила закалку волевого и славного революционера. 12 сентября 1931 года она вступила в Детский авангард – революционную полувоенную организацию молодежи и детей, созданную Ким Ир Сеном. Это ознаменовало начало ее новой жизни вступление в ряды борцов, поклявшихся быть верными руководству Ким Ир Сена.

Через несколько дней после ее вступления в Детский

авангард 18 сентября вспыхнуло «Маньчжурское событие». Японские империалисты спровоцировали инцидент – была взорвана железная дорога на участке Лютяогоу западнее Бэйдаина в китайском городе Шэньяне, принадлежавшая японской Компании маньчжурской железной дороги. Японские войска, воспользовавшись этим, приступили к вооруженной оккупации Маньчжурии. Наряду с этим они всячески усиливали реакционные действия в отношении корейского народа под благовидной вывеской обеспечения «безопасности в тылу». Жестокие репрессии совершались ими, в частности, в местностях с однородным корейским населением, в том числе в Восточной Маньчжурии: именно корейские поселения привлекли к себе внимание быстрым ростом новых революционных сил.

В создавшейся ситуации в третьей декаде сентября 1931 года Ким Ир Сен созвал совещание партийных и комсомольских руководителей, активистов в Дуньхуа и другие совещания, где выдвинул задачу – всеми мерами форсировать подготовку к вооруженной борьбе. И он направлял работу по боевой закалке и наращиванию революционных сил.

И в Фуяньдуне работа революционных организаций также шла в этом направлении. Под руководством политработников-подпольщиков, направленных Ким Ир Сеном, они провели митинг жителей поселения, чтобы разоблачить агрессивную сущность японских империалистов, спровоцировавших «Маньчжурское событие», и призвать широкие массы на антияпонскую борьбу. На площадке перед школой, где собирался митинг, ярко горело пламя факелов и костров.

На митинге выступили с речами юноши и девушки, получившие поручения революционных организаций. Вслед за ними выступила перед массами Ким Чен Сук, пока член Детского авангарда. Над морем людей мгновенно прошел удивленный гул. Ведь очень редко бывает, когда на таком крупном митинге выступает с речью не столько женщина, сколько девчонка, которой не дашь более четырнадцати.

Однако ее речь моментально захватила сердца людей.

«Дорогие отцы, матери, братья и сестры!

Японские империалисты, не довольствуясь захватом нашей страны, недавно сфабриковали «Маньчжурское событие» и начали крупное вооруженное наступление на Маньчжурию.

…

Так зачем же наши старые родители, терзаясь гнетущей тоской по Родине, должны умирать на немилой чужбине?

Зачем же нашим молодым людям суждено истощать силы и красоту в горестной и каторжной жизни? Зачем? Чья это вина? Это вина захвативших нашу страну японских империалистов-разбойников, вина угнетателей-помещиков.

Японцы и жестокие помещики – вот наши заклятые враги. Не уничтожив их, никто не может жить спокойно. Мы все должны, как один, подняться на борьбу против разбойнических японских империалистов!»

Вдохновленные ее призывом, люди поднимали сжатые кулаки и кричали: «Уничтожить японских захватчиков и злых помещиков!» Они выстроились в колонну и, вздымая факел, как знамя, и громко распевая революционные песни, шествовали по дороге до Цанцайцуня.

Своим смелым поступком Чен Сук получила широкую славу среди жителей Бадаогоу и его окрестностей.

И вот осенью этого года под руководством Ким Ир Сена пламя борьбы за «осенний урожай», против японских империалистов и злых помещиков заполыхало в обширных районах Восточной Маньчжурии, теперь уже приобретая массовый и насильственный характер.

Готовясь к борьбе за «осенний урожай», в Фуяньдуне революционная организация создала местный комитет борьбы, а под ним – группы пропагандистов, пикетчиков, истребителей приспешников, скандирующих лозунги и другие.

Чен Сук действовала в составе группы пропагандистов.

Однажды крестьяне, следуя обычаям взаимной помощи, убирали чумизу на поле одного из арендаторов.

Работали в поте лица Чен Сук и другие женщины. Тут

Чен Сук берет десяток снопов чумизы и ставит их на землю рядом друг с другом. Потом, подняв обеими руками три из них, говорит: «Смотрите, эти три – помещику Ли, а остальные семь – нам, арендаторам. Вот как мы хотим уплатить арендную плату в размере 3:7». Крестьянки, знавшие о системе 3:7 или 4:6 лишь понаслышке, теперь усвоили ее суть так наглядно, что необходимость ее внедрения сразу дошла до их сознания.

«Значит, наша цель обязательно должна быть достигнута. А для этого нам надо объединить силы. Враги, конечно, не будут сидеть сложа руки. Но чего нам бояться? Никто не сможет одолеть сплоченные силы крестьян. Верьте: сплотишься – победишь! Так давайте же сплотимся и пойдем на борьбу!»

Ее полные уверенности слова вселяли в сердца женщин силу и отвагу, укрепляли их волю к борьбе.

Чен Сук дни и ночи вела пропагандистскую работу, обходя населенные пункты Чжунцунь, Шанцунь, Цанцайцунь и Дунгу.

Ее усилия не пропали даром: все жители местности Фуяньдуна – не только мужчины и женщины, но даже старики и дети – поднялись на борьбу за «осенний урожай».

Сама Чен Сук, возглавив группы Детского авангарда и Детского отряда, повсеместно выставляла пикеты.

Громко скандируя лозунги и распевая песни, жители Фуяньдуна ворвались в дом помещика Ли Чхун Пхара. Тут они встретились с ожесточенным сопротивлением помещика: тот категорически отказал в их требовании взимать арендную плату в размере 30 процентов всего урожая. Помещик был неукротим и свиреп – некоторые крестьяне заколебались.

Тогда из толпы выступила вперед Чен Сук и разоблачила злодеяния эксплуататора, его преступления. Острые слова взорвали, как порох, накопившийся в людях гнев. Поднялись, как лес, палки, серпы, мотыги и прочее. Наконец, испуганный помещик опустился на колени.

Арендаторы Фуяньдуна приобрели право оставить себе семь десятых частей урожая.

Вся Восточная Маньчжурия была охвачена радостью победы в борьбе за «осенний урожай», потом в борьбе периода весеннего голода[4]. И вдруг в село прилетела еще одна вдохновляющая весть: 25 апреля 21 года чучхе (1932) в уезде Аньту была создана Ким Ир Сеном Антияпонская народная партизанская армия.

От радости у Чен Сук сердце готово было вырваться из груди. Несколько лет назад, еще при жизни отца, она как-то поразила его неожиданным вопросом: берут ли вообще девушек в армию? Тогда отец ответил: «Как же не брать их? Они тоже любят свою страну, ненавидят врага, да еще не хуже парней. Думаю, и девушек обязательно примут. Из них выйдут замечательные борцы за независимость страны».

К тому времени во всех уездах Восточной Маньчжурии создавались антияпонские партизанские отряды, революционный дух народа был исключительно высок. Перепуганные этим, японские империалисты из кожи вон лезли в попытках задушить еще в колыбели антияпонские революционные силы. Они цинично разглагольствовали: убивай корейцев безжалостно. Убьешь сто – и среди них непременно окажется хотя бы один коммунист или комсомолец. И захватчики превратили всю территорию Цзяньдао в море крови, в море огня.

Кровавая расправа с корейцами, учиненная японскими оккупантами в Цзяньдао, осталась в сердце Чен Сук незаживающей раной.

Это было 15 июля 1932 года. Утром она взбиралась на гору, руководила там собранием членов Детского отряда. Вдруг со стороны села донеслись собачий лай, затем оглушительный выстрел. Налет японских карателей! Моментально село было охвачено пожаром, поднялся страшный хаос: ружейная пальба, вопли, тревожный вой коней...

Злодеяние японских карателей в Фуяньдуне было ужасным.

Жители села были безжалостно убиты.

Когда Чен Сук подбежала к догоравшему дому, жена ее старшего брата уже испустила последний вздох, а мать, получившая страшные ожоги, лежала на земле без сознания. Немного спустя она с трудом открыла глаза, взяла дочь за руку и сказала: «Чен Сук, невестку твою убили японцы. Сгорая в огне, она звала тебя... Просила своего сынишку... Хотела сказать это...» Собравшись с последними силами, мать продолжала: «Жаль, что не доживу до гибели гадов-япошек. Отомсти врагам...»

Произнеся эти слова, мать навсегда закрыла глаза.

Смерть матери и жены брата была в жизни Чен Сук неожиданным и страшным ударом. Позже на встрече с одним из товарищей по революции она рассказала о своих переживаниях тех дней: «Умерла мать. Меня это так сразило, что не могла сразу опомниться. Как жить в этом жестоком мире, как растить племянника-малютку, лишившегося матери? При мысли об этом у меня в глазах потемнело, казалось, словно небо обрушилось, а земля уходит из-под ног. И лишь сознание революции помогло мне одолеть горе и отчаяние. Уже тогда во мне укрепилась мысль – буду бороться непоколебимо и до конца во имя революции, ведомой Полководцем Ким Ир Сеном. Эта мысль спасла меня, убитую горем, от отчаяния, помогла мне овладеть собой».

Чен Сук обняла младшего брата, который плашмя упал перед могилой матери и горько плакал, и решительно встала. Лишь непоколебимая борьба, беспощадная кара поможет ей отомстить врагам за кровь и жизнь родных.

Через 10 дней после смерти матери и невестки – 25 июля она вступает в Коммунистический союз молодежи Кореи, ведомый Ким Ир Сеном.

В тот день она торжественно поклялась перед комсомольской организацией:

«Вступая в славный Коммунистический союз молодежи и глубоко храня в сердце честь и гордость члена союза, я клянусь посвятить всю себя делу победы революции.

Клянусь, как подобает комсомольцам, строго блюсти дисциплину организации, честно выполнять ее решения и поручения, содействовать ее укреплению и развитию как революционной боевой организации...

Клянусь в борьбе и жизни своим личным примером постоянно вести за собой массы, стать настоящим передовым бойцом корейской революции».

2. МОЛОДЕЖНЫЙ АВАНГАРД

РУКОВОДИТЕЛЬ ДЕТСКОГО ОТРЯДА

Уже в мае 1932 года, после создания Антияпонской народной партизанской армии – первых революционных вооруженных сил корейского народа, Ким Ир Сен выдвигает задачу немедленного создания опорных партизанских баз в форме освобожденных районов. Это было необходимо для того, чтобы охранять от нападения и репрессий противника молодую партизанскую армию и революционно настроенное население, быстро расширять и укреплять имеющиеся революционные силы.

Так в Шанцуне Фуяньдуна был создан партизанский район, куда не прекращался приток переселенцев – групповых и одиночек; это были революционно настроенные жители из окрестностей.

Осенью того года Ким Чен Сук вместе с младшим братом следовало переселиться в партизанский район. Предстояла печальная разлука со старшим братом и племянником, в котором она не чаяла души, которого растила. Не раз за день она обходила далекие селения, чтобы выпросить хоть немного молока у незнакомых женщин, но нередко получала от ворот поворот и возвращалась домой, глотая горькие слезы. А сколько было горестных, томительных ночей, которые она проводила без сна, убаюкивая голодного ребенка и плача вместе с ним...

До самого момента ухода в партизанский район Чен Сук не допускала мысли, что может с ним расстаться.

Однако Ким Ги Чжун не согласился с ней, и ей ничего не осталось, кроме как оставить малыша у брата, как бы это ни было ей горько.

Едва она переступала через порог, как он разразился отчаянным плачем. Как Ким Ги Чжун ни успокаивал ребенка, ничего не получалось.

Плач малыша буквально раздирал ее душу, и ей пришлось вернуться. В ту ночь она так и не могла покинуть дом. А на следующий день село опять ожидало набега японских карателей.

Уходя, Чен Сук схватила племянника на руки и поспешила в гору, решив, что оттуда прямо пойдет в партизанский район вместе с племянником.

Но тут ее догнал Ким Ги Чжун, задыхаясь от бега. Он сказал: «Ты, видимо, пока не совсем понимаешь, что такое революция. Раз ты встала на путь революции, надо думать прежде всего об интересах революции, а не утруждать себя заботой о семье. Так революцию не сделаешь. Ну, уходи! Не беспокойся о домашних мелочах... Будь славным борцом!»

С этими словами он вырвал ребенка из объятий сестры и зашагал в сторону ущелья. Чен Сук стояла, как вкопанная, слушая, как детский плач удалялся в лесу и, наконец, затих вдали. Так брат навсегда расстался с сестрой. Они расстались ради революции, подвластные велению сердца – отдать всего себя великому делу революции, жить только ее интересами. Брат ушел, глотая горькие слезы, с сынком на руках, а тот плакал, не желая расставаться с тетей. Так Чен Сук ушла в партизанский район, жестоко терзаясь мыслями о судьбе племянника, которого уже считала как бы своей частицей.

В то время в только что созданном партизанском районе людям жилось очень трудно. Не хватало продовольствия, не хватало жилищ из-за большого притока переселенцев из Сяцуня, Чжунцуня Фуяньдуна и других деревушек его окрестностей. А враги что ни день совершали крупномасштабные карательные операции, стремясь ликвидировать молодые партизанские районы еще в зародыше.

Режим дня у Чен Сук выработался четкий. Она вставала раньше других. Она уже подметала двор и переулок, когда со стороны сопки раздавался звук горна, сигнал подъема – это трубил горнист Детского отряда Ким Ги Сон.

Под звуки горна дети просыпались, взбирались на сопку. Там Чен Сук выстраивает детей, начинает утреннюю зарядку.

Она руководила учебой и внеурочными занятиями членов Детского отряда. Потом спешила в Дунгу или Цанцайцунь заниматься массово-политической работой, как ей было поручено участковым комитетом комсомола. Иногда ходила вместе с членами Детского авангарда в контролируемые врагом районы на разведку, участвовала в боях с карательными отрядами противника, оказывая партизанам необходимую помощь. Весь день она бегала туда-сюда в хлопотах, и часто ей случалось пропускать обед, но усталости она не знала.

Хозяйка дома, где Чен Сук проживала в те дни, вспоминала как о наиболее привычном о ее бодрой, быстрой походке.

Как-то раз Чен Сук допоздна не возвращалась домой, и хозяйка дома пошла искать ее. И нашла ее у ручья: стирает партизанам форму, да так увлеченно, что забыла даже об ужине. Взволнованная женщина подошла к ней, взяла ее мокрые, холодные руки, чтобы согреть в своих ладонях, и, поглаживая их, поразилась: разве это руки девочки? Так загрубела, потрескалась кожа... Но для Чен Сук это было неважно. «Здесь, в партизанском районе, в мире народа, вся работа идет в пользу революции», – и от одной этой мысли она уже довольна и счастлива.

Вот что однажды рассказала Чен Сук хозяйке дома о том, как она воспринимает жизнь в партизанском районе: «Как я рада видеть: народ здесь оживился, дышит вольно, а дети поют весело и шагают дружным строем в школу. В контролируемых же врагом районах это совсем немыслимо... Надо приложить все свои усилия, чтобы защитить эту свободу, это счастье, которые нам дал Полководец Ким Ир Сен. Думаю, нет большей чести, большей гордости, чем защитить свободу и счастье народа».

Прошло немного времени после переселения в Шанцунь в Фуяньском партизанском районе, как Чен Сук была избрана членом 8-го участкового комитета комсомола. Организация поручила ей работу с Детским

отрядом на 8-ом участке. Это было делом ответственным, революционным: надо было подготовить из детей района надежный резерв революции. Взяв на себя ответственность руководителя участковой организации Детского отряда, Чен Сук сначала подробно ознакомилась с положением дел в своем партизанском районе.

5 ноября того года в Шанцуне, в комнате участкового комсомольского комитета состоялось совещание вожатых Детского отряда в Фуяньском партизанском районе.

На совещании Ким Чен Сук выступила с докладом, составленным ею на основе изученных за это время материалов. В своем докладе она остановилась на необходимости дальнейшего повышения роли вожатых Детского отряда в связи с предпринятой японскими империалистами блокадой.

Доклад содержал глубокий анализ положения дел в партизанском районе, недостатков в работе Детского отряда; были намечены очередные задачи для улучшения работы Детского отряда, а также пути их осуществления.

Говорилось также, что в школах Детского отряда работа идет из рук вон плохо, указывались причины такой неслаженности и то, как наладить работу школ, повышая ответственность и роль вожатых Детского отряда.

Ким Чен Сук затрагивала в докладе и другие вопросы: об активизации деятельности художественной агитбригады Детского отряда, о налаживании работы по оказанию помощи партизанам, об усилении руководства жизнью членов Детского отряда в организациях и о других задачах, которые следует выполнить вожатым Детского отряда.

А потом выступали вожатые.

Совещание придало новый импульс деятельности Детского отряда в партизанском районе. Повысились ответственность и роль вожатых, был наведен порядок в системе работы Детского отряда в партизанском районе.

В то время там было много детей, о которых должна была позаботиться революционная организация. В большинстве это были дети павших революционеров и те, кто бежал в

партизанский район, лишившись родителей во время карательных операций японских захватчиков.

Каждый день Чен Сук рассказывала детям о Ким Ир Сене, бережно насаждая в них чувство уважения к нему. И рассказывала при каждом удобном случае о красоте Родины и ее несметных природных богатствах, о славной истории борьбы корейской нации, отражавшей нашествия иноземных агрессоров, о ее богатой национальной культуре, о несчастьях и страданиях народа, переживаемых им из-за эксплуатации и гнета японских империалистов. Она внушала детям любовь к Родине, окрыляя их мечтой о будущем.

Наряду с этим она старалась закалять их волю в практике революционной борьбы.

Ким Чен Сук считала, что революционная практика – лучшая кузница революционеров. Она была убеждена: «Пусть возраст членов Детского отряда невелик, их уже теперь надо закалять в борьбе и в труде. Зато потом они, когда подрастут, смогут легко преодолеть любые трудности и испытания, станут настоящими революционерами».

Она приучила своих членов Детского отряда постоянно носить в вещмешке неприкосновенный запас продовольствия и все необходимое – мешочек с толокном, соль, белье, одеяло, иголки, легко воспламенимые спички, завернутые в бересту, тетради, карандаши и прочее. И не забывать прикрепить к вещмешку по две дубинки: ведь теперь они были не просто мальчики и девочки, а юные бойцы, готовые охранять партизанскую опорную базу и защищать революцию.

Члены Детского отряда возили боеприпасы на высоту, мстили солдатам карательного отряда, обрушивая на них град камней. А порой на высоте, где велась жаркая схватка, они били в барабаны и пели революционные песни.

А японские захватчики, усиливая карательные операции, изощрялись в попытках уморить голодом жителей партизанской опорной базы путем «экономической блокады». В унисон с этой коварной тактикой японцев действовали злые помещики: всякий раз, когда карательный отряд вторгался в партизанскую

базу, они с несколькими десятками наемных работников и повозками врывались в эту базу и грабили без зазрения совести недоубранные поля, увозили расхищенный ими урожай.

В связи с этим все жители партизанской базы торопились завершить уборочную кампанию.

Ким Чен Сук вместе с комсомольцами, членами Детского авангарда и Детского отряда тоже включилась в эту работу. Еще в предрассветной мгле они направлялись на участок между селами Чжунцунь и Сяцунь работать совместно с другими жителями.

Однажды к 10 часам утра внезапно в партизанскую базу прорвались молодчики «отряда самоохраны»[5], паля туда-сюда из винтовки. Пока партизаны отбивали их, Чен Сук перевела людей в безопасное место. Тут-то и появился, выжидав удобного момента, помещик с множеством прислужников и повозками. Они начали хищнически косить хлеба, пропитанные потом жителей партизанской базы.

Комсомольцы, члены Детского авангарда и Детского отряда – и Чен Сук в их числе – поднялись на гору и оттуда обрушили град камней на головы врагов. Те залегли на крутых склонах, отчаянно бабахая из винтовки.

Попав неожиданно под град камней (на вершине горы на этот случай их были заготовлены целые груды) и получив огненный шквал партизан, молодчики «отряда самоохраны» сматывали удочки. И помещик опешил, но все же приказал загрузить повозки хотя бы снопами скошенных народом партизанской базы хлебов, а уж затем пустился в бегство.

Ким Чен Сук повела комсомольцев и детей наперерез к дороге, по которой должны были проходить самоохранники, и устроила засаду на обочине дороги. Спустя некоторое время после того, как хвост отряда охранников исчез за поворотом, на дороге появился длинный караван повозок с награбленными хлебами. По сигналу Ким Чен Сук комсомольцы и юные защитники партизанской базы одновременно выскочили из засады и ринулись в бой, держа копья или дубинки наперевес. Устремляясь вперед, Ким Чен Сук вдруг увидела

среди грабителей знакомое лицо. «Помещик!» – и в глазах ее засверкали молнии ненависти. Это был злодей Ли Чхун Пхар! «Товарищи! – кричала она. – Вот он, злейший помещик Ли! Он драл семь шкур с крестьян Фуяньдуна, а теперь пытается уморить людей партизанского района. Ну и гад! Его надо судить судом народа!»

На него кинулись члены Детского авангарда, сломили его сопротивление, связали веревкой и привели в село партизанского района. Нанятых же им работников отпустили домой после надлежащих разъяснений.

На суд помещика собралось много людей партизанского района. Помещик Ли – кровавый враг семьи Ким Чен Сук, да и всех жителей Фуяньдуна – был приговорен от имени народа к суровой каре. Рассказ о смелой, решительной молодой комсомольской работнице, отбившей у врага захваченные им было хлеба, облетел весь партизанский район и его окрестности.

Ким Чен Сук часто говорила вожатым Детского отряда: готовьте из наших детей революционеров, для этого нужно усиливать среди них жизнь в организациях. И сама уделяла этому делу серьезное внимание.

Как-то раз Ким Чен Сук побывала в школе Детского отряда в Дунгу. Тогда вожатый Детского отряда этой школы обратился к ней с вопросом: что именно нужно брать за основу в работе школы Детского отряда и какие вопросы для этого требуется решать.

Ким Чен Сук разъяснила, что главное в руководстве школой Детского отряда – улучшение учебы, физической и военной подготовки и жизни в организациях, и ни один из этих вопросов нельзя упускать из виду в любых, даже самых сложных обстоятельствах.

Ким Чен Сук тепло заботилась о жителях партизанского района, особенно о детях, как о родных. Чтобы спасти жизнь детей, она не боялась идти в бой под градом пуль или броситься в огонь.

Вот что случилось однажды метельным зимним днем. Каратели противника, укрывшись за снежной завесой, незаметно

прокрались в партизанский район. Завязался ожесточенный бой.

Ким Чен Сук повела детей в горы. Под ее начальством там они били в барабаны, пели революционные песни, воодушевляя сражающихся партизан.

В самый разгар боя один из мальчиков незаметно для своих товарищей ускользнул в сторону, где находились враги. Спустя некоторое время стало известно, что пропал мальчик. Тот, который то и дело утверждал: «Ужо вам, япошки. Отниму винтовку и отомщу за папу и маму, погибших во время карательной операции».

Ким Чен Сук немедля спустилась в ущелье. Когда она добралась почти до подошвы ущелья, то увидела, как этот мальчик, тяжело дыша и с большим трудом передвигаясь через сугробы, отчаянно рвался по горе вверх. А его настигал один из молодчиков карательного отряда. Мальчик пытался снять ружье с трупа противника, когда его заметил враг. Попытка уйти от погони обессилила мальчика. Расстояние между ним и врагом составляло уже метров пять или шесть. Враг был уверен в том, что у подошвы горы нет партизан, и гнался за мальчиком, даже не оглядываясь вокруг.

Ким Чен Сук быстро спряталась за скалой. Прошел мимо смертельно уставший мальчик, а вскоре вслед за ним появился вражеский солдат, не заметив Ким Чен Сук. Едва он прошел мимо нее, – «Трах!», – в этот миг она изо всех сил ударила его дубинкой по затылку. Ошалев от внезапного удара, солдат обхватил руками голову и попытался повернуться. Последовал новый удар, мощнее первого, и враг упал в снег. Взяв мальчика за руку, Чен Сук взбиралась на гору. Когда оба достигли вершины горы, мальчик, спасенный от верной смерти, бросился в ее объятия и зарыдал.

Не раз бывало так, когда Ким Чен Сук, рискуя своей жизнью и преодолевая огромные трудности, спасала жизнь детям партизанской опорной базы. Как-то раз зимой того же года она, взяв с собой одного из членов Детского отряда,

отправилась в деревню Чжунбаогэлацзыцунь для разведки плана карательной операции противника, но была обнаружена врагом. Спасая жизнь своего юного спутника, она отвлекла внимание врага на себя. В другой раз, когда каратели сожгли село, она бросилась в огонь и вынесла плачущего ребенка из горящей бревенчатой избы.

Увидев озябшую старуху, Ким Чен Сук охотно отдала ей свой единственный ватник. А когда на опорной базе была эпидемия, она, сама страдая от болезни, усердно ухаживала за больными.

За свою бескорыстную любовь к детям и взрослым партизанского района и самоотверженность Ким Чен Сук пользовалась их любовью и уважением.

27 марта 1933 года Ким Ир Сен созвал в Ванцине совещание комсомольских работников, на котором выступил с речью «О некоторых задачах улучшения деятельности комсомола».

В своем выступлении он проанализировал успехи и недостатки в комсомольской работе после создания Антияпонской народной партизанской армии и указал на необходимость решительно отвергать «левые» и правые уклоны в организационной работе комсомола, неуклонно расширять комсомольские организации, вести идейно-воспитательную работу во всем ее разнообразии, а также подчеркнул, что надо руководить работой Детского отряда с чувством высокой ответственности – от этого зависит дальнейшее укрепление комсомола и антияпонской партизанской армии.

В апреле того года в Бэйдуне, что в Ванъюйгоу, собрались руководящие работники комсомола и Детского отряда со всех концов уезда Яньцзи, чтобы определить пути претворения в жизнь задач, поставленных Ким Ир Сеном на вышеупомянутом совещании.

В своем выступлении Ким Чен Сук отметила, что нет ничего неосуществимого и все дела пойдут на лад, если все молодежные работники сделают так, как учит Полководец

Ким Ир Сен.

Останавливаясь на задачах вожатых Детского отряда, готовящих резервный отряд революции согласно идеям Полководца Ким Ир Сена, Ким Чен Сук сказала: «Руководящие работники Детского отряда должны стать старшими братьями или сестрами своих воспитанников, прежде чем стать их вожатыми, учителями школы Детского отряда. Лишь тогда они смогут стать настоящими воспитателями и наставниками, достойными их искреннего уважения... Произносишь хоть одно слово или делаешь хоть один шаг, мы во всем должны быть их примером, зеркалом, в котором они видят себя».

Слова Ким Чен Сук вызвали большой отклик у участников совещания. Такую речь могла бы произнести только та, которая постигла глубокую суть указаний Ким Ир Сена и имеет за плечами большой опыт работы. Речь произвела на слушателей глубокое впечатление.

Вернувшись с совещания, Ким Чен Сук взялась за комсомольскую работу и работу с Детским отрядом с новой надеждой и энтузиазмом. Она сделала все для того, чтобы закрепить в сердцах детей слово за словом указания Ким Ир Сена.

Ни одного дня не проходило у нее без хлопот: нелегко было кормить, одевать, присматривать за детьми. Кончаются дрова – сама идет в лес за дровами, кончаются тетради или карандаши – она пробивается в контролируемые врагом районы и достает их. А ночью крутится у постели детей, пока они не заснут, потом допоздна стирает их одежду, запачканную в грязи, зашивает изношенную. О них она заботилась, как родная сестра или мать, но и не замалчивала проступки. При проверке итогов личных дел она конкретно подытоживала каждому из членов Детского отряда, как они вели себя, как выполняли поручения организации, в чем их недостатки, вырабатывая в них таким образом еще с детства качества революционера.

О том, какими замечательными членами Детского

отряда росли они под влиянием Ким Чен Сук, можно было узнать из следующей информации японского ведомства: «Во время очередной карательной операции под Бадаогоу была схвачена японской армией корейская девочка лет 12-и. У нее за пазухой обнаружились несколько десятков экземпляров антивоенной прокламации, напечатанной на японском языке. На допросах она поразила окружающих дерзновенным ответом: думала, мол, разбрасывать их японским солдатам перед казнью».

Среди таких прекрасных девочек была и Гым Сун, которая стала широко известной не только корейскому народу. Своим подвигом она привела в удивление и восхищение многих людей, читавших о ней в коминтерновском журнале «Коммунистический Интернационал», в китайской газете «Цзюго синьбао» и в других изданиях разных стран. Она тоже была членом Детского отряда, была участницей художественной агитбригады Детского отряда уезда Яньцзи.

Члены Детского отряда, воспитанные любовью внимательной Ким Чен Сук, все без исключения стали впоследствии замечательными партизанами, умелыми политработниками-подпольщиками. Они совершили блестящие подвиги в священной борьбе за возрождение Родины. Кроме Гым Сун, многие из них без колебаний отдали дорогую жизнь борьбе за Ким Ир Сена, за революцию, Родину и народ.

То, что Ким Чен Сук воспитала из подростков юных революционеров, принявших участие в священной борьбе за освобождение и свободу народа, остается одной из ее немеркнущих заслуг перед Родиной и народом.

ВОЗГЛАВЛЯЯ ХУДОЖЕСТВЕННУЮ АГИТБРИГАДУ

Руководя работой Детского отряда, Ким Чен Сук уделяла большое внимание деятельности художественной агитбригады и энергично направляла ее работу.

Организовала она первую детскую художественную агитбригаду в школе Детского отряда в Цанцайцуне. Она подобрала подходящие номера концерта и стала руководить упражнениями юных артистов. И вот они уже дают свои первые представления, конечно, прежде всего перед жителями своего поселка Цанцайцунь. Весть об этом мгновенно облетела все партизанские районы и привлекла внимание многих людей опорных баз.

Опираясь на накопленный опыт, Ким Чен Сук готовилась к следующему представлению – по случаю наступающего, 1933 года. В уездном комитете комсомола приурочили концерт детей к вечеру 31 декабря – это была первая в партизанском районе новогодняя ёлка. Праздновать встречу Нового года решили в деревне Бэйдун, что в Ванъюйгоу. К месту проведения концерта собралось с разных поселков столько народу, что, казалось, яблоку негде упасть.

И вот медленно поднимается занавес. На сцену вступает Ким Чен Сук и произносит памятную речь. Она говорит: «Мы провожаем год, полный испытаний, и встречаем новый, многообещающий. Уходящий год был примечателен для корейского народа провозглашением великой антияпонской войны после тяжелых испытаний. В новом году мы будем сплачиваться вокруг Полководца Ким Ир Сена и нанесем сокрушительный удар по агрессорам империалистической Японии». Закончила она свою речь призывом ко всем:

активно поддерживать революционную линию Полководца Ким Ир Сена.

Начался концерт. Был исполнен танец с пением «Тансимчжур»[6], Ким Ги Сон играл соло на губной гармошке, звучали песни, были показаны другие танцы. Представление прошло с большим успехом, оно доставило жителям партизанского района много радости.

Однажды юные артисты принесли свои песни и танцы в контролируемый врагом район – на рудник в Бадаогоу.

На зрелище собралось много рабочих. В этот день в репертуар вошли хор, сольное пение, танцы и другие номера, а в заключение Ким Чен Сук выступила перед публикой с агитационной речью.

В бодром и жизнерадостном облике членов Детского отряда рабочие рудника увидели новый мир, построенный в партизанском районе.

При свете десятков карбидных ламп на рабочих с магической силой воздействовали энергичная агитационная речь, революционные песни и танцы детей с красными галстуками на шее. Постепенно у них зрело понимание: нельзя позволять себе постоянно пребывать в печали и унынии, пора подняться на борьбу. Особенно возбуждены были молодые рабочие. Они говорили: «Видите, такая юная девочка решилась на борьбу с япошками, – разве нам не стыдно оставаться в стороне? Давайте же пойдем к партизанам, пойдем со взрывчаткой в горы за этой девушкой!» И они один за другим просили принять их в партизанскую армию. Среди них оказались и Чо Чжон Чхор и Мун Бун Сан, позже прославившие свои имена как опытные военно-политические работники КНРА. На этом представлении среди зрителей был и юный рудокоп, который, глядя веселый и свободный вид детей, терзался невыносимой завистью.

Ким Чен Сук привела этого мальчика, не имеющего даже своего имени, в партизанский район, дала ему имя Ким Гым Сан, вырастила замечательным членом Детского отряда. Гым Сан стал закадычным другом Ким Ги Сона,

относился к Чен Сук, как к родной сестре. Впоследствии он вступил в КНРА, в боях был храбрым пулеметчиком, совершил героический подвиг в бою, защищая командование революции.

В июне того года Ким Чен Сук организовала новую художественную агитбригаду уездного подчинения, подобрав 20 с лишним одаренных детей в разных школах Детского отряда, находящихся в партизанских районах уезда.

Все лето того года агитбригада обходила роты партизанской армии, антияпонские отряды самозащиты, лазареты, населенные пункты партизанских районов, побывала даже в лесной глуши, где поселки-то всего – четыре-пять дворов.

Агитбригаде везде были рады. Конечно, и потому, что юные артисты играли очень хорошо, но нравилось населению, что они всегда старались чем-нибудь быть полезными партизанам и жителям, вели себя вежливо и порядочно.

Однажды согласно заранее составленному плану им довелось посетить с концертом партизанскую оружейную мастерскую.

Гастроли, конечно, были очередные, но поездка эта имела, по замыслу Чен Сук, иные мотивы. За несколько дней до этого она предложила собрать побольше металлолома. Вот с этим необычным подарком и отправилась туда агитбригада.

Привезенному агитбригадой «сюрпризу» очень обрадовались партизаны-кузнецы, которые переживали острую нехватку металлолома, так необходимого для изготовления ручных гранат.

В тот день каждое выступление агитбригады сопровождалось щедрыми овациями. Концерт произвел на партизан огромное впечатление. После представления члены агитбригады разошлись кто куда по поручению Ким Чен Сук. Одни поднимались в горы, другие убирали, приводили в порядок мастерскую и территорию вокруг. Потом они начали

помогать кузнецам, поочередно стуча молотом или раздувая мехи. Девочки, которые пошли в горы вместе с Чен Сук, принесли большие узлы со съедобными травами, а мальчики вернулись, согнувшись под грузом вязанок метлы из леспедезы. Партизаны удивились тем, как спорилось дело в мастерской в проворных руках членов агитбригады. За день было сделано столько, сколько обычно делалось за несколько дней. Тронутые искренней помощью детей, они решили впредь работать больше.

А когда членам агитбригады приходилось бывать в населенных пунктах партизанского района, они держали в чистоте не только комнаты, но и двор дома, где остановились, таскали воду, заготовляли дрова, пропалывали поле, помогая тем, у кого не хватало рабочих рук.

Художественная агитбригада Детского отряда посещала даже антияпонские отряды китайских националистов, внося тем самым активный вклад в осуществление намеченного Ким Ир Сеном курса на создание антияпонского совместного фронта.

Тогда вопрос совместного фронта с китайскими антияпонскими отрядами встал во весь рост. Обманутые демагогической пропагандой японских империалистов, направленной на разжигание национальной розни, эти отряды предвзято и даже враждебно относились к корейцам, что создавало большие трудности в военно-политической деятельности антияпонской партизанской армии.

О необходимости активной работы комсомольцев с китайскими антияпонскими отрядами Ким Ир Сен уже говорил на совещании комсомольских работников в Ванцине. А в июне 1933 года он сам, рискуя жизнью, пошел на переговоры с командующим одного из китайских антияпонских отрядов У Ичэном и в результате открыл новую, благоприятную ситуацию в создании антияпонского совместного фронта.

К тому времени в уезде Яньцзи проводилась работа по осуществлению единого фронта с «Армией разгрома Японии» под командованием Сюй Куйу, находившейся под Саньдаованем. Однако из-за вероломного поведения Сюй

Куйу в этой работе не произошло никаких полезных сдвигов, более того – имелись, к несчастью, и жертвы.

Тогда Ким Чен Сук решила сама взяться за это дело и пошла на встречу с вожаком Сюй Куйу.

Мотивируя свое посещение намеченным Ким Ир Сеном курсом на совместный фронт, Ким Чен Сук разъяснила ему, что политика национальной розни провоцируется японскими империалистами, и со всей искренностью призывала совместно вести борьбу против общего врага – японского империализма.

Вначале Сюй Куйу оставался холоден, даже не скрывал свою вражду. Но вскоре был покорен ее скромным, достойным подходом, искренностью, лишенной лжи и лицемерия, а также революционным темпераментом, заявил, что молодая подпольщица Командующего Ким Ир Сена покорила Сюй Куйу, и оказал ей радушный прием как дорогой гостье.

В завершение была достигнута договоренность о гастролях художественной агитбригады Детского отряда в китайских антияпонских отрядах.

А после того, как Ким Чен Сук отбыла к себе, Сюй Куйу не переставал восхищаться: «У Командующего Ким Ир Сена много талантливых людей».

Через несколько дней агитбригада посетила отряд Сюй Куйу и дала свое представление. В репертуар были включены и танец с пением «Тансимчжур», соло на губной гармошке, сольное и ансамблевое пение. Пели они революционные песни, пели и китайские. Солдаты, впервые посмотревшие такое представление, кричали от восторга, бурно аплодировали юным артистам, а потом пустились в пляс. Наибольший отклик в сердцах зрителей нашли соло Ким Ги Сона на губной гармошке и танец в исполнении Гым Сун и Ким Ок Сун. Разглядывая миловидных танцующих девочек, многие солдаты припомнили родных сестер или дочерей, ждущих их дома, и прослезились. В тот день Сюй Куйу до того был доволен, что разрешил желающим членам агитбригады пострелять из винтовки, а

когда им настала пора возвращаться, велел провожать их на повозке.

Замечательные гастроли агитбригады, убедительная и энергичная агитационная речь Ким Чен Сук еще более подняли антияпонский дух китайских солдат под командованием Сюй Куйу и в значительной мере содействовали осуществлению совместной рейдовой операции на Бадаогоу.

Операция проходила 23 сентября 1933 года. В ней участвовали роты партизанской армии из Яньцзи и бойцы «Армии разгрома Японии», командуемой Сюй Куйу Ким Чен Сук отвечала за группу пропагандистов и транспортную группу, организованные из комсомольцев.

Бой начался в 10 часов вечера. Городок мгновенно превратился в бедлам: грохот выстрелов, оглушительные взрывы ручных гранат... Лихие бойцы прорвались к казармам противника и полицейскому участку. Враги, не ожидавшие такого дерзкого налета на городок Бадаогоу, где сосредоточены их главные силы, были ошеломлены и не смогли оказать сильного сопротивления. Подавив казармы и полицейский участок, бойцы лавиной ворвались в городок.

В это время с форта внезапно открыли шквальный огонь солдаты «отряда самообороны». Атака бойцов чуть было не захлебнулась. А в таком бою потеря времени означала, что противник, опомнившись и собравшись с силами, мог перейти на контрнаступление.

Тут Ким Чен Сук задействовала группу пропагандистов-комсомольцев. Они подползли к стене форта и громко закричали:

«Братья из «отряда самообороны»! Для чего вы взяли в руки оружие? Для кого жизнью своей рискуете? Поверните дуло оружия!», «Солдаты из «отряда самообороны»! Убьешь своих соотечественников, собратьев – погубишь себя, падешь бесславной смертью!»

В стане врага за стенами форта возникло колебание и смятение. Вскоре выстрелы прекратились. Это и определило исход боя. Когда противник в форте прекратил сопротивление, партизаны и бойцы китайского

антияпонского отряда ринулись в городок.

Ким Чен Сук с группой пропагандистов-комсомольцев двинулась на улицу городка, разбрасывала там листовки, скандировала антияпонские лозунги. О фрагменте деятельности группы пропагандистов пишет и печать противника того времени.

«О подробностях налета на Бадаогоу уже было сообщено. Бой продолжался от 10 часов вечера 23-го числа до половины четвертого следующего дня. Партизаны вели ураганный огонь... по отряду чжуандин и полицейскому отряду... тогда как группа детей (имеется в виду комсомольская агитгруппа) разбрасывала четыре вида листовок и одновременно агитировала население зажигательными речами».

В партизанском районе устроили совместные празднества в честь победы в бою в Бадаогоу. В них участвовала и «Армия разгрома Японии» Сюй Куйу. В числе праздничных мероприятий был и концерт художественной агитбригады. Концерт начался хоровым исполнением «Песни о решительном бое», которым дирижировала Ким Чен Сук.

Уже тогда она подружилась с солдатами китайского антияпонского отряда. Позднее один из ветеранов антияпонской революции, сидевший на концерте рядом с солдатами китайского антияпонского отряда, воспоминал:

«Один солдат китайского антияпонского отряда, сидевший рядом со мной, указывая на Ким Чен Сук, дирижирующую хором, обратился ко мне с вопросом: «Вон та девушка в комсоставе партизанской армии?» Я ответил: член участкового комитета комсомола. Поднимая большой палец, он сказал: «Я знаю, что потом из нее выйдет героиня, знаменитая личность, с которой все берут пример. В этом я вполне уверен».

Весной 1934 года Яньцзиская уездная художественная агитбригада Детского отряда отправилась в Ванцин, где находился Солнце нации Полководец Ким Ир Сен.

Чтобы выступать перед Ким Ир Сеном, следовало

отшлифовывать представление на высшем уровне. Ким Чен Сук снова и снова проверяла программу концерта и содержание номеров, совершенствовала их сколько возможно и без устали руководила репетициями, предъявляя к исполнителям, мальчикам и девочкам, более высокую требовательность. Кроме того, несмотря на трудные условия, когда во всем ощущалась нехватка, она предложила заново изготовить весь реквизит.

Наступил день, когда агитбригада должна была отправиться в путь. Ким Чен Сук проводила детей далеко за околицу и напутствовала: «Как мы тоскуем по Полководцу Ким Ир Сену! Как нам хочется увидеть его! С этими нашими желаниями вы, ребята, теперь уезжаете к нему в Ванцин. Там вы встретитесь с родным Полководцем Ким Ир Сеном, не забудьте ему передать от комсомольцев, членов Детского отряда, всех жителей нашего партизанского района, всех корейцев самые лучшие пожелания и сказать ему, что они стойко борются, как подобает преданным ему бойцам».

Прибыв в Мацунь уезда Ванцин, юные артисты выступали перед Ким Ир Сеном. Каждый номер он щедро награждал аплодисментами и был весьма доволен тем, что дети хорошо танцуют и поют. А когда они расставались, он подбадривал их добрыми словами, пожелал им учиться отлично, как отлично занимаются деятельностью агитбригады, и подарил 40 красных галстуков. В этих подарках крылась его теплая любовь к членам Детского отряда, с которыми были связаны большие ожидания: они призваны продолжать дело революции.

ЗНАМЕНОСЕЦ ПАРТИЗАНСКОГО РАЙОНА

Зима 1933 года была примечательна усиленным проведением врагами карательной операции против партизанских районов. Японские империалисты, терпевшие

позорные поражения в осуществлении своих амбициозных планов по уничтожению партизанских опорных баз, зимой этого года затеяли новый натиск – зимнюю карательную операцию. На это были мобилизованы полчища «Цзяньдаоского экспедиционного отряда» оккупационной армии в Корее, марионеточные войска Маньчжоу-Го[7] и полицейские подразделения, а также вооруженные отряды самообороны – десятки тысяч человек! Направив этот огромный вооруженный контингент, враги пустили в ход минометы и даже авиацию. Лишь в одном уезде Яньцзи на уничтожение партизанских зон были брошены несколько тысяч солдат.

Защитить партизанские районы было насущно необходимо для дальнейшего углубления антияпонсквй вооруженной борьбы и непрерывного развития корейской революции в целом.

Ким Чен Сук участвовала в боях по обороне партизанской базы вместе с бойцами АНПА, находившимися в Дунгу Фуяньдуна. Когда взрослые копают окопы, она с членами Детского авангарда и Детского отряда помогали им, а когда начинается наступление противника, они либо приносили воюющим кипяток, пробираясь под градом пуль к месту боев, либо, поднявшись на высоту, где сражаются партизаны, обрушивали на врага град камней.

В революционной организации решили эвакуировать жителей партизанского района в более безопасное место – Сыфантай.

В последней декаде декабря 1933 года Ким Чен Сук покинула Цанцайцунь с первой партией беженцев. Вслед за ней тронулась в путь другая партия. Но когда ее ряды оказались на середине горы на западе, их вдруг обнаружили и стали преследовать более ста японских карателей. На склоне горы, занесенном снегом, неожиданная ситуация грозила им смертью, идти быстро они не могли: большинство из них были старики и женщины с малышами на спине. Вслед им рокотали вражеские пулеметы, пули вздымали фонтанчики снега буквально под ногами, а расстояние между беженцами и

японскими карателями все сокращалось. Фактически над их головой нависла угроза массового уничтожения.

Именно в этот момент с высоты Оленьего леса, что к северо-западу от Цанцайцуня, разнеслись звуки горна, словно это был сигнал к партизанской атаке. Это трубил Ким Ги Сон. Поднимаясь на высоту Оленьего леса с заданием организации разведать расположение противника, он увидел смертельную угрозу и решил отвлечь врага на себя, чтобы спасти людей. Он трубил в горн, подражая сигналу партизанской атаки.

Неожиданный звук горна привел врагов в страх и замешательство. Японские каратели сразу повернули стволы оружия в сторону Оленьего леса. Они обрушили на горниста град пуль. Однако он, лихо переходя от одного места к другому, продолжал трубить изо всех сил. А враги, повернув туда, откуда слышались звуки горна, вели буквально шквальный огонь.

И вот шальная пуля сразила Ги Сона. Он упал на снег и больше уже не встал. Погиб на 12-м году жизни! Слишком коротка она была. Однако в это время никто из жителей партизанской опорной базы не знал о гибели Ги Сона. Благополучно прибывшие через гору на западе к промежуточному пункту сбора жители думали, что партизаны на самом деле по сигналу трубы уничтожили японских карателей. То, что брат спас людей, а сам, пав смертью храбрых, лежит на вершине горы, где свирепствует снежный ветер, и в голову не пришло Чен Сук, которая, пораньше прибыв в условленное место в первой группе, ждала остальных, разжигая костер, подобрав место ночевки для прибывающих в следующей группе.

Тело мертвого Ги Сона было найдено одной из активисток общества женщин, которая возвращалась из района, контролируемого врагами. Она пришла в партизанский район одновременно с Ким Чен Сук, жили они под одной крышей. На высоте Оленьего леса она заметила под дубом мальчика, лежащего с трубой в руке. Дул ветер и развевал на его шее красный галстук. На вещмешке за его спиной висели две

дубинки. От увиденного сердце у женщины обливалось кровью: она узнала брата Чен Сук.

«Неужели ты?.. Что же сказать твоей сестре? Ги Сон!»

Горькие слезы душили ее. Найдя под бугорком хоть чуть-чуть защищенное от ветра место, она разрывала сугробы, выстлала дно поровнее сухими стеблями травы и положила туда тело Ги Сона. Так похоронив его временно в сугробах, она вернулась к биваку.

Чен Сук не спала и радостно встретила ее. Но женщина, боясь, как бы не встретиться с ней взглядом и не сдержать тогда рыданий, отворотила лицо. Она легла спать, но провела всю ночь в слезах, до боли искусав себе губы. Она так и не смогла поведать о гибели Ги Сона. О его смерти было доложено революционной организации.

Революционная организация решила немедленно доставить его прах на бивак, подготовить траурную церемонию и затем известила Ким Чен Сук о смерти ее младшего брата.

Душевное потрясение Чен Сук не передать словами: она внезапно почувствовала, будто небо на нее обваливается или почва уходит из-под ног. Она лишилась родного брата, с которым она всегда была вместе – в радостях и горестях, сражаясь в одном окопе, помогая друг другу и опираясь друг на друга!

В походном лагере проводилась траурная церемония. В ней участвовали бойцы партизанского отряда, члены Детского отряда и другие жители партизанского района – они чтили память Ким Ги Сона.

Трагически звучала надгробная речь. Славили его выступила Ким Чен Сук. Встала перед мертвым братом, она героический подвиг, клялись сторицею отомстить врагам. Затем произнесла дрожащим голосом: «Ги Сон мне был товарищ по революции, прежде чем младший брат. Мы лишились родителей от рук японских оккупантов, разлучились и с родственниками и никаких вестей от них не имеем. Но мы, я и брат, были уверены: когда Родина будет возрождена, мы вернемся в родное село и тогда кончится разлука с родственниками. Рисуя перед глазами

тот день, мы оба не страшились ничего – в трудностях помогали друг другу, в горестях подбадривали друг друга. Мне было бы не так горестно, как сейчас, если бы мой Ги Сон хоть разок побывал на Родине, о чем он тосковал наяву и во сне».

Партизаны, население, а особенно – члены Детского отряда не могли удержать слезы.

Всхлипывания становились все громче, а Ким Чен Сук продолжала:

«Мой Ги Сон погиб, но сегодня его заменят десять, сто Ги Сонов, спасенных им от лап японских карателей. Они будут сражаться за моего Ги Сона во имя революции и возрождения Родины. И день возвращения на возрожденную Родину непременно придет».

Спустя несколько дней революционные массы, обязанные жизнью Ги Сону, отправились в Сыфантай вместе с Ким Чен Сук. Название плато «Сыфантай» происходило от того, что с его вершины хорошо проглядываются все четыре стороны. Это была природная крепость, весьма благоприятная для отражения нападающих врагов! Это была глухая горная местность, где не найдешь ни одного шалаша. И вот в такую глушь стеклось одновременно несколько сотен людей из разных партизанских участков уезда. Ни жилища, ни продовольствия не было. Кое-кто стал впадать в уныние. Ким Чен Сук и другие комсомольцы ходили среди людей, которые рассеялись на кучки то здесь, то там и предавались тревожным мыслям, не зная, к чему приложить руки. Она помогала им разводить костры, разъясняла, в чем суть нового положения дел, показывала самодеятельность членов Детского отряда. Беседуя с людьми, которые с глубокими вздохами сетовали на нелегкую судьбу, она поясняла: «Революции, как всегда, сопутствуют трудности. Какие трудные пути мы преодолевали до сих пор! Люди падали под штыками и пулями японских захватчиков, валились с ног от голода, но вставали снова и снова для того, чтобы вернуть себе потерянную Родину. Они сражались, не боясь смерти. Нельзя же нам здесь падать духом. Выход

мы непременно найдем, надо только объединиться душой и приложить совместные усилия».

Слова Ким Чен Сук выводили людей из уныния, укрепляли их волю, вдохновляли на новую борьбу.

Затаив в глубине души свое неутешное горе, она теперь вкладывала всю свою душу в добывание продовольствия для революционно настроенных масс, собравшихся в Сыфантае. Разгребая сугробы, она отыскивала засохшие съедобные травы и коренья, подбирала кедровые шишки. Порой вместе с комсомольцами пробиралась в контролируемый врагами район и доставала продовольствие.

Ким Чен Сук сходила даже в полупартизанский район[8] Чыяньдун. Там была организация, созданная два года назад. Надо было попросить у нее помощи, но побывать там было так же рисковано, как прорваться в контролируемый врагами район. Но Ким Чен Сук была непоколебима: надо было спасти революционно настроенные массы от голодной смерти. И ей удалось вернуться оттуда в Сыфантай с изрядным количеством продовольствия.

Революционные массы в Сыфантае преодолели тяготы суровой зимы того года. Во многом этому способствовала усердная комсомолка. В наступившем 1934 году людям было передано срочное распоряжение Ким Ир Сена – сорвать полностью зимнюю карательную операцию японских империалистов. Согласно намеченному курсу планировались налеты в тыл у врага. Ким Чен Сук вместе с малым отрядом направилась в контролируемый врагом район, снова задавала среди товарищей свой тон; она была и проводник, и дозорный, и разведчик.

Когда бойцы малого отряда вошли в Цзюдаогоу, Ким Чен Сук снабдила отряд информацией об обозе с военными материалами противника. Используя данные донесения, партизаны дали бой из засады и забрали в плен конвоировавших обоз молодчиков из «отряда самообороны», захватив в качестве трофеев более 10 повозок с военными материалами. И еще она обеспечила тщательную разведку Бадаогоу – одного из опорных пунктов

карательной операции врагов, что определило успех налета на местный полицейский участок. Велика была ее заслуга и при налете на охранников под Бэйтуцзяофэном. Благодаря ее разведданным партизаны одновременно в нескольких поселениях ударили на противника, смогли добыть много оружия и боеприпасов.

В марте того года Ким Ир Сен принял меры по переформированию АНПА в Корейскую Народно-революционную армию. В результате партизанские отряды, имевшиеся в каждом уезде, получили возможность развиваться в мощные революционные вооруженные силы, способные развертывать более крупные партизанские действия в системе единой военной структуры.

Ким Чен Сук активно разъясняла среди населения партизанского района значение переформирования АНПА в КНРА, инициативно делала свое дело при подготовке различных важных мероприятий, посвященных этому событию. Готовясь к ним, днем она проводила упражнения с членами Детского отряда к праздничному параду, вечером занималась с ними же художественной самодеятельностью, а ночью, когда другие уже погружались в сон, работала над текстом публичной лекции.

И вот в апреле того года в Нэнчжиине Саньдаованьского партизанского района уезда Яньцзи праздновали рождение КНРА. Парад членов Детского отряда и их концерт, а также лекция Ким Чен Сук «Славная борьба за возрождение Родины» заслужили всеобщее одобрение бойцов партизанского отряда и народа. В те дни Ким Чен Сук не знала ни минуты отдыха, будучи целиком поглощена революционной работой. Не случайно о ней с восхищением отзывались руководящие работники и жители уезда: «Она родилась ради революции».

И действительно: Ким Чен Сук была подлинным знаменосцем партизанского района. Она жила только интересами революции, вкладывала всю душу и энергию в общее для партизанской опорной базы дело.

ОСУЩЕСТВЛЕННОЕ ЖЕЛАНИЕ

Осенью 1934 года Ким Чен Сук отозвали в распоряжение Яньцзиского уездного комитета комсомола, что был в Нэнчжиине Саньдаованя.

В 8-ом участке всем была хорошо известна юная девушка Чен Сук, член комитета комсомола. Она всегда была жизнерадостной, преисполненной энергией и бодростью, никогда не приходила в отчаяние и уныние. Заботливо, как родная сестра, она относилась к членам Детского отряда, а к жителям партизанской опорной базы – с уважением, как родная дочь, зато к врагам – с непримиримой ненавистью. В течение немногим более двух лет комсомольской жизни, в том числе в ходе деятельности как члена 8-го участкового комитета комсомола, Ким Чен Сук снискала доверие и уважение людей – своей высокой ответственностью за революционное дело, безграничной самоотверженностью, выдающимися способностями организатора и агитатора, благородными качествами революционерки. Жизнь показала, что она способна и готова успешно выполнить любые задания и более широкого круга молодежной работы.

Уездный комитет комсомола поручил Ким Чен Сук главным образом внутренние дела комитета и работу с комсомольскими организациями контролируемых врагом районов.

В то время в партизанских районах Восточной Маньчжурии бушевала, как свирепый вихрь, ультралевацкая кампания против «Минсэндана»[9], навязанная шовинистами и фракционерами-низкопоклонниками. Воспользовавшись тем, что Ким Ир Сен отправился в поход на Северную Маньчжурию, эти отщепенцы затеяли целую трагедию: наклеивая на истинных корейских революционеров этикетку «минсэндановца», притесняли, жестоко убивали их.

В Нэнчжиине Саньдаованя наиболее яростно действовал Ли Сан Мук. Он приклеивал ярлык

«минсэндановца» ко всем неугодным ему – тому, кто всю ночь напролет стоял на посту и, возвращаясь домой, сказал: «Чувствую голод»; тому, кто, работая поваром, переварил кашу; тому, кто сочувствует подозреваемым в причастности к «Минсэндану».

Люди были охвачены тревогой и страхом. Создалась такая ситуация, в которой они просто не знали, кому верить или не верить и когда их постигнет беда. Среди тех, кто по обвинению в причастности к «Минсэндану» был брошен в тюрьму, оказались Ку Мен Бок и Ким Дон Гу, хорошо знакомые Ким Чен Сук по работе в 8-ом участке. Первый был руководителем уездной парторганизации, а второй – командиром партизанского отряда, смелым в боях и принципиальным в работе.

Чен Сук не верила, что они «минсэндановцы», и с самого начала поняла, что это дело рук негодяев. У нее уже был опыт борьбы против левацких перегибов на этой почве: весной прошлого года ей довелось принять участие в опровержении провокационных обвинений. В зоне Фуяньдуна проходил массовый митинг, посвященный суду над «минсэндановкой». Это была комсомолка Чвэ Хи Сук, которая уже давно хорошо зарекомендовала себя в работе. «Улика» заключалась в том, что она, мол, выражала недовольство тяжелой жизнью в партизанском районе. Никто, конечно, не верил, что она «минсэндановка». Но высказать свое мнение об этом не решались: их тоже могли обвинить в причастности к «Минсэндану».

Однако Ким Чен Сук решительно поднялась на трибуну, чтобы защитить ее. «Я, – сказала она, – уверена, что Чвэ Хи Сук бесконечно верный революции товарищ. Разве можно считать такого человека «минсэндановкой», ссылаясь лишь на одно «недовольство»? Если мы позволим убивать верных революции товарищей, приклеивая к ним ярлык «минсэндановца», то кому это на руку? Только нашим врагам».

Ей аплодировала собравшаяся масса людей, восклицаниями одобряя оратора. И шовинистам, этим так

называемым судьям, невозможно было в такой обстановке настаивать на своем – пришлось объявить ее невиновной. Впоследствии она, служа в одном из отрядов Корейской Народно-революционной армии, храбро сражалась с японскими захватчиками. В одном из боев была схвачена врагами, которые ослепили ее. И в таком состоянии она кричала: «Я вижу день победы революции!», чем привела врага в страх и трепет, проявив несгибаемую волю и верность корейских революционеров делу революции. Такова была Чвэ Хи Сук.

С тех пор прошел год. Обстановка в партизанских зонах стала еще более грозной. Не помогали ни логичная защита, ни неоспоримые доказательства. Сразу убивали всех тех, кто хоть слегка выступал в защиту обвиненных в причастности к «Минсэндану» или, тем более, помогал им.

Однако Ким Чен Сук не могла закрывать глаза на то, что убивают честных революционеров, приклеивая к ним ярлык «минсэндановца», создавая атмосферу недоверия и страха в революционных рядах.

Когда Ким Чен Сук узнала, что шовинисты определили членов Дунгоуского антияпонского отряда самозащиты как причастных к «Минсэндану», она без всяких колебаний немедленно пошла к ним. Она вселяла в них, охваченных унынием и беспокойством, силу и мужество, помогла им ни в коем случае не вставать на колени, отстаивая революционный принцип и позицию корейских революционеров.

Такой поступок Ким Чен Сук вызвал у шовинистов, фракционеров-низкопоклонников раздражение и злобу. Один из них даже кричал на нее, пытался оценить ее поступок как проявление «узколобого национализма» и требовал больше не приходить к ним. Ким Чен Сук дала ему решительный отпор: «Я работница комсомольской организации. Почему же мне не быть среди них? Если вы считаете меня «узколобой националисткой» по поводу того, что я как кореянка сближаюсь со своими соотечественниками, то вы, несомненно, люди не свободные от предубеждений. Они, полные твердой решимости делать

революцию, встали на путь революции, мужественно сражаются с врагом. Если не верить им, то кому же тогда можно верить?»

Шовинисты и фракционеры-низкопоклонники возненавидели ее, пытались найти на нее хоть малейшие улики, устанавливали слежку за ней. Но они не посмели обвинить ее в причастности к «Минсэндану», ибо она пользовалась большой любовью и доверием масс и действовала умело, не допуская ошибок.

Ким Чен Сук убедительно разъясняла комсомольцам опасность ультралевацкого извращения антиминсэндановской борьбы и призывала их повышать бдительность относительно подобной махинации «леваков». Среди комсомольцев, с которыми она работала, были Чон Хи, работница уездного комитета комсомола, и Ли Чжон Ин, работница отдела связи укома партии.

Чен Сук вместе с Чжон Ин каждый день тайком приносила и передавала пищу и нужные лекарства тем, кто по обвинению в причастности к «Минсэндану» был заключен в «камере». Это спасло их от голодной смерти, от болезни.

Узники не знали, кто помогает им, рискуя своей жизнью. Ведь это было крайне опасно: при обнаружении нельзя было избежать смерти с ярлыком «минсэндановца». Своего благодетеля они смогли узнать лишь в день, когда вражеские каратели ворвались в Саньдаовань.

В тот день Чен Сук вместе с Чжон Ин готовили обед для партизан: варили похлебку из чумизы с грибами. Котел закипал, от нее вылил пар, когда вдруг раздались выстрелы вражеских карателей. Партизаны быстро поднялись в гору, враги шли по горным долинам и склонам.

Ситуация была критическая. Ким Чен Сук быстро надергала травы, чтобы сделать из них подстилку для котла с горячей похлебкой. С котлом на голове она двинулась на вершину горы.

Чжон Ин следовала за Чен Сук, тоже неся котелок с похлебкой.

Заметив их, враги начали преследовать их, стреляя из винтовок. Вражеские пули свистели возле ушей, вонзались в

землю вокруг них. От котла несло жаром. Растерянная Чжон Ин предложила Чен Сук пока укрыться, оставив котлы, а потом вернуться за ними.

Чен Сук, не опуская котел, который пыхал белым паром, сказала подруге: «Чжон Ин, давайте потерпим. Иначе наши товарищи будут голодать». Она снова поспешила в путь и, наконец, добралась до вершины горы.

К ней подбежали несколько человек, помогли поставить котел на землю. Это были люди, обвиненные в причастности к «Минсэндану» и содержавшиеся в «камере». Как только Ли Сан Мук, хозяин ключа от «камеры», убежал, они разбили дверь «камеры» и поднялись в гору, где партизаны сражались с карателями. Помогая партизанам, они тоже храбро сражались, бросая с вершины камни. Враги, наконец, отступили.

После боя Ким Чен Сук с тазом похлебки обошла партизан и каждому дала по миске. От похлебки все еще шел пар. Те люди, которые вышли из «камеры», незаметно отошли в сторонку.

«Идите сюда и ешьте горячую похлебку. Мы принесли, чего же вы не берете ее, а уходите?» – сказала Ким Чен Сук.

Выслушав ее теплые слова, они остановились, но не подошли, с опаской поглядывая вокруг: не видит ли их кто-нибудь.

«Не надо этого, – говорили они. – Из-за одной миски с похлебкой вы тоже можете быть обвинены в причастности к «Минсэндану». Это станет большим ущербом для дела революции... Спасибо за внимание. Ваше доброе отношение к нам мы примем как пищу революции и перетерпим все и всякие мучения».

«Нет, вы никак не можете быть «минсэндановцами», – говорила Чен Сук. – Теперь Полководец Ким Ир Сен делает все необходимое для решения возникшего серьезного вопроса, а вы должны хранить свои идейные убеждения и быть готовы до победного конца вести революцию». И Ким Чен Сук подала каждому из них по миске с похлебкой.

Лишь тогда они осознали, что тот человек, кто каждый день протягивал им руку помощи, невзирая на опасность, – это

и была Ким Чен Сук.

Получая миску, они с удивлением увидели: волосы у Чен Сук почти наполовину были обожжены горячим котлом.

Но и такие самоотверженные усилия Ким Чен Сук не могли полностью спасти всех тех, кого «леваки» обвиняли в причастности к «Минсэндану».

Однажды в Нэнчжиине появился инспектор из Маньчжурского провинциального комитета комсомола. По указке этого шовиниста в январе 1935 года были безжалостно убиты несколько товарищей, в том числе командир партизанского отряда Ким Дон Гу. В последние минуты своей жизни они восклицали: «Да здравствует корейская революция!»

Ким Чен Сук сильно переживала из-за того, что она не в силах спасти товарищей по революции, которые становятся невинными жертвами, когда на них несправедливо натягивают колпак «минсэндановца». Разве нельзя остановить эти ужасные контрреволюционные преступления проклятых шовинистов, фракционеров-низкопоклонников?

Чен Сук с нетерпением ждала того дня, когда Ким Ир Сен спасет судьбу корейской революции от тяжкого кризиса.

В своих воспоминаниях Рим Чхун Чху, работавший тогда военным врачом партизанского госпиталя, написал:

«...Ким Чен Сук хриплым от волнения голосом сказала: только мудрый руководитель корейской революции товарищ Ким Ир Сен сможет преодолеть сложившиеся трудности в революции, прекратить ультралевацкую кампанию против «Минсэндана» и ввести борьбу в правильное русло. Но, к сожалению, его нет здесь. Где он сейчас? Знает ли он о таком серьезном положении у нас? Она молча лила слезы.

Я тоже про себя плакал и закричал: «Великий товарищ Ким Ир Сен!»

Его дорогое имя, которое мы звали всегда – и наяву, и во сне, было для нас единственным спасителем-звездой, предметом веры, надеждой и символом победы для нас, корейских революционеров, зажатых в то время тисками борьбы против «Минсэндана» и живших в тревоге».

Прилетела в Нэнчжиин Саньдаованя весть о том, что из

похода в Северную Маньчжурию вернулся Ким Ир Сен; в феврале 1935 года на Дахуанвэйском совещании он раскрыл контрреволюционную суть антиминсэндановской кампании и повел борьбу за ликвидацию ее последствий.

Прошло несколько суток. Наступил момент, когда осуществилось заветное чаяние Чен Сук. В один из мартовских дней Ким Ир Сен, которого она всегда хотела видеть, приехал в Нэнчжиин Саньдаованя.

Как только Чен Сук увидела Полководца Ким Ир Сена, ее охватило сильное волнение: по ее щекам текли слезы.

Ким Ир Сен созвал в Нэнчжиине совещание секретариата уездного парткома, в котором приняла участие Чен Сук.

Его безгранично добрая, теплая, как солнце весеннего дня, улыбка, острый пронзительный взгляд, устремленный на шовинистов, фракционеров-низкопоклонников, гулкий и зычный голос, как будто сотрясающий небо и землю!.. Глядя на него и слушая его, Чен Сук не могла сдержать нарастающего волнения.

На совещании Ким Ир Сен подробно ознакомился с левацкими ошибками в антиминсэндановской кампании, обнаруженными в Саньдаованьском партизанском районе, раскрыл преступления шовинистов, фракционеров-низкопоклонников, которые причинили большой ущерб революции, осветил принципы, которых следует придерживаться в дальнейшей борьбе против «Минсэндана», и пути решения вопросов. Его выступление на совещании облегчило горе и досаду людей, вселило в них веру в революцию и придало новые силы.

И в грусти, и в горе она всегда страстно желала видеть и слушать его. Наконец-то сбылась ее мечта!

На ее лице блестела улыбка радости.

После совещания Чен Сук разъясняла людям указания Ким Ир Сена.

С того дня, как Ким Ир Сен побывал здесь, бойцы и жители в Саньдаоване и других партизанских зонах уезда жили новой, возрожденной жизнью, полной восторга и

радости. Вышли на волю те люди, которые были обвинены в причастности к «Минсэндану» и заключены в камеры. Они вновь встретились со своей семьей и друзьями, радостно обняли друг друга.

В ту ночь, когда Ким Ир Сен уехал, Чен Сук сказала товарищам:

«Он поистине великий человек...

Я всегда и везде буду верна Полководцу Ким Ир Сену.

Пусть я живу один денек или тысячу лет, всегда буду жить достойно и стойко бороться, как подобает его революционному солдату!»

В ЧЭЧАНЦЗЫ

В марте 1935 года Ким Чен Сук пошла в Чэчанцзы уезда Аньту. В 1934 году в Чэчанцзы, прилегающем к девственному лесу в горах Пэкту, была создана новая партизанская зона. Это было связано с проводимой японцами непрекращающейся «операцией по окружению и нападению» на партизанский район. Ким Чен Сук вместе с детьми, старыми и физически слабыми людьми отправилась от Саньдаованя последней группой и к 20 марта прибыла в Чэчанцзы, преодолев пешком более 80 км. Здесь уже разместились органы народно-революционного правительства, партизанские казармы, школа Детского отряда, лазарет, мастерская по ремонту оружия и швейная мастерская.

Прибыв в Чэчанцзы, Ким Чен Сук находилась в штабе полка. Там она направляла дело отделения питания и комсомольских организаций в партизанском районе.

В то время положение дел в Чэчанцзыском партизанском районе было весьма тяжелым: здесь почти одновременно собрались из разных местностей около тысячи человек. Блокада и карательные операции врагов не прекращались, что вызвало в

этой партизанской опорной базе большую нехватку продовольствия. К тому же вредители и предатели революции, спрятавшиеся в рядах борцов, орудовали с тем расчетом, чтобы голод уморил жителей Чэчанцзы.

В то время в этой партизанской зоне имелся немалый запас денег, оставленный отправившимся в поход партизанским отрядом для жителей зоны. Но некий шовинист, занимавший ответственный пост, не давал их людям, а расходовал в своих личных интересах. Он объявлял причастными к «Минсэндану» даже членов революционной организации, не говоря уж о простых людях районов, находящихся под контролем врага, и велел не иметь с ними никакой связи. Это парализовало всякую возможность доставлять в партизанскую зону зерно, хоть один килограмм. Вследствие происков внутренних и внешних врагов Чэчанцзы оказался на грани голодной смерти.

Партизаны ценою крови доставали продовольствие, но это были такие крохи по сравнению со спросом населения, что его раздавали по домам буквально по ложечке.

Весна уже началась, но все вокруг еще было покрыто снегом. Жители вынуждены были раскапывать сугробы, добывая коренья трав, собирать желуди, обдирать кору с деревьев, срывать почки дикого винограда, чтобы приготовить пищу. Кончилась соль, жители варили сухие почки без соли, так и ели. От такой пищи у многих шла горлом кровь. Однако еды все равно не хватало. От решения вопроса продовольствия зависела судьба партизанского района.

Чтобы с честью одолеть эти суровые испытания, Ким Чен Сук вплотную взялась за дело. На следующий день по прибытии она призвала руководителей комсомольской организации и вожатых Детского отряда воссоздать соответствующие организации, объединить в них разобщенных комсомольцев и членов Детского отряда, стоять в авангарде борьбы жителей за преодоление трудностей на партизанской базе. Чен Сук обращала большое внимание на строительство общежития для членов Детского отряда, чтобы у разобщенных детей были лучшие условия для учебы и для жизни в организациях.

Ким Чен Сук сказала начальнику управления по делам

Детского отряда: «Сейчас положение дел в Чэчанцзы, действительно, очень трудное. Однако мы не вправе сидеть сложа руки, ожидая, пока другие решат вопросы, необходимые для улучшения работы с членами Детского отряда... Все вопросы мы должны решать своими силами. Наш долг – претворять в жизнь указания Полководца Ким Ир Сена о воспитании этих детей надежным резервом революции».

С вопросом об общежитии Ким Чен Сук обращалась и к работинкам уездного правительства. «Дети погибших товарищей, бездомные, дрожат ночью от холода, лежа в соломенной трухе, со слезами на глазах терзаются тоской по своим родителям, – сказала Чен Сук. – Тепло заботиться о них – наш долг перед их родителями».

Благодаря ее усилиям в Чэчанцзы, несмотря на страдания от голода, можно было слышать чтение вслух и песни детей – и это вселяло в сердца людей светлую надежду на завтра и веру в победу революции.

Пришла весна. В ущельях таяли снег и лед, проклевывались зазеленевшие ростки травы. Однако жители партизанского района не избавились от голода. Пора начинать весенний сев, но обессилевшие от голода люди не могли даже встать на ноги. И комсомольцы, которые вели агитацию для мобилизации масс, сами падали, ослабев от голода.

Ким Чен Сук призывала их: «Мы, комсомольцы, молодежный авангард. Если мы не поднимемся, какова будет судьба голодающих жителей Чэчанцзы? Мы должны вновь и вновь подниматься, лишь тогда революционные массы Чэчанцзы поднимутся и наша революция будет продвигаться вперед. Если не встанут комсомольцы, то жители партизанской опорной базы умрут от голода».

По инициативе Чен Сук был организован комсомольский посевной отряд и начался весенний сев. Чен Сук посещала каждый двор, призывала людей: «Мы питаемся травами, а нам следует сеять семена на полях. Только в этом – путь защиты партизанской опорной базы и разгрома врагов. Давайте поднимемся на сев с удесятеренной энергией!»

И жители, стиснув зубы, вставали и шли на поля вместе с

комсомольским посевным отрядом, чтобы засеять землю. Однако случилась беда: на следующий день они увидели, что все посевы были разрыты. Это, несомненно, было делом рук вредителей, притаившихся в партизанском районе. Увидеть такое – не поверишь своим глазам! Ведь людям пришлось, терпя голод, ползать на коленях, засевая поля, затянув до отказа пояс. От отчаяния многие падали духом.

Узнав о случившемся, Ким Чен Сук сказала людям: «Сегодня у нас сев – это непримиримая борьба с врагами. Посевная работа на земле Чэчанцзы – это не просто вопрос, связанный с делом выживания, а суровая борьба, от исхода которой зависит, когда же мы разгромим японских самураев и добьемся возрождения Родины. Иначе – быть нам навсегда колониальными рабами под японским сапогом».

«У нас должна быть только одна мысль: непременно наступит тот день, когда мы вместе с Полководцем Ким Ир Сеном возвратимся на возрожденную Родину! Тогда мы вспомним, как в сказке, эти трудные дни в Чэчанцзы», – так призывала Чен Сук людей на полевые работы.

И хотя у них не было силы даже подняться, они, ползая по борозде, снова посеяли семена. Некоторые из них упали прямо на поле, испуская последний вздох.

Семена, наконец-то, пустили свои ростки. На полях Чэчанцзы выросли ячмень, картофель и чумиза. Однако до урожая было ох как далеко! Голод дошел до предела, люди ели лягушек, собирали лягушачью икру. Становилось все больше умерших от голода.

Не желая принимать во внимание такие обстоятельства, шовинисты, занимавшие ответственные должности в партизанском районе, устранялись от преодоления трудностей с продовольствием, более того, они строго запрещали иметь связь с районами, находящимися под контролем врага, и с пеной у рта занимались выискиванием мнимых «минсэндановцев». Они надели колпак «минсэндановца» даже на заведующего отделом продовольствия Ли Сон Хака и травили его из-за того, что он предложил пойти за продовольствием в контролируемый врагами район.

Под их давлением Ли был в угнетенном настроении, упала его активность в работе. Ким Чен Сук зашла к нему, чтобы вселить в него новую силу и энергию. «Вы, – сказала она, – ни в коем случае не должны поддаваться угрозам шовинистов. Вы должны работать во имя революции, веря только в Полководца Ким Ир Сена». Заведующий Ли, окрыленный ее вдохновением и доверием, роздал жителям продовольствие до последней горсти, хотя сам питался лишь корнями травы; позднее он умер голодной смертью.

Шовинисты уже не могли приклеить ему ярлык «минсэндановца», зато они подняли шумиху по другому поводу: его убили, как утверждали они, «минсэндановцы», и их надо найти. Опасаясь, что их махинации будут раскрыты, эти негодяи даже убили двух из членов народно-революционного правительства Чэчанцзы, знающих, по их мнению, их преступления, надев на них колпак «минсэндановца».

День ото дня усиливались блокада и карательные операции японских оккупантов против партизанских районов. Так вылазками внутренних и внешних врагов район Чэчанцзы действительно превратился в зону бесхлебья в полном смысле этого слова. Там ничего не осталось: ни мышей, ни змей, ни трав.

Ветеран антияпонской революции Пэк Хак Рим, свидетель тех дней в Чэчанцзы, вспоминал об этом позже: «Если не знаешь, в каких трагических условиях прожили жители Чэчанцзы во время антияпонской войны, не смей говорить о каких-либо трудностях жизни. Если не знаешь, какой голод и холод переносили армия и жители Чэчанцзы, оказавшиеся во вражеской блокаде, срывая карательные операции врага, не смей хвастаться своей стойкостью в борьбе с трудностями!»

Тогда у них, разумеется, был другой выход. За горами находились районы, захваченные врагами, где вполне можно было достать и пищу, и одежду. Мало того, враги и сами искушали их: выйди из партизанского района – заживешь спокойной, зажиточной жизнью.

Но жители не пошли по такому пути. Умирая с голоду и подвергаясь притеснениям и угрозам шовинистов, они не

покидали свой партизанский край, край испытаний и голода. Если уж доведется упасть, то упаду на землю Чэчанцзы; если умирать, то умру в этом партизанском районе – такова была их воля и решимость.

Недолгое время, всего лишь три года, жили они в партизанском районе – этом новом мире народа, мире свободы, мире, который принес им Ким Ир Сен и в котором нет японских самураев, помещиков и капиталистов. Они хорошо знали, как дорог этот мир, как дорого то красное знамя, которое развевается в небе этого района. Они были твердо уверены, что непременно придет желанный день победы и они вместе с Ким Ир Сеном вернутся на возрожденную Родину, высоко неся это красное знамя. Поэтому они, падая мертвыми, обнимали землю партизанского района.

На полях дал свои побеги ячмень. Чен Сук сорвала зеленый стебелек и, обходя дом за домом, говорила: «Видите, как уже вырос ячмень». А когда ячмень заколосился, показывала людям колосок и подбадривала их: потерпите немного, скоро соберем зерно. В ее словах они, падавшие от бессилия, черпали силы и снова поднимались. В частности, комсомольцы и члены Детского отряда следовали примеру Чен Сук, которая всегда была полна уверенности в своих силах.

Однажды вечером члены Детского отряда выступали во дворе партизанской казармы с концертом художественной самодеятельности – пели песню «Все, поднимайтесь!» Вдруг в ходе выступления самая маленькая девочка упала прямо на сцене: от жестокого голода она выбилась из последних сил. Ее пение смолкло, другие дети растерялись, не зная, что делать. Все зрители – партизаны и жители – встали с мест.

Ким Чен Сук подбежала к ней и помогла ей подняться. Девочка не плакала и не стонала. Дрожа посиневшими губами, она снова запела песню:

Встанем мы вместе в единый строй
Крепкие духом, пойдем мы в бой.

Вместе с ней все собравшиеся пели эту песню со слезами

на глазах. Эта бессмертная песня раздавалась в ночном небе над Чэчанцзы, вселяя в сердца людей непоколебимый дух: бороться не на жизнь, а на смерть.

Жестокий голод и усталость свалили Чен Сук, и зрение настолько ослабело, что глаза почти ничего не видели. Товарищи просили ее отдохнуть хоть немного. Но Чен Сук не слушала их. Она сказала: «Если я отдохну, кто будет варить кашу, заготавливать дрова, кто будет стоять на часах и сражаться с врагом?»

Однажды в штабе полка состоялось совещание руководителей партийных и комсомольских организаций, командиров отрядов КНРА, а также работников народно-революционного правительства, на котором обсуждалось, как решить проблему с продовольствием. Многие из собравшихся предложили установить связь с подпольными революционными организациями во вражеских районах, чтобы решить этот вопрос. Однако шовинисты, опять настаивая на своем, не приняли их предложение. Ни в коем случае нельзя делать этого, сказали они, ибо почти все члены этих организаций причастны к «Минсэндану».

Ким Чен Сук не могла больше терпеть. Она встала с места и дала решительный отпор абсурдным утверждениям шовиниста крупного калибра: «В нынешнем положении у нас нет другого пути для решения продовольственного вопроса, кроме как идти за ним в район, находящийся под контролем врага. Поэтому нам придется установить связь с подпольными революционными организациями этого района, чтобы решить вопрос. Однако некоторые люди выступают против этого предложения, утверждая, что, мол, почти все члены этих организаций причастны к «Минсэндану». Это неправильный подход к делу тех, кто не верит товарищам по революции, это фактически отказ от революции... Нам следует верить этим членам подпольных организаций и смело установить связь с ними, чтобы решить продовольственный вопрос».

Утверждения Ким Чен Сук были логичными, ее поддержали многие из собравшихся работников. И тот шовинист уже не мог

настаивать на своем. После этого малые отряды отправились из партизанского района во вражеский. Наладив связь с тамошними подпольными революционными организациями, они смогли достать некоторое количество зерна.

Притаившиеся в партизанском районе предатели революции, разъяренные этим, еще больше лезли из кожи вон.

Дела на Чэчанцзыской партизанской опорной базе пошли на лад только благодаря активной деятельности работников, присланных туда Ким Ир Сеном. Среди них был и Чо Дон Ук. Он начал раскрывать преступления шовинистов, и те даже пытались осуществить гнусный замысел: убить его.

Ким Чен Сук разгадала их преступный план, поскольку уже бдительно следила за их поступками. Она вовремя помогла ему укрыться, и он смог избежать верной смерти.

После возрождения Родины Ким Ир Сен с глубоким чувством вспоминал события тех дней и сказал: «Если бы тогда не было помощи Чен Сук, то он не остался бы в живых. Тот, кто не готов пожертвовать собой ради товарища по революции, не сможет спасти его от смертельной опасности».

Ким Чен Сук смело пошла на работу во вражеском районе.

Однажды она услышала весть из Кореи – о том, что революционные организации внутри страны и народ с нетерпением ждут вступления КНРА в страну и установления ее связи с партизанскими районами. Она решила: нельзя же больше откладывать работу во вражеском районе, – и с этим предложением настойчиво обратилась к революционной организации.

Революционная организация, образовав малую группу подпольщиков-политработников, в состав которой вошла Ким Чен Сук и другие четыре вооруженных борца в штатских костюмах, направила ее внутрь страны.

В ходе подпольной деятельности Чен Сук рассказывала людям о боевых успехах КНРА, везде и всюду вселяя им веру в победу. Она помогла тем, кого беспокоил разрыв линии с революционной организацией, возобновить связь с ней, а также подготовила большое количество материалов для помощи партизанам.

О деятельности малой группы Ким Чен Сук печать того времени пишет: «Как уже сообщалось, в предрассветное время 4-го числа этого месяца в уезде Бурен провинции Северный Хамген появилась некая... группа. След этих преступников пока еще не обнаружен. Власти Бурена под моим подчинением, создав штаб расследования на железнодорожной станции Сокмак, развертывают деятельность... Результаты конкретного расследования этого дела на месте показали, что действия той группы отличались дерзостью... хотя не было человеческих жертв, но они унесли с собой золотые кольца, одежды, хлопчатобумажные ткани и другое, всего примерно на сумму 100 вон. Ушли они неспешно с обещанием снова прийти сюда 7-го или 8-го числа».

Эта информация говорит лишь об одном аспекте деятельности Ким Чен Сук. Для обеспечения безопасности группы и ее деятельности в обширных местностях она провела отвлекающую операцию, заставив врагов сосредоточить внимание под Сокмаком. Возвращаясь к себе с материалами, приготовленными всей душой жителями села Чжунпхен, она поручила им уведомить полицейский участок о том, что 7-го или 8-го числа группа снова придет туда. Поверив этой дезинформации, враги стянули туда силы и провели массированный поиск группы – как раз к назначенному числу. А за это время группа партизанских подпольщиков-политработников успешно провела политическую работу в другой местности и благополучно вернулась на базу.

Летом того года партизанская рота, которая по призыву Ким Ир Сена переместилась в Ванцин, вернулась в Чэчанцзыский партизанский район. Среди бойцов этой роты был и О Чжун Хыб. Он спел Ким Чен Сук «Песню об антияпонской войне», сочиненную Ким Ир Сеном в дни первой трудной экспедиции в Северную Маньчжурию.

Путь возвращения из похода в Северную Маньчжурию был поистине тернистым: непрерывное вражеское преследование и окружение, тяжелая болезнь Ким Ир Сена (сильная простуда, высокая температура и даже потеря сознания). Пытаясь взять

себя в руки, напрягая последние силы, он пел именно эту песню партизанам, готовым пойти на последний решительный бой.

Этой песне Чен Сук с большим энтузиазмом научила многих комсомольцев. Через несколько дней ее пели все партизаны и жители Чэчанцзы. С этой боевой песнею, призывающей на смертельный бой с японскими оккупантами: хоть сто раз падаешь – сто раз снова поднимайся, – жители Чэчанцзы преодолели последние жестокие лишения. На полях, наконец, стало наливаться и созревать зерно. И на лицах жителей, переживших небывалые трудности, засияла радость.

Ким Мен Хва, которая жила вместе с Ким Чен Сук в Чэчанцзы, вспоминает те тяжелые дни, и ее слова и сегодня задевают сердце каждого корейца до слез.

Однажды утром партизаны, поев жидкой похлебки, пошли на бой с карательным отрядом противника. Приготавливая для них ужин, Чен Сук ощутила душевную боль: чем же угощать их вечером, неужели все той же жидкой похлебкой? Она принесла вещмешок. В нем было немного муки. «Из нее можно делать особое блюдо» – думала Чен Сук. Вместе с Ким Мен Хва обходила лес, сдирая сосновую кору. Партизанки мололи ее и, перемешав с мукой, сделали клецки. К вечеру все было приготовлено. Это, действительно, была очень редкая, особая еда для жителей Чэчанцзы, перебивавшихся с хлеба на квас – питавшихся только жидкой похлебкой с сосновой корой.

Вечером партизаны, вернувшиеся с боя, были очень рады этой неожиданности. Ким Чен Сук вместе с подругой, сидя у порога кухни, с радостной улыбкой смотрела, как они с аппетитом едят клецки. Казалось, что как рукой сняло усталость, накопившуюся за день при сборе сосновой коры в лесу и приготовлении пищи.

Партизаны съели почти все, что было на столе. Вдруг Чен Сук побежала на кухню и принесла еще одну оставленную для себя порцию и отдала партизанам. Командиры отказывались, говоря: «Это для вас, вы ешьте».

Но она угощала этим «запасом» очень настойчиво, а Ким Мен Хва следовала ее примеру. Так в ту ночь Чен Сук и Мен Хва, не попробовав этого «особого блюда», улеглись в постели. Поглядывая в окно, через которое струился лунный свет, девушки долго не могли уснуть.

«Ты, Чен Сук, не чувствуешь голода?» – спросила шепотом Мен Хва.

«Нет, – тихо ответила Чен Сук. – Товарищи радуются, и я о голоде забыла. Думаю, что человек чувствует себя сытым не от одной еды. Без нее я могу терпеть сколько угодно, лишь бы товарищи были довольны».

После возрождения Родины Ким Мен Хва, вспомнив те дни, купила на Каругэском базаре в Пхеньяне кастрюлю таких же клецек и зашла к Ким Чен Сук.

Чен Сук очень радовалась этому. И приготовила для подруги суп с соевым творогом *тубу*. Но в тот день Чен Сук не смогла взять в рот ни одной клецки. К ее горлу подступил горячий комок при мысли о жизни на Чэчанцзыской партизанской опорной базе, полной лишений и испытаний, о ее жителях, умиравших с голоду, не имея даже корней травы, о тех товарищах, которые погибли, не увидев день победы революции.

3. ПОЛКОВОДЕЦ-ЖЕНЩИНА ГОРЫ ПЭКТУ

В СТРОЮ КНРА

1935 год. Чэчанцзыский партизанский район. Здесь 18 сентября открывается новая страница в биографии Ким Чен Сук – она вступает в ряды КНРА.

С того времени среди корейцев сложилось немало легенд о ней как «героине антияпонской войны» и «полководце-женщине горы Пэкту».

В Чэчанцзы гордо реет красный флаг. Перед знаменем партизанке Ким Чен Сук вручают оружие, пропитанное кровью и чаяниями погибших товарищей, воплощающее в себе беззаветное стремление всей нации к возрождению. Полная чести и гордости революционного бойца, она клянется:

«С этим оружием, пропитанным кровью предшественников-революционеров и призванным осуществить стремление народа к возрождению Родины, клянусь до конца оставаться верной Полководцу Ким Ир Сену. Беру эту одну винтовку как сотню винтовок, принимаю один этот патрон за сотню – так буду стрелять во врага!»

С первого дня своей партизанской жизни она была верна этой присяге. Получив при вступлении в партизанскую армию задание парторганизации – вести комсомольскую работу в отряде, она добросовестно его выполняет и одновременно активно участвует в занятиях по партизанской тактике и политучебе. Ни на минуту не выпускает из рук оружия, прилежно занимаясь стрелковой подготовкой. Искусством меткой стрельбы она широко

прославилась уже в первом боевом крещении – в боях по защите партизанского района.

В октябре 1935 года в Чэчанцзыский партизанский район от революционной организации контролируемого врагом района поступила информация: 10 тысяч солдат противника подняты на карательные операции в партизанской зоне.

В то время в Чэчанцзы было лишь немногим более ста партизан, членов Антияпонского отряда самозащиты и бойцов Молодежной добровольческой армии. Соотношение сил обеих сторон – 100 : 1. Слишком велика разница! Некоторые командиры не скрывали своей тревоги и озабоченности, а это сказывалось на настроении бойцов, занявших боевые позиции.

Ким Чен Сук была рядом с ними. «У нашей боевой позиции – глубокая река Гудунхэ, ее обрывистые крутые берега, – говорила она. – Сколько бы врагов ни шло против нас, мы вполне сможем отбить их». Так она вселяла в бойцов уверенность в победе.

Бой начался с рассветом. На партизанский район ринулись лавиной вражеские полчища, на вооружении которых были тяжелые и легкие пулеметы, артиллерия. В небе ревели самолеты противника. Атакуя с трех сторон, враги вдруг запнулись на берегу реки Гудунхэ – не знали, где партизаны. Пытаясь обнаружить позиции Народно-революционной армии, они довольно долгое время вели только артобстрелы и воздушные налеты. Чтобы продолжить наступление, противнику пришлось бы идти по узкому деревянному мосту, перекинутому через реку там, где сливаются ее притоки.

На этом рубеже, который можно было бы назвать «воротами» в Чэчанцзы, заняли боевые позиции лучшие стрелки партизанского отряда. Народно-революционная армия ничем не обнаруживала себя, и к полудню противник начал переправу через мост. Когда враги достигли середины моста, загремели партизанские залпы. Мост был буквально устлан трупами неприятеля.

Ким Чен Сук метким выстрелом поразила офицера-

самурая, который, бряцая саблей, гнал солдат в бой. Перепуганные смертью своего командира, солдаты спешно обратились в бегство. Укрывшись в лесу на противоположном берегу реки, они только палили в божий свет, как в копеечку. В ту самую минуту к партизанам прибежал комроты и говорит: «Эти сволочи пытаются прорвать оборонительную линию наших молодых добровольцев. Требуется подкрепление».

Ким Чен Сук тут же попросилась пойти на помощь. Позиции молодых добровольцев ей были знакомы – сама не раз бывала там. Туда она бросилась вместе с одним бывалым бойцом. С высоты было видно: большая группа солдат противника переправляется через реку Гудунхлхэ, а перебравшиеся уже начали подниматься в гору. Молодые добровольцы, не имеющие боевого опыта, растерялись, не знали, что им надо делать.

Сразу разобравшись в ситуации, Ким Чен Сук бежит к молодым добровольцам и громко кричит: «Товарищи! Скатим с горы камни! Подарим сволочам груду камней!» Вокруг лежали кучи камней, которые сложили во время фортификационных работ. Поняв ее совет, молодые бойцы устремились к кучам камней. Лавиной покатились камни с горы на атакующих врагов. Да, это был совершенно неожиданный для них «каменный удар». Каменные «сюрпризы» находили прилипших к кручам, и под градом камней враги издавали вопли растерянности и страха. Полная суматоха!

Стремясь развить успех, Ким Чен Сук командует бойцам Молодежной добровольческой армии: «Теперь не торопитесь! Возьмите на прицел по одному противнику и стреляйте метко!» И сама она стреляла точно: одна пуля на одного солдата противника – и ни единого промаха!

На следующий день бой был еще жарче. В ходе непрекращающегося боя у защитников высоты оставалось мало боеприпасов.

Ким Чен Сук и другие партизанки взялись за доставку патронов. Каждый раз она привносила по два тяжелых ящика с патронами. Партизанки много раз доставляли ящики. Перед

ними, спешащими на высоту, то и дело взрывались вражеские бомбы. Когда рассеялась завеса порохового дыма, они подняли голову и посмотрели вперед: не было видно взбиравшейся на высоту впереди всех Ким Чен Сук... Объятые зловещим предчувствием, подруги начали громко звать и искать ее. И вдруг увидели там, на самой высоте, появившуюся невесть откуда Ким Чен Сук, которая кричит: «Что вы, ребята, там делаете?!» Оказывается, когда рвались вражеские бомбы, она, проявив выдержку, устремилась вперед. Вдохновленные ее смелостью, партизанки продолжали с азартом переносить ящики с патронами и даже не ощущали на плечах тяжесть груза.

Оборонительный бой за Чэчанцзы закончился победой партизан.

Ким Чен Сук покинула Чэчанцзы в начале ноября 1935 года. Бойцы КНРА передвинулись оттуда в стороны Нэдосана и Михуньчжэня уезда Аньту. Идя в поход на Нэдосан, Ким Чен Сук не раз окидывала прощальным взглядом горные цепи Чэчанцзы. А после возрождения Родины партизанка, встречаясь со своими подругами – ветеранами антияпонской революции, часто воспоминала о незабываемой партизанской жизни в Чэчанцзы.

Двигаясь под завесой снежной вьюги, отряд спустя десять дней с небольшим остановился под Эрдаогоу уезда Аньту. Там находилась большая плантация женьшеня, хозяином которой был прояпонский наймит. С прибытием партизанского отряда владелец плантации убежал. Здесь отряд приобрел немало хозяйственных материалов.

Ким Чен Сук вела среди рабочих агитационную работу, и когда отряд уходил с женьшеневой плантации, все они добровольно помогали в перевозке трофеев.

Через несколько дней отряд неожиданно столкнулся с вражескими карателями. Предупреждающими мерами отряд подавил поначалу боевой дух врагов. Однако через некоторое время им удалось восстановить боевой порядок, и они начали отчаянно сопротивляться партизанам. Командование, сдерживая врагов, приказало нескольким бойцам идти в обход, чтобы занять

выгодный по рельефу и расположению рубеж.

Чен Сук вместе с ними ловко преодолевала полосу бурелома, метко стреляя в преследующих их вражеских солдат. Ее спокойные, расчетливые действия и меткая стрельба придали силы и смелости партизанам, растерявшимся было под натиском против-ника. Но один из новобранцев, который все время бежал вперед, не почувствовал, что ремень с винтовкой с его плеча уцепился за сучок дерева. Вокруг кричали, что винтовка повисла на сучке, но новобранец ринулся вперед, не заметив своей потери.

Увидев эту картину, Ким Чен Сук тут же повернула назад и бросилась выручать винтовку под градом вражеских пуль. «Ты куда?! Опасно!» – кричали бойцы, но она все-таки бежала к злополучному дереву.

Сорвав с сучка винтовку, она вернулась к бойцам. Лишь тогда тот новобранец, растерянно ощупав свое плечо, во всеуслышание закричал: «Где моя винтовка?!» – и подбежал к Ким Чен Сук.

«Спасибо вам! Спасибо большое!» – у него, тронутого самоотверженностью партизанки, на глаза навернулись слезы. Затем он просил ее не докладывать об этом командиру. Чен Сук посоветовала ему: «Вину-то не следует скрывать. Надо при всех откровенно признаться в своей ошибке, выслушать критику товарищей и воспринять всем сердцем эту критику. Это поможет тебе не повторять ошибки».

Итак, он признался перед боевыми друзьями в своих прегрешениях, сам выступил с самокритикой и поклялся быть отличным партизаном.

С того дня он и спать ложился с винтовкой.

Ее принципиальные советы, проникнутые самоотверженной любовью к товарищам, глубоко тронули струны сердец не только того виновного новобранца, но и всех других бойцов.

В конце ноября отряд прибыл в Нэдосан уезда Аньту. Гора Нэдо высится в таежном районе, с которого видна гора Пэкту на юго-западе. У подножия ее находится поселок, насчитывающий более 70 дворов.

Здесь партизанский отряд вел активную политическую работу. В частности, Ким Чен Сук – среди женщин. 3 февраля следующего года было создано общество женщин на базе подготовленного ей актива. На учредительном собрании Ким Чен Сук выступила с речью о необходимости тесного сплочения всех женщин в общество женщин. Остановившись на вопросе о вовлечении женщин в революционную организацию, она поставила перед обществом женщин очередную актуальнейшую задачу – как можно больше женщин объединить в обществе, усиливать их жизнь в организации, оказывать активную помощь партизанской армии, сохранять высокую революционную бдительность и воспитывать их семьи в революционном духе.

В поселке восстановили свою деятельность массовые организации, которые к тому времени либо прекратили свое существование, либо функционировали не надлежащим образом. Новые организации тут же развернули активную работу.

О деятельности отряда КНРА в Нэдосане японская печать того времени пишет:

« ... После дислокации в Нэдосане коммунистическая армия в ноябре 10 года сёва[10] (1935) собрала жителей поселка и отменила институт сельских старост, введенный при режиме Маньчжоу-Го. Был организован Крестьянский комитет. На совещании жители избрали председателя комитета, его зама, завхоза и других. Впоследствии Крестьянский комитет ... организовал помощь революционной армии, в том числе продснабжение, транспортировку грузов, добычу топлива и так далее. В начале февраля 11 года сёва создано общество женщин».

Наряду с массово-политической работой отряд активизировал военную деятельность. Таков был, например, бой возмездия с пресловутым отрядом комбата У марионеточной армии Маньчжоу-Го, расквартированным в Люшуцуне.

Его солдаты совершали дикие злодеяния: забили в

поселке даже племенных кур, налетели на празднование свадьбы, отобрали одеяла новобрачных, утащили с собой невесту и надругались над ней. А разгневанного прибежавшего вслед за ней жениха зверски убили. Ненависть жителей Люшуцуня к насильникам достигла предела.

13 января 1936 года километрах в четырех от Люшуцуня к партизанскому отряду присоединились некоторые роты 1-го полка, прибывшие к нему для совместных действий.

Казарма противника находилась в южной окраине Люшуцуня. Она была окружена высокой земляной стеной. С двух сторон ее стояли двухъярусные форты.

Ким Чен Сук была в составе 3-й штурмовой группы, задача которой состояла в том, чтобы ворваться в ворота крепости и атаковать казарму противника. Когда нападающие подошли к воротам, враг на форте обнаружил другую группу и открыл огонь. Создалась очень опасная ситуация. Разбить ворота и ворваться внутрь крепости стало невозможно. Перепрыгнуть же через крепостную стену в два человеческих роста вышиной тоже оказалось невозможным.

Ким Чен Сук, поплотнее прилипнув к стене, увидела под ногами остатки обвалившейся земляной стены. Казалось, можно было бы, посильнее толкнув слабую стену, совсем обвалить ее, создав тем самым уязвимые для преодоления преграды места. По ее предложению партизанский командир приказал одновременно всем толкнуть земляную стену, и тотчас часть ее рухнула. Штурмующие молниеносно ворвались в крепость. Боец Ан Тхэ Бом, поставив пулемет в проломе стены, стрелял очередями по кучкам противника, высыпающим из казармы. Враги Люшуцуня были полностью уничтожены.

Японские войска, смертельно перепуганные и встревоженные активной военно-политической деятельностью отряда КНРА в районе Нэдосана, начали карательные операции. Были подняты на ноги более 800 солдат и полицейских Японии и Маньчжоу-Го, в том числе

пресловутый отряд «Синсондэ» и японская минометная рота. «Синсондэ» – отряд головорезов, возглавляемый так называемым «командующим экспедиции по уничтожению бандитов Дунбяньдао» Ли До Соном. Впоследствии этот отряд палачей был полностью разгромлен партизанским отрядом Чвэ Хена в бою под Цзиньчанем.

В то время в Нэдосане было немного людей – работники швейной мастерской, пункта ремонта оружия, лазарета и других организаций интендантской службы, члены Детского отряда, а также немногим более 40 партизан. Однако партизаны и жители Нэдосана бесстрашно приняли бой.

Ким Чен Сук воевала на высоте. Порой она спускалась в деревню, чтобы вместе с женщинами подтащить в гору патронные ящики, поднималась на высоту с кипятком и вареным рисом.

Оборонительное сражение было в самом разгаре, когда ночью Ким Чен Сук вместе с другой партизанкой поднималась на высоту с кипятком для бойцов. Вдруг по середине склона она поскользнулась и скатилась с кручи в обрыв. Подруга обыскала Ким Чен Сук в сугробе, потерявшую сознание. Немного погодя она пришла в сознание. Как ни удивительно, но она все-таки удержала бак с кипятком, который должна была передать боевым товарищам.

Вдохновляемые ее горячей любовью к товарищам по революции и ее боевым духом, партизаны бесстрашно сражались с врагами, преодолевая лютый мороз и физическую усталость.

Ночные налеты Народно-революционной армии наносили большой урон живой силе противника. Страшась партизан, он не смел даже, дрожа от холода, разводить костры ночью. Однако враги, узнав о малочисленности партизан, не прекращали своих атак.

Ким Чен Сук выдвинулась на выступ высоты с той стороны, откуда больше напирал противник, и метким огнем косила врагов. Метрах в 400, у подножия горы, вражеский офицер

повел солдат в атаку. Одним выстрелом она сразила офицера. Очевидец ее удивительного искусства стрельбы, один из старых жителей села восхищался: «Я много лет воевал в Армии независимости, израсходовал, право же, добрых два мешка пулей. Но, честное слово, до сих пор не видал такого меткого стрелка, которому бы одного выстрела было достаточно для того, чтобы наверняка сразить одного неприятеля. Да, это настоящая героиня!» Столкнувшись с героическим сопротивлением партизан и жителей, противник удрал, потеряв убитыми более 300 солдат.

В феврале 1936 года партизанский отряд направился в Мааньшань уезда Фусун. Жители села Нэдосан, несмотря на метель, далеко провожали партизан.

После этого нэдосанцы, уходя от карателей, перебрались в Корею и другие края. И всюду, где они находились, из уст в уста передавались похожие на легенды рассказы о том, что в рядах Народно-революционной армии есть «женщина-полководец», обладающая непревзойденным искусством меткой стрельбы.

В МААНЬШАНЕ

От Нэдосана до Мааньшаня недалеко: можно дойти пешком за два дня. Однако поход с самого начала оказался невероятно трудным: пробираться приходилось через дремучие девственные леса, глубокий снег по пояс, крутые обрывы и горные перевалы...

Особая тяжесть выпала на долю Ким Чен Сук – под ее опекой в походе находилось более 20 членов Детского отряда, составлявших одну семью с партизанским отрядом еще в Чэчанцзы.

При отправлении из Чэчанцзы отдельные узколобые командиры и шовинисты требовали направить этих детей в

район, контролируемый врагом. По их мнению, дети мешают действиям отряда.

Ким Чен Сук сказала им, что их предложение противоречит замыслу Полководца Ким Ир Сена и что это очень опасная затея тех, кто не заботится о будущем корейской революции. Многие партизаны и партизанки активно поддержали ее.

Итак, из Чэчанцзы дети шли вместе с партизанским отрядом. Конечно, им было трудно и тревожно, когда пришлось отойти от отряда при столкновении с противником. Но им все же удалось добраться до Нэдосана вместе с отрядом. «Пусть умру, но в отряде партизан» – так думал каждый из них.

В Нэдосане Ким Чен Сук чинила детям их потрепанную одежду, делала все возможное, чтобы вылечить больных. На новом месте члены Детского отряда вели наблюдение за противником, несли караульную службу, помогали партизанам в боях с вражескими карателями.

А когда партизаны собрались покинуть Нэдосан, шовинисты и их прихвостни – некоторые командиры вновь настаивали на своем. Они пытались оторвать детей от партизанского отряда. «Как же мучить этих раздетых и разутых детей в такой мороз?! – говорили они. – Не жалко ли их? Ведь им нелегко действовать вместе с отрядом. Кроме того, разве они не мешали нашим боевым действиям при походе в Нэдосан?»

Ким Чен Сук протестовала: это полностью не соответствует фактам. Оставить в Нэдосане этих детей было бы стыдно перед погибшими товарищами. И она вновь и вновь упорно просила взять их с собой, готовая внести всю ответственность за них.

Шовинисты больше не могли противостоять ее доводам. Однако, когда отряд оказался под Мааньшанем, штаб полка, имея курс в сторону Цзяохэ, отдал приказ: подозреваемым в причастности к «Минсэндану» и членам Детского отряда оторваться от отряда и идти в Мааньшаньский тайный лагерь. Такова была новая

попытка узколобых шовинистов отделаться от них.

Ким Чен Сук, сдерживая бурлящий гнев, вела за собой изнемогающих детей в Мааньшань. Падающих от усталости она подбадривала: «Ничего, рабятки, еще немного пройдем – и уже Мааньшань!» Совсем юных малышей несла на своей спине. Наконец, дети добрались до назначенного места. А что ждало их в Мааньшане? Ни привета, ни радушной встречи. Начальник тайного лагеря сердито кричал: «Кто приказал, чтобы ты привела сюда детей? Знаешь, если дети рядом, – одна помеха боевым действиям. Уведи их подальше в сруб».

А бойцов, прибывших вместе с детьми, изолировали от тайного лагеря – как подозреваемых в причастности к «Минсэндану». Для них назначили другой тайный лагерь, Сампхоский.

Детям «подарили» бревенчатый «дом». Не было ни дверей, ни целых окон: приклеенная к рамам бумага была разорвана, прямо в комнату влетали снежинки. Там уже ютились несколько ребятишек из разных мест, причем одежда у них была куда хуже, чем у воспитанников Ким Чен Сук. И они следовали за партизанским отрядом, обуреваемые решимостью отомстить врагу за убитых родителей. А здесь, в Мааньшане, они превратились в отверженных. На попечении Ким Чен Сук оказались десятки детей.

Прошло два дня после «новоселья», но никто не явился хотя бы узнать, как им живется. За это время Ким Чен Сук вместе со своими воспитанниками починили «жилье», чтобы здесь можно было жить. Однако продовольствие взять было неоткуда. На третий день она обратилась с этим вопросом к начальнику лагеря, а он свирепо наорал на нее: «Знаешь ты, Мааньшаньский тайный лагерь – это не детский приют. Твое дело – отослать их во вражеский район, да побыстрее!»

Но она ни в коем случае не могла расстаться с ними. Накормить десятки детей – дело отнюдь не из легких, тем более для одной женщины. Мизерного количества

продовольствия, получаемого от этого хладнокровного деспота, не хватало и на один раз в день. Чтобы кормить детей, она откапывает в снегу корни съедобной травы, собирает в лесу падалицу. Сама утоляла голод чашкой воды.

У нее было немало хлопот: заботиться о больных детях, чинить изношенную одежду – лохмотья. День за днем шел в тяготах, без сна, без пищи. Чтобы достать что-то съедобное, однажды партизанка с детьми пошла в буддийский храм, что стоял на краю ущелья. В давно заброшенном храме, конечно, не было ни куска хлеба. Нашлось только несколько горстей рисовых отрубей.

Такая тяжкая жизнь тянулась около месяца. С каждым днем ухудшалось здоровье детей, росло число больных. Больше нельзя было оставить детей в таком ужасном состоянии. И она пошла к бойцам, которые с ней пришли в тайный лагерь. Однако у них, подозреваемых в причастности к «Минсэндану», положение почти то же, что и у детей. В Мааньшане пока еще не утихли свирепые вихри ультралевацкой борьбы против «Минсэндана». Однако у нее больше не на кого было опереться, кроме них.

«Все-таки надо идти куда-то, достать продовольствие, – со слезами на глазах говорит Ким Чен Сук командиру. – В таком положении дети, думаю, не проживут и нескольких дней. Прошу, помогите нам. Просьба к вам – создать небольшой отряд, чтобы приобрести продовольствие. Я сама пойду с отрядом».

Поддержанный бойцами, командир немедленно организовал небольшой продотряд. Было нелегко им, подозреваемым в причастности к «Минсэндану», принять такое решение.

Командир сказал ей, чтобы она оставалась в лагере и позаботилась о детях, пока остальные достают продовольствие. Однако Ким Чен Сук не согласилась: «Зачем мне быть здесь, если не могу покормить их хотя бы отваром? Да и отряд пополнится хотя бы одним человеком – так, думаю, больше удастся достать продовольствия. Не так ли?» И она действовала вместе с продотрядом, в составе которого только одна она не имела ярлыка причастности к «Минсэндану», но

без всяких колебаний действовала вместе с этими «подозреваемыми». К ней мальчики и девочки подбежали. Окружив ее, они со слезами просили очень-очень – не расставаться с ними. Она оставила для них небольшой запас зерна, собранный из вещмешков уходящих бойцов.

Небольшой продотряд сначала взял курс в сторону Фусуна. Но охрана противника здесь была столь усиленной, что пришлось изменить первоначальный план. Партизаны двинулись в другую сторону – в Линьцзян. У них не хватало боеприпасов для нападения на противника. Им, этим «подозреваемым людям», дали только несколько патронов. Прошла почти неделя после того, как продотряд отправился из Мааньшаня, когда, наконец, удалось достать немного продовольствия. Это было в селе Маихэ, находящемся километрах в 40 к востоку от Линьцзяна. Сельчане тепло встречали партизан, угощали разными блюдами. Ким Чен Сук, истерзанная думой о голодных детях в Мааньшане, не могла взять ложку в рот и сберегала пищу для детей в своем вещмешке.

Когда отряд, взяв с собой продовольствие, уже собирался покинуть село, налетели марионеточные войска Маньчжоу-Го под командованием японского инструктора. В предрассветной тьме партизанский отряд быстро вышел из деревни и занял позиции на выгодном для боя рубеже на середине горы. Поздно узнав про свое опоздание, враги начали подниматься по склонам горы. У партизан совсем не хватало патронов. Нужно было поджидать максимального приближения противника и уж тогда без промаха стрелять. И вот враги подошли почти вплотную. Грохнул залповый огонь партизан.

Ким Чен Сук прежде всего уничтожила вражеского пулеметчика, который, установив оружие, уже изготовился было к стрельбе. Остальные солдаты, лежа, не смели подниматься в атаку.

Ошеломленным первым ударом солдатам противника она кричала: «Не хочешь собачьей смерти наймита япошек –

брось оружие и патроны, беги, марш!», «Китайцев мы не тронем!» К ее агитации присоединились Ли Ду Су, Ким Хвак Сир и другие бойцы. Затем Ким Чен Сук вместе с партизанками запели «Песню о мятеже маньчжурской армии». Ошеломленные огненной агитацией партизан и громкой песней, солдаты войск Маньчжоу-Го ушли, оставив на поле боя оружие и боеприпасы.

Бой закончился победой, кроме того, было запасено продовольствие. Но перед возвращением в лагерь настроение у бойцов снова омрачилось. В лагере их ждали, думали они, по-прежнему неснимаемое подозрение в причастности к «Минсэндану» и холодный, злобный взгляд начальства.

В сердце Ким Чен Сук кипели возмущение несправедливостью и досада: «Почему они, эти мужественные в бою с врагом люди, все равно считаются связанными с «минсэндановцами»? Сегодня у нас, конечно, уже есть какой-то запас продовольствия. А насколько это поможет детям? И еще: что делать с их рваной одеждой?»

Ким Чен Сук с продотрядом находилась на пути в лагерь, когда их настигла неожиданная радость. Их встретил связной и сказал: «Ребята! В Фусун выступил товарищ Командующий! Он зовет вас!»

Бойцы продотряда издавали восторженные восклицания, кружились, обнимая друг друга. Ким Чен Сук была как бы во сне. Она вновь и вновь расспрашивала связного: «Скажите, пожалуйста, еще раз. Поподробнее. Здоров товарищ Командующий? Где сейчас он?» Какие бы суровые испытания ни грянули, где бы она ни находилась, партизанка всегда желала от всей души безопасности Командующего Ким Ир Сена.

Продотряд словно на крыльях ускоренным маршем направился в Мааньшань, где находился Ким Ир Сен. Ни крутые перевалы, ни глубокие леса – ничто не было им помехой. Поход продолжался день и ночь – без отдыха, без передышки. Отряд, наконец, вернулся в Мааньшань.

«Сестра!» – с криками бросились дети навстречу своей

воспитательнице. И вдруг она видит: вместо лохмотьев у них новенькая одежда! Узнала, что с ними произошло, – и у нее на глаза навернулись слезы.

... В Михуньчжэне завершилось заседание по вопросу формирования новой дивизии. Ким Ир Сен заслушал сообщение Пак Ен Суна о том, как живут члены Детского отряда в Мааньшане. По прибытии в Мааньшань Командующий навестил детей и узнал об их трудной жизни. Строго упрекая начальство тайного лагеря, он дал 20 юаней на покупку тканей для шитья детской одежды. Этот неприкосновенный запас денег он давно получил от своей матери Кан Бан Сок, когда встал на путь вооруженной борьбы. Но этих денег, к сожалению, не хватало. Чтобы дать всем юнцам новую одежду, он послал своего работника в Фусун к Чжан Вэйхуа с заданием – достать больше тканей...

Поглаживая новенькую одежду детей, Ким Чен Сук говорила им: «Ребята дорогие мои! Вам надо делом отвечать на большую заботу Полководца Ким Ир Сена! Где бы вы ни оказались, будьте его верными солдатами – теми, кто всегда следует за ним, кто надежно защищает его!»

Однако в срубе Сампхоского тайного лагеря в Мааньшане, куда вернулся небольшой отряд, по-прежнему бушевали свирепые вихри левачества. Как раз, когда Ким Чен Сук навестила партизан, начальник тамошнего лагеря в угрожающем тоне обратился к ним, жившим большими надеждами и ожиданиями: «Скоро с вами будет разговаривать Командующий Ким Ир Сен. Не забудьте своего положения, не теряйте перед ним разума!» Вмиг у них исчезли все надежды и ожидания. С первого дня, когда им приклеили ярлык «причастного к Минсэндану», эти «подозреваемые люди» то отрицали обвинения, то высказывали свой протест, но никто не верил их словам, никто не прислушивался к голосу протестующих. Только прибавлялось страниц «показаний» и «признаний».

И когда Ким Ир Сен вошел в казарму, никто из них не

смел поднять голову, никто не смог ответить на его вопрос: «Действительно ли вы, товарищи, состояли в «Минсэндане?» Когда Ким Ир Сен переспросил одного бойца, он, понурив голову, ответил: «Совершенно верно. Я был в «Минсэндане». Это был ответ человека уничтоженного, разочарованного, который думал: никто и ничто не спасет его из пучины беды.

Уловив такое их настроение, Ким Ир Сен вышел из казармы.

Ким Хвак Сир, Чан Чхоль Гу и другие партизанки, полные разочарования и обиды, начали хныкать. Ким Чен Сук, служившая вместе с Ким Хвак Сир в одном строю еще в Фуяньском партизанском районе, не могла сдержать нахлынувшее возмущение против несправедливости. Она обратилась к разочарованным: «Товарищи, скажите, кому вы хотите верить? Разве вы думали, что вашу чистосердечность докажет тот, кто с пачкой бумаг о «Минсэндане» холодно относился к вам и кто отстранил вас? Если не так, то скажите: почему и теперь, когда вы можете рассказать Полководцу Ким Ир Сену все о своих горечах и обидах, вы остаетесь подавленными из-за словечек того человека? Вас не освободит от этой обиды никто, кроме Полководца Ким Ир Сена! В любое время, на любом месте мы должны верить только Полководцу Ким Ир Сену, только следовать за ним!»

Ее слова дали большой душевный толчок, словно разбудили их душу. Ким Хвак Сир вдруг быстро пожала ей руку и выбежала из казармы. Минуту стояла за деревом и вдруг появилась перед Ким Ир Сеном, который с тяжелой думой шагал в тот самый бревенчатый дом.

«Полководец! – со слезами жалуется она. – Я не являюсь членом «Минсэндана»! Меня посчитали членом «Минсэндана» за то, что я вышла замуж за парня, которого подозревали в причастности к «Минсэндану». Но он не является «минсэндановцем». Я, разумеется, тоже не причастна к «Минсэндану». Подумайте, к чему нам быть японскими шпионами? И меня, и мамашу Чан Чхоль Гу из-за мужа обвинили в связи с «Минсэнданом».

Ким Ир Сен с партизанкой возвратились к тем «подозрева-

емым» бойцам. Много часов он выслушивал обиды всех присутствующих. Затем он спрашивал нескольких «чистых» от подозрения бойцов: «А что вы думаете об этих товарищах?» Никто не осмелился сразу встать и ответить. Ким Чен Сук встала и заявила: «Я не знаю, что и о чем написано в бумагах. Но я хорошо знаю этих товарищей, их готовность самоотверженно служить делу революции. Думаю, эти товарищи ни в коем случае не могут быть «минсэндановцами».

Доверие Ким Чен Сук к товарищам по революции было незыблемо в любой трудной ситуации.

Выслушав клятвы всех «подозреваемых», Ким Ир Сен заявляет: «…Отныне у вас, товарищи, все начинается заново. Значит, прошлое больше не будет большой проблемой. Перед вами – «показания», «справки», «свидетельства» и тому подобные кучи документов. Я верю вашей клятве, а не этим бумагам, – клятве сражаться на пути революции – той, что дали вы сами».

Затем он велел вынести все папки документов о «Минсэндане» на двор и сам поджег эту кучу на глазах более ста обвиненных в причастности к «Минсэндану». Да, это была великая, дерзновенная мера, которую мог принять только Ким Ир Сен – единственный спаситель корейской революции, переживавшей кризисную ситуацию.

На том месте, где только что сожгли кучу грязных документов, Командующий Ким Ир Сен объявил: всех бывших «подозреваемых» в причастности к «Минсэндану» принять в новую дивизию! Партизанку Чан Чхоль Гу, одну из них, он сам назначил поварихой при Ставке Командования.

Ким Ир Сен велел сшить всему личному составу главной партизанской части новую форму за счет тканей, приобретенных Чжан Вэйхуа в Фусуне. Ким Чен Сук со своими подругами шила новую форму – работала всю ночь напролет, не чувствуя усталости.

Очень взволновала ее весть о том, что Командующий решил действовать вместе с членами Детского отряда, как того пожелали дети.

Впоследствии мальчики и девочки Детского отряда

Мааньшаня и бывшие подозреваемые в причастности к «Минсэндану» выросли в горниле суровых испытаний в надежную когорту корейской революции и совершили славные боевые подвиги, которые стали немеркнущей страницей в летописи возрождения Родины.

Ким Чен Сук была причислена к 4-й роте 7-го полка главной части. Это была гавадейская рота, главным заданием которой была охрана Ставки Командования.

ВЕСНА В МАНЬЦЗЯНЕ

Весна 1936 года была для Ким Чен Сук первой весной после перевода в отряд под командованием Ким Ир Сена, ее она встретила в Маньцзяне.

По пути в Дунган главные силы КНРА остановились на несколько дней на привал под Маньцзяном. Здесь партизаны отдыхали, приводили себя в порядок, стриглись – готовились к следующему походу.

И вот на берегу речушки, протекающей рядом партизанским биваком, две девушки, одна из которых – Ким Чен Сук, стирали белье, проводили время в отдыхе.

Речка Маньцзян дышала весной. Она воскрешала в памяти девушек родную сторонку.

Чен Сук тихо пела песню, ту, которую любила петь в детстве в родной деревушке, и песню сразу подхватила подруга.

В то время Ким Ир Сен осматривал местность, где партизаны должны были остановиться на ночлег. Вдруг он услышал пение девушек, и ноги сами понесли его в ту сторону.

«Здравствуйте. И вы тоскуете по родине?!..» – сказал он, улыбаясь, когда девушки перестали петь.

Те быстро встали, одернули френчи, поправили волосы и стояли, не зная, что делать. А он стал рассказывать им о

красоте родного Мангендэ.

Закончив свой рассказ, он медленно прохаживался по берегу речки, охваченный глубокими впечатлениями, и запел негромким баритоном:

Когда я покидал родной край,
Моя мама пожелала: счастливо шагай!
У калитки стояла она в слезах,
Боль ее души звенит в ушах.

Недалеко от отчьего дома
Журчала небольшая речка.
Резвились там мои младшие братья
Вижу их перед глазами, как вчера.

Чен Сук в слезах слушала его песню «Тоска по родине». С тех пор песня стала ее самой любимой, с которой она не расставалась особенно в радостные и трудные минуты. Понятно, что именно ее она спела после возвращения на возрожденную Родину на встрече с жителями Чхончжина, устроенной в ее честь.

Но рассказ опять возвращается в Маньцзян.

В тот день у речки Маньцзян Чен Сук рассказывала Ким Ир Сену все, что произошло с ее семьей. Выслушав ее, он помолчал и проговорил:

«Нас свело общее положение. Значит, мы – люди, которым без революции не жить. Ведь люди, такие же, как мы, должны первыми из первых окунуться в революцию... Нам суждено жить революцией и сражаться только на этом пути».

Вдруг как бы невзначай остановился Командующий и спросил девушек, какое у них образование. Чен Сук ответила, что учиться в школе ей не довелось, а научилась грамоте в вечерней школе.

Он еле заметно кивнул головой и подбодрил их: надо учиться прилежно, тогда и сможешь вести революцию успешно. Вы - славные женщины, вставшие с оружием в руках на

священный фронт революции. Крепко запомните свою ответственность и будьте замечательными борцами, революционерками.

На партизанский привал спустились сумерки. Чен Сук присела на корточки у костра и с рвением записывала в книжку услышанное от Командующего и слова «Тоски по родине». Они глубоко запали в ее сердце, на всю жизнь стали ее убеждениями, девизом в жизни.

Весна в Маньцзяне была знаменательна для нее, обозначила целый водораздел в ее жизни. Ушла в прошлое та девушка, которая со дня своего появления на белый свет знала только муку мученическую, несчастье, печаль от утраты, глубокую обиду.

Отряд покинул Маньцзян и в конце апреля добрался до Дунганского тайного лагеря, который находится в таежных дебрях на плато высотой 1100 метров над уровнем моря.

Здесь открылось Дунганское совещание, вписавшее блестящую страницу в историю антияпонской национально-освободительной борьбы в Корее.

Место собрания подготовил один из взводов 4-й роты 7-го полка. В благоустройстве помещения участвовала и Ким Чен Сук, занимаясь, главным образом, работой с прибывающими из разных мест делегатами и патриотическими деятелями: принимала гостей, обеспечивала, насколько возможно, удобства для их жизни.

Совещание открылось 1 мая 1936 года, а 5-го числа Ким Ир Сен провозгласил на нем создание Лиги возрождения Родины – первой в Корее организации единого антияпонского национального фронта. Участники совещания избрали его Председателем ЛВР. Это стало историческим событием: на весь мир было провозглашено, что корейский народ имеет в его лице руководителя нации.

Выйдя из зала совещания, Чен Сук первой принесла эту волнующую весть ординарцам и партизанкам отделения питания.

«Радуйтесь, товарищ Командующий избран Председателем ЛВР!» – радостно крикнула Чен Сук.

Она глубже, чем кто-либо другой, осознала историческое значение события. Ким Ир Сен опубликовал «Учредительную декларацию Лиги возрождения Родины» и «Программу Лиги возрождения Родины из 10 пунктов». Чен Сук близко к сердцу еще раз восприняла намеченную Командующим великую программу возрождения Кореи, призывающую широкие массы людей сплотиться независимо от различий в классовой принадлежности, политических взглядах и вероисповедании, и его идею «поклоняться народу, как небу». Она рисовала в воображении будущее, когда весь корейский народ будет монолитно сплочен вокруг Ким Ир Сена и единым порывом поднимется на войну против японских захватчиков.

После совещания Ким Чен Сук пошла в печатную мастерскую при секретариате Ставки Командования, размножала на гектографе тексты названной Программы и распространяла их в части. Она раньше других постигла суть ее статей. И показала партизанам пример в самоподготовке, чтобы потом доступно разъяснять людям глубокие идеи «Программы Лиги возрождения Родины из 10 пунктов». Она часто призывала: «Тот, кто состоит в КНРА, не только боец, сражающийся с врагом с оружием в руках, но и пропагандист и организатор, призванный вооружить народ идеями товарища Командующего, мобилизовать его на их осуществление. Поэтому с врагом надо сражаться бесстрашно, как лев, а в народе – выступать в роли пламенного агитатора».

ПОДВИГИ, СОВЕРШЕННЫЕ В ФУСУНЕ

Это было после Дунганского совещания. С целью распространения пламени антияпонской вооруженной борьбы вглубь Кореи Ким Ир Сен форсировал работу по созданию Пэктусанской опорной базы. Для этого он направил главные силы КНРА в район Фусуна, чтобы подавить противника в

этом районе в военном отношении. В течение нескольких месяцев после Дунганского совещания были победоносно проведены многочисленные бои, в том числе бои в Лаолине, штурм в Синаньча, бой в Сигане и рейд на уездный центр Фусун.

Бой в Лаолине, проходивший 16 июня 1936 года, был первым боевым крещением, в котором приняла участие Ким Чен Сук под командованием Ким Ир Сена. Лаолин – высокий перевал, находящийся на рубеже уездов Фусун и Линьцзян. Его пересекает главное шоссе, соединяющее бассейн реки Амнок и внутренние районы Маньчжурии.

Поступили сведения о противнике: через Лаолин проходит отряд «Цзинъаньской армии», известный как самый жестокий в марионеточных войсках Маньчжоу-Го. По приказу Ким Ир Сена партизанский отряд незаметно занял благоприятные позиции на перевале.

Ким Чен Сук вместе с другими партизанками была в засаде на склоне горы метрах в ста от дороги, рядом расположились бойцы 4-й роты.

Около шести часов утра наблюдательный пост подал сигнал: появился вражеский отряд. Прошло немного времени, противник в количестве примерно двух рот начал входить в засадную зону. Когда все каратели втянулись в эту зону, Ким Ир Сен отдал приказ «Огонь!» Растерявшись от неожиданных дружных выстрелов партизан, противник метался в панике, даже не смея противостоять.

Своими меткими выстрелами Чен Сук укладывала врагов одного за другим. Она не упустила и того, который пытался юркнуть за скалу.

Не давая противнику передышки, Ким Ир Сен приказал перейти в атаку. Бойцы бросились на противника, крепко сжимая в руках винтовки со штыками. В самый разгар рукопашного боя толпа врагов пыталась удрать по склону горы и неожиданно столкнулась лицом к лицу с партизанками, в числе которых была и Ким Чен Сук. Эти солдаты из злейшей «Цзинъаньской армии», увидев перед собой женщин, с видом собственного

превосходства бросились на них со штыками наперевес.

В этом рукопашном бою Ким Чен Сук и другие партизанки сразили всех нападающих врагов и захватили немало единиц оружия. Проявленная ими в бою храбрость восхитила других бойцов и заслужила высокую оценку Командующего Ким Ир Сена.

Прошло время после боя в Лаолине. 10 июля происходил другой бой – штурм поселка Синаньча. Мудрость Чен Сук, выявленная здесь, и глубокое понимание тактического плана Командующего еще раз поразили других бойцов.

Синаньча представляло собой сравнительно большое коллективное поселение, примерно на 300 дворов. Оно было ограждено частоколом из бревен высотой в два-три человеческих роста. В центре поселения находились местный участок полиции Маньчжоу-Го и казарма вражеских войск. С горы, на которую поднялся партизанский отряд, весь поселок Синаньча был виден как на ладони.

По опыту прошлых дней бойцы думали, что штурм этого укрепленного поселка произойдет ночью. Глядя на вражеского караульного, с поднятой головой топчущегося у ворот, один из бойцов даже пошутил: «Сегодня ночью будешь путешествовать в царство теней».

Ким Чен Сук спрашивала того бойца, почему он думает, что штурм состоится ночью. Он ответил: потому, что лишь тогда возможно обеспечить внезапность; а без нее трудно нанести удар по казарме противника, опиравшегося на крепостные стены и форт. В доказательство он сослался как на решающий аргумент на свой боевой опыт, опыт многократного участия в таких налетах.

Чен Сук, глядя вниз на крепостной поселок, сказала товарищам: внезапность боя можно обеспечить не только ночью; момент начала штурма этого крепостного поселка можно выбрать и в какое-то другое удобное время, лишь бы гарантировалась внезапность атаки.

Наконец, Ким Ир Сен отдал приказ: среди бела дня совершить внезапное нападение на противника и занять

поселение Синаньча. При этом он использовал слабость противника: ночью у противника, сидящего за запертыми воротами, напряжены нервы до предела, а днем он оставляет ворота открытыми, и солдаты безмятежно заняты разборкой и чисткой оружия. Получая приказ о штурме, бойцы одновременно, словно давая обет, оглянулись на Ким Чен Сук.

Всего лишь через 20 – 30 минут бой завершился полной победой партизан. После боя они выступили перед жителями поселка с художественной самодеятельностью и не спеша покинули Синаньча.

Немного времени спустя был совершен налет на Сиган. Сиган расположен впритык к дремучим девственным лесам вокруг гор Пэкту, а это создает благоприятные для действий отрядов КНРА условия. Исходя из этого, противник разместил здесь целый полк марионеточной армии Маньчжоу-Го, используя этот поселок как передовую базу для карательных операций против партизан. Вокруг поселка была сооружена ограда из массивных бревен высотой в три человеческих роста, а снаружи выкопана канава со стоком глубиной более человеческого роста. Кроме того, на всех четырех углах крепости стояли форты, причем юго-восточный и северо-восточный форты имели подземные сооружения, а юго-западный и северо-западный были двухэтажными с наблюдательными вышками.

Опираясь на данные разведки, Ким Ир Сен решил одним ударом уничтожить противника в Сигане, применяя одновременно тактику огневого налета, огневой удар и агитации.

Бойцы немедленно принялись за подготовку огневого налета.

Замотав ватные мотки проволокой, они прикрепили к ним колючки, а затем замачивали их в керосине.

Помогая им в подготовке к бою, Чен Сук заметила, что колючки были слишком коротки и их количество мало. На крутом склоне крыши огневые мотки могут скатиться на землю. Значит, от того, как их сделают, можно сказать, зависит исход боя, а это прямо связано с делом осуществления тактического плана Командующего.

По совету Чен Сук бойцы делали колючки в ватных мотках побольше и подлиннее.

Вечером того дня неожиданно заморосил дождик, и крыша казармы противника стала скользкой. Однако брошенные бойцами-поджигателями огневые мотки, сплошь утыканные длинными колючками, не скатывались с крыши, и вражескую казарму охватило мощное пламя. Одновременно партизаны дружно начали огневой удар. Командир полка марионеточной армии Маньчжоу-Го поднял руки вверх. Так налет на Сиган завершился победой. Вражеский полк капитулировал, передав партизанам все вооружение и военные материалы.

Во исполнение тактического плана Ким Ир Сена – полностью разделаться с врагами в северо-западном районе гор Пэкту – 17 августа того же года был осуществлен рейд на уездный центр Фусун. В этом бою Ким Чен Сук совершила блестящий подвиг и прославилась как героиня антияпонской войны.

Фусун – один из укрепленных городов, расположенных возле гор Пэкту, – был таким опорным военным пунктом, которому враги придавали особое значение. Он составлял одно из важных звеньев в их системе «обеспечения безопасности и спокойствия в Дунбяньдао». Здесь был сосредоточен большой контингент вооруженных сил противника: отряды Квантунской армии, марионеточной армии Маньчжоу-Го и полицейские отряды, а также отборный отряд командира Такахаси, имеющий, как говорили, значительный боевой опыт.

В рейде на уездный центр Фусун вместе с отрядом КНРА приняли участие и некоторые китайские антияпонские отряды, в том числе 1-й отдельный отряд Вань Шуня и У Ичэна. Бой начался в 2 часа ночи.

7-й полк КНРА, в котором состояла Ким Чен Сук, скрытно приблизился к городку и внезапным налетом занял Восточный форт – без единого выстрела! Находящиеся в форте вражеские солдаты были взяты в плен. Затем полк резко изменил направление атаки – в сторону Малых Южных ворот. Противник внутри крепости упорно сопротивлялся, мобилизовав все вооруженные силы.

Предвидя, что бой может принять затяжной характер, Ким Ир Сен

переместил свой КП поближе к Малым Южным воротам и вызвал к себе Чен Сук. Он дал ей задание – вместе с семью другими партизанками приготовить завтрак для бойцов, расположившись в седловине неподалеку от Восточного форта. Это было место, где можно было развести костер, чтобы противник не мог обнаружить дым.

Прибыв вместе с другими партизанками в седловину, Чен Сук приняла меры предосторожности, и они стали приготовлять завтрак.

Но, к их удивлению, в тот момент китайские антияпонские отряды, атаковавшие городок с востока и севера, натолкнувшись на упорное сопротивление противника, начали в беспорядке отступать. И вражеские силы, противостоявшие там китайским отрядам, двинулись в сторону Малых Южных ворот. Сражение за их форт стало более ожесточенным, чем ожидалось. Беспорядочное отступление бойцов китайских антияпонских отрядов создало весьма неблагоприятную для отрядов КНРА ситуацию.

Решив выманить противника из крепости, чтобы уничтожить его вне городка, Ким Ир Сен приказал отрядам отходить на гребни гор Дуншань и Сяомалугоу.

Обманутые этой тактикой заманивания, враги открыли крепостные ворота и толпами побежали наступать. Один вражеский взвод бросился на седловину, чтобы занять ее первым. Седловина была для отрядов, ворвавшихся в крепость, единственным путем отступления в сторону Дуншаня. Если бы противник ее занял, то партизаны оказались бы во вражеском окружении, а партизанское командование, разместившееся вблизи Малых Южных ворот, могло бы подвергнуться серьезной, а то и непоправимой опасности. Враги продвинулись до рубежа, за которым находились партизанки, намереваясь блокировать путь отхода отрядов КНРА от Малых Южных ворот.

Ким Чен Сук призвала партизанок к смертельному бою: «Товарищи! Будем сражаться с врагом не на жизнь, а на смерть. Защитим жизнью безопасность Ставки Командования!» Первым выстрелом из маузера она уложила вражеского пулеметчика, уже

готового открыть стрельбу. Вместе с ней другие партизанки обрушили на врага меткий огонь. Ошеломленные внезапным ударом, враги на какое-то время растерялись и просто палили наугад. Затем, заметив, что против них партизанок немного, бросились с громкими криками в атаку. Однако в толпы приближавшихся врагов полетели гранаты. Враги яростно атаковали партизанок. Противник хорошо понимал: исход боя решится в пользу того, в чьих руках будет седловина.

Ким Чен Сук, держа по маузеру в каждой из рук, обрушила на врагов град метких выстрелов, невзирая на дождь вражеских пуль. Стреляя из маузеров, Чен Сук уложила более 10 вражеских солдат. Ким Хвак Сир тоже метко стреляла во врагов, а в глазах ее сверкали огоньки.

«Грудью защитим Ставку Командования!» – кричала Чен Сук. Ее призыв вдохновил подруг на ратный подвиг, еще жарче разжигая ненависть к врагу.

Выстрелом из маузера Ким Чен Сук уложила вражеского офицера, который подгонял солдат в атаку, спрятавшись за деревом. В рядах противника возникли хаос и неразбериха. А на помощь партизанкам уже прибежали бойцы 4-й роты 7-го полка. Перекрестным огнем они полностью уничтожили врагов. Тем временем главные силы партизанского отряда благополучно отошли и, устроив засаду, полностью разгромили пресловутый вражеский отборный отряд во главе с командиром Такахаси, преследовавший партизан.

В своих мемуарах «В водовороте века» Ким Ир Сен воспоминал о рейде на уездный центр Фусун, в котором Ким Чен Сук, держа по маузеру в каждой руке, едва ли не мгновенно уложила более десятка врагов. Он писал: «Надо сказать, что в тот день наше командование фактически было спасено партизанками – героическими защитницами седловины. Если бы они не остановили натиск врага, то мы не смогли бы подняться на Дуншань раньше, чем противник».

Итогом многих боев стали благоприятные условия для создания Пэктусанской опорной базы. Главная часть КНРА снова зашла в поселок Маньцзян, в котором она была несколько месяцев назад, и остановилась там на несколько

дней. Ведя среди жителей поселка разъяснительную работу, Ким Чен Сук вселяла в их сердца идеи «Программы ЛВР из 10 пунктов» и одновременно активно развернула художественную самодеятельность.

Революционный спектакль «Море крови» и другие представления художественной самодеятельности, показанные бойцами главной части КНРА, произвели глубокое впечатление на жителей Маньцзяна. После этого партизанский отряд отправился, наконец, в поход в район гор Пэкту.

ПЭКТУСАНСКИЙ ТАЙНЫЙ ЛАГЕРЬ

Главная часть КНРА, которую тепло провожали жители Маньцзяна, начала поход в пограничный район в бассейне реки Амнок. Сквозь бесконечный дремучий лес отряд добрался до Догулина – высокого и крутого перевала к юго-западу от горы Пэкту.

Поход был трудным. Но бойцы, вдохновленные словами Ким Ир Сена о том, что с вершины этого перевала видна родная земля, забыли про усталость, поднимаясь в гору.

«Родная земля, товарищи!» – раздался гулкий голос Ким Ир Сена, уже стоящего на вершине.

Чен Сук, держа за руки подруг – партизанок, на одном дыхании поднялась на вершину горы. Перед их взором гордо стояла гора Пэкту с седой макушкой, гора-родоначальница Кореи, высящаяся с незапамятных времен. А вдали – темно-синие горные хребты родной страны, словно стекавшие с горы Пэкту. Все это виднелось, как одна красивая живописная картина.

Долгожданная Родина! Как тосковали по ней партизаны! Как ждали они этого дня с тех пор, как взяли в руки оружие и выбрали путь борьбы!

Чен Сук спросила у Командующего, в какой стороне

Хвэрен.

Ким Ир Сен, указывая вдаль на северо-восток, где виднелась гора Пэкту, ответил: «Хвэрен далеко, за горой Пэкту, у берегов реки Туман».

С чувством глубокого волнения Ким Чен Сук всматривалась вдаль, за гору Пэкту, куда указывал Ким Ир Сен.

Обводя рукой родную землю в бассейне реки Амнок, Ким Ир Сен сказал бойцам: «Товарищи! Смотрите туда, на это бесконечное море леса, крутые и обрывистые скалы, глубокие ущелья. Какие замечательные природные крепости! Эти неприступные крепости в горной цепи Пэкту – горы-родоначальницы Кореи предоставят нам обширную арену для славной борьбы. Теперь мы будем использовать эти природные крепости в больших лесных массивах и, создав тайный лагерь в дремучей тайге у подножия горы Пэкту, будем крепко объединять народ, организуя фронт за возрождение Родины, чтобы еще сильнее разгоралось на родной земле пламя борьбы за ее возрождение».

Слова Ким Ир Сена глубоко запали в сердце Чен Сук. Перед ее мысленным взором представал весь пройденный до этого места, откуда видна гора Пэкту, путь – кровопролитный путь сквозь лес оружия и штыков.

Именно на этом пути в сто крат расширилась и укрепилась мощь КНРА – стержневой силы корейской революции, была создана Лига возрождения Родины – постоянная организация единого антияпонского национального фронта, под знаменем которой сплотились различные слои населения.

Теперь можно, базируясь на горных массивах Пэкту, сплачивать все патриотические силы внутри Кореи воедино и развертывать всенародную борьбу за дело возрождения Родины.

Вынашивая такой замысел, Ким Ир Сен сразу после Дунганского совещания решил немедленно создать в районе гор Пэкту новую революционную опорную базу и направил туда Ким Чжу Хена и Ли Дон Хака во главе передовой группы.

В день их выступления в район гор Пэкту с целью

определения места будущего тайного лагеря Ким Чжу Хен выразил свое мнение: надо оставить в отряде Ли Дон Хака, комроты, отвечающего за охрану Ставки Командования. А работу по определению места Пэктусанской опорной базы, по его мнению, сам возьмет на себя, хотя это дело не из легких.

Выслушав его, Ким Чен Сук возразила: «Думаю, вас направляет туда Командующий Ким Ир Сен специально в качестве передового отряда, так как работа по созданию новой революционной опорной базы в районе гор Пэкту – дело важнейшего значения, связанное с развитием корейской революции в целом. Вы не беспокоитесь об охране Ставки Командования. Эту работу мы возьмем на себя. Вас же прошу приложить все усилия для успешного выполнения поставленной задачи».

Так Ким Чжу Хен и Ли Дон Хак первыми отправились в район гор Пэкту, чтобы определить место будущей базы.

Спустившись с перевала Догулин, партизанский отряд вступил на землю Чанбая. Там Ким Чен Сук приложила все усилия для создания Пэктусанской опорной базы.

Она активно участвует в военно-политической деятельности в районах вокруг горы Пэкту, совершает блестящие подвиги в боях в Дадэшуе и под Сяодэшуем, в Дунгане, что в Шивудаогоу, в Тяньцяогоу, во встречном бою под Лунчуаньли, в Эрчжундяне, что в Эршидаогоу. В селах Синьчандун, Цзичжоудэ, Тяньшаншуй и Хуангундун она развернула активную политическую работу среди жителей, сплачивая их вокруг ЛВР.

Ранним утром 20 сентября 1936 года партизанский отряд под командованием Ким Ир Сена покинул село Хуангундун, что в Эршидаогоу уезда Чанбай, и отправился в поход на северо-восток. Впереди отряда шел Ким Чжу Хен в качестве проводника.

Поход был нацелен на осуществление плана Ким Ир Сена, что прибавляло сил Ким Чен Сук: она без устали шла с тяжелыми вещами, включая кухонную утварь, помогала и другим партизанкам.

Отряд пробирался сквозь таежные дебри, к вечеру добрался до ущелья Собэксу. Ущелье, окруженное высокими горами, казалось даже уютным.

Уже утром следующего дня в палатке Ставки Командования состоялось собрание командного состава главной части КНРА, на котором был обсужден ряд вопросов. Серьезное внимание было уделено, в частности, форсированию работ по созданию Пэктусанской опорной базы. Этот вопрос имел два аспекта: строительство тайного лагеря и создание революционных организаций.

С утра следующего дня после собрания командиров началось строительство тайного лагеря, в котором Ким Чен Сук приняла активное участие.

Сердцевиной сети тайных лагерей в горах Пэкту был «Пэктусанский тайный лагерь №1», который строился в ущелье Собэксу. Его место было определено Ким Ир Сеном. Именно это и есть Пэктусанский тайный лагерь, известный сегодня корейскому народу как священное место революции.

Ким Чен Сук разъясняла бойцам, участвующим в создании Пэктусанского тайного лагеря №1, значение его строительства и сама прилагала все усилия для успеха этой работы.

После завершения строительства лагеря Чен Сук, обдирая кору с деревьев в окружности лагеря, писала на стволах многозначительные лозунги. Например: «Над горой Пэкту появилась Полководческая Звезда. Она ярко освещает три тысячи ли», «Против идеи об уважении только мужчин и презрении к женщинам! Да здравствует эмансипация женщин! Обнищенные и униженные корейские женщины! Все поднимайтесь на борьбу против японских захватчиков!»

Строительство Пэктусанского тайного лагеря в ущелье Собэксу означало создание центрального пункта для надежного руководства корейской революцией, что дало возможность последовательно осуществлять руководство корейской революцией в целом. Вслед за этим лагерем были построены многие тайные лагери-спутники: в районах гор Пэкту внутри

Кореи – Сачжабонский, Комсанский, Соносанский, Канбэксанский, Мудубонский и Соенчжибонский, а в районе Западного Цзяньдао – Хэйсяцзыгоуский, Диянсиский, Эрдаоцзянский, Хэншаньский, Лиминшуйский, Фухоушуйский и Цинфэнский.

Когда Пэктусанский тайный лагерь был построен, Ким Чен Сук вела активную деятельность по созданию сети подпольных организаций.

После руководства строительством Пэктусанского тайного лагеря Ким Ир Сен отправился в Хэйсяцзыгоу. Перед отъездом он дал Ким Чен Сук задание – ознакомиться с конкретным положением дел в бассейне реки Амнок.

В то время в Рименсу и других районах вокруг гор Пэкту создавались организации ЛВР: эта работа началась еще с июня того года под руководством Ким Чжу Хена.

Ким Чен Сук направила в эти организации связных с соответствующим заданием. Дело в том, чтобы разузнать о положении дел в бассейне реки Амнок, в том числе и в Хэсане, в частности, в районах вокруг гор Пэкту; собрать сведения о составе населения, о настроениях местных жителей, о деятельности революционных организаций. Вместе с тем она дала конкретные поручения – расширять и укреплять организации, активизировать помощь КНРА.

В результате в Рименсу, Пхотхэсане и других районах вокруг гор Пэкту быстро разрасталась сеть организаций ЛВР.

В то время в тайный лагерь приходили многие революционеры, борющиеся внутри Кореи, чтобы встретиться с Ким Ир Сеном. Среди них были Ли Чжэ Сун и Пак Дар[12].

Однажды в сопровождении комроты Ли Дон Хака Ли Чжэ Сун проходил мимо казармы партизанок. Как раз там была Ким Чен Сук, которая занималась чисткой оружия. Остановившись на минуту, Ли Чжэ Сун посмотрел на нее. Комроты Ли Дон Хак рассказал ему, что она завидно меткий стрелок и ею гордится весь отряд, при этом привел несколько примеров.

Ли Чжэ Сун спросил у Ким Чен Сук, каковы секреты меткого

стрелка.

Чен Сук ответила: «Я юная партизанка. У меня еще нет особого мастерства в стрельбе».

«Если я не уложу противника одним выстрелом, – продолжала она, – то он сразит меня. Тем более Полководец Ким Ир Сен вместе с нами, ему грозит постоянная опасность. Потому я всегда и упорно занимаюсь тренировкой в стрельбе, чтобы одним махом уничтожить противника, когда и где бы он ни появился... Я считаю, что бойцы КНРА должны всем своим телом и всем своим духом стать оружием, охраняющим великого Полководца и защищающим корейскую революцию».

Ли Чжэ Сун сказал на это: «Здесь, в тайном лагере, мне довелось знать секрет меткой стрельбы. Клянусь, и я стану оружием, охраняющим Полководца Ким Ир Сена, защищающим штаб корейской революции». Своим словам он был верен до последней минуты жизни. Кончая свои дни на плахе, он до смертного часа не выдал секрет расположения Ставки Командования во главе с Ким Ир Сеном, секреты организации.

Прежде чем покинуть тайный лагерь, Ли Чжэ Сун высказал Ким Ир Сену свое желание надеть хотя бы разок военную форму революционной армии. Ким Чен Сук, узнав об этом у комроты Ли Дон Хака, сама выбрала форму самого подходящего размера для Ли Чжэ Суна, привела ее в порядок и принесла ему форму.

Ким Чен Сук произвела глубокое впечатление и на Пак Дара во время его пребывания в тайном лагере. Он встретился с Ким Ир Сеном по рекомендации Ли Чжэ Суна. Однажды Пак Дар спросил у заботливой и всегда улыбающейся Ким Чен Сук, не трудна ли ей, девушке, партизанская жизнь. Вопрос закономерный: ведь, пребывая в тайном лагере, он собственными глазами убедился в трудностях партизанской жизни, протекающей в непрерывных боях и походах.

Чен Сук ответила, тихо улыбаясь.

«Бывает, конечно, тяжело, трудностей много. Не случайно говорят, что революция полна трудностей. В каждый трудный момент я думаю о том, что для достижения возрождения Родины и отмщения за обиду родителей, братьев и сестер мы должны под руководством Ким Ир Сена преодолевать все и всякие невзгоды и лишения, считая это радостью, и бороться с врагом. При такой мысли я снова поднимаюсь на ноги, одолев трудности, и чувствую смысл свершения революции. Я решила неизменно идти по той дороге, которую сама выбрала, и отдать всю свою жизнь делу революции».

В тот день в памяти Пак Дара глубоко запечатлелся вместе с Пэктусанским тайным лагерем – этой сердцевиной корейской революции – облик Ким Ир Сена и Ким Чен Сук. Впоследствии, когда Пак Дар скрывался от японцев, преследующих его в связи с «Хэсанским делом»[13], и встретился однажды с Ким Чен Сук возле каменной пещеры в Чхонсансу, он сразу узнавал ее, несмотря на то, что встреча состоялась около два года назад. «Товарищ Ким Чен Сук!» – воскликнул он, подбежав к ней.

В первые годы после возрождения Родины, когда Пак Дар, будучи уже лишенным свободы передвижения инвалидом, поиялся в Пхеньяне, Ким Чен Сук тепло встретила его и заботилась о его здоровье. Она часто навещала больного (его дом находился рядом с резиденцией Ким Ир Сена) и вдохновляла его воспоминаниями о встречах в Пэктусанском тайном лагере и возле каменной пещеры в Чхонсансу.

Ким Чен Сук проявила теплую заботу и о Ким Чжон Бу, о котором вспоминает Ким Ир Сен как о «помещике-патриоте». Ким Чжон Бу с лета 1936 года провел несколько месяцев в Хэншаньском тайном лагере Пэктусанской опорной базы. Тогда некоторые бойцы были очень недовольны тем, что помещика Ким Чжон Бу угощали белым рисом, когда им пришлось подавать Командующему Ким Ир Сену одну кукурузную похлебку. Узнав об этом, Чен Сук сказала бойцам, что Ким Чжон Бу – человек, любящий свою Родину и нацию, и еще раз разъясняла им идею Ким Ир Сена о

едином антияпонском национальном фронте, суть которой – для достижения возрождения Родины вся корейская нация должна подняться на священную борьбу против японских захватчиков: у кого есть силы – силами, у кого знания – знаниями, у кого деньги – деньгами.

Покидая тайный лагерь, Ким Чжон Бу уверял Ким Ир Сена в том, что он решил помогать Народно-революционной армии до последнего дыхания, что до конца останется на стороне Ким Ир Сена. Он сдержал свое слово – сделал все, что мог, для оказания помощи КНРА.

Ким Чен Сук обращала серьезное внимание на то, чтобы все новобранцы в части, которой командует Ким Ир Сен, имели облик, подобающий бойцам этого отряда.

Малые отряды, действовавшие в то время в различных районах, собрались по вызову Ким Ир Сена на Пэктусанской опорной базе, и их бойцы были зачислены в главную часть КНРА. Однако некоторые из вновь зачисленных бойцов ходили в неаккуратном виде, не содержа в порядке полученную ими новую форму, а иные не брили отросшие бороды, считая все это пустяковым делом, а то и вполне допустимым в партизанской жизни.

Ким Чен Сук убеждала их, чтобы они осознали свои ошибки. «Наша главная часть, – сказала она, – смогла стать стальным отрядом, обладающим непобедимой боеспособностью, именно потому, что мы действовали только согласно приказам и указаниям товарища Командующего. Нам следует сознательно соблюдать дисциплину и порядок, установленные им, и внешность бойцов должна быть подобающей отряду под его личным командованием».

Благодаря ее серьезному вниманию и заботе все новобранцы сознательно соблюдали не только дисциплину, но и внешнюю аккуратность, как это и полагалось бойцам части Ким Ир Сена.

Не случайно местные жители называли главную часть КНРА, возглавляемую непосредственно Ким Ир Сеном, «студенческим отрядом», а противник, преследовавший партизан, начал узнавать, что это отряд Ким Ир Сена, всего

лишь по следам костров на биваках, – и тут же поворачивал обратно. Во всем этом была и немалая доля усилий Ким Чен Сук.

В отряде состояло немало новичков, пришедших из района Чанбая, им было весьма трудно привыкнуть к партизанской жизни. Среди них был и Ма Дон Хи. Он страдал плоскостопием, из-за чего партизанская жизнь для него была особенно тяжела, ведь она наполнена непрерывными походами и боями. Во время похода от сильного утомления он порой даже не сознавал, что с него сваливается одежда.

Ким Чен Сук уделяла ему постоянное внимание: во время похода подбадривала его, помогала ему в занятиях стрельбой и в глубоком изучении революционных идей Ким Ир Сена.

Ма Дон Хи стал лучшим бойцом КНРА. Был храбрым в бою и показывал другим пример в учебе. Только скажут ему, что состоится занятие, он, только что валившийся от усталости, сразу встает, первым приходит на занятие и принимает активное участие в семинаре. Именно во время учебы он был наиболее активен.

Во время пребывания в Пэктусанском тайном лагере он несколько раз шел на подпольную работу, получая задания непосредственно от Командующего Ким Ир Сена. Он с глубоким уважением относился к Ким Чен Сук и во всем старался учиться у нее: ведь она наиболее правильно поняла идеи и планы Командующего Ким Ир Сена, была известным метким стрелком и бесконечно самоотверженной в помощи товарищам.

В частности, ее слова, сказанные во время похода на Фусун в марте 1937 года, запомнились ему на всю жизнь.

Поход на Фусун был весьма утомительным. Сразу как только раздавалась команда «Отдохнуть!», бойцы сразу ложились спать у костра. Однажды Ма Дон Хи уснул мертвым сном и не почувствовал, что у него загорелся треух.

Чен Сук сняла с него шапку осторожно, стараясь не разбудить его, и стала зашивать прогоревшее место треуха. Пробудившись ото сна спустя некоторое время, Ма Дон Хи сконфуженно погладил себя по голове. Увидев его растерянный вид, она с улыбкой сказала: «Искра прожгла

вашу шапку. Такое часто бывало и с нами, когда мы были новичками».

Ма Дон Хи сказал о том, что он даже не мечтал о шапке, когда ходил в начальную школу. «Эта военная шапка, – говорит он, – первая шапка в моей жизни».

«Тогда я занял первое место в учебе, – продолжает он, – но не мог надеть шапку – не было денег. Однажды учитель проявил несправедливость в оценках – дал первенство мальчику из богатой семьи. Возмущенный этим, я сразу бросил школу. А в тот день отец купил мне головной убор для школьника на базаре. Но его уже мне не было нужно. Да, эта школа была не та, в которую мне следует ходить. А вот партизанский отряд – это революционная школа, где мне нужно учиться, и военный головной убор бойца революционной армии – это именно тот, который мне нужно носить».

Между тем Чен Сук прикрепила к шапке красную звездочку и, отдавая шапку хозяину, сказала: «Надеюсь, что эта красная звездочка станет звездой убежденности, звездой преданности. Она поможет вам, даст новую силу в дальнейшей трудной борьбе, чтобы вы стали революционером – борцом, бесконечно верным товарищу Командующему».

Позже Ма Дон Хи был арестован врагами и брошен в тюрьму. В тюремных застенках он сам отрезал свой язык, чтобы не выдать врагам тайну Пэктусанского тайного лагеря, и пал смертью храбрых.

Ким Чен Сук примером своей жизни показывала другим бойцам, что обеспечение безопасности Командующего Ким Ир Сена является их высшей, самой важной революционной задачей. Она добровольно стояла на посту караульной службы – и в зимнюю ночь, когда свирепствовала вьюга и от мороза трескались деревья толщиной в один обхват, и когда все бойцы не могли встать на ноги, утомленные непрерывными боями и форсированным маршем.

Партизанки знали, что каждый день Ким Чен Сук встает в предрассветное время, они думали, что она делает это,

чтобы приготовить завтрак. Однако однажды они увидели, что Чен Сук с винтовкой на плече обходит вокруг бревенчатого дома, где находится партизанская Ставка Командования и бдительно наблюдает за окрестностью, тонущей в предрассветной мгле. Лишь тогда они поняли, что она поступает так, чтобы охранять безопасность Ставки Командования.

Ким Чен Сук говорила тем бойцам, которые идут на караульную службу: «Не забывайте, товарищи, о том, что нужно постоянно наблюдать место нахождения товарища Командующего. Сейчас обстановка вокруг нас исключительно трудна и сложна. Мы должны сами стать пулезащитным щитом, охраняющим его».

3 января 1937 года Ким Чен Сук вступила в компартию. Это стало новой вехой в ее революционной жизни, отданной целиком священной борьбе за возрождение Родины и счастье народа.

4. В РАСПОЛОЖЕНИИ ПРОТИВНИКА

В ПОСЕЛКЕ ТАОЦЮАНЬЛИ

Стремясь еще более укрепить организации ЛВР и быстро расширить их сеть в масштабе всей страны, Ким Ир Сен направляет лучших подпольщиков-политработников в разные районы Кореи и за ее пределы.

В середине марта 1937 года, когда партизанский отряд прибыл в район Сигана, он поручает Ким Чен Сук задание вести в районе Таоцюаньли – Синпха подпольно-политическую работу. Конкретнее: базируясь в Таоцюаньли, наладить дела в районе Сяганцюя, затем открыть синпхаский канал и расширить сеть организаций ЛВР в районах, прилегающих к Восточному морю Кореи. Ознакомив ее с поручением, Ким Ир Сен сказал: «Мы верим, что вы вполне сможете справиться с этой трудной задачей. При каждом столкновении с трудностями опирайтесь на товарищей и народ».

Ответ был краток: «Товарищ Командующий, непременно выполню задание и вернусь в часть!» В ее словах звучала твердая решимость – оправдать его доверие и ожидания в любых суровых испытаниях и трудностях.

В то время японские оккупанты отчаянно пытались блокировать рейды КНРА в Корею, сосредоточивая свои военно-репрессивные силы в пограничном районе у реки Амнок. Одновременно они с помощью своих лояльных прислужников из прояпонской организации «Кёвакай»[14] усиленно распространяли самую гнусную ложь и клевету насчет КНРА, пытаясь охладить революционную страсть населения.

Покинув Ставку Командования, Ким Чен Сук ступила на землю Чанбая. Первый пункт маршрута – тайная явка более

чем в восьми километрах от Тяньшаншуя. Находясь здесь около полумесяца, она направляет дела филиала ЛВР, изучает газетные информации, встречается с Ким Чжэ Су и другими подпольщиками, знакомится с положением дел в Таоцюаньли, Сяганцюе и районе Синпха в Корее, словом, готовится к подпольной работе.

В начале апреля того же года она направилась в поселок Таоцюаньли под другой фамилией и именем – Ом Ок Сун, переселенки из Мусана.

Таоцюаньли – сравнительно большое горное селение, насчитывающее более 200 дворов; к главному поселку примыкали несколько горных деревень.

Первым делом она встретилась с Чон Дон Чхором, старостой Таоцюаньли, состоящим в подпольной организации, разузнала от него в подробностях о положении в поселке, составе граждан, их принадлежности к организациям и так далее.

В Таоцюаньли, Яофанцзы и других селениях, конечно, были созданы филиалы и отделения ЛВР, но действовали они не очень динамично. Оставались нерешенными немало вопросов, например, о подготовке актива, воспитании масс в революционном духе, о расширении организаций.

Староста обрадовался: «Теперь уверен, что дела пойдут на лад. Ведь Полководец Ким Ир Сен лично послал к нам подпольщицу». Ким Чжэ Су тоже, по-видимому, успокоился. Ким Чен Сук сказала: «Полководец Ким Ир Сен нас учит: заслужишь уважение и доверие народа и приведешь его в действие – не будет ничего неосуществимого. Сама буду заниматься земледелием, пойду в гущу народа».

Днем она трудилась в поле с сельчанами, вечером навещала каждую семью, знакомилась с людьми. За неделю ей удалось запомнить почти все названия дворов, скажем, «пукчхонский», «капсанский» и так далее, а также фамилии и имена жителей более 200 семей.

В эти дни она делает все, чтобы искуснее замаскировать себя как подпольщицу. Ночью тренируется у колодца носить воду на голове, привыкает к походке с ношей воды. Перед весенним праздником *суринар*[15] несколько дней по ночам

учится качаться на качелях.

В один из летних дней у старосты Чон Дон Чхора был устроен банкет по случаю дня рождения сына. Там собрались подпольщики-политработники и члены подпольных организаций. Присутствовали также полицейские, старосты сел и тайные сыщики.

Чтобы замаскировать подпольщиков от зоркого глаза противника, Ким Чен Сук заранее с Чоном условились по традиционному обычаю кланяться друг другу. Сама она сделала низкий поклон Пак Чен Сук со словами: «Очень рада видеть вас». Ради этого одного момента Ким Чен Сук с помощью старосты не раз упражнялась в исполнении этого «земного поклона».

Для жителей Таоцюаньли она стала не «наставницей», а родной дочерью, внучкой и сестрой. Мимоходом посетит какую-то семью – и уже не попрощается с хозяином или хозяйкой дома, не оказав им помощи: либо наколет дров, либо привезет воду от колодца, либо намелет зерна ножной крупорушкой. Видя, как тревожится совсем молоденькая новобрачная, только-только вышедшая замуж, что не сумеет сшить мужу рубашку, она добрую четверть дня учит ее шитью. Узнав, что у одной женщины единственный сын, будущая опора семьи, совсем потерял аппетит после тяжелой болезни и хочет только уху из свежей рыбы, она ловит в реке рыбу для больного.

Таоцюаньлийцы никогда не забывают Ким Чен Сук еще и в связи со следующим эпизодом. Юная батрачка, работавшая на помещика деревни Люгэдун, страдала эпидемической лихорадкой. Злодей, боясь страшной болезни, забросил бедняжку в уединенный шалаш в глубоком лесу. Не только соседи, но даже ее родственники лишь вздыхали, сочувствуя больной, однако не смели помочь несчастной – боялись заразиться.

Узнав, что с девочкой случилось, Ким Чен Сук тут же пошла в лесной шалаш, где лежала она, ожидая смертного часа. В полуразрушенном снегами, дождями и ветром шалаше Чен Сук обняла больную девочку. В трагедии юной батрачки,

трепещущей высокой температуры без сознания и умирающей в страшном одиночестве, подпольщица видела несчастье многострадальных соотечественников.

Позже, узнав об этом, сельчане собрались возле шалаша и, не веря своим глазам, увидели, как Ким Чен Сук, обняв больную лихорадкой, кормила ее с ложечки рисовым отваром. Очевидцы этой картины, потрясенные, глотали слезы.

Когда жители села ушли, Чон и другие члены подпольной организации очень просили Ким Чен Сук покинуть шалаш. Они опасались: «Выживет или умрет бедняжка – бог знает. А вы ухаживаете за ней. Что станет, если вы заразитесь лихорадкой? А задание Ставки Командования? Кто за него будет в ответе?»

Ким Чен Сук ответила им с улыбкой: «Не волнуйтесь обо мне. Прошу возвратиться к себе. И подумайте вот о чем. Если, жалея свою жизнь, мы не сможем спасти даже одну девочку, то как же возродим потерянную страну и спасем народ?! Я решила отдать жизнь ради спасения народа, так что мне нечего бояться».

Так и не покинув шалаша, она отстояла жизнь той девочки. За доброту ее души сельчане считали ее «дорогим человеком, ради блага бедных ниспосланным небом», стали называть «нашей Ок Сун». Это были доверие и любовь к ней как человеку, с которым они слились единой судьбой, как к родной дочери, родной сестре.

В середине апреля она встретилась с руководителями подпольных организаций Сяганцюя. Подпольные организации, говорит она, допускают ошибку, когда сворачивают свою работу в дни усиленного реакционного наступления противника, напротив, надо смело пойти навстречу противнику, противостоящему, и, заняв активную позицию, укреплять и расширять революционные организации.

Первым делом она терпеливо воспитывает молодежь Таоцюаньли и его окрестностей, готовит из нее актив. Опираясь, главным образом, на этот актив, она создает во многих селах организации Антияпонского союза молодежи. Особенно много внимания уделяет объединению в

организации женщин: до сих пор это было одним из слабых звеньев работы в организациях района Сяганцюя.

Вопрос организационного сплочения женщин в то время приобрел важнейшее значение для расширения сети организаций ЛВР. Однако в революционных организациях Сяганцюя работа с женщинами не была налажена. Прилагалось немало усилий, но ожидаемого результата не получалось.

Ознакомившись с положением дел, Ким Чен Сук предложила членам подпольных организаций оказывать революционное влияние прежде всего на своих матерей, жен и сестер и выпестовать из них актив, который мог бы воспитывать всех остальных сельских женщин в революционном духе.

Она решила сделать Ли Чжон Э, жену одного члена ЛВР, активисткой организации.

Ким Чен Сук часто приходила к ней в гости. Ее старый и больной отец уже несколько лет лежал в постели. Он не любил, чтобы женщины вышли за порог учиться грамоте и окунулись в мирские дела. Чтобы воспитывать Ли Чжон Э, нужно было ближе познакомиться с ее семьей и в первую очередь оказать воздействие на ее отца.

Ким Чен Сук приходила к ней в дом по разным делам – смолоть зерно в ножной крупорушке на дворе, одолжиться у нее в чем-то, угостить больного старика какими-то вкусными блюдами. Бывая у нее, таскает воду, колет дрова, помогает по хозяйству, а особенно – в лечении больного отца, наказывая ей хорошенько заботиться о нем – ведь он постарел и, страдая от болезни, хуже переносит жизненные тяготы. Ким Чен Сук искренне заботилась о нем, словно о родном отце. Больной старик постепенно стал относиться к Ким Чен Сук теплее, чем к своей родной дочери. Искренняя забота о нем вызвала у дочери глубокое уважение к ней, и она стала относиться к Ким Чен Сук, как к родной сестре, а та учила Ли Чжон Э грамоте, разучивала с ней революционные песни и делала все, чтобы пробудить у нее классовую сознательность.

Ким Чен Сук всегда давала ей полезные советы – и добывая съедобные травы, и крутя жернова, и молотя зерно в ножной крупорушке. Все это помогало Ли Чжон Э – женщине, для которой была привычна мысль о том, что удел ее – бедность, постепенно пробуждаться, приобретать классовое самосознание.

Ее духовный рост стал заметнее, и Ким Чен Сук стала рассказывать ей о Ким Ир Сене: «Знаешь, милая, сейчас Полководец Ким Ир Сен косит самураев, как траву, в горах Пэкту. Он возглавляет Корейскую Народно-революционную армию». Рассказывала, как он создал антияпонский партизанский отряд, как шли бои под его руководством, разъясняла и «Программу ЛВР из 10 пунктов». Через некоторое время та открыла свою душу: «Сама хотела бы сражаться с оружием в руках против япошек. Вступила бы в партизаны».

Ким Чен Сук советует: «Ну, не обязательно идти в партизаны, чтобы бороться против японских агрессоров. И здесь мы вполне сможем бороться с врагом». И подсказывает, что она может делать. И вот Ли Чжон Э получает от нее первое задание – купить в базарный день в Синпха несколько пар обуви для партизан. Следующая задача – узнавать о расположенной в окрестностях «Цзинъаньской армии». Выполнение поручений помогло женщине обрести смелость и отвагу.

Подобным образом Ким Чен Сук подготовила нескольких активисток, с помощью которых велась работа по воспитанию остальных женщин села в революционном духе. И, наконец, 20 апреля под ее руководством состоялось учредительное собрание Таоцюаньлийского общества женщин.

Провозгласив создание организации женщин, Ким Чен Сук обратилась к собравшимся: «Все мы – солдаты Полководца Ким Ир Сена, товарищи по революции, борющиеся под его руководством за возрождение Родины. Наш долг – при любых трудностях делить между собой горе и радость, оставаться верными борцами Полководца Ким Ир Сена!»

Председателем Таоцюаньлийского общества женщин была

избрана Ли Чжон Э. Та женщина, которая всего месяц назад, застенчивая, не смела открыто говорить и чувствовала робость даже при виде винтовки врага. Теперь она встала на священную борьбу против японских захватчиков за возрождение Родины.

Заканчивая собрание, Ким Чен Сук сказала: «Полководец Ким Ир Сен – солнце нашей нации! Все мы станем лучами Полководца Ким Ир Сена!»

Таким образом она подготовила немало руководящих активистов, которые непрерывно расширяли и укрепляли организации.

Прошло не так уж много времени после того, как Ким Чен Сук прибыла в Таоцюаньли. Но за эти дни немало юношей и девушек, полных кипучей энергии, объединились в Антияпонском союзе молодежи; появились и другие организации – Антияпонское детское общество, Антияпонское общество пожилых людей и полувоенное формирование – производственный партизанский отряд.

Для маскировки подпольной работы Ким Чен Сук максимально использовала обряды совершеннолетия, бракосочетания, похорон, жертвоприношения и 60-летний юбилей, которые справлялись у старосты Чон Дон Чхора. Пользуясь этими случаями, она встречалась и устанавливала связи с партизанами, приезжающими в Таоцюаньли, и связными подпольных организаций из других районов.

Кроме того, она сама в разных районах Сяганцюя направляла работу подпольных революционных организаций. Подготовленные ею активисты посылались в округу к родственникам и друзьям, чтобы воспитывать и пробуждать в политическом отношении население, и прежде всего молодежь.

Ее организаторско-политическая работа помогла подведомственным ЛВР организациям быстро расширить свою сеть в Таоцюаньли, а также в обширных районах Сяганцюя и Шанганцюя.

Ким Чен Сук активно воспитывает сельчан в духе оказания помощи партизанской армии и любви к партизанам, организует

широкое движение за оказание помощи партизанам.

Наиболее перспективные из воспитанных ей активистов вступили в Народно-революционную армию. Только в одном Таоцюаньли таких насчитывалось более десяти, а в Сяганцюе – свыше ста.

Ким Чен Сук настолько активно воспитывала жителей в духе помощи партизанской армии, что даже китайцы, переселившиеся в Таоцюаньли, посылали в Народно-революционную армию необходимые ей материалы, а члены Детского отряда собирали для партизан патроны, брошенные противником на поле боя.

После боя в Почхонбо она сразу созвала собрание руководителей организаций, подведомственных Сяганцюйскому комитету ЛВР уезда Чанбай, и осуществила перестройку его аппарата. В результате в комитете появились отделы: организационный, пропаганды, воспитательный, людей среднего возраста, молодежный, вооружения и так далее.

Реорганизация аппарата позволила комитету содержательно и активно осуществлять руководство подведомственными ему организациями. На мероприятие, организованное в честь победы партизан в бою в Почхонбо в день весеннего праздника *суринар,* собрались люди не только из близлежащей округи, но и из Шисаньдаогоу и Сингальпха (Синпха). И оно значительно помогло расширить сеть организаций ЛВР, сделать более активной борьбу населения против японских захватчиков.

О подпольщице Ким Чен Сук тех дней Ким Ир Сен вспоминает: «Ким Чен Сук провела большую работу в районах Таоцюаньли и Синпха. Именно тогда я обнаружил у нее недюжинные способности и талант революционера. Она обладала необыкновенным талантом влияния на людей, умением их пробуждения и мобилизации».

Разветвленная сеть подпольных организаций в районе Сяганцюя стала исходной позицией в расширении организаций в обширных районах Кореи.

«СИНПХАСКИЙ КАНАЛ»

В то время Синпха был одним из важнейших военных опорных пунктов противника, имеющих назначение – поставить заслон рейдовым операциям КНРА на территории Кореи. Этот район был покрыт густой сетью сторожевых постов противника. Синпха соседствует – всего лишь через реку – с Чанбаем, где действуют части КНРА; автомобильные шоссе оттуда ведут к Хесану, Чанчжину и Канге. У противника в районе Синпха все наготове было: пограничные форты, десятки полицейских, пограничная охрана и жандармерия.

Чтобы открыть «синпхаский канал», Ким Чен Сук 25 апреля созывает в Паотайшане совещание руководителей подпольных организаций района Сяганцюя и выдвигает задачи по активизации подпольной деятельности в этом районе.

Она направляет в районы Кореи членов подпольных организаций и вместе с тем через них и жителей Таоцюаньли узнает о положении в Синпха. Таоцюаньлийцам случалось идти на синпхаский базар, чтобы продать хоть одно *тве*[16] зерна или купить метр ткани. И, естественно, было много идущих в Синпха. Обувь, спички, соль – то, что нужно партизанам, – они покупали на синпхаском базаре.

Подпольщики Таоцюаньли не хотели, чтобы она сама пошла в Синпха. Ким Чен Сук им говорит:

«Чем усиленнее охрана и репрессии противника, тем смелее надо действовать в логове врага... Командующий Ким Ир Сен постоянно учит нас, подпольщиков, быть смелыми в стане противника».

В конце мая 1937 года Ким Чен Сук направилась из Таоцюаньли в Синпха. Через Саныпуйгоу в Шисаньдагоу она добирается до переправы на реке Амнок.

Это был как раз базарный день.

Ее сопровождал Ким Чжэ Су, одетый торговцем-

разносчиком. В толпе идущих на базар они переправились через реку Амнок. И прошли синпхаскую переправу с мрачным, стоящим возле нее фортом, перед которым «блюстители порядка» колючим взглядом ощупывали прохожих. Оттуда – прямиком на базар. Там ей в глаза бросаются унылые картины: то бедные продавщицы в лохмотьях, вздыхающие над мешочком с ячменем, то нищие дети с сумой, отверженные малыши, просящие милостыню у богачей.

Да, это была картина многострадальной Родины в миниатюре. С первого шага на родной земле Ким Чен Сук видит беду Родины, слышит зов народа к спасению.

Уже первый шаг Ким Чен Сук к тому, чтобы проложить дорогу «синпхаский канал», был чреват опасностями.

На дороге с переправы Синпха в городок за ней начал следовать незнакомец в изношенной соломенной шляпе. Перед какой-то закусочной он постоял и закурил. Она увидела: во рту у него не «козья ножка», а сигарета. И тотчас вспыхнуло подозрение: бедным мужикам-крестьянам не до сигарет. Умелая подпольщица ходила туда и сюда, ведя за собой того молодчика. И в базарной суете она увидела знакомую женщину из Таоцюаньли, несущую на спине ребенка, а на голове – тяжелую корзину. В мгновение ока Ким Чен Сук переставила корзину этой знакомой женщины себе на голову. Сыщик метался, чтобы найти ту женщину, за которой только что следовал. Однако Ким Чен Сук сумела быстро уйти с базара. Таков был один из эпизодов ее подпольной жизни в Синпха.

В первый день Ким Чен Сук через базар пошла в ателье «Сокчжон». Там ее ждал Чан Хэ У, заранее проинформированный о ее прибытии. Это был активист Комитета действия коммунистов Самсу (КДКС), о котором ей говорил Ким Ир Сен.

Чан Хэ У раньше работал под руководством Ким Хен Чжика и потому был лично знаком Ким Ир Сену. Когда-то находился в тюрьме за причастность к движению за независимость Кореи, имел за плечами определенный опыт борьбы против

японских оккупантов. Ким Чен Сук передала ему личное послание Ким Ир Сена. Глубоко взволнованный, он тут же открыто выразил свою решимость:

«Оказывается, Полководец Ким Ир Сен и есть Ким Сон Чжу, сын Ким Хен Чжика, и я, Чан Хэ У, буду следовать за Полководцем, как раньше следовал за Ким Хен Чжиком!»

Чан Хэ У был не такой человек, который бы задирал нос, показывая свое старшинство в возрасте или в опыте борьбы. Он не был мелко мыслящим человеком. Справедливость поддерживал без всяких условий, за нее был готов без колебаний пожертвовать собою. Движимый стремлением бороться против японских агрессоров, Чан Хэ У создал КДКС и сумел сплотить воедино некоторых товарищей, но так и не мог найти верный путь борьбы, что постоянно беспокоило его. В беседе с Чаном Ким Чен Сук первым делом оценила проведенную им деятельность, затем отметила: работу по созданию организаций ЛВР нельзя вести без достаточной подготовки; собрать несколько человек, провозгласить создание организации – это еще не дело; членам КДКС следовало бы в первую очередь идти в гущу различных слоев населения, приобщать их к идеям Ким Ир Сена о возрождении Родины, закалять их в ходе практической борьбы. Только на такой основе можно создать организации ЛВР и другие антияпонские объединения.

Затем она посоветовала ему узнавать о действиях противника, о размещении его вооруженных сил. Это было необходимо для предстоящей рейдовой операции КНРА в Корее.

В тот день Ким Чен Сук собирала разведданные о расположении вражеских органов управления в городке Синпха и о передвижениях противника. Только к вечеру она вышла к переправе на берегу реки. Там было пусто, ибо почти все уже вернулись с Синпхаского базара домой, переправившись через реку. А тут не дремал чиновник политической полиции из Сингальпхаского полицейского участка. Он, как бдительный часовой, не отрывал глаз от поздних пассажиров лодки.

Попадись ему какой-то незнакомец или подозрительный, он тут же повел бы его в наблюдательный пункт переправы. Сомнительных людей придирчиво опрашивали и тщательно обыскивали. Вдвойне опасно было то, что Ким Чен Сук в Синпха была впервые, и ей трудно было избежать зоркого глаза того полицейского чиновника. Но вдруг перед ним оказался Ким Чжэ Су – он целый день в городке охранял Ким Чен Сук поодаль. Чтобы привлечь к себе внимание полицейского, он нарочно засунул под рубаху кучу пустого мешка, и у него стал подозрительно выпирать живот. Полицейский сразу заметил это, позвал его и тут же бросился распахивать на нем рубашку. Ким Чжэ Су сопротивлялся, крепко держа обеими руками подол рубашки. Это еще больше распалило сомнения у полицейского, и он повел подозреваемого в наблюдательный пункт переправы.

Воспользовавшись предоставленным ей шансом, подпольщица благополучно проскользнула на паром. Немного погодя Ким Чжэ Су, получив пару пощечин от озлобленного полицейского, был отпущен на волю.

После ухода Ким Чен Сук члены КДКС, работая в гуще населения, вооружали людей идеями Ким Ир Сена о возрождении Родины и активно собирали разведданные о действиях противника.

Присылаемые ими сообщения о противнике и материалы для помощи партизанам немедленно направлялись Ким Чен Сук в Ставку Командования партизан.

В июне того же года весть о партизанском налете в Почхонбо донеслась и до поселка Таоцюаньли.

Пламя, взметнувшееся в ночное небо над Почхонбо, стало зарей возрождения Родины в сплошной тьме. Был зажжен факел, освещающий путь к национальному возрождению, вселивший в сердца угнетенных корейцев искру надежды на завтра, веру в победу. Вся страна волновалась и бурлила радостью: «Недалек день гибели япошек», «Еще раз переправится Полководец Ким Ир Сен через реку Амнок – и Корея станет независимой».

Японские агрессоры вопили: «Кажется, получил сильный

удар по затылку», «Такая обида у нас в душе, что в одно мгновение горело все сено, заготовленное в течение тысячи дней». Бой в Почхонбо вызвал, как с тревогой признавались враги, «крутой переворот в общем настроении населения».

Получив информацию о победной боевой операции в Почхонбо, Ким Чен Сук безмерно завидовала боевым друзьям. Ведь они под личным командованием Ким Ир Сена на родной земле вступили в бой – раздались выстрелы, оповещающие о начале возрождения любимой Родины. Обуреваемая тоской по Командующему и боевым товарищам, она вновь поклялась как можно быстрее и безупречно выполнить порученную Командующим большую задачу по открытию «синпхаского канала».

Насмерть перепуганные сокрушительным ударом в почхонбоском бою, враги яростно пытались еще более усилить пограничный заслон. Пограничные форты на Синпхаской переправе получили новое пополнение, охранники тщательно контролировали каждого переправлявшегося в Корею пассажира речного судна.

С риском для жизни Ким Чен Сук через неделю после упомянутого боя в Почхонбо опять перешла на землю Синпха. И на базаре, и на переулках люди вели оживленные разговоры о том бое.

В тот день Ким Чен Сук руководила секретным совещанием активистов революционной организации района Синпха. Собрание проходило в одном из помещений ателье «Сокчжон». На нем она провозгласила образование Сингальпхаского филиала ЛВР, создавшего потом ряд своих отделений под ее руководством.

Июньские дни того года были днями революционного подъема. Усилиями Ким Чен Сук во многих населенных пунктах района Синпха рождались низовые организации ЛВР.

22 июня она создала первую в этом районе партийную группу, в которую вошли Чан Хэ У, Рим Вон Сам и Со Чжэ Ир.

Под руководством Ким Чен Сук члены подпольной организации района Синпха доводили до сознания широких

масс идеи Ким Ир Сена о возрождении Родины и сплачивали их вокруг ЛВР. Так в районе Синпха, окутанном цепкой паутиной вражеского контроля, была соткана невидимая сеть подпольных организаций, расходящаяся в его разные уголки.

Пункты конспиративной связи и работы были созданы во многих местах – фотография «Квансон», ателье «Сокчжон», столовая у родника, где продается корейская лапша *куксу,* постоялый двор в Сингальпха, магазин керамической посуды, дом с водяной мельницей. Здесь Ким Чен Сук вела работу с членами революционных организаций. Здесь находились явки и пункты связи подпольщиков, собирались и хранились материалы для помощи партизанам. В частности, отделения ЛВР на перевале Охам и в селе Аан, созданные на месте лично Ким Чен Сук, выполняли роль главного канала переправки нужных материалов в КНРА. Отсюда же направлялись члены революционных организаций во внутренние районы Кореи – в Пучжон, Чанчжин, Синхын, Хыннам и другие районы, останавливаясь перед уходом в назначенные места в большинстве случаев в доме руководителя отделения ЛВР в селе Аан. Те, кто уходил с заданием в Капсан, Токсон, Пукчхон, Танчхон, собирались на постоялом дворе, что на перевале Охам, в своего рода «семейном отделении». В те дни Ким Чен Сук расширила сеть организаций и в район Хоина уезда Самсу.

Чтобы революционные организации действовали по возможности безопасно, она попеременно использовала многие конспиративные явки, мастерски меняла облик – преображалась в людей разных профессий и возрастов. В те дни она бывала в Синпха, увы, десятки раз, но даже знаменитые сыщики сингальпхаской полиции, слывшие как «совиные очи», ничего подозрительного у нее не обнаружили. Огромное количество материалов помощи протекало в КНРА через Синпха из внутренних районов Кореи, многочисленные подпольщики и члены революционных организаций направлялись также через эту местность во все провинции страны.

Кроме того, Ким Чен Сук своевременно посылала в Ставку

Командования информации обо всех действиях противника в пограничной зоне. Это немало помогло частям КНРА в проведении военных операций.

Так, она немедленно проинформировала Ставку Командования о том, что после боя в Почхонбо японские оккупанты провели в генерал-губернаторстве в Корее экстренное совещание, на котором была разработана крупномасштабная программа карательных операций против КНРА, и что в Хесан прибыл Хамхынский 74-й полк 19-й дивизии оккупационных войск в Корее. Получив эти сообщения, Командующий Ким Ир Сен дал революционным организациям внутри Кореи и в пограничной зоне задания по разведке действий противника в Хесане.

Ким Чен Сук подняла все революционные организации в районе Синпха на выполнение полученной задачи. И оперативно были получены сведения о численности вражеских войск и их намерениях. Чтобы полностью сорвать план карательных операций противника, нужно было иметь подробные разведданные о пункте и дате ожидаемой переправы противника. Каждый день противник переправлял из Хесана через реку Амнок по одному своему подразделению.

Между прочим, жители, и прежде всего члены революционных организаций, ведомые Ким Чен Сук, узнали, что коварный противник ночью втайне перебрасывает обратно в сторону Хесана те самые подразделения, которые днем перешли через реку. Было ясно, что переправа войск противника из Хесана через реку Амнок – не более чем есть обманный трюк, направленный на отвлечение внимания КНРА в другую сторону.

Ким Чен Сук активно задействовала революционные организации, чтобы уточнить место и дату переправы противника, численность его вооруженных сил.

И, наконец, она уточнила: противник перемещает свои силы из Хесана в Синпха и там переправляет их через реку Амнок. Было выяснено: мобилизовано 70 автомашин, численность войск – более 1500 человек, дата переправы –

27 и 28 июня. Разведданные были немедленно переданы в Ставку Командования партизан.

Бой на горе Цзяньсаньфэн завязался 30 июня, то есть через два дня после того, как большие контингенты вооруженных сил противника переправились в Синпха через реку Амнок и двинулись в сторону Цзяньсаньфэна. Битва увенчалась крупной победой КНРА. Врагам, хвастливо объявившим свою готовность «полностью уничтожить» КНРА, пришлось отступить, утаскивая за собой всего-навсего 200 недобитых солдат. С той поры среди населения начали ходить слухи о «головах-тыквах» (убитых японцев было так много, что противнику приходилось перевозить только одни головы убитых в мешках – ред.). В достижение победы в этом бою большой вклад внесли подпольные революционные организации, возглавляемые Ким Чен Сук.

СПЕЦПОСЛАННИЦА

В начале июля 1937 года Ким Чен Сук через связного Ставки Командования получила новое задание Ким Ир Сена. Речь шла о том, чтобы немедленно направиться в Корею и сообщить местным революционным организациям и патриотам о ясной цели дальнейшей борьбы, стратегии и тактике, объединить в организации ЛВР революционеров и членов всех антияпонских организаций, действовавших разрозненно, и продвигать подготовительную работу по созданию партии. В частности – выйти в район Пхунсана и послать последователей религиозной секты чхондогё, находящихся под влиянием революционной организации, в качестве делегатов на съезд чхондогёсцев, который состоится в Сеуле, чтобы они оказали революционизирующее влияние на единоверцев всей страны, а также встретиться и работать с Ли Чжу Еном, Ли Ёном и Ли

Еном, о которых информировали партизанское командование революционные организации внутри Кореи.

Работа с чхондогёсцами района Пхунсана, о чем пока еще не была осведомлена она, и работа с коммунистами и антияпонскими борцами-патриотами из разных районов Кореи была очень трудным и серьезным делом.

Что касается религиозной секты чхондогё, то она была основана в 1860 году Чвэ Чжэ У, главой первого поколения последователей этой секты, под девизом «Человек есть бог», «Служение Отечеству и успокоение народа». Под руководством второго главы – Чвэ Си Хена и третьего – Сон Бен Хи секта выросла в то время во всекорейскую религиозную организацию, насчитывающую три миллиона последователей. Эта секта, высоко подняв знамя «Отпор агрессии Запада и Японии», «Служение Отечеству и успокоение народа», участвовала в крестьянской войне года кабо[17], борьбе Армии справедливости[18] и Первомартовском народном восстании[19]. Но к тем годам ее верхушка переметнулась на реформистскую позицию. Чвэ Рин после тюремного заключения «исправился» – стал японским приспешником. Однако абсолютное большинство чхондогёсцев разворачивали антияпонскую борьбу, создав различные организации.

Проанализировав такое положение дел, Ким Ир Сен после основания ЛВР вынашивал замысел о вовлечении трех миллионов чхондогёсцев в нее и зимой 1936 года встретился в Сачжабонском тайном лагере с точжоном Пак Ин Чжином (точжон – должность в духовенстве чхондогё, лидер религиозного округа секты. – ред.), беседовал с ним три дня по вопросам реализации этого плана.

Пак Ин Чжин полностью одобрил идею Ким Ир Сена о возрождении Родины и выразил свою решимость поднять миллион членов партии Чхондогё-чхоннендан (религиозная партия молодежи Небесного пути. – ред.) на священную войну за независимость Кореи, обещал впредь поддерживать тесные связи.

Позже он поехал в Сеул, где проходил центральный съезд последователей чхондогё, и вел переговоры с Чвэ Рином, занявшим руководящее место в центральном органе чхондогё. Однако Чвэ Рин не принял предложение Пак Ин Чжина вступить в ЛВР и вести антияпонскую борьбу, прибегал к реформистской и прояпонской софистике.

Возмущенный Пак Ин Чжин порвал отношения с Чвэ Рином, вернулся в Пхунсан и перестал посылать в Сеул «сонми» (При каждом приеме пищи член секты чхондогё должен откладывать по одной ложке риса и в конце месяца жертвовать сэкономленный таким образом рис в поддержку секты. Это приношение называется «сонми» – «искренним рисом». – ред.), отозвал из сеульской штаб-квартиры партии Чхондогё-чхонненден своего постоянного представителя.

В результате сложилась ситуация, когда вовлечение чхондогёсцев в движение ЛВР могло ограничиться районом Ренбук, где Пак Ин Чжин был их руководителем. Это противоречило бы замыслу Ким Ир Сена сплотить все три миллиона чхондогёсцев вокруг ЛВР.

Ли Чжу Ен, с которым должна была видеться и работать Ким Чен Сук, был причастен к антияпонской патриотической организации – Обществу Синганхвэ[20], имевшей филиалы во многих районах страны, и когда-то сидел в тюрьме за то, что играл ведущую роль в крестьянском восстании в Танчхоне.

Ли Ён был сыном патриота Ли Чжуна, совершившего самоубийство в 1907 году на всемирной конференции в Гааге, вспоров свой живот. Узнав о трагической гибели отца, он решил продолжать его патриотическое дело, уехал в Китай и работал там управляющим делами Общества «Канминхвэ» – организации корейцев в провинции Гирин, потом учился в военном училище в провинции Чжэцзян, а после Октябрьской социалистической революции направился в дальневосточный регион России и вступил в «Корейскую социалистическую партию». Сложной была его биография. Создав «добровольческую армию Коре», он воевал вместе с Красной

Армией Советского Союза против белобандитов и японских интервентов. Горько переживал национальный позор, будучи очевидцем «события на Хэйхэ» – кровопролитной фракционной грызни между соотечественниками. Осенью 1931 года он с новой решимостью поехал в Восточную Маньчжурию, но был задержан японской полицией и отослан в родной край Пукчхон, где ему было объявлено ограничение местожительства, и он жил под домашним арестом.

По своей судьбе Ли Ен почти ничем не отличался от него. Он участвовал в Первомартовском народном восстании, потом, состоя в «Сеульском обществе молодежи» (фракция Сеульпха), был причастен к молодежному движению и созданной в 1925 году Коммунистической партии Кореи, за что просидел четыре года в Содэмунской тюрьме. После выхода на волю участвовал в движении за восстановление Компартии, в движении профсоюзов и крестьянских коопераций в районе Пукчхона, снова был арестован японскими захватчиками и брошен за решетку.

Они шли разными путями, но были люди сходные: на каждом шагу наталкивались на испытания и провал, скитались, не найдя руководителя, который повел бы их по верному пути борьбы, наконец, потеряли волю к борьбе и мужество.

Ким Чен Сук отправилась в путь вместе с Ким Бон Соком, ординарцем Ставки Командования, и Пак Чен Сук. В Пхунсане ее сопровождал Ли Чхан Сон, боец 4-й роты 7-го полка, который был лучшим учеником Пак Ин Чжина.

Вон Чхун Хи, глава Пхунсанского чонривона[21] секты чхондогё, встретился с Ким Чен Сук через посредство Ли Чхан Сона и в тот же день созвал собрание служителей культа, участвовавших в центральном съезде последователей чхондогё в декабре прошлого года. Собрание, как водится, началось произношением догмата из 24 букв над чашей с чистой водой. Пак Ин Чжин, вернувшись из Сеула, созвал в Вангэдуне, что в Шицидаогоу уезда Чанбай, собрание чхондогёсцев, определил тот год первым годом нового чхондогёского летосчисления и соответственно составил этот

новый догмат. Смысл двадцати четырех букв догмата заключался в том, что когда будут ярко сиять своими лучами солнце и звезды, в стране и в народе наступит успокоение, и когда под их лучами будут тесно сплочены все единой душой и единой волей, можно будет добиться возрождения Родины и построить рай на земле.

После собрания Вон Чхун Хи познакомил его участников с Ким Чен Сук, говоря, что она спецпосланница, направленная Полководцем Ким Ир Сеном к чхондогёсцам.

Ким Чен Сук поздоровалась с участниками собрания и передала им предложение Ким Ир Сена: целесообразно было бы вновь направить в этом году делегацию на центральные юбилейные мероприятия чхондогё. Она сказала: до сих пор 20 миллионов корейцев не избавились от положения колониального раба потому, что вся корейская нация не сплотилась единой душой и единой волей для борьбы против японских оккупантов; Полководец Ким Ир Сен организовал ЛВР для того, чтобы сплотить воедино всех без исключения людей, любящих Отечество и ненавидящих японских самураев.

Мы советуем направить делегацию в Сеул, продолжала она, отнюдь не для того, чтобы уговорить такого субъекта, как Чвэ Рин. Следует отличать клику Чвэ Рина от людей, находящихся под ее влиянием. Проходимца Чвэ Рина нужно полностью изолировать, а обманутое им большинство чхондогёсцев – воспитать и вернуть на правильный путь. Тесно сплотить всех последователей чхондогё и всех наших соотечественников единой душой и единой волей и разгромить японских захватчиков объединенными силами – таков замысел великого Полководца...

Участники собрания, тронутые словами Ким Чен Сук, единодушно говорили, что подлинным «ханульнимом» Кореи («ханульним» – бог в религиозном каноне чхондогё. – ред.) является не кто иной, как Ким Ир Сен с его необыкновенной великой душой. На собрании были обсуждены вопросы: направить большую, чем раньше, делегацию в Сеул на юбилейные мероприятия того года чончхук (14-й знак

шестидесятеричного цикла. – ред.); вновь направить туда человека, работавшего постоянным представителем в штаб-квартире партии Чхондогё-чхоннендан, и ознакомить тамошних служителей культа и приходы различных районов с линией на образование единого антияпонского национального фронта, намеченной Ким Ир Сеном, сообщить местным приходам провинций Южный Пхеньан, Северный Хамген, Хванхэ и всех других районов страны об их позиции для согласованных действий в ходе центральных мероприятий. На собрании были приняты соответствующие решения.

Так Ким Чен Сук выполнила свое первое задание как спецпосланницы Ким Ир Сена.

Ли Чжу Ен, Ли Ён и Ли Ен, с которыми должна была встретиться Ким Чен Сук, находились под постоянным наблюдением японской полиции, будучи занесены в «черный список». Однако она действовала оперативно и дерзновенно в соответствии с обстоятельствами, и ей удалось увидеться с ними, несмотря на жестокий вражеский кордон, передать слова Ким Ир Сена патриотам в Корее и повести их по пути борьбы.

Ли Чжу Ен после выхода из тюрьмы отлеживался в монашеской келье Тодокского буддийского храма в уезде Танчхон, страдая от болезни, полученной за решеткой. Но когда он услышал слова Ким Чен Сук, что она пришла для встречи с ним по приказу Полководца Ким Ир Сена, то тут же встал с постели, словно вполне здоровый.

Ким Чен Сук пожала ему руку и сказала: Полководец Ким Ир Сен ни на минуту не забывает товарищей, действующих в Корее, и на этот раз послал нас с заданием обсудить с вами направления дальнейшей деятельности и соответствующие меры. Она разъяснила Ли Чжу Ену освещенные Ким Ир Сеном характер корейской революции и линию на создание единого антияпонского национального фронта. Рассказывала о Наньхутоуском совещании, где были намечены установки по достижению возрождения Родины собственными силами корейской нации, о курсе на быстрое расширение сети партийных организаций в Корее и установление стройной системы руководства революционными

организациями.

Ли Чжу Ен сказал, что теперь ему стал ясным вопрос, над которым он ломал голову в тюрьме, и он видит верный путь вперед. Когда они расставались, он провожал ее далеко, полный уверенности в себе.

В августе того же года Ким Чен Сук снова выехала в Корею и опять встретилась с Ли Чжу Еном в доме его родственника в селе Соку уезда Танчхон, передав ему задание поехать в район Пхеньяна и развернуть там подпольную деятельность.

Впоследствии Ли Чжу Ен переселился в Пхеньян, расширил сеть революционных организаций на резиновой, зернообрабатывающей фабриках и других предприятиях, установил связи и взаимодействовал с коммунистами районов Нампхо и Кансо. После возрождения Родины он работал заведующим Общим отделом Временного народного комитета Северной Кореи, потом заместителем Председателя Кабинета Министров КНДР. Встреча с Ким Чен Сук стала для него знаменательным событием, новой определяющей вехой на его жизненном пути.

Ким Чен Сук покинула Танчхон и через Ривон поехала в Чхахо. Чтобы избежать острых глаз вражеских агентов, она увиделась с Ли Ёном на игровой площадке «Чокпеккан», где собралось много экскурсантов и развлекающихся людей. Ли Ён пришел туда, получив сообщение в доме члена организованного им Антияпонского общества. Сначала он настороженно отнесся к Ким Чен Сук, непрестанно оглядываясь вокруг. Но когда она сказала ему, что пришла с горного массива Пэкту по приказу Полководца Ким Ир Сена, чтобы передать его слова, он доверился ей и говорил взволнованным голосом:

«Неужели Полководец Ким Ир Сен, Председатель ЛВР, верховный предводитель Кореи и знаменитый военачальник антияпонской войны, знает о таком малоизвестном и незначительном человеке, как я, и послал дорогую подпольщицу в это опасное место!»

Ким Чен Сук сказала Ли Ёну: «Мы уверены, что вы,

унаследовав высокий патриотический дух своего отца Ли Чжуна, встанете на самоотверженную борьбу за возрождение страны», – и разъяснила Учредительную декларацию Лиги возрождения Родины и ее Программу из 10 пунктов.

Ли Ён, воодушевленный идеями Ким Ир Сена о возрождении Родины, просил Ким Чен Сук передать Ким Ир Сену его решимость стать его бойцом, до конца жизни сохранить свой патриотический дух и посвятить всего себя священному делу возрождения Родины.

И позже, когда Ким Чен Сук вновь вышла в Корею, она снова встретилась с Ли Ёном и передала ему слова Ким Ир Сена: очень хорошо, что он идет по пути борьбы.

После этого Ли Ён неизменно шел по пути революционной борьбы, невзирая на репрессии японских захватчиков, а после освобождения Кореи работал первым министром коммунального хозяйства.

В тот день Ким Чен Сук покинула Чхахо и прибыла в Пукчхон на повозке, подготовленной Ли Ёном. В селе Чхонхын уезда Пукчхон она встретилась с руководителем участковой организации ЛВР района Пукчхона и познакомилась с обстановкой в стане врага в районе и с положением дел в революционных организациях. Она снова подробно осведомилась о настроении последних дней у Ли Ена, участника коммунистического движения начального периода.

Когда Ким Чен Сук выразила свое желание видеться с Ли Ёном, руководитель организации удивился и покачал головой: уж очень это опасное дело. Было понятно, что встреча с «подозреваемым» там, где находились повсюду японские войска и полицейские, была очень рискованным делом. Но Ким Чен Сук, преисполненная решимости выполнить задание Ким Ир Сена во что бы то ни стало, выработала смелый план – встретиться с Ли Ёном среди бела дня в сосновом бору села Чхонхын, где собирается для прогулки множество людей.

Ли Ен явился с очень усталым и мрачным видом. Узнав, что Ким Чен Сук является подпольщицей, посланной Ким Ир Сеном,

он со слезами на глазах крепко пожал ей руку и воскликнул: «Почему вы говорите об этом только теперь?»

Ему были переданы слова Ким Ир Сена в адрес деятелей антияпонского движения в Корее. Ли Ен сказал: теперь все понятно и нечего бояться, – и выразил свою твердую решимость посвятить всю жизнь борьбе за осуществление замысла Ким Ир Сена.

Впоследствии он согласно совету Ким Чен Сук поехал в Сеул, встретился там с теми, кто был причастен к антияпонскому движению, и рассказывал им о революционной линии Ким Ир Сена. Здесь он организовал группу «Сталь» и «Отряд Санак» («крутые горы» – ред.) из числа единомышленников, расширял сеть этих организаций, главным образом, в Сеуле, а также в провинциях Канвон, Северный Кенсан, Южный Пхеньан.

После возрождения Родины Ли Ен самоотверженно боролся за претворение в жизнь линии Ким Ир Сена на строительство обновленной Родины, а с образованием КНДР работал на ответственном посту в руководстве Верховного Народного Собрания.

Долгий и тернистый путь прошла Ким Чен Сук, чтобы выполнить особые задания, данные Ким Ир Сеном. Это было славным, плодотворным делом, цель которого – не только вести патриотов в Корее по намеченному Ким Ир Сеном курсу борьбы, но и подготовить деятелей, призванных впредь расширять сеть организаций ЛВР в Сеуле и Токио (Япония).

По пути в Пхунсан Ким Чен Сук остановилась в доме Чу Бен Пхо в деревне Янчжи, что в селе Мунчжо, оказала на него революционизирующее влияние, потом зашла на Пхунсанскую тайную опорную базу и руководила там деятельностью малых отрядов и групп. А в местности Хонгун она воспитала членом тайной организации одного из рабочих Хонгунской канатной дороги, который действовал под руководством Ли Чхан Сона.

Получив весть о начале китайско-японской войны, Ким Чен Сук тронулась в обратный путь. В селе Пхабар она увиделась с Ли Ин Мо, работавшим на стройке Хвансувонской плотины, и осветила ему путь борьбы.

Только спустя несколько дней после ухода Ким Чен Сук Ли

Ин Мо узнал, что она была подпольщицей КНРА, посланной Ким Ир Сеном. И он ругал Ли Чхан Сона за то, что тот не сказал тогда ему об этом, и жаловался, что упустил шанс вступить в революционную армию, следуя за Ким Чен Сук.

ПИСЬМО ИЗ ТЮРЬМЫ

Развязав войну против Китая, японские империалисты лезли из кожи вон, чтобы путем создания «коллективных поселений» прервать связь революционной армии с народом.

В связи со сложившейся обстановкой Ким Ир Сен вызвал в Пэктусанский тайный лагерь политработников-подпольщиков, направленных в районы Чанбая и Кореи, и руководителей местных подпольных революционных организаций.

Ким Чен Сук прибыла в тайный лагерь вместе со связным Ставки Командования. Она доложила Ким Ир Сену о своей деятельности в районах Сяганцюя и Синпха, в Пхунсане, Танчхоне, Ривоне, Пукчхоне и так далее. Ким Ир Сен оценил успешное выполнение ею заданий в полном соответствии с планами Ставки Командования.

В Сачжабонском тайном лагере проходило совещание политработников-подпольщиков и руководителей подпольных революционных организаций, на котором Ким Ир Сен поставил перед ними задачу – активизировать деятельность в связи с создавшейся обстановкой, и наметил пути ее выполнения.

Ким Чен Сук получила от Ким Ир Сена задание: прочнее обосноваться в районах Таоцюаньли и Синпха, где она уже действовала, и развернуть работу по созданию в Корее оплота революции.

Вернувшись в Таоцюаньли, Ким Чен Сук передала активу революционных организаций указания Ким Ир Сена, данные на совещании в Сачжабонском тайном лагере, и приняла меры противодействия белому террору врагов.

Парируя попытки противника создать «коллективные

поселения», революционные организации активно засылали своих членов во вражеские органы и с их помощью охраняли себя и зорко следили за каждым шагом вражеских агентов и прихвостней, одновременно добиваясь того, чтобы члены революционных организаций соблюдали принципы подпольной деятельности, повышали бдительность.

Таким образом вражеские органы управления в районах Сяганцюя и Синпха оказались в состоянии беспомощности вследствие деятельности засланных в их аппарат членов революционных организаций, а некоторые из них вообще как бы превратились в низовые организации КНРА.

Староста села Чон Дон Чхор «побратался» с начальниками местного полицейского участка, таможни и волостной управы и систематически выведывал у них вражеские тайны, к «побратимству» присоединился даже сыщик политической полиции, посланный из Синпха. Только в один полицейский участок в Шисаньдаогоу проникли два-три членов ЛВР особого назначения, а большинство старост сел и десятидвориков были членами революционных организаций.

В районе Синпха было организовано особое отделение Лиги возрождения Родины из ее активистов, воспитанных и проверенных Ким Чен Сук. Они действовали так искусно и скрытно, что не только враги, даже Чан Хэ У, руководитель Сингальпхаского филиала ЛВР, не знал об этом, и только после возрождения Родины ему стало известно, что они были членами ЛВР особого назначения.

В ходе работы, конечно, было немало критических моментов.

В августе 1937 года Ким Чен Сук, ведя подпольную деятельность в Таоцюаньли, была арестована врагами. Это произошло вследствие того, что во время обыска ищейками «Цзинъаньской армии» была обнаружена кипа бумаги, подготовленная членами общества женщин в Таоцюаньли для типографии КНРА.

В один из первых дней августа Ким Чен Сук советовалась с несколькими членами общества женщин, как послать в КНРА кипу бумаги и другие материалы, помощи партизанам,

приобретенные ими на Синпхаском базаре. В этот момент в деревню ворвались солдаты «Цзинъаньской армии», которые до этого шлялись в лесу в поисках следов КНРА и приходили в ярость от неудачи. Они перерыли буквально каждый крестьянский двор, отнимали у жителей имущество и вдруг вторглись в дом, где собрались Ким Чен Сук и члены общества женщин. Солдаты шарили в комнате, вокруг дома и обнаружили в сарае кипу бумаги. Тут же командир роты вынул пистолет из кобуры и орал, что это «дом коммуниста», и грозно спросил, кто хозяин дома.

Ким Чен Сук хладнокровно отодвинула рукой пистолет и ответила вопросом на вопрос:

- На каком основании вы говорите, что это «дом коммуниста»?

- А это ли не улика?

- Это бумага для составления «списка населения». Вы же требовали его?

- Тогда почему спрятали бумагу в сарае?

- Разве вы не знаете, что здесь может появиться в любое время коммунистическая армия (КНРА). Она могла бы забрать бумагу, если оставить ее неприкрытой. Вы хотите этого?

- Не найдя себе подходящего ответа, командир роты крикнул:

- Тогда зачем спрятали бумагу в этом доме? Что делает староста села?

- Он велел нам сохранить бумагу в моем безопасном доме. Разве это неправильно?

Командир роты разъярен до предела.

- Ты не пугаешься и говоришь так свободно. Наверняка ты шпионка революционной армии. Проверим в штабе бригады.

Так Ким Чен Сук была арестована врагами и отконвоирована в Яофанцзы, где располагался штаб бригады «Цзинъаньской армии».

Комроты «Цзинъаньской армии», до тех пор ничего не добившийся в карательной операции, доложил бригаде, что арестовал «коммунистку», и подверг Ким Чен Сук варварским пыткам, чтобы заставить ее признаться, что она является подпольщицей

революционной армии. Но враги не смогли выведать у нее никакой тайны.

Один из молодчиков «Цзинъаньской армии» явился к Ким Чен Сук и болтал гладким корейским языком: «Я совестливый человек. Если вы признаете себя конспиратором и скажете о сети организаций, я помогу вам выйти отсюда благополучно». И добавил угрожающим тоном: «Иначе вы будете расстреляны».

Ким Чен Сук было ясно, что враги будут делать все для того, чтобы принудить ее признаться, что она подпольщица, следовательно, смерть неизбежна. Погибнуть или совершить побег - третьего не дано.

Ким Чен Сук была заключена в избе одного крестьянина села Яофанцзы. Во дворе дома ее караулил лишь один вражеский солдат, и было бы не так трудно убить его и убежать. Но она не выбрала этого пути.

Если бы она совершила побег, то это означало бы, что она подпольщица революционной армии, и старые супруги дома, а также жители Таоцюаньли, ручавшиеся за нее, не избежали бы возмездия. Тогда революционные организации подвергнутся белому террору врагов, и будет перекрыт синпхаский канал, которому Ким Ир Сен придает столь большое значение. Для Ким Чен Сук предотвращение такой опасности было дороже ее жизни, и она с решимостью пойти на жертву написала письмо для организации.

«Обо мне не беспокойтесь. Я скоро погибну. Зато организация будет жива. Посылаю вам два юаня, – это все мое богатство. Прошу включить их в фонд организации».

На следующий день письмо было передано подпольной организации в Таоцюаньли через старого хозяина избы.

Члены этой организации, охваченные тревогой, проливали слезы, получив неожиданное письмо, и решили спасти Ким Чен Сук любой ценой. Организация, мобилизовав своих членов, проводила экстренную операцию по ее спасению. Послала делегацию в штаб «Цзинъаньской армии» с яствами и требовала немедленно освободить ни в чем не повинного, благонадежного

человека, заявив решительный протест против незаконного ареста.

Штаб «Цзинъаньской армии» под предлогом передислокации перевел Ким Чен Сук в полицейский участок в Шисыдаогоу.

Подпольная организация со всей серьезностью обсуждала вопрос об освобождении Ким Чен Сук и поручила Чон Дон Чхору задание вести переговоры с начальником полицейского участка Шисаньдаогоу.

Что касается начальника полицейского участка в Шисаньдаогоу, то он был побратимом «старосты» Чон Дон Чхора. В то время он, запуганный военной деятельностью революционной армии, жил в постоянном унынии и вместе с тем питал недовольство японцами. Чон Дон Чхор хорошо знал это его слабое место. Воспользовавшись этим, Чон зашел к нему и прямо сказал: «Ом Ок Сун, которую упрятали за решетку, – подпольщица, направленная сюда Полководцем Ким Ир Сеном. Следовательно, вы должны постараться, чтобы она освободилась из тюрьмы. Для этого прежде всего нужно перевести ее из Шисыдаогоу в Шисаньдаогоу, что находится под вашим контролем».

Полицейский участок в Шисыдаогоу был подчинен полицейскому участку первой категории в Шисаньдаогоу, который по своему рангу был выше первого. Поэтому вопрос о ее переводе был решен без труда.

Ким Чен Сук, руки которой были закованы в кандалы, перевели в полицейский участок в Шисаньдаогоу через село Таоцюаньли.

Впоследствии Чон Дон Чхор так вспоминал о событии того дня.

«Было около двух часов пополудни...

Ким Чен Сук со связанными руками шла по шоссе Таоцюаньли под строгим конвоем полицейских. На теле были свежие следы жестоких пыток. Были разорваны белая кофточка и темная юбка, в которые она всегда аккуратно одевалась.

Все село вышло на улицу, чтобы провожать ее глазами...

Гордым был вид Ким Чен Сук. Она шагала босиком, окру-

женная штыками врагов, но гордо подняла голову, а глаза, выражающие несгибаемую волю и мудрость, блестели неизменно боевым духом и убеждением...

Ким Чен Сук медленными шагами подошла к жителям села, остановилась перед ними и низко поклонилась. Глядя на нее, всхлипывали все сельчане – и женщины, и мужчины, и старики, и молодые люди... Я говорил про себя: «Вот такого человека воспитал Полководец Ким Ир Сен!»

Не только Чон Дон Чхор, но и все жители Таоцюаньли, провожая ее взглядом со слезами на глазах, думали: «Именно таков революционер. Человек должен жить так, как она».

Одна старуха выбежала на дорогу с лаптями в руках и, надевая их на окровавленные ноги Ким Чен Сук, проклинала полицейских: «Негодяи! За что вы схватили невинную нашу Ок Сун? Говорят, что ее за то, что она коммунистка. Если такой человек, как Ок Сун, является коммунисткой, то и я последую за коммунистической партией!»

В тот же день Чон Дон Чхор направился в Шисаньдаогоу вслед за Ким Чен Сук и начал переговоры о ее освобождении. Начальник полицейского участка в Шисаньдаогоу обещал выпустить на волю Ким Чен Сук как «благонадежного человека», если он представит гарантийный документ, где будут поставлены подписи 500 поручителей – благонадежных людей. Он потребовал такой документ, чтобы застраховать себя от ответственности за ее освобождение в случае, если об этом запросит начальство. Ради «дружбы» с Чоном он дал обещание выпустить ее на таких условиях, но сам полагал, что оно невыполнимо.

Ведь составить поручительную справку с подписями 500 человек в селе, насчитывающем всего 200 с лишним дворов, было так же трудно, как и достать с неба звезду. Не всем же была охота поставить свою подпись в документе, где дается ручательство за «благонадежного человека» тому, кто считается «неблагонадежным элементом». Такова, пожалуй, общая, массовая психология.

Однако Чон Дон Чхор за одну ночь составил документ и собрал подписи 500 поручителей – благонадежных людей, а затем

представил его полицейскому начальнику. У последнего глаза полезли на лоб.

Позже Ким Ир Сен, вспоминая это событие, говорил: «Как она могла пользоваться таким доверием народа? Это был результат самоотверженности Чен Сук. За любую работу она бралась с уверенностью в своих силах, отдавалась ей всей душой. Казалось, она думала: «Чего бояться? Тут ведь одно из двух – или умереть, или остаться в живых». Именно поэтому, я думаю, она и выходила живой из любого переплета. Ким Чен Сук пламенно любила человека. Она без сожалений жертвовала собою во имя других. За товарищей она шла в огонь и в воду. Таков был ее характер».

Начальник полицейского участка внимательно и довольно долго смотрел на поручительную справку и волей-неволей выпустил Ким Чен Сук на свободу как невинную.

Когда Таоцюаньли облетела весть об освобождении Ким Чен Сук, все сельчане с безмерной радостью вышли ей навстречу, окружили, восторженно ахая. Один старик принес ей, жестоко страдавшей в тюрьме, дикий мед, который хранил у себя многие годы, а одна женщина приготовила для нее паровой хлебец из клейкого риса, который она держала у себя на всякий случай, может быть, для большого обряда. Члены подпольной организации посоветовали ей как следует отдыхать, восстанавливая здоровье.

Однако Ким Чен Сук сказала им, что она не вправе отдыхать, не выполнив до конца революционное задание Ким Ир Сена, и осведомилась у них о деятельности подпольной революционной организации за истекшие дни, ознакомилась с новыми информациями об обстановке в лагере противника.

На конспиративной явке у подножия горы Паотайшань Ким Чен Сук виделась со связным Ставки Командования. Спросив у него о здоровье Ким Ир Сена, она попросила скорее передать ей приказания Командования.

Еще до того, как поступил доклад об аресте Ким Чен Сук, Ким Ир Сен поручил ей задание: направиться в Корею и информировать малые отряды, политработников-подпольщиков и революционные организации о новом курсе, намеченном в

Пэктусанском и Сачжабонском тайных лагерях, и о планах Ставки Командования, руководить их деятельностью и вместе с тем глубоко изучать конкретное положение дел на местах. Для выполнения этого задания Ким Чен Сук должна была побывать в обширном районе от Раннима и Пучжона до Танчхона и Хочхона вдоль побережья Восточного моря.

Но вследствие вражеских пыток Ким Чен Сук оказалась в таком состоянии, что ей трудно было даже двигаться. Связной Ставки Командования предложил ей или отправиться в Корею после достаточного лечения, или послать туда других товарищей, и сказал, что он сообщит об этом Командованию.

Но Ким Чен Сук ответила: «Товарищ Командующий доверил мне задание. Если отложить выполнение этого задания или поручить его другому под предлогом моего нездоровья, тогда вряд ли я буду достойна звания настоящего революционного солдата, посвятившего всего себя борьбе во имя товарища Командующего».

В один из первых дней августа Ким Чен Сук отправилась в путь в тысячу с лишним ли сквозь жестокие вражеские заслоны, чтобы развернуть подпольную политическую деятельность в Корее. Добравшись до села Инсан уезда Ранним провинции Чаган через Синпха, она встретилась с политработниками-подпольщиками и руководителями местных подпольных организаций и после работы с ними направилась в лагерь Пучжонренской тайной опорной базы в горах Окрен, преодолев перевал Чичхо, что на Ренхваском горном хребте.

На встрече с членами действовавшего здесь небольшого отряда Ким Чен Сук подчеркнула необходимость осуществить план Ким Ир Сена по расширению Пэктусанской опорной базы до районов Раннимского горного хребта и Пучжонского перевала и устроить надлежащим образом опорную базу. Потом она встретилась здесь с политработниками-подпольщиками и руководителями революционных организаций. На встрече были обсуждены

вопросы расширения сети организаций ЛВР и создания производственных партизанских отрядов из молодежи районов вокруг опорной базы.

Ким Чен Сук прилагала большие усилия к надлежащему устройству тайной опорной базы в районе Синхына. Это имело очень важное значение для расширения сети организаций партии, ЛВР и других различных антияпонских массовых организаций в Хамхыне, Хыннаме и других районах восточного побережья, где были сосредоточены японские военные заводы, и особенно для революционной реорганизации профсоюзных и крестьянских формирований и надежной идейно-политической подготовки патриотически настроенного населения.

Ким Чен Сук прибыла в район Синхына, осмотрела созданные там тайные лагеря и дала советы о местах расположения новых лагерей. Вечером того же дня состоялось собрание членов небольших отрядов и групп КНРА, действующих в этом районе, на котором она объяснила участникам значение тайной опорной базы в районе Синхына для реализации плана Ким Ир Сена по распространению пламени вооруженной борьбы вглубь Кореи при опоре на Пучжонренский горный хребет.

После встречи с членами малого отряда в Кодэсанском тайном лагере в уезде Чанчжин Ким Чен Сук направилась в поселок Синхынской угольной шахты, виделась с руководителями различных организаций, шахтерами и их семьями и сеяла среди них семена революции. На встрече с руководителями революционных организаций района Хыннама и Синхынского угольного бассейна она разъяснила им идеи Ким Ир Сена о едином антияпонском национальном фронте.

После этого шире стали рабочие организации в районах Синхына, Хыннама и Хамхына, успешно продвигалась работа по надежному укреплению тайной опорной базы в районе Синхына.

Завершив работу в районе Синхына, Ким Чен Сук снова направилась в районы восточного побережья. В Хонвоне она встре-

тилась с политработником-подпольщиком и сообщила ему о необходимости превратить крестьянский союз в организацию, подведомственную ЛВР, а затем через Пукчхон, Ривон и Танчхон прибыла в Хучхиренскую тайную опорную базу.

Долгий путь, пройденный Ким Чен Сук, был весьма тернист: ей пришлось преодолеть смертельную опасность, проходя сквозь двойной и тройной кордоны японских оккупантов, избегая слежки их сыщиков и агентов.

Во второй декаде сентября она добралась до Таоцюаньли через перевал Хучхи, а потом Пхунсан и Самсу. Отсюда она послала через связного Ким Ир Сену подробный доклад о проведенной подпольной политической деятельности.

Получив этот доклад, Ким Ир Сен высоко оценил ее работу.

Пройдя путь в тысячу с лишним ли, Ким Чен Сук заложила фундамент для выступления Ким Ир Сена в район Синхына, предпринятого им в сентябре того же года.

В октябре того же года Ким Чен Сук получила приказ Ставки Командования о возвращении в отряд.

В день отъезда Ким Чен Сук от Таоцюаньли все сельчане вышли на улицу провожать ее. Когда она прошла поворот у подножия горы Паотайшань и подошла к опушке леса, следовавшие за ней члены общества женщин воскликнули: «Куда вы?.. Пошлите нам весточку!»

Ким Чен Сук повернулась, со светлой улыбкой на лице помахала им рукой и ответила: «Когда услышите винтовочные выстрелы со стороны гор Пэкту, знайте, что и Чен Сук смело воюет там под командованием Полководца Ким Ир Сена!»

Во второй декаде октября Ким Чен Сук прибыла в тайный лагерь близ Фухоушуя, где находился Ким Ир Сен, и, переодевшись в новую военную форму, направилась к нему.

Ким Ир Сен встретил Ким Чен Сук, вернувшуюся после подпольной деятельности, перед бревенчатым домом Ставки Командования.

«Здравствуйте! Вам, наверное, было трудно. Молодец... очень похвально! Я был уверен, что вы будете хорошо бороться и так вернетесь».

Ким Ир Сен оценил присланные Ким Чен Сук ценные сведения об обстановке в стане врага и много материалов в помощь КНРА. Это позволило частям КНРА победоносно провести бои в Почхонбо, на Цзяньсаньфэне и многих других местах. Прекрасным результатом работы Ким Чен Сук было и создание сети организаций ЛВР в пограничном бассейне реки Амнок и глубинных районах у Восточного моря Кореи, что обеспечило дальнейшую успешную военно-политическую деятельность КНРА.

5. СКВОЗЬ ЗАВЕСУ СУРОВЫХ ИСПЫТАНИЙ

ЗАПОМНИМ, ЗА ЧТО ПОГИБЛИ НАШИ СОРАТНИЦЫ!

С подпольной работы Ким Чен Сук вернулась в свою часть. Ситуация была суровая и сложная.

7 июля 1937 года империалистическая Япония начала всестороннее вооруженное вторжение во Внутренний Китай. Оккупанты под вывеской «безопасности тыла» как никогда усиливали фашистские репрессии против корейского народа. Активизировались их карательные операции против КНРА.

В круто изменившейся ситуации Ким Ир Сен предпринял соответствующие меры, чтобы придать мощный импульс антияпонской вооруженной борьбе, добиться нового подъема корейской революции в целом. Именно эти вопросы обсуждались в июле на совещании командного состава главной части КНРА в Пэктусанском тайном лагере и на других собраниях. В сентябре Ким Ир Сен выступил с «Воззванием ко всем корейским соотечественникам». Речь шла прежде всего о том, чтобы части КНРА активизировали свои боевые операции в пограничном районе и внутри Кореи, нанесли мощный удар по тылам противника и ускорили подготовку к общенародному сопротивлению.

Важнейшими звеньями реализации выдвинутого Ким Ир Сеном тактико-стратегического курса стали намеченные зимние операции (1937 г.) и весеннее наступление (1938 г.) КНРА. Ким Ир Сен заранее направляет небольшие отряды во многие районы с заданием – укрепить местные революционные подпольные организации и обзавестись обмундированием и

провиантом для предстоящих новых боевых операций частей.

Всего через несколько дней после прибытия в часть Ким Чен Сук, восприняв новый стратегический курс Командующего, опять направилась в село Цзяцзайшуй на подпольную работу.

Ей было поручено задание: принять экстренные меры для защиты революционной организации Цзяцзайшуя от репрессивных акций, предпринятых врагом в связи с «Хесанским делом», помочь на месте небольшому отряду партизан приобрести материю для обмундирования и продовольствие.

В селе она не раз высоко оценивает деятельность местной революционной организации, члены которой надежно защищают свою организацию от вражеских гонений и активно помогают партизанам. «В условиях разгула белого террора, – советует она, – конечно, важно, прежде всего, охранять революционную организацию от врага... Но надо знать, что революционная организация нужна не для самоохраны, а для борьбы. Она крепнет в борьбе».

Ким Чен Сук делает ее более боевой, динамичной и живой, активизирует деятельность небольшого отряда по приобретению материи для партизанского обмундирования и провианта.

Успешно выполнив подпольную работу в Цзяцзайшуе, она возвращается в часть. Здесь она вместе с подругами-швеями берется за изготовление зимнего обмундирования для партизан. Пошив одежды шел напряженно, буквально день и ночь.

В сжатый срок в части было подготовлено все для зимних операций: обмундирование, заплечные мешки, патронташи, гетры и так далее.

Однако Ким Чен Сук вновь пришлось расстаться с родной частью – Ким Ир Сену предстояло продвинуться с главными силами КНРА в направлении Мэнцзяна. Ей было поручено задание: остаться в Чанбае и заведовать

пошивочным отделением, направлять деятельность революционных организаций в Корее и Чанбае, провести подготовку к весенним боевым операциям следующего года.

Те, кто оставался в Чанбае, очень сожалели, что довольно долго не увидят однополчан. Они знали, что экспедиционный поход главных сил продлится, может быть, даже до весны следующего года.

Ким Чен Сук, долгое время действовавшая вдалеке от своего отряда, как никто другой сильно горела желанием сражаться рядом с Командующим. В дни подполья ее никогда не покидала мечта служить в родной части, находясь поближе к Командующему Ким Ир Сену. Один из командиров части, вникнув в ее душу, намеревался обратиться к Ким Ир Сену с просьбой принять ее в экспедиционный отряд. Однако сама Ким Чен Сук отговорила его от этого намерения. У нее все надежды, все мечты, радость и счастье не могли быть в отрыве от стремления как можно лучше проводить в жизнь помыслы и планы Командующего.

Перед уходом части она положила в вещмешок ординарцу шерстяные перчатки и сказала: «Слушай, когда похолодает – передай это товарищу Командующему». Эти перчатки она связала из шерстяных ниток из белья, подаренного ей подпольщиками села Цзяцзайшуй.

В том году в Чанбае был большой снегопад. Весь тайный лагерь был занесен снегом. Утром не выйдешь во двор, не прорыв целый туннель в сугробах.

Партизанки-швеи расположились в тайном лагере Ганьбахэцзы. Это были два небольших сруба на расстоянии в двух километрах друг от друга. В одном из них находились Ким Чен Сук со своими несколькими подругами-партизанками, в другом – Пак Су Хван и другие партизанки. Лагерь был совершенно засекречен. Ким Чен Сук с соблюдением секретного режима лагеря выполняла задачи направлять деятельность организаций ЛВР в Корее и Чанбае.

Начался новый, 1938 год. Тайный лагерь постигла большая беда. Дело в том, что по доносу Ким Тхэ Сона

арестованы Ма Дон Хи и Чан Чжын Рер, направленные Ставкой Командования на места для уточнения состояния разрушенных после «Хесанского дела» революционных организаций и их восстановления. Ма Дон Хи сумел до конца сохранить тайну Ставки Командования и подпольных организаций, даже откусив себе язык. Однако Чан Чжын Рер не смог выдержать пыток, которым его подвергли палачи, и выдал врагу явочный пункт в Шицзюдаогоу, где были арестованы еще Чи Тхэ Хван и Чо Кэ Гу. Чи Тхэ Хван замкнул рот, однако последний выдал местонахождение тайного лагеря Ганьбахэцзы.

В один из январских дней 1938 года каратели противника в сопровождении предателя совершили налет на этот тайный лагерь.

Пак Су Хван и другие партизанки заметили врагов, когда тайный лагерь уже попал в кольцо окружения. Шла ожесточенная перестрелка между карателями и партизанками. Ким Чен Сук услышала грохот винтовочного выстрела, когда закончила вместе с подругами дневное военно-политическое занятие. Она немедленно подготовила остальных к бою и сама побежала туда, откуда послышался выстрел.

Но когда она по пояс в снегу перебралась через буреломы и добралась до холма, откуда виден был соседний тайный лагерь, огонь уже прекратился. Клубился черный дым, над крышей лагеря швейного отделения поднималось пламя. Вокруг бревенчатого дома на снегу отпечатались грязные следы вражеских сапог.

Ким Чен Сук увидела огромное дерево, под которым шесть ее боевых подруг лежали, крепко сжав руки друг друга. Она бросилась к ним. Обняв каждую из них, звала и звала подруг.

Слезы безутешно текли у нее по щекам. Тело погибших соратниц уже остывали. Вокруг дерева валялись гильзы. Было ясно, что они до последней пули героически сражались с врагами и погибли смертью храбрых. Все они были ее дорогими товарищами по революции. Вместе с ней они преодолевали вьюжные крутые горы и перевалы, вместе проходили полосу жарких кровопролитных боев. Они горели

пламенной решимостью быть беззаветно верными Солнцу нации – Полководцу Ким Ир Сену. Вот одна из них – Пак Су Хван. Свалив японского полицейского валиком для стирки, отняла у него винтовку и ушла в партизаны. Рядом – Хо Сун Хи, известный стрелок. Вот Ким Ён Гым, вступившая в партизанский отряд вслед за своим мужем Ма Дон Хи. И еще: Ким Сан Гук и... Они крепко поклялись: мы будем жить вместе и погибнем вместе, если это случится. И вот подруги, сраженные вражескими пулями, теперь лежат в холодном снегу на немилой чужбине, так и не увидев столь желанный день возрождения Родины.

Ким Чен Сук видит надпись кровью на дереве, сделанную ими в последнюю минуту своей жизни: «Да здравствует корейская революция!» Почерк шести слогов корейского текста был разным.

Каждый слог этого лозунга, видимо, написала каждая из погибших партизанок-революционерок. Это был завет погибших, клич их убеждений.

Сдерживая глубокую скорбь, Ким Чен Сук обратилась к партизанкам: «Остановилось биение сердца у наших боевых подруг. Но их революционный дух вечно жив в наших сердцах вместе с этой надписью кровью. Товарищи, давайте пересилим горе ненавистью к врагу, сторицею умножим в себе силу и смелость. Уничтожим разбойников – японских империалистов! Чтобы приблизить день возрождения Родины, чего так горячо пожелали они. Запомним, за что погибли наши соратницы!»

Ким Чен Сук и другие партизанки собрали сухие листья в сугробах у южного склона горы, затем бережно положили рядышком на них шесть погибших подруг и покрыли их лица своими рубашками.

В ту ночь небольшой отряд во главе с Ким Чен Сук покинул тайный лагерь Ганьбахэцзы. Бревенчатый дом Пак Су Хван был обнаружен противником, и о безопасности лагеря больше не могло быть и речи.

Отряд шел, заметая за собой следы на снегу. Через два дня партизанки прибыли в Фухоушуй, в тайный лагерь, где находилась 2-я рота 7-го полка.

Здесь Ким Чен Сук, полная горя от утраты дорогих соратниц и жажды отомстить врагу, еще активнее участвует в военно-политических занятиях. Особое внимание она уделяет тому, чтобы каждый боец овладел искусством меткой стрельбы. С большой надеждой она ожидала прихода весны, когда в Чанбай вернется Командующий Ким Ир Сен со своей главной частью.

Наконец-то настал долгожданный день. В один из первых дней апреля прибыл в Фухоушуй связной Ставки Командования, который передал партизанам радостную весть – Командующий ступил на чанбайскую землю.

Ким Чен Сук со своим малым отрядом пошла на встречу с Командующим. На волнующей встрече Ким Ир Сен, узнав о смерти шести партизанок, с острой болью на душе довольно долго смотрел вдаль на горные гряды и сказал, что в походе от Мэнцзяна в Чанбай погибла и Ким Хвак Сир. Это была боевая подруга, которая вместе с Ким Чен Сук прошла боевой путь еще в уезде Яньцзи – и в трудные дни подполья, и в суровые дни в Чэчанцзы, и в рукопашном бою с неожиданно напавшими врагами под Лаолином, и в защите седловины во время рейда на уездный центр Фусун. Такая отважная подруга ушла из жизни!.. Сердце ее терзала невыносимая боль. Да, это была суровая зима, принесшая партизанам слишком много жертв и лишений.

В следующий день Ким Ир Сен приказал всем бойцам заниматься стрельбой боевыми патронами.

Огневая подготовка, проведенная в тот день, – это была своего рода торжественная декларация, клятва сторицею, а то и тысячекратно отомстить врагу за погибших соратников.

Мишени стояли на расстоянии 100 и 150 метров – и деревья, и фигуры из снега, напоминающие вражеских карателей.

Ким Чен Сук вышла на огневую позицию. Пули попали в самую середину мишеней – в кусочки стекла, обозначающие сердцевину и глаза «противника» – япошек.

Началось весеннее наступление партизан. Смелая партизанка Ким Чен Сук метким огнем косила врагов.

Прошел бой в Шиэрдаогоу. После этого ночью 26 апреля партизаны атаковали городок Людаогоу. Это был победоносный бой по истреблению заклятых врагов. Ночной налет на городок был непрост: улицы широкие, электролампы ярко горели на фортах у полицейского участка. Когда начался бой, Хан Чхан Бон, партизан из поселка Таоцюаньли, меткими выстрелами разбил все дальние лампы.

Ким Чен Сук состояла в штурмовой группе, которая моментально атаковала дышащий огнем центральный форт противника. Противник бросил оружие и начал сдаваться. Однако в некоторых фортах враги продолжали сопротивляться.

Ким Чен Сук зорко следила за полем боя. При каждой вспышке дула вражеской винтовки она стреляла в точку огня – и оттуда слышался визг вражеских солдат. Партизаны уничтожили врага, совершив налет на форты, казармы, полицейский участок.

Бой окончился. Партизаны радовались своей победе.

«Сегодня ночью уничтожено очень много солдат противника. Значит, мы отомстили за погибших товарищей».

Ким Чен Сук качала головой:

«Нет, до этого пока еще далеко».

Каждый погибший товарищ, думала она, для нас безмерно дорог; его не заменишь десятками, даже сотнями врагов.

Шанс на отмщение врагу выдался уже на следующий день. Враги преследовали партизан, чтобы реваншировать за свое поражение в Людаогоу. Ким Ир Сен разработал план боевой операции по уничтожению их в горах за Шуаншаньцзы, состоящих из четырех высот. Ким Чен Сук находилась на средней высоте, где была Ставка Командования.

Бой шел с раннего рассвета до вечерних сумерек. Сначала на высоту скакали более ста кавалеристов. Конные все приближались: 500, 400 метров...

Ким Чен Сук взяла на прицел впереди скачущего всадника. Ким Ир Сен дал команду: «Огонь!» Передний

всадник упал, и кавалерийская атака была отбита. Противник двинул пехоту. Вражеские солдаты шаг за шагом вскарабкивались на гору под прикрытием пулеметного огня. Но их опять настигала неминуемая смерть.

После полудня противник бросил в бой более тысячи вояк. Шел жаркий бой. Часам к пяти вечера разразился ливневый дождь. Под покровом этой водяной завесы уцелевшие враги отчаянно поднимались в гору. Пробил час – смертельный бой!

Уже стемнело, когда ожесточенный бой закончился. Враги обратились в бегство, оставив за собой груды трупов. И в последующих боях под Цзяцзяином, Синьтайцзы и в других районах Ким Чен Сук показала себя с лучшей стороны. При подведении итогов весеннего наступления КНРА Командующий Ким Ир Сен наградил партизанку золотым кольцом за выдающиеся боевые заслуги.

СНОВА В КОРЕЕ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ СВЯЗЕЙ

Весна 1938 года. Ким Чен Сук снова отправляется в Корею на подпольную работу для претворения в жизнь плана Командующего Ким Ир Сена.

«Хесанское дело» подвергло революционные организации в районах Хесана и Чанбая серьезным испытаниям. Арест подпольщика на стройке железной дороги Пэгам – Мусан дал повод японцам внезапно обрушиться с репрессиями на организации ЛВР в Капсане, Хесане и в китайском уезде Чанбай. Были тайно подняты на ноги полицейские силы пограничных зон Кореи и Маньчжурии.

В лапы врага попали Квон Ен Бек, Ли Чжэ Сун и другие руководители ЛВР, были разрушены многие революционные организации.

Ким Ир Сен принимает меры для того, чтобы уберечь революционные организации от репрессивных акций противника, вос-

становить и привести их в порядок, быстро расширить вооруженную борьбу и усилить подготовку ко всенародному сопротивлению в масштабе всей страны. Он прилагает неослабные усилия, чтобы реализовать намеченную задачу.

Ким Чен Сук хорошо понимала, какую душевную боль испытывает Командующий из-за пострадавших революционных организаций и арестованных товарищей после «Хесанского дела», каких огромных усилий стоят ему попытки установить связи с пропавшим без вести Пак Даром и другими революционерами, действовавшими внутри Кореи.

Чтобы связаться с Пак Даром, в ноябре минувшего года он направил в Корею Ма Дон Хи. Этот посланец, к несчастью, был арестован. Получив известие об этом, Ким Ир Сен просто не мог сомкнуть глаз несколько ночей подряд. Пак Дара надо найти во что бы то ни стало, говорил он. И на этот раз был послан в Корею Пэк Ен Чхор, хорошо знающий ее местности. Ему немало досталось, пока он исколесил восточное побережье, избегая вражеских глаз. Наконец, он встретился с Пак Даром, вернувшимся в волость Унхын, и возвратился с его письмом.

В пункте связи Пэк передал письмо комиссару 7-го полка и Ким Хон Су, которые с этим письмом прибыли в Пэктусанский тайный лагерь.

В своем письме Пак Дар сообщил, что он, избегая волны массовых арестов, одно время был в другом краю и лишь недавно вернулся в волость Унхын. За это время организации были разрушены, повальные аресты не прекращаются. Сам он не знает о направлениях дальнейших действий, и это очень беспокоит его. Многие члены Союза национального освобождения Кореи (СНОК) переживают тяжкие испытания, да и он не может покинуть село. В письме была выражена искренняя просьба к Ставке Командования прислать подпольщика.

Прочитав письмо, Ким Ир Сен говорит комиссару 7-го полка:

«К Пак Дару придется послать на связь опытного подпольщика. Подбирай кандидатуру. Я подчеркиваю – человека, хорошо знакомого с положением в Корее».

Тут Ким Чен Сук обращается к нему:

«Товарищ Командующий, разрешите мне выполнить это задание».

«...»

Ким Ир Сен долго безмолвно смотрел ей в глаза. Ему было тяжело опять поручить партизанке столь сложную задачу.

«Полагаю, так и должно быть. У меня есть определенный опыт подпольной работы в Корее, да и знаю сама о местном положении», – еще раз просит она.

Командующий удовлетворил ее просьбу лишь после того, как она еще раз выразила свою решимость с высоким чувством долга любой ценой сделать все, чего не смогли выполнить Ма Дон Хи и его супруга, и осуществить не завершенное ими.

Ким Ир Сен говорит:

«Вражьими вихрями ареста разрушены СНОК и другие революционные организации. Их надо быстрее возродить и укрепить у Пак Дара и других революционеров в Корее, которые сейчас переживают трудные испытания, веру в победу. Вот с какими заданиями вас направляю. Передайте им от моего имени боевой привет».

На следующий день она вместе с двумя бойцами вышла в путь – в Корею. Группа бойцов броском преодолела более 40 километров дремучего леса, куда не проникает даже солнечный свет, и, наконец, добралась до околицы села Чхонрим волости Почхон. Здесь их ждали Ким Хон Су и Пэк Ен Чхор.

В их сопровождении группа той же ночью продолжила поход и остановилась на ночлег в скальной пещере в Чхонсансу, что была между Онсупхеном и Тэчжинпхеном.

Чтобы быстрее найти Пак Дара, Ким Чен Сук разделила всех на две группки: Пэк Ен Чхору и Ким Хон Су надлежало идти в село Донпхо волости Унхын, остальные оставались для подпольной работы в Онсупхене и Тэчжинпхене волости Почхон. Уточнив дату явки и пароль, сама она вместе с одним бойцом пошла в село Онсупхен.

Там, беседуя с хозяином одной избы, стоящей на отшибе, она узнала, что творилось здесь после «Хесанского дела». Решила

поглубже вникнуть в суть дела на встречах в Тэчжинпхене и селе Ресу с уцелевшими от лап карателей членами революционной организации, с членами семей арестованных и только потом встретиться с Пак Даром. Было ясно, что враги ведут слежку, отыскивая укрывшихся от ареста членов революционной организации, наблюдают и за членами их семей. Рискованное это было дело – непосредственно встретиться с ними.

Однако Ким Чен Сук ничуть не колебалась. Пошла через Тэчжинпхен на окраину деревушки Хачхон села Ресу. Там ей помогла семья члена Антияпонского общества, арестованного по «Хесанскому делу», и ей предоставилась возможность встретиться с сельчанами, которые могли бы знать, где находится Пак Дар.

На рассвете следующего дня Пэк Ен Чхор и Ким Хон Су вместе с Пак Даром, Ли Рён Суром и Ким Чхоль Оком явились в пещеру в Чхонсансу.

Ким Чен Сук крепко пожала руки Пак Дару. Расспросила о здоровье, передала ему привет Ким Ир Сена в адрес революционеров в Корее, разъяснила, почему он их направил и что им посоветовал.

Пак Дар проинформировал ее о подробностях «Хесанского дела», о состоянии революционных организаций и проведенной ими работе. По его словам, в октябре предыдущего года, то есть до «Хесанского дела», СНОК имел 40 своих низовых организаций, в числе которых были, например, общество Чончжинхвэ («Вперед»), общество Чоньу («Верные друзья»), Антияпонское общество, Антияпонский союз молодежи, Антияпонское общество детей, Антияпонское общество женщин и многие другие формирования разных названий. А тут поднялись свирепые вихри – японские палачи арестовали около 150 членов революционных организаций и других людей, находящихся под их влиянием. Остальные скрылись, кто где мог. Пак Дар и другие активисты революционных организаций не могли игнорировать трудности, создавшиеся в районе Капсана. И было решено на время в зимние дни скрываться, устроившись на работу в рудниках,

шахтах, на заводах, на лесоразработках разных районов или находясь у родственников, а весной следующего года собраться в районе Капсана, чтобы приняться за восстановление разрушенных своих организаций. Пак Дар, как он сам признался, был вынужден часто менять места организационно-политической работы. Он вернулся в конце апреля этого года в Капсан и начал было работу по восстановлению разрушенных организаций, но не мог действовать результативно: активисты были арестованы или утратили связь друг с другом, а репрессии врага усиливались до предела.

В пещере Ким Чен Сук провела совещание СНОК, в котором участвовали Пак Дар и другие руководители.

В обстановке усиления врагами кампании по аресту патриотов, советует Ким Чен Сук, наша первоочередная задача – принять надежные меры для защиты революционных организаций и их членов. Следует, однако, не ограничиваться защитой организаций, а непрерывно расширять их. Если спасовать перед вражескими репрессиями, не активизировать деятельность революционных организаций и во избежание беды прибегать только к самозащите, то окажется невозможным само существование этих организаций.

Не мешало бы тщательно прикрывать революционные организации, продолжает она, вывеской простейших объединений, таких, как общество друзей[22] и общество побратимов. Надо идти в гущу жителей, доходчиво рассказывать им о блестящих боевых успехах КНРА, – это воодушевит подавленных духовно в связи с «Хесанским делом», вселит в их сердца надежды на завтра и уверенность в себе, вдохновит их на борьбу против японских империалистов.

После совещания Ким Чен Сук отдельно беседует с Пак Даром. Она рассказывает ему о намеченном Ким Ир Сеном курсе на создание Северокорейского антияпонского народного партизанского отряда и его значении, передает приказ Командующего КНРА о назначении Пак Дара комиссаром этого отряда.

Так в суровый период корейской революции она с риском для собственной жизни встречалась с революционерами в Корее и рассказывала им об указаниях Ким Ир Сена, освещая путь

борьбы. Это помогло временно подавленным революционным организациям в Корее и их членам с уверенностью в победе начать упорядочение своих рядов, получить новый импульс в своей революционной работе.

Летом 1938 года она действовала в составе 7-го полка в Мэнцзяне и Хуенане, затем остановилась в тайном лагере под Синьтайцзы. В середине сентября Ким Ир Сен дает ей новое задание – вести подпольную работу внутри Кореи.

Ким Чен Сук было поручено руководить революционными организациями в районе Пхунсана. Ким Ир Сен предложил ей направиться в Корею вместе с Пак Чен Сук и Ким Бон Соком.

Однако она попросила Командующего послать в Пхунсан только одну ее. «Каждый раз, когда ухожу с новым заданием, – говорит она, – просто беспокоюсь, как бы не случилось что-то с Вами, товарищ Командующий, за это время. Вижу, что рядом с Вами остается много наших товарищей, – и у меня на душе легко, даже когда я ухожу. Пхунсан – давно знакомое мне местечко. И очень прошу направить туда только меня одну».

Ким Ир Сен, тронутый предложением верной революционерки, говорит: «Спасибо, Чен Сук! Никогда не забуду о глубокой заботе товарищей о своем Командующем». После паузы он опять обращается к безмолвно стоящей рядом партизанке: «Мои товарищи всегда беспокоятся о моей безопасности. Но знаете, где бы я ни находился, я всегда среди бойцов. Делаю хоть один шаг – всегда рядом со мной охранники. А что у тебя, сама знаешь. Ты сама пойми, как тяжко у меня на душе каждый раз, когда посылаю тебя в одиночку, ведь ты не мужчина, на столь опасную работу».

Струны сердца партизанки трогала каждая нотка слов Командующего, в которых звучали горячая любовь к солдатам революции и чувство долга по отношению к ним.

Перед уходом троих бойцов Ким Ир Сен вручил каждому из них пистолет. Партизанке уже знакомы двое сопровождающих: вместе с Пак Чен Сук она уже вела

раньше подпольную работу еще в Таоцюаньли, а также в предыдущем году в Корее; боец Ким Бон Сок охранял ее, когда она в прошлом году вела подпольную работу в Корее.

Наконец, все трое покинули Ставку Командования. В первый день похода группа остановилась на ночлег в лесном шалаше под Шиэрдаогоу, недалеко от Ганьбахэцзыского тайного лагеря. Именно здесь минувшей зимой шесть партизанок-швей, в том числе Пак Су Хван и Ким Ён Гым, пали смертью храбрых в неравном бою с карателями противника.

Ким Чен Сук говорит двоим бойцам: «Быстрее пойдем в Корею. Чтобы приблизить день возрождения Родины, который они, наши соратницы, столь горячо желали увидеть при жизни. Нам надо сделать и то, чего они не могли сделать. За смерть их надо отомстить врагу».

Покинув бивуак, в вечерних сумерках следующего дня группа поднялась на гору под Шисаньдаогоу.

Аптечный домик, бывший связной пункт в Саньшуйгоу, был пуст.

Оказывается, семья аптекаря после ареста сына, члена партгруппы, переселилась в Ривон.

Только в разговоре с хозяином постоялого двора на перевале Охам удалось узнать в общих чертах о положении в Синпха. Немало революционных организаций было разрушено, многие товарищи были арестованы и брошены за решетку.

На следующий день Ким Чен Сук встретилась у подножия горы Нам в Синпха с начальником Сингальпхаского особого отделения ЛВР и дала ему задание: используя благоприятные условия службы во вражеском учреждении, надежно защитить подпольщиков и создаваемые в дальнейшем новые полувоенные формирования.

Ночевала она в другом месте – в лесу, километрах в двух от городка Синпха. На следующий день здесь состоялась встреча с членами местных революционных организаций, на которой Ким Чен Сук наметила задачи и пути восстановления, приведения в порядок разрушенных организаций и одновременно их расширения. Это вернуло к жизни на время

подавленные революционные организации, стало новой искрой для будущего мощного пламени борьбы в районе Синпха.

Оттуда она направилась в деревушку Янчжи села Мунчжо уезда Пхунсан, где встретилась с Чу Бен Пхо. И он в то время переживал немало трудностей в тисках репрессий японских палачей. Раньше он вел революционную работу, состоя в коллективе одной из школ Сеула. Вернувшись в родной край, Чу работал в вечерней школе. Враги часто вызывали его в полицейский участок, предупреждая о «неблагонадежной пропаганде» в вечерней школе.

Он был по натуре человеком динамичным, но вражеский надзор чересчур сковывал его, и он просто не находил себе места. Встрече с Ким Чен Сук он так обрадовался и удивился, что крепко жал ей руки и долго не находил нужных слов. Наконец, он умоляет: «Больше я не могу работать здесь, внутри Кореи. Очень прошу помочь мне вступить в КНРА».

Однако Ким Чен Сук интересовалась не его просьбой, а его связью с определенными кругами в Сеуле. Собеседник говорил, что в Сеуле, Инчхоне, Ендынпхо имеются участники антияпонского движения из Пхунсана и что сам может связаться с бывшими коллегами по ученическому движению в Лунцзине.

Она рассказала ему о создавшейся в то время ситуации и перспективах корейской революции, о намеченном Ким Ир Сеном курсе на проведение подготовки к общенародному сопротивлению. «Вы хорошо знаете о положении в Корее, – продолжала она, – да и за вашими плечами – опыт ученического движения и подпольной работы, и вам предстоит работать именно внутри Кореи, то есть в Сеуле. Там вы можете связаться с Ли Еном, направленным в Сеул после нашей прошлогодней июльской встречи в Пукчхоне». Не забыла она указать на ряд необходимых мер: создать революционную организацию в его школе, идти в гущу рабочих Сеула, Инчхона и Ендынпхо, общаться с профсоюзными организациями для объединения их в организации ЛВР.

Через несколько дней Ким Чен Сук встречается с Ли

Ин Мо и другими активистами революционных организаций Пхунсана и ставит перед ними задачи.

Затем направляет Чу Бен Пхо в Сеул.

Из деревушки Янчжи она переходит в деревушку Саи села Синвон километрах в четырех от уездного центра Пхунсан. Там состоялась ее встреча с главой Пхунсанского уездного прихода религиозной секты чхондогё Вон Чхун Хи, которому не довелось видеться с нею целый год. Глава местной религиозной организации со слезами на глазах справился о здоровье Ким Ир Сена и рассказал: «После ареста точжона Пак Ин Чжина у меня в глазах просто потемнело, не знал, что делать. А вот на этот раз Полководец Ким Ир Сен направил к нам замечательную подпольщицу. Признаюсь, у меня такое ощущение, что у экипажа корабля, дрейфующего на морском просторе, который вдруг увидел огни маяка». Потом он доложил, почему и как арестован точжон Пак Ин Чжин, каково настроение у сеульской верхушки чхондогёсцев, как идет работа с местными религиозными организациями в провинциях Хванхэ, Южный Пхеньан, Северный Хамген и в других районах.

Ким Чен Сук советует: теперь, когда арестован Пак Ин Чжин, главную роль в работе с сеульской и местными организациями чхондогё должен вести Пхунсанский уездный приход, еще теснее объединять всех чхондогёсцев страны в едином антияпонском национальном фронте. За счет лучших членов партии Чхондогё-чхоннендан, продолжает она, следует расширять производственный партизанский отряд, усиливать военное обучение и проводить полную подготовку к тому, чтобы немедленно поднять вооруженное восстание, когда этого потребует ситуация.

Вон Чхун Хи сказал, что слова подпольщицы укрепляют у него уверенность в себе. Он еще раз выразил твердую клятву посвятить всего себя священному делу возрождения Родины, идя по пути, указанному Полководцем Ким Ир Сеном.

На следующий день Ким Чен Сук посетила тайную опорную базу в районе Пхунсана. Во второй половине дня под ее руководством проходит совещание состава небольшого

отряда КНРА, группы подпольщиков-политработников и руководителей революционных организаций в районах Пхунсана и перевала Хучхи.

На совещании она подчеркивает необходимость надежно защищать подпольные организации от репрессий противника, скорее устранить временно создавшийся хаос, настойчиво вести работу по восстановлению разрушенных революционных организаций, активизировать массово-политическую и пропагандистскую работу для воспитания жителей районов, соседствующих с тайной опорной базой, в революционном духе, расширять и укреплять производственный партизанский отряд и другие полувоенные организации и тем самым создать для вооруженной борьбы прочную опору в массах.

После выполнения задания в этом районе она без промедления переправляется через реку Амнок, ускоренно возвращалась к тайному лагерю под Синьтайцзы. Здесь она доложила Командующему Ким Ир Сену о проведенной группой работе.

Своей революционной деятельностью в районе Пхунсана Ким Чен Сук значительно способствовала расширению сети организаций ЛВР в общекорейском масштабе и ускорению процесса подготовки ко всенародному сопротивлению. Результат был ощутим: дальнейшее укрепление организаций ЛВР в Пхунсане, создание во многих местах производственных партизанских отрядов, являющихся полувоенными организациями, и активизация их деятельности, активная помощь местных жителей революционной армии.

Свой тон в подпольной работе задал Чу Бен Пхо. Состоя официально в штате юридического колледжа Сеула, он установил связь с Ли Еном, а через некоторое время успел твердо «обосноваться» в заводском районе, главным образом в Ендынпхо. Чу проинформировал Сеульскую коммунистическую группу о выдвинутой Ким Ир Сеном линии на возрождение Родины. Кроме того, используя тесную связь с Ким Сам Рёном, одним из главных профсоюзных деятелей, он проник глубоко в недра профсоюзного движения в районе Сеул – Инчхон и тем самым внес большой вклад в превращение рабочего движения

в регионе Сеула в одно из звеньев в цепи реализации линии Ким Ир Сена на возрождение Родины.

Его помощником и связным был Ли Ин Мо, который обеспечивал связь между Пхунсаном и Сеулом. Затем он, посоветовавшись с Чу Бен Пхо, переехал в Японию и вел работу по превращению «Пхуньуского товарищества учащихся в Токио», созданного из числа уроженцев Пхунсана, в низовую организацию ЛВР.

После возрождения Кореи Чу Бен Пхо остался в Сеуле, занимаясь подпольной деятельностью по претворению в жизнь намеченной Ким Ир Сеном линии на воссоединение Родины и осуществление южнокорейской революции. При учреждении орденов и медалей после образования КНДР в списке первых награжденных было и его имя. До последних минут своей жизни он свято хранил убеждения и твердую волю, выкованные при помощи Ким Чен Сук. Стойкий борец был арестован врагами и казнен в марте 1950 года.

В своих воспоминаниях «Убежденность и моя жизнь» Ли Ин Мо пишет о подробностях о последних минутах жизни Чу Бен Пхо и с волнением рассказывает о своей двукратной встрече с Ким Чен Сук.

ЦИНФЭНСКИИ ТАЙНЫЙ ЛАГЕРЬ

Зима 1938 года была самой суровой порой в истории вооруженной борьбы корейского народа против японского империализма.

Понеся серьезный военно-политический урон вследствие упорной борьбы корейского народа против агрессоров и прежде всего – от мощных ударных операций КНРА в тылу врага, японские оккупанты небывало усиливали реакционные репрессивные акции против корейцев в попытках задушить их революционные выступления.

В то время части объединенных антияпонских войск понесли

огромные потери в походе на Жэхэ[23], который был навязан левачками-авантюристами. В результате КНРА пришлось почти в одиночку сражаться с получившими пополнение полчищами противника в юго-западном районе гор Пэкту. Корейская революция столкнулась с огромными трудностями.

КНРА была окружена крупными (численностью более 10 тысяч штыков) силами противника. В такой обстановке Ким Ир Сен созвал в Наньпайцзы совещание военных и политических кадров КНРА, которое проходило с 25 ноября по 6 декабря 1938 года.

Критически проанализировав левацко-авантюристическую сущность Жэхэского похода, повлекшего за собой тяжелые последствия, он поставил перед главными силами КНРА новые военно-политические задачи – немедленно выйти в пограничные районы бассейнов рек Амнок и Туман, прежде всего в горы Пэкту, чтобы развернуть там активную военно-политическую деятельность. Это помогло бы сорвать отчаянные происки японских агрессоров и вселить в сердца членов революционных организаций, всех людей веру в победу. Выполнение новых задач позволит скорее ликвидировать пагубные последствия, порожденные левацко-авантюристической линией на свершение Жэхэского похода, и твердо придерживаться принципов чучхе, самостоятельных позиций в корейской революции. Такая линия предвещала великое наступление КНРА, нацеленное на непрерывное развитие корейской революции в целом.

На совещании были сформированы три армейские группы и отдельный полк, определены районы их действий. 2-й армейской группе, где состояла Ким Чен Сук, предстояло сражаться под командованием Ким Ир Сена в Корее и в пограничных зонах.

Всем бойцам отрядов, отправляющихся на места новой дислокации, Ким Ир Сен пожелал боевых успехов, велел вручить им новое оружие, выдать каждому из них новую зимнюю форму, белье, гетры, обувь и даже НЗП – толокно. Новое ватное обмундирование бойцов было плодом ударного труда: его шили днем и ночью Ким Чен Сук вместе с

партизанками-швеями в лесу под Эрдаохуаюанем уезда Мэнцзян, получив задание Командующего сделать это в сжатые сроки.

После совещания отряды ушли по своим маршрутам. 2-я армейская группа вышла в поход, прорвавшись через лесной массив Наньпайцзы, плотно окруженный японскими карателями. Отрядам группы с первого шага пришлось двигаться, имея позади «севшие на хвост» большие вражеские карательные силы, до того окружавшие Наньпайцзы. Так начался известный всем Трудный поход, какого не знала история.

«Если резюмировать вкратце содержание Трудного похода, – вспоминает Ким Ир Сен, – то можно сказать: нам довелось изведать на себе сложное переплетение всех аспектов борьбы с суровой природой, с крайней нехваткой продовольствия, с невообразимым переутомлением, со страшными болезнями – и все это в непрестанных схватках с жестокими и коварными врагами. И была еще одна острая борьба – борьба с самим собой за преодоление трудностей. Проще говоря, это была борьба за выживание, сопряженная со стремлением любой ценой одержать победу в схватке с противником. Вот каково было основное содержание Трудного похода. Действительно, этот поход с самого начала до конца был полон суровых испытаний и неимоверных трудностей».

В том году еще до прихода *хангави*[24] (осенний праздник: 15-е число восьмого месяца по лунному календарю – ред.) ударили первые заморозки, а после него выпал обильный первый снег. Зима была отмечена небывалыми за сто лет сильными снегопадами и трескучим морозом.

Ким Чен Сук шагала в арьергарде похода вместе с группой снайперов 7-го полка. Вражеские атаки в ходе погони были часты и навязчивы. С самого начала похода, как только отряд покинул Наньпайцзы, враги пустили в ход «тактику яростного наступления и неотступного преследования», то есть жестокие налеты сочетались с цепкой погоней. Главное – в том, чтобы вплотную вцепиться в партизанский отряд, как

клещ, и не давать ни минуты покоя. Не раз Ким Чен Сук из засады в снегу вместе со стрелками поражала гнавшихся по пятам солдат противника метким огнем. Такое случалось не единожды за день.

Тайга была настолько занесена снегом, что такое, видимо, бывает раз в сто лет. И противник не осмеливался обгонять партизанский отряд, идя в обход. Он шел лишь по следам партизанского отряда – по утрамбованному им снежному пути. Воспользуясь этим, Ким Чен Сук вместе с командиром полка О Чжун Хыбом стали минировать путь партизанскими гранатами. Зарывали на тропинке в снег гранаты, к которым присоединялась проволока – «растяжка». И партизанская хитрость сработала. Враги со спокойной душой следовали за партизанами и попадали в поле действия гранатных «мин». Массовая смерть находила их не раз. Противник поэтому больше не смел преследовать партизан по пятам и пускался далеко в обход через лесные сугробы.

Ким Чен Сук со снайперами устраивали засады там, где ожидалось появление противника после его обходного маневра. И открывали шквальный огонь по нему.

В дни Трудного похода она показала себя незаурядным стрелком. На довольно далеком расстоянии сразила пулей командира батальона противника, приятно изумив своих товарищей – бойцов. И Командующий Ким Ир Сен дал ей высокую оценку: «Вот это меткий стрелок!»

За первый месяц Трудного похода партизанка участвовала во многих боях. В их числе – налеты на коллективное поселение под Эрдаохуаюанем, на Вудаоча и Сыдаоча уезда Мэнцзян, штурм коллективного поселения Ягоу, бои из засады под Маихэ и Яньтунлацзы, налет на Ванцзядянь уезда Линьцзян и так далее. В этих боях она проявила беспримерную отвагу.

В те трудные дни она своей несгибаемой стальной волею, самоотверженностью и горячей любовью к товарищам по революции вдохновляла бойцов на ратные подвиги.

Изнемогая от непрерывных боев и бесконечного похода так, что порой не могла даже держаться на ногах, она все

равно делала для боевых друзей все, что могла, – собирала в снегу старые листья, сухие плоды растений и стебли актинидии, копала корни съедобных трав, когда другие бойцы ложились спать.

Однажды Ким Чен Сук вместе с другими партизанками-поварихами варили жидкую похлебку из травы. И вдруг – выстрелы. В котле – горячая жидкость. Вмиг она снимает с себя маскировочный халат, завертывает в него котел с пищей – и вперед. Ее примеру следуют и другие подруги. Какую огромную силу придала партизанам эта похлебка! О ней даже многие годы после возрождения страны часто вспоминают ветераны антияпонской революции – участники Трудного похода.

Так прошел целый месяц. В начале января 1939 года отряд оказался в Цидаогоу уезда Чанбай. На карательные операции против КНРА были брошены крупные силы противника, расположенные заранее на рубеже Чанбай – Линьцзян, в том числе и авиация.

В сложившейся ситуации Ким Ир Сен наметил новую тактику: крупным походным отрядам главной части КНРА действовать рассредоточенно в трех направлениях. Раненых, больных, физически слабых и партизанок было решено направить в Цинфэнский тайный лагерь.

Перед уходом из Ставки Командования Ким Чен Сук кладет в вещмешок ординарцу Ставки свой НЗП – кисет с толокном.

«Думается, здесь не больше стаканчика... Угощай, дружок, товарища Командующего, когда будет нужно», – говорит она.

Тот случай стал основой легендарного «Рассказа о толокне», который знают ныне все корейцы.

Пожимая руки бойцам комендантской роты, Ким Чен Сук повторяла: «Прошу заботиться о безопасности товарища Командующего!» Часто оглядываясь назад, партизанка зашагала в сторону Цинфэнского тайного лагеря. Это был лагерь интендантской службы КНРА. Там располагались хозяйственники 7-го полка и раненые. Лагерем ведал полковой интендант Ом Гван Хо. В 1937 году Ким Чен Сук вместе с ним вела подпольную работу в Таоцюаньли.

Ким Ир Сен направил его в Цинфэн с заданием – вырастить новый урожай культур для создания продовольственного запаса отряда и построить казармы с учетом предусмотренных зимних военно-политических занятий бойцов. Однако тот не выполнил задания – в лагере не было ни одного порядочного резервного помещения, не было и нужного запаса провианта. В лагере не соблюдался распорядок дня, режим ограничивался обеспечением ежедневного двухразового приема пищи. К большому удивлению, в лагере не было даже порядочных помещений, где могли бы спокойно жить прибывшие.

Ким Чен Сук и ее подругам, а также раненым бойцам, прибыв в лагерь, пришлось начать строить для себя казармы, и это в трескучий мороз!

В лагере царили застой, беспорядок, атмосфера уныния, далекие от боевого духа Трудного похода, ведомого Ким Ир Сеном.

Ким Чен Сук просто не могла сидеть сложа руки. Любому человеку, если он боец КНРА, было ясно: где бы он ни находился, ему надо мыслить и действовать согласно революционным идеям Командующего. Первым делом она стала содержать лагерь в чистоте и помогала больным активно лечиться. А тем, кто долгое время находился далеко от своего отряда, разъясняла новый курс, намеченный Ким Ир Сеном на совещании в Наньпайцзы, рассказывала им о боевых успехах главных сил КНРА, идущих в бассейн реки Амнок. Информация изменила душевный настрой бойцов.

Она серьезно позаботилась о том, чтобы бойцы осваивали идеи Ким Ир Сена на военно-политических занятиях. По этому поводу ей не раз приходилось полемизировать с Ом Гван Хо и политическим руководителем лагеря Ким Чжуном (Ли Дон Гором), которые не соглашались с инициативой партизанки, говоря: «Здесь половина личного состава лагеря – раненые, физически слабые. Разве им до учебы?»

Ким Чен Сук без колебаний вместе со своими подругами начали заниматься политучебой. И раненые стали привлекаться к этому делу. Наконец, все бойцы лагеря обратили свое внимание на Ким Чен Сук. Дошло до того, что и

Ом Гван Хо пришлось измениться: он распорядился начать занятия политучебой под руководством Ким Чжуна. Начальник лагеря попытался представить себя как бы инициатором военно-политической подготовки в лагере и всячески старался привлечь к себе внимание людей, козырнуть своим «багажом знаний».

В один из первых дней февраля 1939 года в казарме лагеря шли дискуссии на тему речи Командующего Ким Ир Сена, произнесенной на совещании в Наньпайцзы. Ом Гван Хо, явно недовольный выступлениями бойцов, выдвинул свою «теорию»: «Стратегия и тактика революции определяются не субъективистскими желаниями. Они должны приспосабливаться к объективной ситуации и обстановке. Значит, в такой трудной, неблагоприятной ситуации, какую мы видим зимой этого года, не рекомендуется идти на лобовое противоборство с противником. Надо, право же, отступить и ждать прихода благоприятной ситуации».

Тут одна партизанка задала ему вопрос:

«Товарищ Командующий наметил курс – выйти в пределы Кореи и добиться нового подъема корейской революции. Нам надо следовать этому курсу. А почему это объясняется как субъективистское желание?»

Ом Гван Хо сразу изменился в лице.

«Вот к тебе вопрос: почему ты здесь, в этом лагере? На словах ты каждый раз говоришь, будто готова сейчас же ринуться в Корею. Скажи, зачем ты сама не пошла туда?»

«…»

«Видишь, вот так. Революция движется не чьей-то мыслью. Она во всем подчиняется велению объективной обстановки и ситуации».

Ким Чен Сук не могла такого вытерпеть. Нет сомнения в том, что подобное заявление явно противоречит планам Ким Ир Сена – это вызов его идеям и линии.

Она встает с места.

«Вы говорите, будто судьба корейской революции во всем зависит от объективной ситуации. Это, я бы сказала, ошибочная мысль. Мы не отрицаем, что объективная ситуация

влияет на революционную борьбу. Однако нельзя считать это абсолютной истиной. Чем неблагоприятнее ситуация, тем активнее надлежит революционерам стараться превратить беду в счастье. Вот в чем смысл планов товарища Командующего. Вы говорите, что в сложной ситуации лучше не бороться, а отступать и ожидать подходящего времени. Это и есть дезертирство и капитуляция. Да и некуда отступать в нынешней обстановке – нет тыла. Чтобы уничтожить врага, придется и кровь проливать. Наш долг – смело одолеть трудности на нашем пути и идти только вперед. Победа революции – лишь в непрекращающейся борьбе».

Чтобы не дать себя дискредитировать, Ом Гван Хо приводил не к месту ленинские слова «шаг вперед, два шага назад» и прочее, стучал кулаком по столу. Клеветник называл поход главных сил КНРА в пограничные районы «безрассудством» и другими отрицательными терминами.

Ким Чен Сук тут же резко критикует софиста:

«Мы – корейские революционеры. Мы поднялись на революцию и идем под знаменем корейской революции, поднятым товарищем Командующим. Мы боремся, полные решимости до конца защищать и претворять в жизнь намеченную им революционную линию. Сейчас товарищ Командующий с отрядом в походе в пограничный район. Ради чего? Чтобы преодолеть создавшуюся трудную ситуацию и добиться великого подъема корейской революции. Только в этом – путь к спасению нашей революции. Это единственный путь восстановления разрушенных революционных организаций в Корее. Только это позволит нам вселить в людей веру в победу. А здесь мы слышим о каком-то «периоде спада» революции и прочем, о том, что не надо бороться с противником, не надо выступать в пограничный район. Если рассматривать все эти заявления в свете правильного революционного курса, выдвинутого товарищем Командующим, то, я уверена, это очень вредные, опасные взгляды, прямо противоречащие его революционной линии».

От Ома ни слова не последовало, и он, наконец, вышел из комнаты. Однако он не захотел самокритично оценить свою

слабую идейную подготовленность. Наоборот, подлец строил козни, пытаясь прикрыть свое оппортунистское, капитулянтское, контрреволюционное нутро.

Однажды глубокой ночью этот интриган вдруг дал всему лагерю сигнал: «Тревога!» Цель затеи была ясна: обнаружить какие-то «недостатки» у партизанок, недавно пришедших в лагерь вместе с Ким Чен Сук, чтобы таким способом поставить их на колени. Но у них никакого «минуса» не было обнаружено. Разъяренный Ом вызвал из строя бойца-новобранца, который вступил в партизанский отряд в Чанбае. Еще не привыкший к партизанской жизни, тот при сборе по сигналу тревоги оставил оружие в казарме – спешка сделала свое дело. Ом велел разоружить новобранца, оказывал на него давление, лишил даже пайка. Не вытерпев мук голода, наказанный тайком вышел из казармы, пошел на картофельное поле, а затем утолил свой голод несколькими испеченными на огне мерзлыми клубнями. Ом считал это уникальным шансом поднять руку на Ким Чен Сук и других партизанок. Он арестовал новобранца, объявив его «дезертиром», и шантажировал его подозрением в шпионаже.

Новобранец не выдержал пыток и дал Ому «признания», что получил от врага шпионское задание. Все шло по сценарию Ома – получилась «улика». Жестокими пытками Ом добивался от новобранца «признаний», что с ним сотрудничали в «шпионаже» несколько партизанок. В качестве материальной улики Ом нашел у него даже «ядовитые вещества». Но это, увы, был зубной порошок, вынутый им в полной растерянности из своего вещмешка. Подлец арестовал несколько партизанок, в том числе Ким Чен Сук, утверждая, что, мол, «шпион» противника во всем признался.

В тот день Ким Чен Сук гневно осудила интригана:

«...Разве вы не знаете, кто такая каждая из нас? Почему же вы объявляете нас «японскими шпионками»?.. Если мы лазутчики врага, то как вы могли вернуться из Таоцюаньли живым? Какая циничность!»

Когда в августе 1937 года Ким Чен Сук была арестована противником, она с риском для собственной жизни сохранила тайну

организации. Благодаря этому и он, Ом Гван Хо, остался невредим. Однако этот фарисей цинично настаивал на своем: раскрой, мол, всю подоплеку «шпионской организации противника».

Терпение Ким Чен Сук лопнуло. Прозвучали резкий протест и осуждение в адрес предателя:

«...Мы бойцы КНРА. Мы солдаты Полководца Ким Ир Сена. Кто ты? Ты враг революции. Революция тебя не простит. Запомни: ты преступник против революции. И не избежишь кары».

Ом неистово кричит:

«Во что вы верите, а? Какое это безумное упорство! Знайте: главная часть вся погибла в снегу. Поняли?»

Так он сбросил с себя маску, обнажив гнусное нутро.

Ом Гван Хо был по своей натуре честолюбец, пропитанный духом сектантства. В океан революционного движения он окунулся на волне левацкого восстания 30 мая[25] в районе Яньцзи. Одно время был политруком роты, но с самого начала доброй репутации не заслужил. Когда свирепствовали вихри борьбы против «Минсэндана», левак измучил людей своим ультрапартийным фразерством. Но Ким Ир Сен терпеливо воспитывал его и вновь назначил политруком роты. И хотя тот не расстался со своими недостатками, дал ему возможность исправить допущенные ошибки – направил в тайный лагерь хозяйственного назначения с заданием заниматься земледелием, восстанавливать разрушенные революционные организации в районе, находящемся под контролем противника, создавать продовольственный запас для партизанского отряда. Однако честолюбец, недовольный занимаемой им должностью, не проявил добросовестности в выполнении поставленных перед ним задач. Наоборот, он идейно переродился, разложился и скатился в болото измены революции.

В те дни в Цинфэне Ким Чен Сук терзали не смертельные пытки Ома или подозрение в «шпионаже». Больше всего измучил ее тот самый факт, что здесь не осуждается и даже допускается его преступное противодействие революционным идеям и линии Ким Ир Сена.

Накануне новогоднего праздника по лунному календарю в тайный лагерь прибыл связной из Ставки, который принес бойцам лагеря зерно, мясо и другие продукты, посланные Командующим. Это был трофей, добытый партизанами после налета на коллективное поселение Шисаньдаовань. В то время Ким Чен Сук была под арестом, но она немедленно встретилась со связным и попросила его сообщить Командующему о том, что происходит в лагере.

Связной так удивился, что даже не нашелся, что сказать.

Между тем Ом Гван Хо и Ким Чжун попросили связного передать Ким Ир Сену свое письмо и пакетик с «ядом» и экстренно доложить Ставке об «инциденте с шпионской группой».

Связной скоро вернулся в Ставку. Обо всем доложили Ким Ир Сену. Прочитав то письмо, он, очень разгневанный, несмотря на уговоры бойцов, даже сам попробовал языком тот порошок «яда» из пакетика, который служил, как утверждалось в письме, «вещественным доказательством». Это был не яд, а зубной порошок.

Ким Ир Сен немедленно направил комиссара 7-го полка в Цинфэнский тайный лагерь и принял другие экстренные меры для разрешения тяжелой ситуации.

5 апреля 1939 года в Бэйдадинцзы Ом Гван Хо постигла суровая кара революции. В тот день Ким Чен Сук, клеймя позором изменника, призывала бойцов: «Где бы мы ни находились, нам следует с высоким политическим сознанием и революционной убежденностью всегда решительно защищать революционные идеи товарища Командующего, развернуть острую борьбу с теми, кто клевещет на его революционные идеи».

О тех днях Ким Ир Сен вспоминает: «Тогда Ким Чен Сук как никто резко критиковала Ом Гван Хо за пораженческую психологию. С идеями, чуждыми линии Ставки и ее тактическому курсу, она ни на йоту не примирялась, решительно выступала против них. Она была до мозга костей сторонницей главенствующей роли идейности».

Стойко защищать революционные идеи Ким Ир Сена,

даже если потребуется для этого отдать свою жизнь, – таковы были неизменная убежденность и твердая воля Ким Чен Сук, которые она сохраняла всю жизнь.

Из Цинфэнского тайного лагеря она вернулась в свой отряд в первые дни марта и продолжила Трудный поход вместе со Ставкой Командования. В те суровые дни она считала своим первейшим долгом перед историей и революцией обеспечить безопасность Командующего. И делала для этого все от нее зависящее в любой суровой обстановке.

Всю ночь отряд шел по скалистым кручам в горах за Дундадинцзы. На рассвете бойцы остановились на поляне для отдыха. Крайне усталые, они валились прямо в снег и засыпали.

А Ким Чен Сук собиралась приготовить для партизан завтрак. Спустившись к подошве горы довольно далеко от расположения Ставки, она стала выкапывать из-под снега съедобные корни травы. Она знала: карателям противника, если они нагрянут, придется карабкаться снизу на гору, где находится партизанское Командование. И когда появится противник, думала она, надо дать сигнал выстрелом. И вот, первой обнаружив противника, она дала партизанам сигнал выстрелом, нанесла вражеским солдатам упреждающий удар: партизанка прицельным огнем задерживала продвижение карателей, пытающихся незаметно влезть на гору под завесой снежной вьюги.

Бойцы на горе услышали звук выстрела, донесшийся от подножия горы. Вскочили и бросились в направлении раздавшихся выстрелов.

«Не было бы тебя там, нас постигла бы большая беда», – не жалели похвал бойцы, пожимая ей руки.

В Ставку Командования первым вернулся полк О Чжун Хыба из района Шанганцюя уезда Чанбай, затем пришли 8-й полк и отдельный батальон со стороны Фусуна. Теперь у них появилась возможность действовать вместе со Ставкой.

Итак, собрались все полки, ранее действовавшие рассредоточение. В совместных действиях больше всего не хватало соли. После боя было немало трофейного зерна, а достать соль было очень трудно – за солью был усиленный контроль противника. Несколько дней на столе не было соли. В

походе некоторые бойцы теряли равновесие и шатались из стороны в сторону, как пьяные, у других опухали лица, у третьих сильные отеки не позволяли открыть глаза.

Ким Ир Сен дал задание одному бойцу из близлежащей деревни достать соль. Тот привез большое количество соли, приобретенной через односельчан.

Хозяйственники немедленно раздали соль по полкам и ротам. И бойцы сразу же ели пищу с солью.

Однако Ким Чен Сук, заботящаяся прежде всего о безопасности Командующего, не поступала так. На пробу она капнула на соль уксусом – и цвет соли медленно начал меняться. Затем она быстро сделала раствор из этой соли и положила в него ложки из серебра и даурской крушины. Их цвет тоже постепенно начал меняться. Стало ясно, что в соли содержится яд. Она тотчас доложила об этом Командующему. Ким Ир Сен подбросил крупинки соли в костер – вспыхнуло синее пламя. Несомненно, это была ядовитая соль. Так была сорвана гнусная попытка коварных врагов поднять руку на Командование революции.

Однако не все оказались в безопасности. Уже попробовавшие продукты с той солью бойцы 7-го и 8-го полков ушли в налет на лесопункт. Противник, думая, что на революционную армию уже подействовала ядовитая соль, решил: «Наконец-то, пришла пора!»

Враги налетели внезапно. Ким Ир Сен немедленно велел 7-му и 8-му полкам вернуться обратно и вместе с тем приказал бойцам подразделений Ставки, не отравленным солью, вступить в бой. И всем бойцам других отрядов, кроме состава Ставки, предстояло вести бой с противником в состоянии отравления ядом.

Как впоследствии вспоминал Ким Ир Сен, у партизан не было более опасной ситуации, чем в 1937 году в Сяотанхэ, когда их окружили многотысячные полчища противника. Час был решающим: либо полный разгром постигнет весь партизанский отряд, либо он, к великому счастью, выживет и продолжит сопротивление японским захватчикам.

Ким Ир Сен весьма серьезным тоном приказал: «Ребята,

выложите из вещмешка весь запас патронов. Сегодня здесь будет решающий бой».

Пулеметный взвод и охрана Ставки вели смертельный бой с атакующими врагами. За это время двум полкам удалось передвинуться в сравнительно безопасную зону леса.

Ким Чен Сук сдерживала наскоки неприятеля и вместе с тем обезвреживала отравленных партизан – горячим отваром из крупинок маша – из запаса собственной аптечки. Через некоторое время спасенные от опасности бойцы 7-го и 8-го полков вступили в бой.

Противник, пытавшийся моментально уничтожить или захватить живым весь личный состав Ставки Командования и главных сил КНРА, был вынужден отступить, оставив за собой груды грязных трупов.

В ту ночь командир полка О Чжун Хыб и другие командиры от всей души поблагодарили Ким Чен Сук за спасение Ставки Командования и революции от смертельной опасности.

ТРИУМФ НА МУСАНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Трудный поход увенчался победой. Главная часть КНРА встретила величавую весеннюю оттепель в Бэйдадинцзы.

В апреле 1939 года Ким Ир Сен созвал в Бэйдадинцзы совещание руководящих кадров КНРА, на котором подвел итоги Трудного похода и выдвинул новый боевой курс – перейдя в активное контрнаступление, наносить удар за ударом по японским захватчикам и снова совершить рейд на Родину.

После этого совещания отряды КНРА успешно осуществили весенние контрнаступления в юго-западном районе горного массива Пэкту. После этого они остановились на лесной поляне – на возвышенности под Сяодэшуем, откуда виднеется гора Пэкту. В ночь на Первое мая партизаны разбили палатки для отдыха и переоделись в летнюю форму.

В следующий день, в преддверии рейда в Корею, там были проведены первомайский торжественный митинг и выступления художественной самодеятельности.

После праздничных торжеств Ким Ир Сен ушел в Канбэксанский тайный лагерь, взяв с собой комендантскую роту и бойцов небольшого отряда. Оттуда он направил разведгруппы в Рименсу, Самчжиен, Мупхо и Тэхондан с заданием уточнить настроения местных жителей и обстановку в стане противника. На основе полученных сведений он окончательно составил оперативный план рейда на Родину. Затем вернулся в Хэйсяцзыгоуский тайный лагерь и проверил готовность бойцов к предстоящим операциям.

В то время здоровье Ким Чен Сук было сильно подорвано – сказались трудные дни, пережитые ею в Цинфэнском тайном лагере. И Ставка Командования предложила ей остаться в лазарете в безопасном месте до выздоровления. Ким Чен Сук возражала: «Нет! Буду участвовать в этих операциях. Пусть упаду на дороге на Родину, но пойду!» – и вновь и вновь просила взять ее в рейд.

Ким Ир Сен удовлетворил ее просьбу. Радости ее не было границ.

18 мая ранним утром экспедиционный отряд переправился через реку Амнок по запани (места скопления сплавного леса) №5.

Склоны гор Родины были багровыми от цветущей азалии.

Ким Чен Сук бросилась в море цветов и со слезами восторга и радости обняла цветущий куст. И вот она дарит Командующему Ким Ир Сену букет благоухающих цветов, пахнущих свежестью, влажных от утренней росы.

Он с глубоким волнением говорит:

«Чем больше приглядываюсь к корейской азалии, тем красивее кажется она!»

Отряд продолжил поход под яркими лучами утреннего солнца. Спустя несколько часов остановился у подножия горы, где стеной стояли крупные пихты, ели и лиственницы.

Здесь, в Чхонбоне («Зеленая гора» – имя ей дала вечная зелень хвойных деревьев), Ким Ир Сен отдал приказ стать на

бивуак. Первая стоянка на родной земле! В лесу моментально были поставлены по всем правилам палатки вокруг Ставки. Предстояло провести здесь всего одну ночь, но Ким Чен Сук заботилась о том, чтобы все было в порядке и чистоте, чего желает Командующий.

Аккуратно оборудовала место для кухни, окружив ее ветрозащитным экраном, почистила родник.

Закончив подготовку к ночлегу, она вместе с другими бойцами принялись обдирать с деревьев кору и на стволах написали революционные лозунги: «До конца будем бороться за свободу, независимость, освобождение корейской нации!», «Корейская молодежь, немедленно принимай активное участие в антияпонской войне!», «Трудящиеся массы всего мира, вставайте, сплачивайтесь, боритесь за освобождение и свободу!»

Слова, написанные Ким Чен Сук на стволах деревьев, и ныне, спустя много лет, свято сохраняются как строки вечного гимна о победе революции.

Это была незабываемая ночь. Партизаны у костра окрылялись рассказами о Родине. Разносились звуки губной гармоники и мелодии свирели *пхири*. И Ким Чен Сук вместе с Чан Чхоль Гу и Чан Чен Сук пели у костра.

Вторую ночь отряд провел в Кончхане и снова двинулся к горе Пэгэ.

20 мая на привале на горе Пэгэ Ким Ир Сен созывает совещание командиров, на котором намечает тактику «броска в тысячу ли» – средь бела дня выйти в район Мусана по Капсан-Мусанской сторожевой дороге, пересекающей просторное плоскогорье под горой Пэкту. Этот маневр был задуман, исходя из того, что враги рыщут в горных районах, главным образом, в горах Пхотхэ, и в бассейне реки Амнок и усиливают охрану больше ночью, чем днем.

Отряд передвинулся от горы Пэгэ до озера Самчжи. Здесь бойцы отдыхали и обедали. Ким Чен Сук преподнесла Командующему стакан чистой воды озера Самчжи.

Отведав озерной воды, он сказал: «Озеро Самчжи прекрасно - хороши и пейзаж, и вкус воды. Выпьем этой воды и будем энергичнее бороться за освобождение Родины!»

Прозвучала команда «Отряд – в поход!», но партизанкам было жаль покидать берег озера. Ким Чен Сук вдохновенно говорит подругам: «Думаю, непременно придет тот день, когда после возрождения Родины мы вместе с Полководцем Ким Ир Сеном опять побываем здесь, у этого живописного озера».

Покинув озеро, партизанский отряд марширует по Капсан-Мусанской сторожевой дороге, проложенной японцами специально для карательных операций против антияпонских партизан. По дороге, тщательно прибранной противником, – как новенькая! – перед приемкой ее в эксплуатацию. И это не ночью, а средь бела дня!

Бойцы одним махом промаршировали по этой около 40-километровой дороге. В сумерках партизанский отряд остановился на ночлег в Мупхо у берега реки Туман.

В ту ночь Ким Чен Сук вместе с другими партизанками сшили 300 нарукавных повязок с изображением пятиконечной звезды золотого цвета. Это был отличительный знак бойца КНРА.

Утром 22 мая партизанский отряд, которым лично командовал Ким Ир Сен, уходит в направлении равнины Тэхондан. Он направляет 7-й полк из его состава в село Сингэчхок и сам вместе с комендантской ротой и 8-ым полком идет в село Синсадон.

Ким Чен Сук сопровождает его. В Синсадоне она вместе с другими партизанками вошла в один из бревенчатых домов. Там жили старик, рабочий лесоразработок, и его дочь лет 14 – 15. Они вышли с горящей лучинкой во двор и увидели людей в военной форме. Испуганные, не смея вымолвить ни слова, они попятились назад. В комнате – ни одеяла. В углу старый сундук, на кухне единственный котел, на полке – несколько глиняных мисок с побитыми краями. Старик и его доченька были одеты в лохмотья, изношенная одежда из грубой конопляной ткани еле-еле прикрывала тело.

«Не бойтесь, отец. Это мы, бойцы Корейской Народно-революционной армии, борющиеся за интересы бедных корейцев», представляет себя хозяину Ким Чен Сук и, беря

девочку за сильно потрескавшиеся руки, спрашивает:

«Почему у тебя руки-то такие?»

Было просто страшно смотреть на ее огрубевшие, потрескавшиеся руки. Понурив голову, девочка в слезах не могла ничего ответить.

Ким Чен Сук берет из своего вещмешка крем и сама мажет ей руки. Затем дарит ей крем и говорит:

«Ты, милая, мой руки утром и вечерком, потом смазывай кремом. Это тебе поможет».

С удивлением видя это, старый хозяин обращается к Ким Чен Сук:

«Может, вы люди с горы Пэкту?»

«Да, Корейская Народно-революционная армия. Наш Командующий – Полководец Ким Ир Сен. Мы вместе с ним боремся за возрождение Родины, против японского империализма, – разъясняет она. – Наш Полководец Ким Ир Сен, чтобы вселить в сердце нашей белоодежной нации веру в возрождение Родины, со своим крупным отрядом прорвал пограничный кордон японских оккупантов и вышел на мусанскую землю».

Старый хозяин очень удивился и, не скрывая своего волнения, попросил:

«Дай мне повидаться с Полководцем. Хотя бы разок. Это, собственно, сокровенное желание всей моей жизни».

Ким Чен Сук, взяв их за руки, идет в общежитие для рабочих лесоразработок. Там в большой комнате общежития Командующий Ким Ир Сен уже ведет политическую работу среди рабочих. Увидев Ким Ир Сена, старик не раз повторял:

«Пусть умру, никакой досады не будет. Остаток своей жизни отдам делу возрождения Родины».

Все рабочие выразили свое желание идти в партизаны добровольцами. Весь поселок оживился по-праздничному. Женщины охотно помогали Ким Чен Сук в приготовлении еды для Ставки Командования.

На рассвете следующего дня – 23 мая – комендантская рота и 8-й полк добрались до равнины Тэхондан под командованием Ким Ир Сена. Здесь он ждал возвращения 7-

го полка из села Сингэчхок. Предвидя возможную погоню противника, он запланировал провести бой здесь, на Тэхонданской равнине, чтобы наголову разгромить его.

Это была сравнительно широкая заболоченная местность плато. На востоке от нее – гора Тэроын, на западе видна вершина горы Качхи, на южной стороне протекает речка Сохондан, на севере – гора Чын.

Ким Ир Сен выбрал место КП на холме, рядом расположились пулеметы комендантской роты и 8-го полка. Ким Чен Сук и другие партизанки находились в засаде недалеко от Командующего.

К рассвету, как он и предвидел, за 7-ым полком, возвращающимся из налета на японские лесоразработки Сингэчхока, крадучись следовали до зубов вооруженный японский гарнизон и полицейские – сотни штыков. А бойцы 7-го полка из-за густого тумана не заметили противника, идущего за ними буквально по пятам – чуть более чем в 200 метрах.

Ким Ир Сен приказал 7-му полку спокойно пройти линию партизанской засады. А когда весь отряд противника втянулся в зону засады, отдал приказ: «Огонь!»

Ким Чен Сук участвовала во многих боях, но для нее это был особый бой – первый бой с врагом на родной земле. Когда кончился боезапас в ее патронташе, она, получив дополнительно патроны от находящейся рядом Чан Чхоль Гу, продолжала стрелять. Оставшиеся в живых враги начали отступать, но затем, получив подкрепление, снова перешли в атаку.

Ким Ир Сен командовал боем, находясь на возвышенности с партизанским пулеметом.

Ким Чен Сук бдительно охраняла его, метко стреляла в каждого вражеского солдата, хоть чуть-чуть поднимающего голову из травы. Пулеметчики косили врагов шквальным огнем. Поняв невозможность лобовой атаки на партизанский отряд, противник придумал хитрость – на краю леса выставил чучела из солдатских плащей и касок, оставив лишь несколько стрелков. Остальные пошли в обход на север, чтобы затем ударить по флангам и в тыл бойцов КНРА.

Ким Ир Сен, разгадав замысел противника, приказал

одному из партизанских подразделений окружить его. В бою того дня было убито и ранено несколько сотен вражеских солдат.

Отряд начал продвигаться к реке Туман. Более 200 жителей из села Синсадон, невзирая на большую опасность, добровольно вызвались помочь бойцам КНРА в перевозке грузов.

Ким Ир Сен поручил Ким Чен Сук помочь добровольным грузчикам переправиться через реку Туман. Но когда грузчики вместе с ней подошли к Капсан-Мусанской сторожевой дороге, возникла неожиданная ситуация: между главным партизанским отрядом и группой грузчиков вклинились враги. Ким Чен Сук успокаивала партизанок: «Враги пока еще не поняли, что за обстановка сложилась. Не торопитесь». Затем она помогла рабочим укрыться в лесу и велела бойцам внезапно ударить по врагу из засады.

К удару партизанок присоединился заградительный отряд, находившийся у дороги. В живых остались лишь несколько врагов. А военный грузовик с вражескими солдатами, помчавшийся на звуки боя по Капсан-Мусанской сторожевой дороге, под ожесточенным огнем партизан спешно повернул обратно.

Ни один из жителей не пострадал. Партизанский отряд вместе с ними переправился через реку Туман и расположился на ночлег у спуска с перевала Чаншаньлин уезда Аньту.

Вечером Ким Чен Сук угостила добровольцев-грузчиков едой и затеяла для них вечеринку с песнями и танцами. Она рассказывала им также о тактике Ким Ир Сена по «сокращению расстояния»[26] и о военно-политической деятельности КНРА.

В следующий день утром рабочие вернулись домой, на другой берег реки Туман. Ким Чен Сук тепло провожала их: «Снова встретимся в борьбе за возрождение Родины. Не теряйте веру в победу. Надеюсь, что вы будете стойко жить и мужественно бороться». Как стало известно позже, едва они переправились через реку Туман, их арестовали палачи из Нонсадонского полицейского участка и допрашивали с

пристрастием. Захваченные, как им посоветовала Ким Чен Сук, рассказывали о том, что видели и слышали за два дня. «Блюстители порядка», делая большие глаза, угрожали: «Об этом никому не говорить!»

Однако те рабочие при каждой встрече с родными и друзьями рассказывали им о том, что произошло. Весть о бое на Тэхондане и о действиях КНРА в северо-восточном районе гор Пэкту вскоре облетела всю страну, с новой силой вдохновляя революционеров, народ Кореи на борьбу против японских захватчиков.

6. В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ГОР ПЭКТУ

НОВЫЙ РАЙОН БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В БАССЕЙНЕ РЕКИ ТУМАН

Главные силы КНРА совершили поход от Чаншаньлина в направлении Дамалугоу. Отряд остановился в Дагоу уезда Аньту. Здесь 24 мая 1939 года Ким Ир Сен созвал совещание военных и политических кадров КНРА, на котором наметил новый боевой курс – активизировать военно-политическую деятельность КНРА в северо-восточном районе от горы Пэкту, создать здесь новую могучую твердыню революции.

Он велел каждому отряду главных сил КНРА действовать раздельно в определенном районе в масштабе полка, повсеместно наносить врагу удар за ударом и в своей деятельности еще теснее сочетать военные и политические аспекты. По его приказу комендантская рота и 8-й полк вышли на рубеж Хуэйфэндуна через Юйшидун уезда Хэлун, а 7-й полк – к западу от реки Вукоуцзян. Одновременно были направлены в Корею многие группы подпольщиков-политработников.

В одну из них был включен Ли Дон Гор (Ким Чжун). Работая в Цинфэнском тайном лагере, он в свое время допустил серьезные ошибки, втянувшись поневоле в контрреволюционные козни Ом Гван Хо. В тот день, когда он получил задание Командующего вести подпольную работу в Корее, он навестил Ким Чен Сук. Она от души поздравила его с получением такого задания. Она, подвергавшаяся самым жестоким гонениям в Цинфэне, сочувствовала как никто другой проштрафившемуся политработнику, отбывавшему службу в отделении питания. Ни разу она не

бросила на наказанного хмурый взгляд. Наоборот, всемерно помогла ему везде и во всем – и на кухне, и у костра на бивуаке, и в походном строю; часто разговаривала с ним о подходе к делу, позиции революционера, о чувстве революционного долга и товариществе. Вот какой была Ким Чен Сук. И она порадовалась, что ему доверено новое задание, как своему собственному успеху. Она сказала ему: «Давайте вместе блестяще осуществлять идеи товарища Командующего о возрождении Родины. Когда перед вами встанут трудности, когда вам покажется положение безвыходным, мысленно обращайтесь к товарищу Командующему. И тогда вы найдете в себе новую силу и выход из тупика. Вместе реализуем его планы, соорудим в бассейне реки Туман могучий оплот революции!»

Он обещал ей в любой ситуации следовать этому. В условиях всеобщей слежки и жестоких репрессий врага он энергично взялся за дело расширения и укрепления революционных организаций в районе Самчжана и Енса. А когда, к несчастью, попал в кольцо окружения, то отвлек противника на себя, был сам арестован, но дал тем самым возможность революционным организациям и их членам спастись от беды. И в тюрьме он до конца сохранил свои убеждения и честь революционера. В марте 1945 года Ли Дон Гор вместе с Ли Чжэ Суном и Квон Ен Беком погиб в Содэмунской тюрьме.

После ухода группы Ли Дон Гора Ким Чен Сук вместе с бойцами 4-й роты 7-го полка отправились на новое назначенное им место подпольной работы – в коллективное поселение Дунцзинпин, что южнее реки Вукоуцзян.

Ким Чен Сук с несколькими бойцами пошла в дом сельского старосты, расположенный неподалеку от западных крепостных ворот поселения. В ту ночь староста, состоящий в революционной организации, собрал в одной из комнат своего дома местных охранников противника, опасаясь, как бы они не помешали бойцам революционной армии. Жена старосты ни о чем не была предупреждена и очень растерялась, когда вдруг ночью перед ней появились люди в военной форме.

Хозяйка подсказала Ким Чен Сук, что охранники, сидящие там, в соседней комнате, все являются сыновьями бедных крестьян и несут караульную службу по принуждению японцев, и то с деревянной винтовкой. Ким Чен Сук решила провести среди них политическую работу.

Она со стуком распахнула дверь в соседнюю комнату и шагнула через порог. Охранники повернули головы к двери – и остолбенели от изумления. Среди ночи перед ними, откуда возьмись, человек в военной форме! И то женщина-воин.

Окинув открытым взором комнату, партизанка обратилась к собравшимся:

«Не пугайтесь, уважаемые! Мы – Корейская Народно-революционная армия, ведомая Полководцем Ким Ир Сеном. Хотелось бы кое-что вам рассказать – и вот я пришла к вам».

Охранники, по-прежнему сидя с удивленными лицами, не смели даже шевельнуться.

«Слушайте, вы, как и мы, сыновья из бедных семей. Вы служите в «отряде самоохраны», но, как мы думаем, не по своей воле, а по принуждению врага», – продолжает Ким Чен Сук.

Лица этих охранников постепенно стали менее напряженными.

«Какая у вас здесь, на немилой чужбине, горькая участь! Ничего не скажешь! Идти против своей Родины, против своего народа – разве это дело?» – говорит она.

Молодые люди не смели поднять голову. И тут один из них, преодолевая скованность, встает и выкладывает душу:

«Мы, собственно, все дети бедных крестьян. ... Под гнетом японских самураев мы поневоле служили им. Мы же дураки глупые!»

И остальные вставали один за другим:

«Больше мы не можем жить, как рабы япошек. Давайте, ребята, поможем революционной армии!»

В ту ночь в Дунцзинпине работа политгруппы КНРА шла под защитой сельских охранников. А когда группа уходила из села, ее сопровождали многие молодые люди, которые

несли на себе материалы для помощи партизанам. Впоследствии они стали активистами по превращению села в революционное. Это оказало значительное влияние и на охранников других поселений, что создало большой хаос в структуре формирований самообороны противника и управлении ими.

На околице села Чжыдун стояли три шалаша-избы. Ким Чен Сук объединила их хозяев в низовой организации ЛВР под названием Антияпонского общества. Эти шалаши затем превратились в базовые пункты связи с Кореей. При опоре на них был создан надежный секретный канал переправы через реку Туман небольших отрядов и групп бойцов КНРА. По этому каналу ночью 17 июня 1939 года Ким Ир Сен перешел через границу в Корею и на следующий день руководил совещанием на горе Кукса.

Ли Дон Гор, подпольщик района Мусан – Енса, был арестован врагами. Это могло создать большую опасность для дела превращения этого района и вообще северной зоны Кореи в оплот революции.

Ким Ир Сен поручил Ким Чен Сук задание привести в порядок ситуацию в районе Енса и установить стройную организационную систему руководства местными революционными организациями.

В тот же день она, охраняемая группой во главе с командиром 4-й роты Чвэ Иль Хеном, отправилась в Корею – в район Енса.

На следующий день подпольщица прибывает в назначенное место. Находясь в доме одного из членов местной революционной организации, она вновь ведет политическую работу.

К тому времени Енсаский филиал ЛВР не имел значительного количественного роста. В него были приняты лишь единицы «строго проверенных» из-за опасений, что враги смогут раскрыть эту организацию. Поэтому борьба не могла выйти за рамки пассивных действий. Словом, ощутимого прогресса не было, если сравнить с делами 5-летней давности, когда было создано Антияпонское общество молодежи, и с периодом

рождения филиала ЛВР.

Ким Чен Сук советует тому члену революционной организации: «Енса – это центр волости. Здесь имеются органы японского режима, люди самых разных профессий. Надо действовать в полном соответствии с этими обстоятельствами и условиями. Надо воспитывать, завоевывать на нашу сторону, сплачивать в антияпонский фронт всех, кто любит свою Родину, свою нацию и ненавидит япошек, – будь то владелец рисоочистительной мельницы, будь то хозяин магазина или столовой, будь то писарь волостной управы».

Затем она осветила вопрос о создании отделений ЛВР, рассказала о задачах и способах охраны революционных организаций от вражеских репрессий.

В конце июня она создает Енсаский районный комитет ЛВР для руководства в едином порядке всеми организациями ЛВР в районе Енса. Имея во главе этот комитет, сказала она, активисты организаций ЛВР должны поддерживать только вертикальные связи, а не горизонтальные, зорко следить за вылазками врага и заранее принимать действенные меры по предотвращению обнаружения организации противником. Вслед за этим по ее предложению была образована из активистов партийная организация района Енса.

Вместе с уходившей Ким Чен Сук организации ЛВР в районе Енса послали в помощь КНРА материалы разного назначения. Была здесь и швейная машинка, которая впоследствии эффективно использовалась для изготовления 600 комплектов военного обмундирования.

Революционные организации, созданные Ким Чен Сук в районе Енса, стали надежной опорой для превращения бассейна реки Туман и северного района Кореи в оплот революции.

Энергичная деятельность Ким Чен Сук привела к созданию надежного канала для продвижения в район Мусан – Енса 7-го и 8-го полков и комендантской роты, ведомых Ким Ир Сеном.

Ким Ир Сен выступил в этот район в августе. Опережая главный отряд, Ким Чен Сук вместе с небольшим отрядом 7-го полка переправилась через реку Туман и тщательно организовала разведку противника и охранную службу там, где остановится Ставка Командования партизан на привал.

600 КОМПЛЕКТОВ ОБМУНДИРОВАНИЯ

Выполнив задание в районах Самчжана и Енса, Ким Чен Сук вернулась в свой отряд. Когда отряд оказался в лесу Вудаоянча, Ким Ир Сен дал ей новое задание: остаться в лесу и лечить больную Чан Чхоль Гу. У нее вдруг была поражена параличом рука, более того, она часто теряла сознание от лихорадки.

Ким Чен Сук была готова выполнить любое трудное задание. Ким Ир Сен обещал партизанке, что отряд непременно вернется через месяц. Для двух женщин был построен шалаш, оставлен последний НЗП. Лишь после этого он велел отряду тронуться в путь. Однако уходить ему было тяжело – ведь в дремучей тайге останутся два человека слабого пола. Чтобы уменьшить его беспокойство, Ким Чен Сук провожала его светлой улыбкой.

И вот ушел родной отряд. Остались лишь они вдвоем. Вдруг стала ощутимой душевная пустота, и лес вокруг показался ей мрачным, темным и даже гнетущим. Кроме того, время было такое, что всюду рыскали шпики в поисках партизанских следов. Ее дело – защитить соратницу по революции как от недугов, так и от вражеских лап. Она повесила у дверцы в шалаш гирлянду из 29 грибов и сказала больной, пришедшей в сознание: «Товарищ Командующий обещал – придет к нам через месяц. Значит, когда этих грибов не будет – мы с ним увидимся!»

С того дня она стала для товарища по революции военным

врачом и хозяйственником в одном лице. Темный лес, косогоры, ущелья, крутые обрывы... Какие места обходила она! Расплавленную на огне смолу сосны и ели прикладывала к отекшей руке и ее тыльной стороне у больной. Собирала лесные плоды и лекарственные растения, которые помогли бы понизить жар у больной, а затем варила их всю ночь. Полученным лекарственным отваром угощала больную. Палящие лучи летнего солнца, ходьба по горным кручам изнурили «медсестру». Однако и после своих хождений добрая сестра всю ночь сидела у изголовья больной – накладывала ей компресс, делала массаж ног и рук. В густой лес не проникал ни единый луч солнечного света, земля была покрыта толстым слоем опавшей листвы, не позволявшей растениям нормально расти. И чтобы добывать съедобные травы, приходилось ходить далеко.

Наконец, недуги стали отступать благодаря сердечной и умелой заботе партизанки.

Прошло около двух недель. К их удивлению, шалаш навестил Ким Ир Сен вместе со своим ординарцем. Они принесли пшеничную муку, соевое масло, говядину и другие продукты.

Командующий расспросил, как идет лечение больной Чан Чхоль Гу, и посоветовал: «Чтобы побороть болезнь, нужна сильная воля. Нужна твердая решимость быстрее вылечиться, чтобы вернуться в отряд и биться с врагом. Желаю вам выздоровления». Перед уходом он обратился к Ким Чен Сук: «Один революционер для нас дороже кучи золота. Что касается лихорадки, то важны оставшиеся полмесяца лечения. Чен Сук, я уверен, ты непременно спасешь мать Чхоль Гу от болезни».

Здоровье больной стало улучшаться. Но однажды хлынул ливень. Во время ночного дождя порыв ветра сорвал с шалаша крышу. Больную охватила дрожь. Если ничем ей не поможешь, то болезнь снова усилится – станет столь же тяжелой, как вначале, и возникнет даже угроза жизни.

Ким Чен Сук натянула на больную свою одежду, укрыла ее своим одеялом, но ничто не помогало, – а дождь лил,

как из ведра. Тогда она крепко обняла больную и пыталась своим телом защитить ее от холодных струй дождя.

Позже Чан Чхоль Гу вспоминает о той ночи: «Полыхнула грозовая молния, и вмиг вокруг стало ослепительно светло. При блеске молнии я вижу Ким Чен Сук. Вся она мокрая насквозь – и голова, и все тело. Струи дождя беспощадно бьют ей в лицо. Вот она смотрит гневными глазами на небо, где свирепствуют ливень и ветер. И вдруг она, к моему удивлению, поет! Да, это был настоящий облик борца-героя, какого можно увидеть только на поле кровопролитного боя с врагами. Гляжу на ее и чувствую, как к горлу у меня подступает горячий комок».

Наконец-то настал день, когда она снимает с нитки последний, 29-й гриб. Больная выздоровела и нарядилась в чистенькую военную форму. Командующий вместе с бойцами пришли к ним в шалаш. С каким нетерпением ждали их! Как приветствовали их две партизанки! У Ким Чен Сук по лицу текли горячие слезы. Радуясь завершению задания, они вернулись в свой отряд.

Ким Чен Сук получает от Командующего новое задание – изготовить 600 комплектов зимнего обмундирования для партизан.

В те дни противник развернул крупные карательные операции против КНРА. В этой обстановке Ким Ир Сен запланировал провести обходную операцию крупными отрядами в обширных районах северо-восточнее гор Пэкту. Эту операцию предстояло провести в зимних условиях, в мороз. Боевые успехи во многом зависели от наличия у бойцов зимнего обмундирования. Даже в обычных условиях казалось невозможным нескольким партизанкам-швеям изготовить за месяц 600 комплектов обмундирования. И это – без хорошего швейного оборудования, при нехватке швейных машинок.

Однако Ким Чен Сук беспокоило не это, а другое. С получением нового задания ее точила одна мысль: каким образом сшить обмундирование как можно скорее.

И вот она пришла с тканью и швейной машинкой в тайный лагерь швейного подразделения. Там ее уже ждали подруги, подготовив рабочее место. «Знаете, подруги, что я подумала на дороге? – говорит она. – Думала: нельзя ли выполнить поручение товарища Командующего досрочно – на десять дней раньше срока, то есть за двадцать дней?»

Подруги диву давались, не знали что ответить. Она сказала им, что от их работы зависит успех предстоящей зимней операции, и призвала швей трудиться ударно. Первой ее поддержала самая старшая среди них – Чвэ Хи Сук. Еще в дни службы в Фуяньском партизанском районе она хорошо узнала характер Ким Чен Сук: возьмется за любое дело – доведет его до конца. Принципиальность Ким Чен Сук в борьбе против «Минсэндана» Фуяньдуне, умелая подпольная деятельность в селе Таоцюаньли и ее ратные подвиги в отряде, которым командовал лично Ким Ир Сен, вызвали у Чвэ Хи Сук, бывшей старше ее на восемь лет, глубокое уважение к ней. Все остальные дружно откликнулись на ее призыв.

Кроем материала занималась опытная Чвэ Хи Сук, шитьем крупными стежками – Пак Чен Сук. А машинную строчку – главное звено швейной работы – взяла на себя сама Ким Чен Сук. В пошивочной мастерской начался настоящий ударный труд – ни на минуту не останавливалась «пулеметная очередь» машинки Ким Чен Сук. Ночью работали при свете горящей сосновой смолы. Передышек и ночного отдыха почти не было.

А когда усталые подруги погружались в крепкий сон, Ким Чен Сук потихоньку вставала и зажигала лучинку, чтоб продолжить работу. Стараясь не мешать спящим, она бралась за «бесшумные» дела – шитье крупными стежками или обметку петель, или другое, что ждало рабочих рук. А на рассвете она уже за приготовлением завтрака.

Темп ударного труда не снижался, и партизанки-швеи очень устали, даже изнемогали. Тяжелее всего было бороться с неудержимо берущим в свои объятья сном. Подстегивая вату к подкладке, они порой незаметно для себя начинали

клевать носом, и рука с иголкой двигалась совсем в ином направлении. В такую минуту звучала звонкая песня Ким Чен Сук, отгоняя одолевающий сон словно колокольным звоном.

Запевая песню, она вспоминала о соратницах, погибших в Ганьбахэцзыском тайном лагере, заново осмысливала написанный ими кровью лозунг «Да здравствует корейская революция!» Вмиг чудовищная усталость и сон слетали, на рабочем месте воцарялась необычная атмосфера, полная энергии и желания самоотверженно трудиться за погибших подруг.

К двадцатому дню отделка 600 пар военной формы подходила к концу. Но вот, к большому несчастью, краешек ушка единственной иглы для швейной машинки протерся. Подруги предложили недоделанную работу завершить вручную. Однако Ким Чен Сук возразила: «Сколько ни старайся – машинку не заменишь», – и продолжала работу, искусно регулируя одной рукой движущуюся нитку, чтобы та не выскакивала из ушка. Тут уж ни на секунду нельзя было оторвать взгляд, отвести руки от машинки. Работа требовала такого напряжения, что Чвэ Хи Сук порой стирала пот с лица трудяги Ким Чен Сук.

Когда закончили отделку, подруги, обняв Ким Чен Сук, проливали слезы от радости: задание было выполнено на 10 дней раньше срока. Партизанки вернулись в свой отряд. Командующий высоко оценил их труд.

Он поручает ей новое важное задание, связанное, с подготовкой к предстоящей обходной операции крупными отрядами. В начале октября Командующий на совещании в Лянцзянкоу дал полкам и небольшим отрядам главной части КНРА задание – для успешного проведения операции сохранить продовольственный запас в важных пунктах засекреченного до поры маршрута похода. С тем же заданием начальник штаба Рим Су Сан был направлен в Дунпайцзыский тайный лагерь. У Командующего возникло сомнение в самом начштабе, потому что спустя некоторое время после его ухода в лагерь в Ставку Командования поступила информация: по пути в Дунпайцзы начштаба попытался взять в одном тайном

лагере не предназначенные ему пулеметы.

Проинформированный об этом, Ким Ир Сен погрузился в глубокое раздумье: зачем ему столь много пулеметов для приобретения продовольствия? Что за птица этот начштаба? Раньше у него проявлялась пораженческая психология. Так, весной предыдущего года его трусость и неумение организовать бой привели к неудаче штурма крепостного городка Людаогоу. И еще: в бою под Шуаншаньцзы он настаивал на отступлении партизан, что оказало негативное влияние на некоторых из них. Не раз он подвергался критике также за нарушения дисциплины и вранье.

Ким Ир Сен решил направить другого бойца в Дунпайцзыский тайный лагерь за уточненной информацией о делах. Кого же послать? Рим Су Сан был в должности начальника штаба. Нужные сведения о нем мог бы собрать только человек с острой проницательностью, классовой принципиальностью и непримиримой боевитостью.

Была выбрана кандидатура Ким Чен Сук, которая в многолетней борьбе не знала неудачи, поражения, ни разу не показывала колебаний, не говорила о невозможности выполнения полученных задач.

И вот она, получив от Командующего специальное задание, отправляется в названный лагерь вместе с бойцом комендантского подразделения Ли Ду Иком. Путь был далекий, более 400-километровый, пролегавший через девственную тайгу Мэнцзянского нагорья, покрытого ранним снегом.

Идя непрерывно форсированным маршем, через неделю они прибыли в лагерь.

А там веяло гнетущей мрачностью, даже порядочного сруба не было. Рим Су Сан вместо того, чтобы стараться выполнить приказ Командующего, зарылся в лагерную тишь и вел себя до крайности распущенно. Не было никакой работы среди местного населения по созданию революционных организаций. Под предлогом трудности, связанной с обстановкой у противника, не устанавливались даже связи с имеющимися местными организациями. Не хватало даже

провианта для личного состава малого отряда на зиму, не говоря уже о запасе продовольствия.

Ким Чен Сук сразу заметила у Рим Су Сана симптомы беспечности, расхлябанности и пораженчества. Ситуация же была такая, что сидеть сложа руки было нельзя. Срочно нужно было строить здание лагеря, вести подготовку к зиме для небольшого отряда. Эта работа дала бы возможность изменить застойную атмосферу в лагере, приобретать продовольствие для нужд обходной операции крупными отрядами.

Рим поневоле согласился с предложением строить лагерь, но ни разу не показался на стройке. Когда начались морозы, голодавшие много дней бойцы небольшого отряда заболевали лихорадкой.

В трудных условиях Ким Чен Сук упорно работала, и возведение построек лагеря было завершено. Затем она настойчиво требовала от Рима срочно принять меры для укрепления связей с местными организациями и для приобретения продовольствия. Однако он не хотел что-либо делать – мол, ситуация по-прежнему остается неблагоприятной для партизан, да и не позволяют враги проявлять инициативу.

Бойцы лагеря, конечно, негодовали на недостойное поведение Рима, но никто из них не смел открыто критиковать его. Они видели его трусость и беспечность, но не позволяли себе заклеймить его поведение как акции умышленного контрреволюционера. Да это и было понятно: ведь он был начальником штаба отряда.

Однако Ким Чен Сук видела в нем второго Ом Гван Хо. С трудом сдерживая свое негодование, она обратилась к нему:

«Факт, что противник усиливает охрану и его каратели неистовствуют. Однако, если только жаловаться на обстановку и сидеть сложа руки, не проявляя инициативы, то нас постигнет смерть. Иного результата, думаю, не получится... Не все знаю, что вы, товарищ начштаба, думаете о выполнении приказа товарища Командующего. Но я полагаю, что если верить в силы и способности солдатских масс и

правильно использовать их, то ничего неосуществимого у нас не будет».

Рим Су Сан оправдывал себя:

«Я стараюсь достать продовольствие при помощи какого-то человека. Надо еще подождать».

Он так и не согласился с предложением активизировать действия малого отряда. Ким Чен Сук поняла, что так он поступает не просто от трусости. Это был сознательный саботаж выполнения приказа и распоряжения Командующего, выражающий отсутствие веры в победу революции. Надо было поскорее известить Командующего обо всем происходящем. На другой день утром она обратилась к Рим Су Сану:

«Здесь наши дела завершены. Вернусь в Ставку».

Затем предложила бойцу Ли Ду Ику тотчас отправиться вместе. Но тот не мог сразу согласиться – знал, что здоровье у нее сильно подорвано. Действительно, в то время тяжелая болезнь не позволяла ей идти в далекий путь. Ли Ду Ик уговаривал ее:

«Я не против, только потом, когда болезнь вас немного отпустит».

Ким Чен Сук настаивала на своем:

«Сейчас не время колебаться из-за болезни или трудности одного-двух человек. Об этом надо доложить товарищу Командующему. Пойдем к нему любой ценой – хоть ползком, хоть на четвереньках».

Ночью они покинули лагерь. С первого шага через сугробы ей пришлось бороться с недугом и усталостью.

Мороз и ветер продолжали свирепствовать. Путь был опасен – неизвестно, когда придется столкнуться с карательной группой противника. От высокой температуры больная Ким Чен Сук, потеряв сознание, упала на землю. Юный Ли Ду Ик со слезами на глазах дрожащим голосом звал партизанку:

«Товарищ Чен Сук, очнитесь, ради бога!»

Услышав, словно сквозь сон, зов бойца, она сверхчеловеческим напряжением поднялась и проговорила:

«Во что бы то ни стало нам нужно дойти до Ставки! Мы

не вправе умереть, пока не доложим товарищу Командующему о делах в лагере».

Глубокий снег по колено, свирепые морозные вихри, мутнеющее сознание... С величайшим трудом, напрягая все силы, делала она шаг за шагом. По лицу струйками лил холодный пот.

От Дунпайцзы уезда Мэнцзян до Ставки – 400-километровый путь через лес и глубокий снег. Наконец, двое прибыли в Ставку. Ким Чен Сук доложила Командующему во всех подробностях о делах в Дунпайцзыском тайном лагере.

Что касается Рим Су Сана, то он добровольно сдался японским оккупантам. Это было через несколько месяцев после того, как Ким Чен Сук покинула Дунпайцзы. Потом изменник даже повел карателей в тайный лагерь, где находилась Ставка Командования КНРА.

НА МАРШРУТЕ ОБХОДНОЙ ОПЕРАЦИИ КРУПНЫМИ ОТРЯДАМИ

После прибытия в Ставку Командования от Дунпайцзы Ким Чен Сук принимает участие в обходной операции крупными отрядами главных сил КНРА под командованием Ким Ир Сена.

Как уже было сказано выше, в октябре 1939 года в Лянцзянкоу уезда Аньту состоялось совещание военных и политических кадров КНРА, на котором был намечен курс на проведение обходной операции крупными отрядами. Речь шла о том, что – в отличие от предшествующего периода, когда КНРА воевала в ограниченных районах, опираясь, главным образом, на тайные лагеря, – теперь ей предстояло действовать в более обширных районах по заранее определенным секретным маршрутам, нанося внезапный удар по врагу там, где он этого не ожидал, и оперативно маневрируя при наступлении вражеских

полчищ.

Новая маневренная операция была запланирована как ответ на гнусный замысел противника. В то время японская военщина пришла к выводу, что без ликвидации КНРА ей не обойтись и в войне с Китаем, и в антисоветских операциях. На основе этих «итоговых исследовательских данных» в Гирине было создано «карательное командование Нодзоэ», которое непосредственно подчинялось Ставке японской Квантунской армии. Под видом «специальных мер по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе»[27] начались яростные карательные операции. Были подняты на ноги большие контингенты вооруженных сил общей численностью более 200 тысяч человек. Цель – «уничтожить» КНРА до конца 1939 года.

В дни операции Ким Чен Сук всегда шла впереди отряда, вдохновляя личным примером бойцов на ратные подвиги. Когда отряд вышел из Аньту на рубеж Дуньхуа, у бойцов кончился НЭП – толокно. Несколько дней пришлось утолять голод одной водой. Бойцы выбивались из сил, они уже не могли преодолевать буреломы – и обходили их.

Однако Ким Чен Сук ни разу не выказала своей усталости. Она вела за собой юных бойцов и, взваливая на свой вещмешок груз старых, шагала в передних рядах.

В походном строю рядом был один юный боец. Когда-то он страдал от лихорадки и при лечении по оплошности получил сильный ожог.

Ким Чен Сук обращается к нему: «Давай, дружок мой, теперь вместе будем шагать. Можешь считать меня родной сестрой. Будет трудно или что-то непосильно – ты сразу говори мне все без утайки». Она очень заботилась о том, чтобы его рана не давала осложнений, и несла его снаряжение.

На бивуаках она ночь напролет зашивала порванную одежду спящих юных бойцов, стараясь их не разбудить.

Как-то раз она увидела – один из них спит в порванной обуви. Осторожно снимает с него обувь и чинит ее, сама борясь с мучительной усталостью. Проснулись бойцы и видят – заботливая партизанка на минуту провалилась в сон, привалившись к столбику палатки. На коленях у нее –

починенная обувь.

В середине декабря отряд после трудного марша остановился под Люкэсуном уезда Дуньхуа. Там японцы наспех устроили большие лесоразработки для военных нужд, угнали на адский труд, как скот, более 600 рабочих. Здесь гнездились около 70 молодчиков из лесной полиции. Вокруг их казармы – высокая деревянная ограда, за оградой внутри – тройные проволочные заграждения. От казармы до форта на северо-восточной высоте проходит подземная коммуникация.

Ким Ир Сен запланировал налет на лесоразработки в Люкэсуне. Цель боя – привести в хаос карательные отряды противника, скопившиеся в районе Хэлун – Аньту.

Штурм начался ночью 17 декабря. Бойцы КНРА, атаковав вражеский форт, ворвались в казарму лесной полиции. Но ее помещения были пусты – враги скрылись в подземелье. Бойцы забросали подземный ход ватой и подожгли ее. Враги сопротивлялись. Бой шел своим чередом. Но тут, к несчастью, был смертельно ранен вражеской пулей командир полка О Чжун Хыб. У входа, где стоял комполка, затаился один из вражеских солдат и взял его на прицел.

«Товарищи! Сторицею отомстим врагам за гибель комполка! Уничтожим их!» – кричит Ким Чен Сук и бросается в подземный ход. Завязался ближний бой. Враги в подземелье были уничтожены все до единого.

О Чжун Хыб скончался на руках товарищей, завещав им: «Обидно, что умираю, не выполнив до конца приказ товарища Командующего. Просьба к вам, товарищи! Берегите его!»

В этом бою погиб также командир 4-й роты Чвэ Иль Хен, который часто сопровождал Ким Чен Сук в пути в район Енса. Был убит и командир пулеметного взвода Кан Хын Сок.

Отряд шел в направлении Сибэйча, унося на носилках тела погибших товарищей. На рассвете в лесу проходил траурный митинг. С прощальным словом выступил Командующий Ким Ир Сен, голос его, утратившего любимых солдат, дрожал. Закончив речь, он стоял на месте, как вкопанный. С глубокой печалью передает ему Ким Чен Сук

маленький мешочек с землей: «Это земля Родины, ее носил с собой товарищ О Чжун Хыб». Горсть родной земли была найдена в вещмешке покойного.

Звучит залп прощального салюта. Командующий рассыпает переданную ему землю на гроб покойного. Ким Чен Сук, командиры, бойцы тоже бережно сыплют на гробы землю Родины, которую они носили в своих вещмешках.

Оставив в мешочке половинку горсти земли, Командующий возвращает его Ким Чен Сук со словами: «Эту землю мы рассыпаем при вступлении на возрожденную Родину, как и желал О Чжун Хыб».

Отряд поклялся сторицей отомстить врагу за смерть незабвенных товарищей и продолжил поход в Цзясиньцзы.

Там партизаны штурмовали лесоразработки. Бой был коротким. Лесные полицейские Цзясиньцзы, спрятавшись в своей казарме, даже не осмелились сопротивляться и сразу сложили оружие. Молодчики были перепуганы вестью о том, что их коллеги в Люкэсуне отправились на тот свет вследствие своего безрассудного сопротивления партизанам.

Вдохновленные мощью КНРА, более 300 рабочих добровольно помогали в перевозке партизанского продовольствия. Свыше ста из них просили принять их в революционную армию. Новобранцев, в том числе из Люкэсуна, стало больше 200 человек.

Ким Чен Сук, больше всех горевавшая об утрате товарищей по революции, твердо решила воспитать из всех этих новобранцев стойких революционеров, безгранично преданных Ким Ир Сену, таких же, как погибшие соратники.

Через три дня после ухода из Цзясиньцзы отряд достиг берега реки Сунгари. Командующий отдает приказ: остановиться на привал и дать большой новогодний концерт в честь новобранцев.

Ким Чен Сук вместе с другими бойцами делает все необходимое для подготовки к выступлениям художественной самодеятельности. И вот; готова сцена из бревен, висит занавес из палаточной ткани, на котором – красный флаг, здесь же – написанная крупным почерком программа

концерта, возле сцены и площадки для зрителей горят костры. Импровизированная сцена с алым флагом на фоне темного леса поразила новобранцев, и они удивленно хлопали глазами.

Наконец, к местам для зрителей выходит Ким Ир Сен. Свисток – и открывается занавес. Концерт начинается хором «Гимн революции» с участием более ста самодеятельных артистов. Дирижирует Ким Чен Сук. В такт бравурной мощной мелодии песни стучат сердца новых бойцов.

За хором следуют танец, сольное пение, исполнение мелодий на губной гармошке, разнообразные другие номера. Была представлена и короткая пьеса о партизанской жизни.

Ким Чен Сук поет «Песню об антияпонской войне». Слушая ее, новички мысленно окидывают родную страну, оказавшуюся в море крови, и дают себе твердую клятву до конца бороться с агрессорами.

Концерт наполнил их сердца чувством гордости бойца КНРА, возглавляемой Ким Ир Сеном, придал бодрость атмосфере в отряде, сменив тяжкое молчание, царившее после смерти боевых товарищей.

После боевых действий в Люкэсуне и Цзясиньцзы отряд входит в Байшитанский тайный лагерь уезда Фусун, где более 40 дней длится военно-политическая подготовка личного состава. Такие меры по укреплению боеспособности отряда Ким Ир Сен принял потому, что стало в отряде много новобранцев.

Пока враги мерзнут в глубоких сугробах в лесу Дуньхуа, бойцы КНРА занимаются учебой в хорошо натопленных срубах в тайном лагере. Многие считали это как бы «расслаблением мышц» – не только новички, но даже часть бывалых бойцов.

Однако Ким Чен Сук думала иначе: эти военно-политические занятия есть не что иное, как продолжение процесса обходной операции крупными отрядами, необходимая часть серии трудных походов и боев. Будучи поварихой и охранницей Ставки Командования, она сама обязательно присутствовала на всех занятиях учебной группы пулеметного отделения комендантской роты. Выступления ее в дискуссиях отличались логичностью и аргументированностью, когда она разъясняла

тактико-стратегические вопросы корейской революции на основе теоретических трудов и указаний Ким Ир Сена в тесной связи с очередными задачами отряда и целью обходной операции крупными отрядами. Это очень помогло бойцам в глубоком освоении сути революционных идей Ким Ир Сена.

В частности, она обращала серьезное внимание на учебу новобранцев. Почти каждый из них либо вовсе не умел писать и читать, либо был малограмотным. Они не знали даже элементарных политических терминов и военных слов партизанского обихода. Некоторые из них не решались учиться грамоте, считая это делом непостижимым.

Она рассказывала им, как старые бойцы отряда раньше учились у Командующего, как усваивали истину революции.

Партизанка в индивидуальном порядке занималась с новичками, чтобы они прежде всего обогатили знание родного языка.

Сначала давала возможность безграмотным лучше усвоить смысл отдельных слов, таких, как «революция», «Корея», «возрождение» и так далее, затем помогала им выучить наизусть и собственноручно переписывать короткие предложения и лозунги, например: «Всеобщей мобилизацией корейской нации образуем широкий единый антияпонский фронт!», «Ликвидируем господство разбойничьего японского империализма и установим подлинно народное корейское правительство» и так далее. Среди них было немало тех, кому раньше не довелось даже ходить в вечернюю школу. Приступая к ликвидации безграмотности, она начинала с разучивания «Песни о Программе Лиги возрождения Родины из 10 пунктов» и других революционных песен. В завершение курса ликбеза она советовала им написать сочинения под заголовками «Почему я вступил в партизанскую армию Полководца Ким Ир Сена?», «День моей первой встречи с Полководцем Ким Ир Сеном» и тому подобное. Это помогло им глубоко осоз-

нать, как жить и бороться, чтобы стать революционными солдатами, преданными Ким Ир Сену.

Освоить военную теорию, пройти боевую и строевую подготовку на учении им было не менее трудно, чем учиться грамоте. Да это и было понятно: до того они брали в руки только топор и пилу, не более того. Им было очень трудно научиться искусно обращаться с винтовкой, пулеметом и другими видами оружия, понять основы устройства и действия его частей, освоить методы разборки и сборки оружия, устранения неисправностей.

Вместе с новичками она участвовала во всех теоретических и практических занятиях, на которых она показывала личный пример во всем, от способов разборки и сборки оружия до каждого действия строевой, огневой и тактической подготовки. Это повышало их активность в боевой подготовке.

Когда кончился первый этап военно-политической подготовки личного состава, Командующий Ким Ир Сен объявил в отряде сигнал: «Тревога!» Нужно было проверить боеготовность всего отряда, в частности, новых бойцов. Вот результат: все – и командиры, и рядовые, в том числе новобранцы, заняв свое место в боевом порядке, действовали быстро и точно. Как говорится, комар носа не подточит.

Ким Ир Сен был очень доволен: «Это громадный успех! Не более чем за месяц новички прошли солидный курс обучения. В таком состоянии мы уже сейчас можем двинуться на Родину».

Подведя итоги первого этапа интенсивных военно-политических занятий, Командующий в награду подарил Ким Чен Сук авторучку – за отличные успехи на занятиях и оказание помощи новобранцам в военно-политической подготовке.

Начался второй этап занятий. Прошло чуть больше 10 дней, и партизанскому отряду пришлось покинуть Байшитанский тайный лагерь. Враги, рыскавшие по лесам и ущельям

северо-восточной части гор Пэкту и по таежным массивам Дуньхуа, наконец, обнаружили местонахождение партизан. И войска буквально хлынули в Байшитан. Заняв вершины гор, они установили радиосвязь между собой. Разбрасывали листовки, где было написано: «Теперь остались в живых только вы. Сопротивление – бесполезно. Капитулируйте». Они валялись всюду, разносились ветром над отрядом, идущим в походном порядке.

Однако бойцы отряда, прошедшие школу военно-политической закалки на занятиях, с высоко поднятым красным знаменем шли по намеченному маршруту обходной операции.

11 марта 1940 года главные силы КНРА молниеносным ударом разгромили противника под Дамалугоу, являвшимся одним из важнейших опорных пунктов военных действий врага. Победа партизан в этом бою внесла панику в скопление войск противника в пограничном районе напротив Мусана. Весть эта принесла радость и восторг жителям, обеспокоенным лживой пропагандой противника, будто бы партизаны все замерзли в глухомани Дуньхуа.

При уходе отряда из Дамалугоу свыше 300 рабочих добровольно помогали им в перевозке трофеев. Идя вместе с ними, Ким Чен Сук рассказывала: «Вы, наверное, вплоть до встречи с нами, с Корейской Народно-революционной армией, верили самурайской пропаганде, что якобы «коммунистическая армия замерзла в горах». А вот мы, как видите, в Дамалугоу, откуда рукой подать до границы родной страны, били врагов. Вашу судьбу, судьбу голодных и разутых людей, спасет только Полководец Ким Ир Сен. И вы должны оказывать Корейской Народно-революционной армии активную помощь – как материальную, так и моральную. Вот в чем верный путь к скорейшему возвращению в родные края, где вас ждут родители, жены и дети...»

После перевозки партизанских грузов они вернулись в Дамалугоу. Везде и повсюду они рассказывали о Ким Ир Сене, о

бойцах КНРА, в частности, о партизанках, и их рассказы становились любимой в народе легендой.

Японская пресса того времени под заголовком «Выяснен весь облик отряда Ким Ир Сена: в нем – и вооруженные женщины...» пишет: «В Дамалугоу, что напротив корейской провинции Северный Хамген, появился партизанский отряд, возглавляемый Командующим Ким Ир Сеном. За отрядом следовали 140 человек. ... По словам вернувшихся из них на рассвете 12-го числа, в партизанском отряде насчитывается примерно 150 человек, в том числе 7 - 8 вооруженных женщин». Даже рептильная печать противника, привыкшая к тенденциозным информациям, не могла скрыть своего потрясения от неопровержимого факта и была вынуждена подчеркнуть слова «вооруженные женщины», – среди них находилась и Ким Чен Сук.

Имя Ким Чен Сук, самоотверженного борца за возрождение Родины, за освобождение и свободу народа, стало широко известно корейцам и китайцам, проживающим на северо-востоке от гор Пэкту и в северном районе Кореи, вызывало изумление у противника.

ЗАЩИЩАЯ СЕРДЦЕ РЕВОЛЮЦИИ

На всем протяжении антияпонской революционной борьбы – и в глубоком подполье, и на поле ожесточенного боя – Ким Ир Сен всегда стоял на самой передовой линии. Потому революционеров Кореи всерьез беспокоила исключительно важная задача – охрана Ким Ир Сена.

Этим особо выделялась Ким Чен Сук. Она всегда была начеку, готовая в любую секунду превратиться в щит от пуль, чтобы спасти вождя – Полководца от смертельной опасности. Об этом свидетельствуют факты.

Вот что случилось 25 марта 1940 года.

Ким Ир Сен понял, что, таща за собой врагов, севших на хвост походного отряда еще в Дамалугоу, вступать в район Мусана уже невозможно. И он решил разгромить их в ущелье Хунцихэ.

На этот раз карательную экспедицию возглавлял некто Маэда. Его отряд, как хвалебно считали враги, слыл «восходящим отрядом» и «титаном кары», состоял из злейших молодчиков. До чего же они были фанатики как на подбор, показывает такой факт: когда исход боя с КНРА становился ясен, свое поражение и гибель очевидны, они вытаскивали затворы из винтовок, разбивали о камень свои часы.

Противник был матерый, и схватка уже с самого начала была ожесточенной. Подпустив врагов поближе в зону засады, партизаны открыли дружный прицельный огонь. И вдруг одна группа противника вырвалась из зоны засады и полезла по гребням вверх на восточную высоту, где находилась Ставка Командования партизан.

Ким Чен Сук зорко наблюдала за событиями вокруг расположения Ставки и вдруг обнаружила врагов. Она тут же начала стрелять, отступая в противоположную от нее сторону, чтобы увлечь врагов за собой. И уже зная, что Ставка теперь довольно далека от нее, обрушила на врагов прицельный огонь. Поражение карателей было полным.

Тревожную стрельбу со стороны горы за Ставкой Командования услышали партизаны. Но когда они подбежали к месту боя, кругом царила тишина.

Недоумевая, они оглядывались по сторонам и вскоре заметили Ким Чен Сук, которая карабкалась вверх от подножия горы. «Не беспокойтесь, товарищи, – сказала она. С товарищем Командующим все благополучно». И лишь тогда она узнала, что небольшой эмалированный тазик, висевший на вещмешке за ее плечами, был пробит двумя вражескими пулями, пока она бегала по склонам, увлекая за собой противника. Эти следы позволили бойцам представить опасные моменты того боя, но Чен Сук не обратила на это внимания – она была довольна тем,

что опасность для Командующего миновала (Ныне этот тазик хранится в Музее корейской революции).

После боя на Хунцихэ Ким Чен Сук выступила в составе 8-го полка в район Мусана. Успехи ее активной военно-политической деятельности еще более подняли антияпонский боевой дух народа страны, вдохновленного к тому времени еще и вестью об обходной операции крупными силами КНРА.

Получив сокрушительный удар на Хунцихэ, враги были взбешены и вовсю пытались уничтожить главные силы КНРА. Против них были брошены полчища карателей, в ущелье Хуалацзы наблюдалось большое скопление вражеских сил.

В создавшейся ситуации в апреле того года в Хуалацзы уезда Аньту Ким Ир Сен подвел итоги завершившейся победой обходной операции крупными силами КНРА и наметил курс: смелыми рассредоточенными действиями с разных сторон наносить по врагу внезапные удары, чтобы подавить его. Таким образом, отряды КНРА с третьей декады апреля перешли к рассредоточенным действиям.

И в те дни охрана Ставки Командования была задачей номер один, от решения которой зависела судьба корейской революции. С таким сознанием Ким Чен Сук обеспечивала его безопасность, без колебания идя под пули.

Это было в третьей декаде июня того года. По пути к Сяохаэрбалину отряд прибыл в глухую местность Дашахэ уезда Аньту. Здесь партизаны собирались переправиться через реку.

Вдруг возникла неожиданная ситуация. Враги, следовавшие прямо по пятам, открыли с высоты огонь. Видимо, они узнали, что с отрядом идет Ким Ир Сен, и бешено атаковали партизан. Противником оказался пресловутый отряд «Синсондэ» из уезда Аньту, известный в округе своей звериной жестокостью. Возглавлял его старший брат отъявленного злодея Ли До Сона, который три года назад в бою под Цзиньчанем того уезда убит отрядом Чвэ Хена. В душе у главаря затаилась злоба; скрежеща

зубами, он норовил использовать шанс отомстить за брата. Он служил самураям верным цепным псом и был даже готов без сожаления пожертвовать собой во имя «Великой японской империи». Большинство этого отряда составляли сыновья и родственники злейших реакционеров, подвергнутых КНРА суровой каре. Так отряд КНРА оказался в кризисной опасности. Некоторые уже вошли в реку, другие еще оставались на берегу, готовясь к переправе. И вдруг они попали под огонь с тыла. Если при таких обстоятельствах идти через реку на открытую местность, ущерб окажется непоправимым. Но Ким Ир Сен мгновенно принял решение: обведя глазами местность, он приказал бойцам идти в контратаку на высоту. Неудержимой лавиной устремились бойцы к гребню горной цепи. Сигнал трубы к штурму сотрясал ущелье. Громовые возгласы бойцов КНРА, их стремительное продвижение, подобное прыжкам бросающихся к своей жертве львов, – все это подавило у противника охоту сопротивляться, наведя на него панику. Так враги, занявшие выгодную им позицию и пытавшиеся навязать партизанам неожиданный бой, попали впросак. Однако, придя в себя, эти закоренелые молодчики опять навалились на КНРА. Схватка становилась все жарче.

Ким Ир Сен командовал боем, стоя на скале на середине горы. Возле него стояла Ким Чен Сук, внимательно прислушиваясь к каждому звуку и следя за каждым колыханием травы. Ее внимание привлек странный шелест камыша. Едва она успела повернуться в ту сторону, как ей на глаза попали пять-шесть фигур, затаившихся в зарослях, – они наставили стволы винтовок на середину горы – туда, где стоял Ким Ир Сен. Опасность нависла над ним. Правда, на протяжении длительной и суровой антияпонской вооруженной борьбы он постоянно бывал на поле боя, под ливнем пуль и взрывами гранат, где ежеминутно грозило ему смертью. Но Чен Сук впервые ощутила такую смертельную опасность.

«Товарищ Командующий!» – торопливо крикнула Чен Сук и метнулась к нему, заслонила в этот опасный момент собой. Затем

вскинула маузер и спустила курок. Прозвучал резкий выстрел, и передний упал, уронив свою винтовку. Потом бухнул другой выстрел – это за ее плечами стрелял Ким Ир Сен. Не умолк и маузер Чен Сук, открывший по противнику беспощадный огонь. Все враги, пробравшиеся в камышовые заросли, нашли свою гибель. Чен Сук глядела на него, стоявшего все же на той скале и командовавшего боем, и слезы застилали ей глаза. Это были слезы радости от того, что опасность миновала, чистосердечные слезы революционного солдата, считавшего благополучие Командующего своим величайшим счастьем и долгом.

Благодаря ее беспредельной преданности безопасность Ким Ир Сена всегда была надежно гарантирована, и корейская революция неуклонно шла победным путем.

7. НЕПОКОЛЕБИМАЯ ВЕРА В ПОБЕДУ

СРАЗУ ПОСЛЕ СЯОХАЭРБАЛИНСКОГО СОВЕЩАНИЯ

С целью осуществить свой амбициозный проект по созданию «сферы совместного процветания в Великой Восточной Азии»[28] японские империалисты, еще не завершив китайско-японскую войну, расширили пожар войны на Юго-Восточную Азию. Им необходимо было для этого обеспечить «спокойствие в своем тылу». С одной стороны, они усиливали как никогда политические репрессии и экономический грабеж в отношении корейского народа, а с другой – мобилизовав 200-тысячные полчища отборных войск, решились провести всестороннюю массированную карательную операцию для «полного уничтожения» КНРА.

Что касается международного положения, то пламя второй мировой войны все шире распространялось по всему миру.

Обстановка становилась все суровее, но Ким Ир Сен твердо верил в приближение великого события – возрождения Родины и наметил стратегический курс для его инициативной встречи.

Новый курс, выдвинутый им на совещании военных и политических кадров КНРА, созванном 10 и 11 августа 1940 года в Сяохаэрбалине, был таков: сохранить и приумножить силы КНРА как главной силы корейской революции, воспитывать из ее бойцов и командиров способные политические и военные кадры, а также хорошо подготовить корейский народ идейно-политически и организовать всенародное сопротивление японским захватчикам. Для

этого силам КНРА надлежало перейти от операций крупными отрядами к операциям мелкими отрядами.

После совещания части КНРА переформировались в малые отряды и группы, а также подразделения, имеющие своей задачей военно-политическое обучение.

В ту пору Чен Сук принимала активное участие во многих боях, данных под командованием Ким Ир Сена, таких, как битва на болоте под Хуанхуадяньцзы уезда Аньту, бой под Фацайтунем уезда Яньцзи, а также в деятельности малых отрядов. Куда бы ни ступала нога, она с неукротимой энергией вела политическую работу в массах, поднимая их на священную борьбу за возрождение Отечества.

В сентябре 1940 года она вместе с Ким Ир Сеном вышла в Канбэксанский тайный лагерь. Лагерь был расположен в широкой впадине между главной вершиной горы Пэкту и горой Канбэк.

Здесь Ким Ир Сен всесторонне ознакомился с деятельностью малых отрядов и групп КНРА после Сяохаэрбалинского совещания и руководил работой совещания их командиров. Участвовала в нем и Ким Чен Сук. На совещании перед бойцами малых отрядов и групп ставились конкретные задачи, были указаны пути их осуществления: подготовить из себя способные военно-политические кадры, создать временные тайные опорные базы и пункты в благоприятных горных лесных районах северной части Кореи, глубоко проникнуть в промышленные центры, села и рыбацкие поселки, чтобы сделать широкие массы сознательными и организованными, вести более энергично антияпонскую борьбу во всех ее формах. Потом были сформированы новые мелкие отряды, вновь распределены между всеми отрядами и группами районы их деятельности. К тому времени эти отряды и группы своими неуловимыми действиями ввергли противника в панику. И японцы из кожи лезли вон, чтобы найти расположение Ставки Командования, где находился Ким Ир Сен. Наряду с карательными отрядами японской армии рыскали по горным

цепям и ущельям много лазутчиков и предателей революции с налитыми кровью глазами.

При создавшейся ситуации Ким Чен Сук считала охрану Командующего первейшей задачей своего малого отряда, находящегося под его непосредственным командованием. На одном из собраний партячейки небольшого отряда вскоре после Сяохаэрбалинского совещания она сказала: «Надежно обеспечивать безопасность товарища Командующего – вот альфа и омега задачи нашего охранного состава Ставки. Если он здоров и стоит во главе нашей революции, то, значит, гарантированы и возрождение Родины, и светлое будущее революции. Это всем нам ясно».

В дни действий с малым отрядом под командованием Ким Ир Сена она была всегда головным дозорным, бессменным часовым, преодолевала все опасности раньше всех с риском для собственной жизни. В походном строю она шла в первом ряду, следила за малейшим изменением обстоятельств, а на ночных привалах или на рассвете следила за безопасностью вокруг ночлега, чтобы уточнить снова и снова: опасности нет.

Это было в один из октябрьских дней 1940 года. Малый отряд охраны Ставки Командования действовал, обосновавшись на базе в Хуангоулине уезда Аньту. Время приближалось к рассвету. Ким Ир Сен дал команду – тотчас покинуть расположение, которое, как ему показалось, уже не составляет секрета для врагов. Отряд спешил тронуться в путь. Партизаны почти заканчивали завтрак, и тут второй номер пулеметного расчета Ли Ыль Сор, который должен был в это время стоять на часах, вернулся в палатку. На вопрос: что же ты вернулся? – часовой отвечал, что Командующий отправил его позавтракать, а сейчас сам стоит на часах. Не дослушав его слова, Чен Сук вскочила и бросилась к выходу из палатки. В ту же минуту со стороны поста раздались голос Ким Ир Сена «Кто там?» и выстрел маузера, а затем последовала пулеметная очередь.

«Товарищ Командующий!» Она крикнула не своим голосом

и бросилась в ту сторону, на пост, невзирая на град пулеметных очередей.

Ким Ир Сен, опираясь на валежину, стрелял из маузера по нападающему противнику.

Чен Сук, быстро прикрывая его, метким выстрелом сразила вражеского пулеметчика. «Товарищ Командующий! – кричала она. – Здесь опасно! Укройтесь, пожалуйста, быстро!»

Этот действительно опасный момент возник сразу после того, как Ким Ир Сен отправил Ли Ыль Сора в палатку и, опустившись на валежину, предавался размышлениям о дальнейших оперативных планах. Вдруг откуда-то послышался треск ломающегося хвороста. Такой шум в лесу обычен. Но Ким Ир Сен необыкновенным ощущением бывалого военачальника сразу понял, что враги буквально рядом. И, спустившись с валежины, он вскинул маузер и начал стрелять в ту сторону. Почти одновременно с этим заговорил вражеский пулемет. Под покровом предрассветного тумана вражеские полчища окружали бивуак партизан, постепенно сужая кольцо. Видимо, они намеревались вплотную подойти к нему и, поставив пулемет на землю, открыть огонь, но их выдал треск хвороста под ногами. Вот как было дело.

Ким Ир Сен отдал приказ: пулеметному расчету и некоторым бойцам пока сковать неприятеля, а остальным – занять выгодный для них рубеж, поднявшись на возвышенность горы, расположенной сзади.

«Товарищи! Поднимайтесь быстро вместе с товарищем Командующим на возвышение», – вскричала Ким Чен Сук, а сама осталась с пулеметным расчетом для прикрытия отходящих. Отчаянной была атака противника, ведущего смертельный бой на уничтожение Командования корейской революции.

Вместо маузера она держала в руках пулемет, в который вставили новый магазин. Пулемет вел ураганный огонь по врагам.

Ливень свинца из пулемета не давал им поднять голову с земли.

Тем временем бойцы малого отряда, прорубая себе путь сквозь труднопроходимые заросли дикого винограда, поднялись на возвышенность горы и оттуда повели по врагам шквальный огонь. Враг был полностью подавлен. В тот день потерпел полное фиаско «отряд спецназа», который вел в экспедицию некто Рим Су Сан, изменивший своим убеждениям и превратившийся в японского холуя.

Узнали об этом бойцы малого отряда лишь тогда, когда отбились от карателей и стали обыскивать поле боя. Все они негодовали, возмущались тем, что человек, который когда-то был начальником штаба партизанской дивизии, стал цепным псом у японцев.

Чен Сук была хорошо знакома с ним. В Цанцайцуне, когда она работала вожатым Детского отряда, он был политруком партизанской роты. «Оскудение совести революционера, как правило, приводит его к перерождению, – сказала она боевым друзьям. – Самое дорогое у революционера – это революционная совесть, а самое мощное оружие в его руках – вера в победу революции. Если он лишится совести и веры, он бросит революцию, скатится к измене и капитулянтству, наставит дуло оружия на своих товарищей. Именно судьба Рим Су Сана лучше слов свидетельствует нам об этом».

Позднее он был отвержен даже японцами, растворился в мире обывателей, зарабатывая на пропитание продажей вина. Так он даже не знал о поражении японского империализма и возрождении Родины, и однажды был схвачен Рю Ген Су, который тогда уничтожал в районе Почхона недобитые остатки японской армии.

Зачисленная в малый отряд Ставки Командования, Ким Чен Сук служила партизанской поварихой, присматривала за больными, тепло заботилась о жизни всех его бойцов. А когда нужно было приготовить им зимнее военное обмундирование, она день и ночь напролет занималась

шитьем, сидя возле костра. Это вызывало сочувствие молодого партизана Чон Мун Соба, который однажды удивил ее смелым предложением: «Давайте, я попробую?»

«Как ты можешь готовить зимнюю одежду, если ни разу не пробовал заниматься шитьем на руках?» – возразила Чен Сук и одна завершила пошив обмундирования.

В то время у Ким Ир Сена душа была не на месте. Погиб связной, и потому прервана связь с малым отрядом О Бэк Рёна. Он глубоко беспокоился о нем. Партизаны могли часто услышать у него такие тревожные монологи: «Оделись ли они потеплее в такие холода, а не проголодаются ли...» И он не раз выходил в глубокую ночь или ранним рассветом на подступы к лагерю.

Ким Чен Сук перебирала в памяти каждого из бойцов небольшого отряда О Бэк Рёна, прикидывала их рост и телосложение и шила им одежду по памяти. Сшила из ткани еще и кисеты, на них даже вышивала: «Победа революции», «Возрождение Родины» – слова непоколебимой веры, и положила их в карман каждого ватника.

Об этом Ким Ир Сен отозвался с большим удовлетворением: «Ким Чен Сук сделала очень хорошее! Как будут рады наши товарищи, получив эту ватную одежду после тяжелых дней в тылу врага! Обрадуются до того, что все горькие воспоминания о пережитых голоде и холоде как рукой снимет».

Малый отряд Ставки должен был немедленно тронуться вместе с Ким Ир Сеном в путь в советско-маньчжурский пограничный район. Ему следовало ехать в Хабаровск, чтобы принять участие в совещании, на котором должен обсуждаться вопрос о совместных операциях КНРА, ОСВАА и советских дальневосточных войск.

Настал день отбытия, но малого отряда О Бэк Рёна все еще не было. Перед уходом Чен Сук вместе с товарищами выкопали яму под кострищем, уложили дно сухостоем, зарыли в землю зимнюю одежду, сделанную из новой хлопковой ваты, и еще два мешка риса.

Впоследствии малый отряд О Бэк Рёна пришел сюда и нашел тайник. Влага ничуть не проникла в одежду, а в карманах ватников оказались те самые кисеты с вышивками, и они сразу поняли, что это дело рук Ким Чен Сук. Все были тронуты до слез.

Малый отряд Ставки вел свою военно-политическую деятельность в Байцаогоу, Хаматане уезда Ванцин и однажды добрался под Хуньчунем. Была ранняя зима. Повсюду на дорогах уже гололедица.

Едва прозвучал приказ расположиться лагерем, как уставшие от продолжительных походов и боев партизаны валились возле костра, забываясь в тяжелом сне. Но не спала в это время Чен Сук. Она спустилась в ущелье и постирала белье Ким Ир Сена в покрытой тонким ледком речке. Когда она кончила стирать, у нее и волосы, выбивавшиеся из-под фуражки, и ресницы заиндевели, а губы посинели от холода. Сидя у костра, она просушивала одежду. А тут – сигнал тревоги и приказ немедленно тронуться в путь. Опять враги! Чен Сук сложила мокрую одежду к себе за пазуху.

Начался поход. Когда небольшой отряд остановился на ночлег в другом месте, она успела сделать все, что нужно. С высушенной и аккуратно сложенной одеждой в руках она вошла в палатку Ставки Командования, но скрыть посиневшее от холода лицо она не могла. Ким Ир Сен вглядывался в высушенную чистую одежду и ее озябшее лицо и сказал тихо взволнованным голосом:

«Кто тебе позволил так делать?»

«...»

Не находя слов, она молча стояла на месте.

«Чен Сук, – продолжал он теперь успокаивающим тоном, – я преклоняюсь перед твоей искренней заботой обо мне, и всегда благодарен тебе за это. Но зачем ты сделала это? Что будет, если ты вдруг простудишься? И каково будет у меня на душе, если я буду благоденствовать ценою твоей жертвы? Впредь прошу не поступать так».

Позже в своих воспоминаниях он писал по этому поводу: «Увидев ее, совсем посиневшую от холода, я почувствовал, как на глаза навертываются слезы. При мысли, что она сделала то, что не смогла сделать и моя мать при жизни, я не находил слов.

Чувство товарищества Ким Чен Сук, которая добровольно взяла на себя ту работу, которую не могла выполнить и родная мать, и жертвовала собою, – это было не только чувство революционного товарищества к своему Командующему, но и чувство горячей любви к Ким Ир Сену как человеку».

Он не мог высказать все, что накопилось в душе, и молча вышел из палатки.

Шел снег, падал большими хлопьями. Он медленно шагал по снегу, и воспоминание опять возвращало его к случившемуся два года назад бою в Шуаншаньцзы. Шла ожесточенная битва. Держа в руках пулемет, он сам вел по противнику ураганный огонь.

Сделать передышку и пообедать было просто некогда. Но вот он вдруг ощутил в своем кармане тепло. Сунул руку – откуда ни возьмись, так оказались пельмени. Скоро заметил, как Чен Сук подходит к каждому бойцу на поле боя и кладет на ладонь пельмени.

И еще – это тоже было во время боя. Ким Ир Сен весь был поглощен командованием боем и вдруг обернулся, ощутив что-то непривычное в своем кармане. Это Чен Сук сунула ему в карман бумажный кулек с хорошо очищенными от скорлупы и шелухи ядрами кедрового ореха. Когда враги отошли назад, он спросил ее, откуда эти орехи. Но она не отвечала и только улыбалась.

Он припомнил и историю ватного пальто, которое он носил. Узнав, что пуля не пробивает шелковую вату, Чен Сук при каждом удобном случае старалась добывать ее и, набрав сколько нужно, сшила ему пальто на ней, проводя несколько ночей без сна. А когда оно было готово и оказалось ему совсем впору, радости ее не было конца.

И на досуге она вязала ему шерстяной пояс или шерстяные носки, давала их по сезонам. Бывало это так часто, что однажды Полководец спросил ее, как и где достает она шерсть для вязания.

Но в ответ она только улыбалась. У него возник новый вопрос: а носит ли она сама вязаные шерстяные носки? Она не отвечала и на этот вопрос. Но он не отставал и еще расспрашивал ее. И вот она тихо проговорила: «Вы, Полководец, занимаетесь важной работой, так что на такие мелочи можете не обращать внимания».

ВСТРЕЧАЯ ВЕСНУ НА ЧУЖБИНЕ

Первые дни января 1941 года. В Хабаровске от имени Коминтерна было созвано совещание представителей КНРА, китайских антияпонских вооруженных отрядов в Маньчжурии и советских войск на Дальнем Востоке.

На совещании шло обсуждение, главным образом, приоритетов в действиях ОСВАА и КНРА. После дискуссий было решено: основной упор в их действиях делается на боевые операции небольшими отрядами, работу с массами и подготовку собственных сил. Все это совпадало с духом и буквой курса, намеченного Ким Ир Сеном на Сяохаэрбалинском совещании. И еще: участники совещания пришли к единству мнений по вопросам использования учебного центра на советской территории в качестве опорной базы для развертывания действий небольшими отрядами в обширных районах Кореи и Маньчжурии.

После совещания на советском Дальнем Востоке были созданы два учебных лагеря: Южный и Северный. В Южном собралось несколько отрядов КНРА.

В те дни Ким Ир Сен, переформировав части КНРА в небольшие отряды, направлял их в Корею и Маньчжурию.

Сам он решил направиться с одним малым отрядом на северо-восток от горы Пэкту и в Корею, чтобы вести военно-политическую деятельность. Ким Чен Сук было поручено идти в Пэктусанский тайный лагерь. Нужно было информировать небольшие отряды и группы партизан, действующие во многих районах Кореи и Чанбая, об оперативных планах Ставки Командования и руководить на месте небольшими отрядами, группами партизан и революционными организациями.

Ким Чен Сук должна была отправиться в район гор Пэкту. Когда впервые ставился этот вопрос, комсостав очень беспокоился. Да и это было понятно: японские самураи, движимые бредовой мечтой об агрессии против Советского Союза, уже с ранней осени предыдущего года, с одной стороны, начали наступление против КНРА, а с другой – небывало усиливали фашистские репрессии и грабеж в отношении корейского народа. В этой ситуации было довольно трудно направлять деятельность небольших партизанских отрядов и групп, действующих во многих районах. В этот суровый как во внутреннем, так и в международном плане период именно Ким Чен Сук, обязанная помогать Командующему в непосредственной близости от него, должна была пребывать вдалеке, притом на долгое время. Это не могло не стать серьезнейшим вопросом.

Вникнув в душу командиров, сам Командующий погрузился в глубокое раздумье. Однако он убедил командиров: «Если бы это было другое дело, я бы мог поручить его другим товарищам. А здесь мне кажется самой подходящей кандидатурой Ким Чен Сук. Она в курсе дел на местах, не раз вела там подпольную работу». Затем велел ей готовиться к отъезду в Пэктусанский тайный лагерь.

С того дня Ким Чен Сук торопилась со сборами в путь в район гор Пэкту. Первым делом для нее было, конечно, помогать уходящему Командующему и бойцам небольших отрядов.

Однажды партизаны обратились к нему с просьбой вместе сфотографироваться. Понятное дело: он уходит с малым

отрядом – неизвестно, когда доведется встретиться, желательно оставить фотокарточку на память.

Какой-то боец уже взял фотоаппарат и фамильярно и даже грубовато сказал: «Вам остается лишь «одолжить» ваше лицо». У командиров Чвэ Хена и Гира[29] было такое же желание. Они уже выбрали во дворе место для съемки и ждали Командующего.

«Раз вы так этого желаете, то я не прочь сняться с вами. Кстати, погода сегодня хорошая», – сказал он и вышел во двор. Снялись с командирами перед березой, в которой уже ощущался прилив весенних соков. Затем несколько раз снялся с рядовыми. В ту минуту кто-то из собравшихся предложил Командующему сфотографироваться с Ким Чен Сук на память перед уходом малого отряда на задание.

Лицо у нее зарумянилось, она спряталась за спинами своих подруг – партизанок. Они вытолкнули ее вперед, и она встала рядом с Командующим. Не упустив шанса, «фотограф» щелкнул затвором. Эта фотография стала для Ким Чен Сук как бы свадебной.

Поздней осенью предыдущего года, в ту трудную пору, когда возвращались на учебную базу, оба объявили о своем бракосочетании. Но большая загруженность делами не давала им времени – хоть минуту посидеть рядом. И вот теперь им посчастливилось сняться на память в окружении боевых друзей и подруг, с их наилучшими пожеланиями. Да, это была историческая фотография. Ким Ир Сену очень хотелось на всю жизнь запомнить ту памятную весну, и на обратной стороне фотоснимка он написал: «Встречая весну на чужбине. 1 марта 1941 г.».

В принципе оба не хотели обзавестись семьей до возрождения Родины. И другие так же думали. Однако дело возрождения Родины не совершишь за год-два. Да и революция – дело поколений, а возраст – это неумолимая вещь. Все это заставило их передумать.

Весна 1941 года, которую они встречали на чужбине, стала для них поистине незабываемой на всю жизнь порой

пожелания счастья.

Борьба суровая, путь революции далек. Сколько весен еще суждено встречать на чужбине?! Чтобы ускорить приход весны на будущей возрожденной Родине, обоим предстояло снова идти в суровый поход в родную Корею.

Через несколько дней Ким Ир Сен дает Ким Чен Сук задание – ознакомиться на месте с деятельностью групп подпольщиков-политработников и революционных организаций в бассейне реки Туман и до середины мая прибыть на временную тайную опорную базу в Цзяпигоу уезда Ванцин. Затем он сам первым выступил в поход вместе со своим небольшим отрядом.

Ким Чен Сук, отрезав свои волосы, смастерила из них стельки для него. Она от души пожелала ему доброго здоровья на далеком, суровом пути.

Бойцы КНРА, преисполненные веры в будущее и оптимизма, смело вели действия небольшими отрядами, одновременно активизируя свою военно-политическую подготовку.

В середине апреля 1941 года был заключен пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией. Весть эта разочаровала некоторых революционеров, мощно потрясла их душу. Даже отдельные бойцы КНРА тревожно и пессимистически смотрели на будущее корейской революции.

Вникнув в их душевный настрой, Ким Чен Сук, несмотря на большую занятость делами подготовки в дорогу, нашла время побеседовать с бойцами.

«В любой сложной ситуации нам следует обладать твердыми убеждениями и волей, верить в силы своего народа и до конца собственными силами ответственно совершить революцию в своей стране, – говорила она. – Если думаешь, что вернешь потерянную Родину только при помощи большой страны, – это рецидив идей низкопоклонства, преклонения перед большой страной. Разве мы начали революцию с верой в других? Разве мы вели революцию при опоре на силы других? Нет! Мы вооружили широкие народные

массы, которые следуют за Полководцем Ким Ир Сеном, и подняли их на борьбу против сильной армии японских агрессоров. Чтобы победить в революции, нам надо отказаться от идей низкопоклонства, преклонения перед большой страной, еще больше укрепить собственные революционные силы, как тому учит товарищ Командующий».

И после этого Ким Чен Сук в многократных беседах с командирами и бойцами убедительно рассказывала о непримиримых антагонизмах между Советским Союзом и Японией, о неизбежности победы корейской революции, вселяла в их сердца твердую веру в победу, базирующуюся на выдвинутых Ким Ир Сеном идеях и политической линии.

В начале мая Ким Чен Сук со своим малым отрядом покидает учебную базу. Точно выполнив поручения Командующего, она в намеченный срок прибыла на Цзяпигоускую временную тайную опорную базу в уезде Ванцин.

Встретился с ней на передовом посту базы Ким Ир. Он повел партизанку в Ставку Командования. Здесь она доложила Ким Ир Сену обо всем, что было изучено на маршруте от учебной базы до назначенного места: о действиях групп подпольщиков-политработников и о работе подпольных организаций в бассейне реки Туман, о сведениях, полученных от небольших отрядов разных районов и лично ею собранных в связи с политической ситуацией. Командующий сказал, что полученные сведения очень ценные.

Ким Чен Сук также подробно рассказывала ему об идеологических шатаниях и перегибах, что были в среде бойцов в связи с заключением советско-японского пакта о нейтралитете.

Ким Ир Сен говорил командирам: «Вот это и я предвидел. Не поправишь своевременно это дело – создастся немало помех корейской революции. Придется как можно скорее идти в Корею и созвать совещание руководителей небольших отрядов, групп и членов подпольных организаций. Надо, чтобы они имели правильное представление о советско-японском пакте о нейтралитете.

Следует еще раз подчеркнуть необходимость придерживаться самостоятельных позиций в революционной борьбе».

По его приказу был экстренно направлен на места один из командиров для подготовки совещания.

Впоследствии Ким Ир Сена, выдвинув лозунг «Завершим корейскую революцию своими силами!», активизировал воспитательную работу в рядах КНРА в духе этого девиза и ликвидации низкопоклонства, преклонения перед большой страной.

В середине мая Ким Ир Сен и Ким Чен Сук покинули Цзяпигоускую базу. Отряд через Эрдаохэцзы прибыл в Ханьцунгоу уезда Аньту. Здесь Ким Ир Сен напоминает ей, что к середине июня предусматривается провести совещание руководителей малых отрядов, групп КНРА и революционных организаций Кореи и Чанбая, и поручает ей задачу – сообщить руководителям небольших отрядов и групп о сборе в тайном лагере в горах Канбэк.

Ким Чен Сук вместе с Хан Чхан Боном, Хан Тхэ Рёном и другими бойцами небольшого отряда уходят из Ханьцунгоу в Пэктусанский тайный лагерь.

В Сяошахэ уезда Аньту она оставляет несколько бойцов с заданием разузнать о деятельности местных революционных организаций. Под Тяньшаншуем в Шивудаогоу уезда Чанбай делит малый отряд на несколько групп и направляет их во многие районы. Сама хотела прямо идти в село Цзяцзайшуй.

Бойцы группы не согласились с ней. Она уговаривает: «В Чанбае было разрушено немало организаций. Это случилось из-за «Хесанского дела». Но организации в Цзяцзайшуе стойко живут и действуют. В дни нашего Трудного похода они, невзирая на опасность, оказывали нам материальную помощь и духовную поддержку. Они теперь, думаю, страстно ждут нас». И сама пошла впереди.

И вот состоялась встреча с ними, давно обеспокоенными отсутствием организационных связей. Ким Чен Сук информирует их о создавшейся ситуации, о призыве Ким Ир Сена встретить во всеоружии великое событие – возрождение

Родины. Советует им с верой в победу активно развернуть массовую борьбу во всех ее формах.

Затем она идет на гору Паотайшань за селом Таоцюаньли, где ее ждет группа в составе Хан Чхан Бона и Хан Тхэ Рёна. Несколько дней небольшой отряд, базируясь здесь, узнавал о подробностях дел во многих селах района Сяганцюя.

Закончив запланированные дела на Паотайшане, бойцы небольшого отряда двинулись в сторону Хэйсяцзыгоу. Возле Дэфудуна в Шицзюдаогоу они взяли в плен двух солдат марионеточной армии Маньчжоу-Го, которые удили рыбу в реке прямо-таки с ружьем за плечами. По словам пленных, их подразделения разместились в районе Хунтоушаня, и солдаты собираются домой, потому что Чанбай «безопасен». Это была немаловажная информация о том, что враги там «расслабляются».

Ким Чен Сук проанализировала обстановку у противника с учетом показаний пленных и сведений, полученных группами бойцов КНРА во многих районах. «Нельзя упустить момент ослабления внимания противника. Именно сейчас надо продвинуть дело расширения революционных организаций вовнутрь Кореи», – с такой решимостью подпольщица продолжала свой путь. В Пэктусанский тайный лагерь она прибыла в начале июня.

СНОВА В ПЭКТУСАНСКОМ ТАЙНОМ ЛАГЕРЕ

Радостной была встреча с бойцами небольшого отряда в Пэктусанском тайном лагере. Здесь у Ким Чен Сук не было ни минуты отдыха. Направляла связных во многие районы за участниками Канбэксанского совещания и прорабатывала доклад Командующему. Затем с начальником тайного лагеря пошла в Канбэксанский тайный лагерь, где вскоре должен

будет руководить важным совещанием Командующий. Там она осматривала зал совещания и будущий ночлег для его участников. Находясь здесь, словом, сделала все для тщательной подготовки совещания.

В это время в Пэктусанском тайном лагере шло строительство нового бревенчатого дома. Личный состав лагеря решил это сделать для Ким Чен Сук. Раньше она жила в казарме швей вместе с другими партизанками. Начали строить сруб у ручья Собэк, на солнечном месте под пиком Чансу (нынешний пик Ченира). Хан Чхан Бон, Ким Чжун Ик и другие бойцы строили дом из хороших бревен одинаковой толщины. В то время никто не думал, что этот бревенчатый домик станет через полувека историческим, имя которому – «родной дом в Пэктусанском тайном лагере».

Прошло несколько дней. В середине июня Ким Ир Сен прибыл в Пэктусанский тайный лагерь. В то время Ким Чен Сук уже вернулась из Канбэксанского тайного лагеря и ждала Командующего. Ему выделила аккуратно обставленный сруб Ставки Командования.

Ким Ик Хен, ветеран антияпонской революции, сопровождавший в те дни Командующего в составе небольшого отряда, вспоминает: «Я вошел в дом вслед за товарищем Командующим. Я просто не мог не удивляться. ...Вся мебель была новая – стол, стул и прочее. Вместо старого чайника стоял новенький, блестящий. Я потихоньку хвалю начальника тайного лагеря за большой труд. А он, маша рукой, говорит, что все это подготовлено Ким Чен Сук».

Ким Чен Сук информировала Командующего о деятельности небольших отрядов, групп партизан и революционных организаций многих районов Кореи и Чанбая. Сообщение о делах закончилось, когда уже смеркалось. Начальник тайного лагеря напомнил Командующему о новостройке-срубе у ручья Собэк. Домик аккуратно построили бойцы лагеря для Ким Чен Сук. Она же категорически отказалась от переселения, и он оставался

пока «бесхозным».

Ким Ир Сен не без удивления помолчал. И, наконец, говорит: «Давно мы, ребята, не виделись. Поужинаем вместе, затем поговорим. Ладно?» На столе – каша из пшена и чумизы, закуски из речной мальмы, салат из лесных съедобных трав.

После ужина Командующий обращается к Ким Чен Сук: «Этот дом, вижу, – искренний подарок здешних товарищей. Раз дом построен – не мешало бы принять их искреннюю просьбу. Конечно, надо будет оправдать товарищескую заботу своими успехами в революционной работе». Все командиры и бойцы горячо поддержали его. Итак она теперь стала хозяйкой небольшого бревенчатого домика у ручья Собэк.

Через два дня Ким Ир Сен пошел в ее сопровождении в Канбэксанский тайный лагерь на совещание руководителей небольших отрядов КНРА и групп ее подпольщиков-политработников и революционных организаций районов Кореи и Чанбая. На совещании он подробно ознакомился с деятельностью малых отрядов и групп партизан, революционных организаций в Корее и на этой основе наметил направления их дальнейшей работы. В частности, он подчеркнул, что в связи с идеологическими диверсиями японских империалистов, усиливающимися после заключения советско-японского пакта о нейтралитете, все политработники-подпольщики и члены революционных организаций должны твердо придерживаться собственных самостоятельных позиций и хранить твердую веру в победу. Он призвал их еще смелее бороться под лозунгом «Завершим корейскую революцию своими силами!»

После совещания Ким Ир Сен вышел в новый поход, поручив Ким Чен Сук дела Пэктусанского тайного лагеря.

Для успешного выполнения поручений Командующего, думала она, прежде всего важно поддерживать тесные связи с малыми отрядами, группами КНРА и революционными организациями в районах Кореи и в бассейнах рек Амнок и

Туман, вовремя информировать их о планах Ставки Командования и поднять их на реализацию этих планов. В тайном лагере были немедленно сформированы группы по два-три бойца, направлявшиеся во многие тайные опорные базы, в том числе и во временные.

Раньше личный состав Пэктусанского тайного лагеря не всегда на месте помогал действующим в разных районах малым отрядам и группам бойцов КНРА. Они сами, как правило, приходили в тайный лагерь и докладывали о делах, а затем уходили на места с новыми заданиями.

Ким Чен Сук изменила подобный старый стиль работы. Посылала группы непосредственно в районы Кореи, чтобы они на местах узнавали о деятельности революционных организаций, малых отрядов и групп разных районов и информировали их о намерениях Ставки Командования. Это помогло им своевременно быть в курсе планов Ставки и оперативно действовать.

В это время Ким Ир Сен созвал в Тхаксанкоре за селом Пхунри корейского уезда Онсон совещание политработников-подпольщиков и руководителей подпольных революционных организаций, а затем в Цзяпигоу китайского уезда Ванцин – совещание начальников малых отрядов КНРА, на котором выступил с речью «С твердой верой в победу осуществим великое дело возрождения Родины».

В августе 1941 года Ким Чен Сук получила в Пэктусанском тайном лагере собственноручно написанное им письмо, в котором было изложено задание – развернуть работу в Корее и районе бассейна реки Амнок по реализации курса, намеченного на вышеуказанных совещаниях, опираясь, главным образом, на Пэктусанский тайный лагерь.

Каждая строка письма давала ей понять, какие трудности ему приходится преодолевать.

Ситуация того времени с каждым днем осложнялась. Фашистская Германия совершила нападение на Советский Союз. Внезапность военных действий и превосходство боевой техники позволили немцам захватить обширную

территорию СССР, ворваться в ее глубину. Социалистическая страна переживала беспрецедентно суровые испытания.

Агрессия Германии против Советского Союза была совершена через два месяца после заключения советско-японского пакта о нейтралитете. Япония как бы ожидала этого и объявила план «особых маневров Квантунской армии», что означало предварительную команду о подготовке к развязыванию войны против Советского Союза.

Советский Союз отлично понимал, что Япония использует пакт о нейтралитете как обманный трюк в свою пользу для будущего захвата советской территории восточнее Урала. Однако он все-таки твердо придерживался позиций нейтралитета, не желая втянуться в войну на два фронта – с востока и с запада.

В такой ситуации многие думали: «Кому теперь верить в корейской революции? От кого получать поддержку? Корейская революция, казалось бы, подобна джонке, лишенной пристани в штормах мировой войны». Кроме того, активизировались реакционные идеологические диверсии японцев.

Именно к тому времени в небольшом отряде Ким Ик Хена произошло такое: Чи Габ Рён отрекся от революции и переметнулся в стан противника.

Ким Чен Сук знала его еще в дни деятельности в Чэчанцзы. Он показывал себя неплохим партизаном на поле жаркого боя. А изменилась ситуация – и он ушел из революционных рядов. Капитулировал, встал на колени перед суровой, круто меняющейся международной ситуацией и вызываемыми ею большими трудностями в борьбе.

Неопровержимый факт не давал Ким Чен Сук покоя. Через несколько дней еще больше тревожила ее информация о состоянии революционных организаций в районе Мусан – Енса, полученная от группы бойцов, направленных в тайные опорные базы. И она решила сама пойти в этот район, поскольку там у некоторых людей возникли идейные шатания в связи с резкими изменениями ситуации. Все остальные бойцы

не соглашались с ее решением: в то время она была нездорова, ей был нужен отдых. Но она не изменила задуманного.

Она немедленно отправляется в район Мусан – Енса, ее сопровождают несколько бойцов Пэктусанского тайного лагеря.

Группа прибывает на тайную опорную базу на горе Кукса. Здесь, в тайном лагере у ущелья с водяной мельницей, Чен Сук проводит собрание руководителей революционных организаций района Мусан – Енса – Самчжан.

Их доклады о делах не обрадовали ее. Раньше в этом районе разгоралась борьба против японских оккупантов. Так, все лесорубы и плотовщики района Енса вели непрерывную борьбу против японских грабителей, увозящих корейский лес. Корейские строители Содусуской ГЭС не давали японцам вырабатывать электроэнергию. На лесосеках и площадках для сплава леса в бассейнах рек Енмен и Соду в сотни ли не прекращались саботаж, забастовки и распад плотов. Только в одном 1939 году японцам пришлось потерять десятки тысяч кубометров леса. В следующем году более чем на десять дней ежемесячно прекращался сплав плотов. Летом того же года японцы даже были вынуждены разыграть фарс с каким-то «банкетом», чтобы «умиротворить» рабочих лесопунктов. Строители железной дороги Пэгам – Мусан под руководством членов революционной организации зарыли в землю большое количество электрических проводов и инструментов, что вызвало большую суматоху. А теперь их выступления ограничиваются только одним разрушением плотов.

Ким Чен Сук первым делом проинформировала участников собрания о том, что говорил Командующий на совещаниях в Тхаксанкоре и Цзяпигоу. Затем обратила их внимание на ошибки, обнаруженные в деятельности некоторых революционных организаций в районе Мусан – Енса, и поставила перед ними задачи. Она сказала: «Причина подобных недостатков – в том, что некоторые политработники-подпольщики и руководители подпольных организаций полагают, будто корейская революция оказалась в изолированном, беспомощном состоянии, не имеют твердой веры в победу, не проявляют активности в

руководстве работой по сплочению антияпонски настроенных патриотических сил в организации, по развертыванию антияпонской и антивоенной борьбы». «Какие бы свирепые бури ни нагрянули, с какими бы испытаниями мы ни столкнулись, – продолжает она, – нам нельзя забывать наказ Полководца Ким Ир Сена – завершить корейскую революцию своими силами. Наше дело – до конца продолжать борьбу за возрождение Родины». Были освещены такие вопросы, как подготовка актива, расширение сети организаций, главная задача массово-политической работы на данном этапе, охрана революционных организаций, активизация их борьбы, создание ударного отряда рабочих, производственного партизанского отряда и других полувоенных организаций.

Затем Ким Чен Сук идет в село Токсо уезда Мусан. Здесь у подножия горы Енду ее ждали заранее предупрежденные об этом политработники-подпольщики и руководители революционных организаций района Мусана. На встрече с ней они не могли сдержать своего волнения. Ведь ей, несмотря на усиленный кордон противника, удалось посетить местность, довольно удаленную от горы Пэкту.

На встрече с ними она узнает о революционных организациях, об их деятельности, анализирует выдвинутые вопросы, затем проводит собрание в урочище «Факел» – на вершине горы Енду. На собрании разъясняет сложившуюся ситуацию, идеи Командующего о возрождении Родины и задачи претворения их в жизнь.

Итак, снова начали оживать революционные организации в районе Мусан – Енса, которые одно время находились в подавленном состоянии в суровой обстановке.

Рабочие стройки Содусуской ГЭС поднялись на забастовку с требованиями из пяти пунктов, включая улучшение материальных условий жизни и охрану труда. Волна стачки, поднятая в туннеле №1, охватывала поочередно все туннели до №10. И, наконец, японский предприниматель пал на колени и был вынужден прекратить строительство ГЭС. Саботаж и забастовки продолжались и на стройке железной

дороги Пэгам – Мусан, которая прокладывалась японцами для агрессии на Азиатском континенте и для нужд тихоокеанского театра военных действий. Строительство стальной магистрали закончилось только в декабре 1944 года, когда поражение Японии в войне уже стало явным.

Какую настойчивую борьбу развернули революционные организации в районе Мусан – Енса, свидетельствуют признания японской полиции в Корее. Начальник Северохамгенского провинциального полицейского управления, патрулировавший пограничную полосу северной части Кореи: «Без напряжения сил и внимания во всех делах, от малого до большого, не предвидишь, когда и какие события вспыхнут». И помощник инспектора одного из полицейских участков: «Не имея при себе пистолета – так и не могу заснуть, как бы ни устал... Даже во сне не могу забыть о чрезвычайных мерах по охране».

Ким Чен Сук, вернувшаяся в Пэктусанский тайный лагерь, опять уходит в район Синпха на подпольную работу. Здесь узнает о деятельности руководителей местных подпольных революционных организаций, рассказывает им об указаниях Командующего и вселяет в их сердца твердую веру в победу. Затем посылает одного из бойцов в направлении Хучхана с заданием руководить делами в районах Кымчхана, гор Ога и Ранним, а другого – в направлении Коксана провинции Хванхэ с поручением проинформировать местных революционеров о новом военно-политическом курсе, намеченном Ким Ир Сеном.

Так в Пэктусанском тайном лагере она работала без отдыха: получала информации от многочисленных бойцов, непрестанно прибывающих в лагерь, направляла их с новыми заданиями, сама с риском для собственной жизни шла в районы, контролируемые противником.

РОЖДЕНИЕ ПАРТИЗАНСКОГО СЫНА

Февраль 1942 года был отмечен большим праздником в Пэктусанском тайном лагере. На рассвете 16 февраля здесь в обыкновенном бревенчатом домике родился великий руководитель корейского народа Ким Чен Ир.

Ветераны антияпонской революции, которые были в тот день в этом тайном лагере, и сейчас с глубоким волнением вспоминают: как ни странно, на рассвете того дня стихла вьюга, которая бушевала накануне, и установилась необычайно ясная и тихая погода.

И в «Ежемесячном бюллетене о погоде в Корее», изданном японской метеоролого-гидрологической станцией, написано так: 16 февраля вокруг горы Пэкту и в других всех районах Кореи, в том числе в Чхончжине, Синичжу, Пхеньяне, Сеуле, Пусане, стояла ясная, тихая погода.

Чвэ Док Чжун, один из членов Южнокорейского комитета по изучению XXI века, вспоминая рассказ Чвэ Иль Чхона, автора «Краткого очерка истории корейского революционного движения за рубежом», пишет следующее: «Полководец Ким Чен Ир... родился как партизанский сын на горе Пэкту – горе-родоначальнице Кореи в пороховом дыму антияпонской войны, явившейся самым ожесточенным противоборством как в новую, так и в старую эпоху, под грохот пушечных и винтовочных выстрелов корейских партизан. Рождение Ким Чен Ира – это было рождение первого сына горы Пэкту за пятитысячелетнюю историю корейской нации и небывалого в истории человечества партизанского сына.

История знает многих великих людей, прославленных полководцев и знаменитых лиц... Но на свете не найдешь такого партизанского сына, как Полководец Ким Чен Ир, ведь он родился на священной горе нации, а его родителями являются партизанские Полководцы мировой славы. Да, он поистине из

необыкновенного рода, такого прецедента не было в прошлом и не будет в будущем. Не случайно один из чхондогёсцев сказал в своем проповедовании: Полководец Ким Чен Ир является великим с самого дня своего рождения и отроду имеет миссию спасителя нации. Думается, что партизаны-смельчаки, которые, ведя в заброшенной пустоши кровопролитную битву с врагами и повидав всякого, радовались рождению героя, кому суждено впредь восседать на горе Пэкту, управляя всем миром, и дали младенцу псевдоним «Пэктукванменсон» («яркая звезда над горой Пэкту» – ред.) – в смысле солнца, такого, как великий Полководец Ким Ир Сен, и назвали его Чен Иром (Чен – прямое, правильное, справедливое, Ир – солнце), желая ему стать самым ярким солнцем».

Ветераны антияпонской революции в то время решили назвать пик за бревенчатым домиком пиком Чансу (богатырский). В этом кроется такой смысл: в Корее появился еще один богатырь, который будет продолжать дело Ким Ир Сена.

В эти февральские дни около Чен Сук были всего лишь несколько партизанок и бойцы малого отряда. Мать обнимала сына, закутав его в свою военную форму.

Партизанкам пришлось для роженицы варить кукурузу и суп из сушеных дикорастущих трав только с солью. Они сшили для младенца одеяло из малых и больших обрезков ткани, найденных в вещмешках, и ваты, выщипанной по одной и двум горсткам из своих ватных одежд. Они предложили ей разрешить сходить в Канбэксанский тайный лагерь за тканью, но она наотрез отказалась.

Ким Чен Сук с яркой улыбкой на лице сказала партизанкам, которые, давая ей одеяло, сшитое из лоскутков ткани, чувствовали неудобство и боль в сердце: «Мои дорогие подруги! Мне очень нравится это одеяло, в нем ваша искренняя любовь к малютке. Когда возродится наша Родина, построим везде на родной земле прекрасные детские ясли и воспитаем наших детей, чтобы они росли, не завидуя никому на свете».

Ким Чен Сук напевала колыбельную песню с сыном на руках,

закутанным в одеяло, сделанное партизанками, и ее военное одеяло.

Баю-баюшки-баю,
Расти скорее, милый мой,
И будем воевать с оружием в руках
За освобождение Родины нашей,
Ты впереди, а я за тобой в бою.

Баю-баюшки-баю,
Расти скорее, милый мой,
И будем воевать под красным знаменем
За коммунизма новый мир,
Ты впереди, а я за тобой в бою.

В тайном лагере бойцы обращали большое внимание на здоровье Ким Чен Сук, но она не хотела пользоваться никакими привилегиями. Однажды прозванный «папашей» в тайном лагере Ким Чжун Ик сделал кушанье из растертых соевых бобов, которые носил на всякий случай, и подал его Чен Сук, но по этому поводу она строго порицала его.

Как-то Ким Бон Сок, старший ординарец Ставки Командования, пришел в Пэктусанский тайный лагерь, неся на спине мешок с клейкой чумизой для Ким Чен Сук. Что касается Бон Сока, то он уже давно был знаком с ней. С тех пор, как летом 1937 года они работали в подполье внутри страны, он не раз сопровождал ее. Бон Сок, беспокоясь о сильно ослабевшей Чен Сук, посоветовался с Чжун Иком об угощении ее хлебцем из клейкой чумизы. Но узнав об этом, она сказала: нельзя нарушать единую дисциплину из-за сочувствия к кому-то, без дисциплины немыслимо выполнение заданий, полученных от Командующего Ким Ир Сена. Потом она слила воду и сушила чумизу.

Тогда Ким Чен Сук, как всегда, позволяла себе лишь минимальный паек, а работала напряженно: направляла в разные

места малые группы партизан и связных, изучала полученные от них сведения, намечала им направления дальнейших действий. А по ночам читала труды Ким Ир Сена, выпущенные в секретариате Ставки Командования, а также книги, газеты и журналы, присланные ей местными революционными организациями. Она занималась учебой при свете горящей смоляной лучины, каждой ночью затрачивая целую их вязанку. Видя такую жизнь, такое недоедание Чен Сук, Ким Чжун Ик не мог больше терпеть. Ким Чен Сук, думал он, – командир, ведающий работой с небольшими отрядами, группами и революционными организациями, чтобы они успешно претворяли в жизнь оперативный курс Ким Ир Сена, и в то же время мать революции, выращивающая и воспитывающая Солнце будущего. И он сказал ей: будешь учиться, как хочешь, читай книгу сколько угодно, но сейчас прошу хоть немножко отдыхать ночью.

Ким Чен Сук улыбнулась ему в ответ и спросила: кем вы будете работать после возрождения Родины?

Он, выражая свое заветное желание, ответил, что будет заниматься в родном краю земледелием.

Выслушав его, Ким Чен Сук сказала: «Как мы будем счастливы, когда будем заниматься земледелием в возрожденном родном краю! Но после возрождения Родины нам, революционерам, думаю, нельзя будет беззаботно, спокойно жить, занимаясь просто земледелием. Я тоже вначале лелеяла мечту о том, что буду жить счастливо, занимаясь земледелием в родном краю, где не будет японских оккупантов и помещиков. Но, ведая делами Детского отряда, передумала: стану педагогом и буду воспитывать детей погибших товарищей по революции, детей рабочих и крестьян. А теперь снова передумала. Ушли из жизни О Чжун Хыб и Ким Чжу Хен, которые помогали Полководцу Ким Ир Сену в непосредственной близости от него. И меня осенила мысль о том, что мы обязаны вместо них продолжать их дело. Такая мысль не покидает меня. Поэтому в последние дни читаю книги и по экономике, и по общим основам общественной

жизни. Занимаюсь учебой больше, чем прежде».

Так Ким Чен Сук выполняла свои революционные задачи и вместе с тем, несмотря на тяжелейшие условия жизни, усердно занималась учебой, думая о будущей возрожденной Родине, и воспитывала сына.

Через несколько месяцев Ким Ир Сен вместе с малым отрядом прибыл в Пэктусанский тайный лагерь.

Часовой так обрадовался, что даже забыл отдать ему честь, и только крикнул: «Пришел товарищ Командующий!» Все в лагере вышли и бросились ему навстречу.

Ким Чен Сук, держа ребенка на руках, стояла сзади товарищей. Одна партизанка приняла от нее ребенка и передала его Полководцу. Обнимая сына, он сказал:

«Наши потомки должны высоко нести из поколения в поколение красное знамя, знамя революции, поднятое нами в горах Пэкту, – такова наша воля».

После приезда Ким Ир Сена в Пэктусанском тайном лагере состоялись важные совещания и разные методические семинары. Время шло напряженно. Командиры и бойцы, если у них было свободное время, приходили в маленький бревенчатый домик. В нем не было ничего особого: на стенной полке в кухне немного посуды, складной столик, подвешенный на стене, корзинка из стеблей леспедезы, а в комнате – военное одеяло, простое ватное одеяло и вещмешки. Это было все. Что было необычайно, так это одеяло, сшитое из лоскутков ткани, и веник из орлиных перьев, сделанный ординарцем.

Однажды командиры и бойцы, навестив маленький сруб, стали испытывать угрызения совести за то, что они не обращали должного внимания на этот домик. В то время Ким Чен Сук не было дома, она на минутку вышла, и одна партизанка ухаживала за ребенком. В комнате гости обменялись мнениями о том, что малые отряды и группы, направляемые с заданием в разные районы, должны принести необходимое для жизни и быта, хоть бы по одной вещи. Как раз в то время Ким Ир Сен вошел в комнату. Он, улыбаясь, сказал:

«Извините, товарищи, за то, что нами пока не устроено новоселье. Этот дом вы построили от души. Посидите, пожалуйста. Между прочим, вопрос об одеяле – вы о нем не беспокойтесь. Конечно, я понимаю вас, вашу искренность. Благодаря вашему вниманию и я, и Чен Сук, всегда будучи здоровыми, ведем революцию. Большое спасибо вам. Но поскольку время есть время, сейчас нам нельзя спокойно воспитывать представителей подрастающего поколения, и еще, собственно говоря, у нас нет и таких условий».

После минутного молчания он медленно продолжал:

«Нам надо воспитывать из них стойких борцов в огне войны против японских оккупантов. Не в теплице, а в снежных бурях в горах Пэкту. Это поможет им продолжать революцию и в будущем, когда они заживут счастливо на освобожденной родной земле, не завидуя никому на свете и вспоминая эти дни».

В то время жизненные условия в Пэктусанском тайном лагере и на учебной базе, где Ким Чен Ир родился и провел свое детство, были очень тяжелые. Вследствие жестокого грабежа японских империалистов корейский народ влачил жалкое существование, питаясь соевыми жмыхами, а на учебной базе все жили незажиточно из-за советско-германской войны.

Ким Чен Сук сшила сыну одежонку, пустив на это и свою и отцовскую военные формы, и до тех пор, пока Родина не была возрождена, укрывала его одеялом, сделанным из обрезков ткани в Пэктусанском тайном лагере.

Картины тех дней лежали в душе у Рим Чхун Чху тяжелым камнем. И он после возрождения страны, возвращаясь на Родину в отпуск (тогда он находился по делам в Яньбяне Китая), купил там 500 шерстяных одеял высокого сорта и привез их Ким Ир Сену и Ким Чен Сук.

Борцы антияпонской революции всячески старались тогда помогать Ким Чен Сук в жизни и в быту. Когда у них случалось свободное время, они радостно проводили его вместе с юным Чен Иром.

Ким Мен Чжун и Рим Чхун Чху каждый день приносили Ким Чен Сук козье молоко, а порой и хлеб, что они сэкономили из своего пайка.

Рим Чхун Чху и Ким Чен Сук уже давно находились в дружеских отношениях. Когда Чен Сук девочкой училась в вечерней школе в Фуяньдуне, Рим Чхун Чху там преподавал. Когда болела мать Чен Сук, именно он лечил ее. А когда Чен Сук, потеряв сознание на пути к партизанской зоне, упала на землю, ее спас тоже он.

После рождения Ким Чен Ира эти их глубокие дружеские отношения еще более развились и проявлялись в самоотверженных усилиях ради Ким Чен Ира, преемника, который унаследует и завершит дело корейской революции, начатое Ким Ир Сеном.

Был случай, когда Рим Чхун Чху ушел с малым отрядом далеко во вражеский тыл и, возвращаясь в базу, принес оттуда десятки куриных яиц для юного Чен Ира.

В те дни, когда партизаны действовали малыми отрядами, Ли Ыль Сор уделял постоянное внимание безопасности малолетнего Чен Ира и его жизни, почти все свободное время он проводил вместе с ним. О Чжин У[30] и другие борцы тоже так поступали.

Ким Чак[31] всегда, обращаясь к Чен Иру, называл его «маленьким полководцем».

Касаясь кровных связей между борцами антияпонской войны и Ким Чен Иром, Ким Ир Сен отметил: «Сейчас многие люди говорят, что мы успешно решили вопрос преемственности руководства. Хотелось бы сказать, что при этом большую роль сыграли ветераны антияпонской революции. Они приносили юному Чен Иру и одежду и пищу, образно говоря, помогали ему делать каждый шаг. С той поры у него зарождались ростки доверия и уважения к ним, а у них – чувство доверия и любви к нему. На его идейно-духовный рост и чувственно-эмоциональное развитие самое активное, мощное воздействие оказали именно они, ветераны антияпонской революции. Вера в неизбежность победы, стальная воля,

революционный оптимизм – все эти его качества, можно сказать, щедро вырабатывались и становились еще тверже в результате тесного общения с ветеранами революции, борцами против японских империалистов».

8. ИДЯ НАВСТРЕЧУ ДНЮ ПОСЛЕДНЕЙ РЕШИТЕЛЬНОЙ БИТВЫ

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА НА УЧЕБНОЙ БАЗЕ

В один из мартовских дней 1943 года, покинув Пэктусанский тайный лагерь, Ким Чен Сук вместе с любимым сыном направилась в учебную базу, расположенную в окрестностях Хабаровска (СССР). В то время бойцы КНРА отсюда отправлялись небольшими отрядами на боевые операции или в разведку; вместе с тем они активно занимались на базе военно-политической и боевой подготовкой.

Во время пребывания на учебной базе Ким Чен Сук отдавала весь заряд энергии и ума политическим занятиям и боевой подготовке. Она всем сердцем восприняла указания Ким Ир Сена о том, чтобы подготовить командиров и бойцов КНРА как квалифицированные военно-политические кадры, способные победоносно осуществить операцию по возрождению Родины, как замечательных работников, необходимых для строительства новой, возрожденной Родины.

Было у нее и еще одно задание: она несла ответственность за жизнь бойцов-женщин.

На учебной базе было организовано не одностороннее военное, а комплексное военно-политическое обучение.

Ким Чен Сук так усердно занималась учебой, что порой даже забывала поесть. Подруги говорили ей: учеба, конечно, важна, но нельзя же оставаться без еды. Она, улыбаясь, отвечала: знание – более важная пища для революционера, чем еда.

Ким Чен Сук глубоко изучила речь Ким Ир Сена, произнесенную им перед политработниками и преподавателями политических дисциплин КНРА, – «Корейские революционеры должны хорошо знать Корею». Она читала и перечитывала этот труд, забывая о сне и отдыхе, полностью усвоила его содержание. После этого она сказала: теперь, кажется, будто бы с вершины горы Пэкту вижу всю землю Кореи.

Как-то в отряде был организован семинар по названному труду. Выступила на нем и Ким Чен Сук. Ее выступление было глубоко продуманным и логичным, произвело на Рим Чхун Чху столь неизгладимое впечатление, что он однажды, хотя прошло более 30 лет с того дня, почти дословно вспомнил, что она тогда сказала.

Интенсивно проводились на учебной базе и военно-теоретические занятия, и боевая подготовка с практической тренировкой. Это были ежедневные занятия разных видов, необходимые для ведения современной войны: занятия по тактике, стрельба, лыжная и парашютная подготовка, изучение радиосвязи. Интенсивность занятий и тренировок была столь высокой, что даже мужчинам было нелегко. Но все без исключения женщины тоже принимали в них участие. И здесь Ким Чен Сук отличалась особым усердием.

Ким Ир Сен придавал особое значение обучению умению плавать, имея в виду, что Корея – страна морская. Но среди партизанок умеющих плавать были единицы. Большинство из них выросли, даже ни разу не увидев моря.

Лучше других плавала Чон Сун Хи, и по предложению Ким Чен Сук она учила плавать тех партизанок, которые боялись речных переправ.

Во время тренировок по преодолению переправы на реке Ким Чен Сук придавала новые силы тем бойцам, которые выбивались из сил и не могли дальше плыть. Она кричала: «Представьте себе, товарищи, что там, за этой рекой, родная земля, и будут снова у вас силы». Таким образом она помогала им переправиться через Амур – реку шириной в сотни метров.

Очень трудной для партизанок была тренировка в форсированном марше.

Зимой того года было организовано соревнование между подразделениями по этому виду тренировки. В нем участвовала и Ким Чен Сук, возглавляя одно из подразделений. А большинство этого подразделения составляли женщины и юные бойцы. Несмотря на это, ее подразделение заняло первое место в соревновании того дня, перегоняя одно за другим впереди бегущие подразделения. В ее подразделении не было ни одного отставшего. Все командиры и бойцы не скрывали удивления и восхищения, поздравляли ее с успехом.

А вот что было в дни тренировок по парашютной подготовке и умения по выброске воздушного десанта. Штаб учебной базы по соображениям безопасности не разрешал женщинам принимать участие в этих тренировках. Но Ким Чен Сук не согласилась с этим запретом и настойчиво требовала от штаба учебной базы разрешить им участвовать. «Парашютные прыжки и авиадесантная подготовка, говорила она, – нацелены на последнюю решительную операцию по возрождению Родины. Как же нам не участвовать в них только из-за того, что мы женщины?» Благодаря ей женщины получили разрешение на тренировки.

На первом занятии они учились ступать на землю одновременно обеими ногами и с помощью вращающегося кресла тренировали свою способность ориентироваться в пространстве. Такое занятие казалось не трудным, но на следующей стадии занятий для женщин дело обстояло по-другому. Некоторые из бойцов-женщин закрывали глаза в момент прыжка с высоты, и им нелегка было преодолеть свой страх. Беспокоясь о них, Ким Чен Сук говорила им: «Вы, подруги, помните, что это мы учимся делать для окончательного уничтожения врагов и спасения наших родных».

Прошли дни. Умение правильно прыгать и приземляться постепенно стало у женщин более совершенным.

Наступил час первого парашютного прыжка уже с

самолета. Раздалась короткая команда.

«Подруги, встретимся на земле», – крикнула Чен Сук и первой ринулась с борта самолета. Вслед за ней одна за другой прыгнули и другие женщины-парашютистки. Все бойцы-женщины спустились на землю точно в определенное место. К ним прибежали парни, поздравляли их, даря букеты цветов.

В тренировках по радиоделу Ким Чен Сук также отличалась необыкновенной быстротой передачи и приема.

В медико-санитарной подготовке некоторые из партизанок не проявляли активности, считая это занятие второстепенным делом. Услышав об этом, Чен Сук сказала: «Из-за незнания способов лечения раньше мы теряли бесценных товарищей. Неужели вы забыли об этом? Как много было таких случаев у нас! Нельзя, чтобы это повторилось. Запомним, товарищи, эти горькие уроки и активнее займемся медико-санитарным делом».

Она считала все эти занятия и тренировки необходимой подготовкой к последней решительной битве за возрождение Родины.

Некоторые подруги предлагали ей отдохнуть или немного снизить интенсивность тренировок. Ким Чен Сук сказала им: «Товарищи, у нас мало времени. Скоро наступит тот день, когда мы вместе с товарищем Командующим вернемся на Родину».

Для Ким Чен Сук, как и для всех, в сутках были те же 24 часа. Но за свои 24 часа она проделывала работу такого объема, для выполнения которой другим бойцам требовалось десять, а то и двадцать дней. Она помогала Ким Ир Сену в его делах, осуществляя его планы, заботясь о малых и больших вопросах жизни отряда, его бойцов и командиров.

В свободное от тренировок время она шла собирать дикорастущие травы, добиваясь разнообразия питания бойцов.

Таким образом и в военно-политической подготовке, и в организации жизни и быта она всегда была ярким примером,

помогала другим, ведя их за собой, и тем самым внесла весомый вклад в скорейшее приближение дня великого события – возрождения Родины.

ЗНАМЕНИТЫЙ СТРЕЛОК

Большое внимание уделяла Ким Чен Сук стрелковой подготовке бойцов КНРА учебной базы, показывая при этом личный пример.

Однажды в марте 1944 года на базе в торжественной обстановке проводилось соревнование по стрельбе бойцов КНРА. Оно имело немаловажное значение: ведь шла проверка уровня готовности бойцов к последней решительной битве за возрождение Родины.

Среди них уже появилось немало знаменитых стрелков, которые блестяще показали свое мастерство в сражениях с японскими захватчиками. Один из них в непроглядную ночь в одно мгновение уничтожил все лампы во вражеской казарме на расстоянии ста и более метров, что привело врагов в страх, а другой одним выстрелом из пистолета срезал телефонную проводку, висевшую высоко над крышей казармы, и тем самым парализовал вражескую связь.

Соревновались в стрельбе из винтовки и пистолета, из ручного и станкового пулемета. Из винтовки предстояло стрелять по мишеням: по круглой – с расстояния 100 метров, по поясной фигуре, появляющейся на расстоянии 200 метров, по подвижной в виде «бегущего» – с расстояния 300 метров, по пяти бутылкам – с расстояния 100 метров. Из пистолета – по круглой и трем бутылкам, которые надо уничтожить в одно мгновение, обращаясь назад.

Стрелки по очереди выходили на линию огня, показывая искуство стрельбы.

Наконец, настала очередь Ким Чен Сук. Когда она вышла на линию огня, на стрельбище воцарилась тишина, и все взгляды

устремились на нее. Это было понятно: искусство стрельбы Ким Чен Сук было широко известно как легендарное, которое невозможно выразить просто словами «меткая стрельба».

Это было в Хунтоушаньской битве. Бойцы не спрашивали Ким Чен Сук, сколько врагов она уничтожила, они узнали это, пересчитав, сколько патронов она израсходовала. Значит, в этом бою она сразила 40 карателей.

Добрая репутация о ее необычайном искусстве стрельбы укрепилась и здесь, на учебной базе. Однажды партизаны вели тренировку по бегу на лыжах, поднимая снежную пыль. Во время передышки недалеко от них взлетел фазан. Бойцы встали с места, взяв в руки винтовки. Раздалось несколько выстрелов подряд, но фазан улетал все дальше. Тогда Ким Чен Сук стремительно последовала за фазаном на лыжах. Во время бега она вынула пистолет из кобуры и нажала на спусковой крючок во время прыжка на лыжах. Фазан камнем упал на снег. Все командиры и бойцы, которые находились рядом, видя это, лишь удивлялись и восхищались. А те бойцы, которых там не было, жалели о том, что им не довелось увидеть это...

Как только была дана команда к началу стрельбы, раздались три выстрела подряд. Сигнальщик трижды поднял красные флажки в обеих руках: 30 очков. Все три пули попали в «яблочко» мишени величиной с монету. Затем она в мгновение ока поразила все цели на расстоянии 200 и 300 метров. Следующая цель – пять бутылок на расстоянии 100 метров. На этом расстоянии бутылка выглядела, как точка. Ким Чен Сук спокойно прицелилась и стреляла. Все пять бутылок были по очереди разбиты.

Следующая стрельба – из пистолета. Стрелкам надо было поразить круглую мишень и, быстро повернувшись назад, три бутылки, стоящие на перекладине.

Многим из стрелков не удалось разбить выстрелами одну-две из трех бутылок. Но Ким Чен Сук подряд поразила и круглую цель, и все три бутылки. Во время ее стрельбы не столько грянули рукоплескания, а сколько

прозвучали возгласы. Зрители в один голос говорили: «У ее пуль, кажется, есть глаза», «Даже сам черт снял бы головной убор и отвесил бы ей низкий поклон».

В соревновании того дня Ким Чен Сук без единого промаха поразила все цели, получила высшую оценку и завоевала первое место. Командующий Ким Ир Сен, подведя итоги соревнования, наградил ее пистолетом малого размера. Весь отряд аплодировал ей.

Обладая искусством меткой стрельбы, Ким Чен Сук не раз обеспечивала победу в боях и спасала от опасности судьбу корейской революции.

Примерами могут служить бои в Хунцихэ и в горной глуши Дашахэ. Во время боя в Хунцихэ Ким Чен Сук сумела быстро уничтожить врагов, подкравшихся к партизанскому Командованию, а во время боя в горной глуши Дащахэ в единый миг уничтожила вражеских солдат, уже направивших дуло винтовки на Ким Ир Сена, и тем самым спасала судьбу корейской революции и корейской нации. Все это стало возможным именно благодаря тому, что она в совершенстве овладела мастерством стрельбы.

Получая от Командующего пистолет, она приняла его как оружие революции, которое следует крепче держать в руках, чтобы как можно скорее освободить Родину, растоптанную сапогом японских оккупантов, и народ, изнывающий под их игом; как классовое оружие, которое не следует откладывать в сторону, пока на Земле остаются империалисты.

После соревнования отряд вернулся в казарму. Бойцы подошли к Ким Чен Сук и попросили поделиться секретами ее меткой стрельбы. Некоторые из подруг сказали, что это, наверное, врожденное умение.

Ким Чен Сук, улыбаясь, возразила: «Что вы говорите? Разве такое может быть врожденным? Это прежде всего результат горячего желания быть щитом для товарища Командующего и неустанной тренировки в стрельбе. Для нас, которые под его непосредственным руководством сражаются с врагом, повышение мастерства стрельбы является не просто

воинской обязанностью – это высший долг охранников Полководца Ким Ир Сена, спасителя судьбы нашей нации».

У охранника Командующего не может быть ни единого промаха – таковы были неизменная убежденность и девиз жизни Ким Чен Сук.

Однажды после возрождения Родины Ким Чен Сук вместе с Ким Ир Сеном посетила Мангендэ. Стояла ясная погода, по небу летел сокол. Сопровождающие их охранники попросили ее показать меткую стрельбу, указывая на сокола. Это были новички, они только по слухам знали, что Ким Чен Сук – мастер в стрельбе.

Ким Чен Сук улыбалась и отказывалась. Дед мужа, стоявший рядом, говорил: «Нет, не может быть такого, чтобы попасть в высоко летающую птицу».

Дед тоже много слышал о меткой стрельбе снохи, но думал, что вряд ли она поразит летящую быстро, как стрела, цель.

Ким Ир Сен поглядел в небо и попросил ее попробовать. По его просьбе она немедленно взяла винтовку из рук охранника. Сокол летел так высоко, что выглядел крохотной точкой. Радался выстрел, и сокол упал на землю, как камень. Дед Ким Бо Хен кивнул головой и сказал: «Да, не зря говорили люди».

Как ныне широко известно, она во время пребывания вместе с Ким Ир Сеном в какой-то местности высекла выстрелами из пистолета надпись на скале, а будучи у озера Самиль в горах Кымган, одним выстрелом поразила далекую цель, движущуюся на волнах озера.

Сейчас корейцы любят петь песню «Незабываемое эхо над озером Самиль», которая рассказывает о ее меткой стрельбе, как о легенде.

История Кореи знает имена многих прославленных стрелков. Но никто из них не видел в своей стреле и пуле большую миссию, возложенную на него историей, нацией и революцией. Только Ким Чен Сук считала, что пуля, которая летит из ее оружия, выпускается ради судьбы нации и революции – ради безопасности Ким Ир Сена, и видела в этом свою миссию, возложенную на нее страной,

нацией, историей.

НАКАНУНЕ ПОСЛЕДНЕГО РЕШИТЕЛЬНОГО БОЯ

1944 год. Международная ситуация и положение в Корее все более благоприятствовали корейскому народу в свершении дела возрождения своей Родины. Действия небольших отрядов и групп КНРА, антияпонские выступления рабочих, крестьян и других слоев населения Кореи во всех их формах, серия поражений на тихоокеанском театре военных действий и на китайском фронте поставили японскую военщину прямо-таки в безвыходное положение.

В те дни Ким Чен Сук с неутомимой энергией ведет работу по выполнению трех главных задач возрождения Родины, намеченных Ким Ир Сеном, – подготовке генерального наступления КНРА, организации всенародного восстания и проведению совместных боевых операций в тылу противника.

Она активно участвует в военно-политических занятиях, служащих предпосылкой последней решительной битвы с японскими империалистами, и вместе с тем постоянно обеспечивает высокий уровень готовности малых отрядов и групп КНРА перед походом в Корею. За ее плечами – немалый опыт руководства деятельностью небольших отрядов, групп КНРА и местных подпольных революционных организаций. Ведь она долгое время находилась в Пэктусанском тайном лагере и лучше всех знала положение в бассейнах рек Амнок и Туман, а также опорные тайные базы во многих районах Кореи. И было вполне естественно, что перед своим уходом в Корею бойцы небольших отрядов и групп встречались с ней.

Она советует их бойцам, уходящим в Корею осенью того же года, поддерживать тесные связи в районах Кореи с революционными организациями, производственными партизанскими отрядами, производственными ударными отрядами и ударными отрядами рабочих, активно помогать им,

чтобы они смогли задавать тон в период окончательных наступательных операций по возрождению Родины. Подробно рассказывает о положении в назначенных им местах действий и даже о горном ландшафте. Проверяет подготовленность к дороге и сама кладет им в вещмешки продукты.

И еще: несколько раз она и сама уходит в Корею со своим малым отрядом. На Родине встречается с активистами партийных организаций и организаций ЛВР в районе Енса – Мусан, которыми уже не раз руководила она раньше. Советует им ускорить процесс подготовки к всенародному сопротивлению японским оккупантам. В те дни ее руководство Содусуским филиалом ЛВР еще раз показало остроту ее незаурядного ума, находчивость, умение превратить неблагоприятную ситуацию в благоприятную, беду – в счастье.

Деятельностью этого филиала ЛВР она руководила еще в 1939 году. Он организовал саботаж рабочих, подрыв гидроконструкций и оборудования, успешно проводил забастовки. В стачках большую роль сыграл ударный отряд рабочих. Филиал даже разрабатывал план вооруженного восстания.

Но тут этот филиал оказался перед неожиданной ситуацией. Японцы зашли в тупик перед мощными выступлениями корейских рабочих и решили прекратить строительство Содусуской ГЭС. Задействовавшие огромное количество людских и материальных ресурсов на театре тихоокеанских военных действий и на поле войны с Китаем, они стали переводить рабочих на стройку Токроганской (нынешней Чанчжаганской) ГЭС и строительство аэродрома и военно-морской базы в южной части Кореи. Замысел противника был ясен: бросить рабочую силу на сооружение более актуальных военных объектов, а заодно рассредоточить и расколоть уже объединившиеся революционные силы.

Ведь многим тысячам рабочих пришлось бы переходить со стройки ГЭС на другие работы, а это означало бы расчленение революционных сил.

Почти каждый день собирались активисты Содусуского филиала ЛВР, искали возможности противодействовать японским

замыслам, но не нашли подходящие методы борьбы.

Предлагали: помочь тем членам организации, кто не уходит, найти здесь другую работу, а тем, кого японцы все-таки принуждают уходить, попытаться остаться под любыми предлогами. Но все подобные предложения были малоосуществимы. Разъединение революционно настроенных масс, прошедших многолетнюю закалку, казалось делом неминуемым.

Начальник филиала ЛВР горевал: «Какая досада! Разойдутся все – и члены революционных организаций, воспитанные нами с огромным трудом, и закаленные практикой борьбы рабочие».

И иного, казалось бы, не предвиделось. Однако Ким Чен Сук была с этим не согласна: «С какими бы трудными, сложными проблемами мы ни сталкивались, нам следует глубоко осмысливать советы Полководца Ким Ир Сена и находить в них ключ к решению проблем. Не тоже подходить к делу, узко мысля. Надо глядеть на дело шире, в общем плане».

Подпольщица первым делом информирует активистов филиала ЛВР о планах Ким Ир Сена насчет подготовки всенародного сопротивления в общекорейском масштабе. «Сейчас японские оккупанты, продолжает она, пытаются угнать корейских рабочих на стройку других объектов, крайне нужных в военном отношении. Вместе с тем они намереваются рассредоточить и ослабить наши спаянные революционные силы. А мы должны использовать их меры в свою пользу. Речь идет о том, чтобы интенсивно воспитывать, обучать, подготавливать к активным действиям обогащенных здесь боевым опытом многочисленных членов революционных организаций и рабочих. Пусть они, направляемые во многие районы, на других стройках оказывают на местных людей революционное влияние и играют роль авангарда. Это, я уверена, будет для нас равнозначно тому, как если бы мы сами направляли в обширные районы многочисленных активистов, призванных вести подготовку к общенародному сопротивлению империалистической Японии. И тем, чьи родные края находятся в далеких трех южных провинциях

Кореи[32], надо посоветовать сплачивать в родных краях своих родителей, жен, детей, братьев, сестер, друзей вокруг организации, полностью подготовиться к решительной борьбе с японскими захватчиками. И когда начнется наступление КНРА с гор Пэкту, они должны совместно с ней освободить родные края от оккупантов. Надо сказать им, что тогда они снова встретятся с нами на возрожденной родной земле».

После этого со стройки Содусуской ГЭС начали направляться многочисленные члены революционных организаций и воспитанные в революционном духе рабочие в разные районы Кореи, где по их инициативе возникали организации всенародного сопротивления.

По явно заниженным данным, опубликованным японскими агрессорами, к тому времени в Корее действовало более 180 антияпонских подпольных организаций, объединяющих в своих рядах свыше 500 тысяч человек.

На встрече с руководителем парторганизации района Мусана Ким Чен Сук намечает направления работы организации сопротивления – Общества белорубашечников, созданного из молодых рабочих рудника. А на встрече с руководителем парторганизации района Енса обращает его внимание на методы быстрого расширения рядов вооруженных отрядов для всенародного сопротивления, на способы усиления их вооруженной оснащенности, а также на вопросы боевой подготовки вооруженных отрядов.

Кроме того, она встречается с руководителями организаций ЛВР многих районов, узнает о проведенной ими работе и разъясняет им задачи предстоящей мобилизации всего народа на последнюю решительную борьбу с японскими захватчиками.

Встречался с ней и представитель организации ЛВР из Сеула. Узнав от него о деятельности в Сеуле, она слушает о Ли Ене, направленном в Сеул после июльской (1937 года) встречи с ней в Пукчхоне.

В те дни Ким Чен Сук практически руководила всеми небольшими отрядами, группами КНРА, революционными

организациями в Корее.

Рухнула фашистская Германия. Крушение империалистической Японии стало тогда буквально вопросом времени. В тот период она вновь уходит в Корею, получив от Ким Ир Сена задание – руководить подготовкой малых отрядов, групп КНРА, революционных организаций в бассейне реки Туман и в северных районах Кореи к последней решающей битве с японскими агрессорами. Она направляла разведывательные действия небольших отрядов и групп КНРА в контролируемых противником районах, и прежде всего в районе Сонбон – Рачжин (нынешний город Расон), что имело стратегически важное значение для предстоящих генеральных наступательных операций КНРА.

Бойцам небольших отрядов и групп КНРА она советует: шире привлекать к участию в разведке членов революционных организаций и вообще патриотически настроенных людей, а также обратить особое внимание на работу с теми, кто имеет частые контакты с противником или служит в органах вражеского правления, чтобы с их помощью своевременно получать точную военную информацию и другие сведения об обстановке у противника.

К тому времени в городке Сонбоне существовала организация ЛВР под именем антияпонского общества. В ее составе было немало представителей городской знати, которые частенько общались с японцами. Но группа разведчиков в большинстве случаев остерегалась иметь связи с ними. Их опасения были понятны: до этого несколько бойцов группы, вошедшие в дом незнакомого хозяина, стали жертвами его доноса; разведчики, встречавшиеся с местными жителями в лесу, преследовались врагами. Обеспокоенным подобной ситуацией Ким Чен Сук говорила: «Не сумеешь отличить своих от врага, не будешь постоянно начеку – попадешь в сеть, расставленную противником. Однако это не оправдывает недоверие к народу, недоверие к членам революционной организации. Как с подобным мышлением действовать во вражеском районе? Как победить в революции? Конечно, в дни действий в этом районе лазутчики, приспешники врага и

другие негодяи делают свое дело, и у нас не раз были трагические жертвы и суровые испытания. Вся беда – дело рук ничтожной горсти предателей нации. Тут не виноват народ. Наша задача – воспитывать местное население в духе тесного объединения в рядах борцов против японских агрессоров и рука об руку с ним идти к возрождению Родины. Итак, надо думать, что эти люди – товарищи по революции, соратники в одном окопе. Верить в народ, опираться в своей борьбе на его силы – вот что должно быть неизменной нормой нашего поведения...» Такого убеждения и правила действий она незыблемо придерживалась издавна.

Она наказывает бойцам малых отрядов и групп КНРА: «Вам следует постоянно соблюдать повышенную революционную бдительность, надежно готовиться к любым неожиданным ситуациям. Будьте заранее в полной боевой готовности, чтобы одним ударом уничтожить вооруженные силы и военные объекты противника, если этого потребует ситуация. Я уверена, что вы будете, если так можно выразиться, глазами, ушами, руками и ногами Ставки Командования в реализации курса, намеченного Командующим Ким Ир Сеном, и тем самым внесете большой вклад в достижение окончательной победы в великой войне против империалистической Японии».

Один из членов революционной организации района Чхончжина раньше был партизаном на Чэчанцзыской партизанской опорной базе. Заподозренный в то время шовинистами в причастности к «Минсэндану», он вынужден был переехать в Чхончжин. Здесь он действовал как руководитель «Тхомакского антияпонского союза рабочих», являющегося низовой организацией ЛВР.

О нем знала Ким Чен Сук еще во время действий на Чэчанцзыской базе. С той поры прошло 10 лет. Но доверие к нему у нее сохранилось, и она без всяких колебаний встретилась с бывшим партизаном. Он был взволнован до слез неожиданной встречей. Они беседовали о задачах организации всенародного сопротивления. Подпольщица выразила свою твердую уверенность в том, что он будет впереди всех и покажет смелость в последнем решительном бою. Тот поклялся вступить в этот бой по приказу

Командующего Ким Ир Сена.

И он сдержал свое слово. После возрождения Кореи он стал заместителем начальника Чхончжинского городского отделения милиции, охранял Ким Чен Сук, когда она работала в городе.

Кроме того, она побывала в стратегически важных пунктах противника, например, в районах Ындока и Чынсана. Там она помогла небольшим отрядам и группам КНРА достичь полной готовности к проведению диверсионных операций в тылу врага в момент последнего решительного боя с японцами.

И когда настал час боя, местные организации общенародного сопротивления в этом районе сыграли большую роль.

Так, народный вооруженный отряд в Хуньюне, на горе Маю взорвал вражеские пороховой погреб и полевой склад боеприпасов, что немало помогло достижению победы в общей боевой операции. Качхибонский вооруженный отряд в районе Хвэрена уничтожил отступающего противника, взорвал его пороховой погреб и склад горючего. Бойцы отряда своими силами освободили город Хвэрен. Восставшим досталось немало трофеев: 5 боевых самолетов, десятки зенитных орудий, много обмундирования и снаряжения.

Укрепленные районы японских войск, созданные более чем за 10 лет, например, Сонбон – Рачжин и Ындок – Сонбон, рухнули за несколько дней. Все это стало возможно в результате всенародного восстания и активных диверсий в тылу противника.

Рачжин и Сончжин были освобождены от врага народными вооруженными отрядами.

Главной базой деятельности Ким Чен Сук в преддверии последней решительной битвы за возрождение Родины стала гора Пэк-хак («Белый аист» – ред.). Сегодня здесь благоустроено место историко-революционной славы, где можно узнать о революционной деятельности Ким Чен Сук и услышать легенды нового нюанса о горе Пэкхак: «Богатырь-женщина с горы Пэкту применяла тактику сокращения расстояний, владела искусством перевоплощения», «Она, словно колдунья, делала япошек слепыми».

Наступил долгожданный день – 9 августа 1945 года.

Ким Ир Сен отдает отрядам КНРА приказ – начать последнюю, решающую наступательную операцию по возрождению Родины. Отряды КНРА, находившиеся в полной боевой готовности, вместе с советскими войсками начали генеральное наступление по всему фронту. К ним присоединились народные вооруженные организации, которые ударили по противнику с тыла. Весь народ поднялся на сопротивление империалистической Японии.

15 августа 1945 года японский империализм потерпел крах.

В историю победоносной войны с империалистической Японией яркой страницей вошли подвиги Ким Чен Сук, которая в любой сложной ситуации, где бы она ни находилась, надежно, даже с риском для собственной жизни, защищала Командующего Ким Ир Сена, в том числе в идейно-политическом отношении. Она всегда была в передних рядах тех, кто претворял в жизнь намеченные им революционную линию и установки.

9. ТРИУМФАЛЬНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

НА ВОЗРОЖДЕННОЙ РОДИНЕ

Наконец, поступило сообщение, что 15 августа 1945 года Япония объявила безоговорочную капитуляцию. Эту весть получила Ким Чен Сук на учебной базе.

В то время вместе со Ставкой Командования на базе оставались воздушные десантники – в ожидании приказа высадиться в разных районах Кореи и сориентировать там общенародное сопротивление.

Они обнимали друг друга, охваченные радостью возрождения Родины. Поражение японского империализма означало для них – тех, кто под командованием Ким Ир Сена вел великую многолетнюю кровопролитную антияпонскую войну, – осуществление сокровенного чаяния. Но к радости примешивалось и сожаление, что неожиданная капитуляция японского империализма не позволила им участвовать в последней решительной битве.

С окончанием мировой войны и разгромом фашистских государств открылась перспектива строительства нового, демократического общества в ряде стран мира.

После краха японского империализма в Корее повсеместно были созданы народные комитеты и одна за другой появились партийные и общественные организации разных названий. Возглавляли их, как правило, представители революционных организаций, которые, поддерживая идеи и линию Ким Ир Сена, вели до этого движение за расширение сети организаций ЛВР и подго-

товку к созданию партии. Задавали свой тон и организации общенародного сопротивления.

Бойцы КНРА на учебной базе горели стремлением как можно скорее вернуться на Родину.

Однако прежде чем вернуться на Родину, Ким Ир Сен прилагал все усилия для полной подготовки к построению обновленной Родины.

Положение в стране тогда складывалось вполне благоприятнее, хотя требовал решения целый ряд сложных вопросов. Во многих районах страны все еще орудовали недобитые остатки японской армии и контрреволюционные силы. Подняли голову фракционеры, уже начавшие грызню за власть. Вдобавок южнее 38-й параллели северной широты должны были дислоцироваться американские войска, тогда как севернее – советские. Это грозило превратить Корею в арену противоборства между демократическими и реакционными силами.

Прозорливо проанализировав такую перспективу развития ситуации, Ким Ир Сен 20 августа созвал совещание военных и политических работников КНРА, на котором выступил с речью «О партийном, государственном и военном строительстве на земле освобожденной Родины». Эта речь послужила программным документом, осветившим революционерам, всему народу Кореи верный путь к ускоренному строительству новой, демократической Кореи в новых условиях возрождения страны, и руководящим компасом для партийного, государственного и военного строительства.

Для того чтобы выполнить триединую задачу строительства партии, государства и армии, Ким Ир Сен назначил работников, которые должны были отправиться во все провинции, главные города и уезды страны, наметил места их деятельности и организовал для них многодневный семинар.

Стремясь глубже усвоить смысл трех задач, намеченных Ким Ир Сеном, Ким Чен Сук усердно занималась учебой и активно участвовала в семинаре для состава группы.

После завершения семинара вместе с составом Ставки Командования отправились на Родину отряды КНРА, которые

должны были участвовать в высадке воздушного десанта в районах Кореи.

Предугадав всевозможность осложнений, Ким Ир Сен оставил до поры до времени на учебной базе партизанок с детьми, чтобы они вернулись в Корею позже. Они единодушно просили его разрешить им сразу вернуться на Родину.

Он сказал: «Мне понятно ваше желание, но нельзя только так думать. Как дороги нам эти дети! Мы вырастили их в бурях революции, не имея возможности кормить и одевать их как следует. Чхоль Хо и многие другие уже пережили большую печаль, потеряв своих детей. Теперь нельзя допустить повторения такой трагедии».

По его воле Ким Чен Сук осталась на учебной базе вместе с другими партизанками. Здесь она завершала недоконченную работу и одновременно помогала всем партизанкам повысить свою политико-деловую квалификацию, чтобы они смогли после возвращения на возрожденную Родину внести достойный вклад в построение новой Кореи.

Она глубоко изучала речь, произнесенную Ким Ир Сеном 20 августа, и многие другие его труды и вместе с подругами не раз проводила их обсуждение.

В дни пребывания на учебной базе она изучала действительность Родины, глубоко усваивала линию Ким Ир Сена на строительство новой Кореи и готовила надежных строителей обновленной Родины из партизанок, закаленных в антияпонской вооруженной борьбе.

В последней декаде ноября 1945 года Ким Чен Сук с любимым сыном отправилась на военном корабле на Родину. Их сопровождали Ким Чхоль Хо, Ким Ок Сун и другие партизанки.

Наконец, 25 ноября на горизонте показались очертания родного берега. Ким Чен Сук стояла на палубе вместе с сыном Ким Чен Иром. Ей казалось, что горные цепи Родины, окрашенные утренней зарей, идут им навстречу и радушно встречают их.

«Товарищи! Там видна родная земля, родная земля!»

Восторженные партизанки выбежали на палубу и обнимались друг с другом.

По щекам Чен Сук текли горячие слезы. Как она тосковала по Родине! Ни на минуту она не забывала Родину, преодолевая долгий путь кровопролитной борьбы не на жизнь, а на смерть. Ей пришлось пройти тысячи ли в своей подпольной деятельности на Родине, которая тогда была темной и опасной землей, где хозяйничали враги.

А теперь на горизонте появляется край родной земли, которая радушно встречает их.

Ким Чен Сук высоко подняла сына на руках.

«Ну, видишь, там Родина!»

Он махал обеими ручонками приближающейся родной земле, о которой рассказывала мать, словно о сказочной стране.

Наконец, корабль причалил к порту Сонбон. На пристани их дожидались ветераны антияпонской революции Сим Тхэ Сан и Ким Рён Хва, которые тогда вели здесь свою работу.

Ким Чен Сук приветливо встретилась с ними и вместе с другими партизанками направилась в приготовленный для них дом. Пристань была разрушена японскими оккупантами при бегстве и была почти безлюдной.

Так без торжественных церемоний она ступала на родную землю, которую вернула себе 15-летней кровопролитной борьбой.

После возвращения на Родину Ким Чен Сук вместе с соратниками приступила к выполнению триединой задачи строительства партии, государства и армии.

В Сонбоне она прежде всего ознакомилась с жизнью населения и ходом восстановления городских объектов, которые японские захватчики разрушили при бегстве. Вместе с другими партизанками она шла пешком, осматривая улицы Сонбона, и вновь направилась на пристань. Ее взгляду открылось безбрежное Восточное море.

Сим Тхэ Сан и Ким Рён Хва, ведавшие восстановительными работами на пристани, поспешили прийти, поздно узнав о прибытии Ким Чен Сук. Она расспросила их о работах по восстановлению порта.

Тем временем всю гавань облетела весть о том, что та женщина, которая беседовала с антияпонскими борцами, – не кто иной, как Ким Чен Сук, известная как «женщина-полководец горы Пэкту». Со всех сторон собрались люди, и площадь пристани заполнилась массой народа. Безграничны были радость и волнение людей, которые увидели героиню антияпонской войны, о которой они слышали рассказы, похожие на легенду.

Из толпы взволнованных людей вышла одна старуха и обняла Ким Чен Сук. Партизанка крепко пожала ее руки и сказала:

«Какие страдания вы пережили под жестоким японским господством! Теперь страна освобождена, и вы можете жить долго и счастливо без всяких забот и тревог».

Она поднялась на возвышенность в восстанавливаемой пристани. Тысячи глаз устремились к ней. Она поздоровалась с собравшимися, вежливо отвесив поклон. Раздались бурные овации и возгласы.

Ким Чен Сук выступила с речью:

«Сегодня я встречаюсь с вами и испытываю такую радость, словно увиделась после долгой разлуки с родными и близкими. С каким нетерпением мы ждали этот день! Сражаясь в горах с японскими самураями под командованием Полководца Ким Ир Сена, мы ни на день не забывали о вас ... Многочисленные молодые люди Кореи так и не смогли увидеть сегодняшнюю возрожденную Родину, не смогли вернуться, будучи захороненными в тайге в горах Пэкту и на маньчжурских просторах. Мы все не должны забывать о погибших революционерах, которые проливали свою кровь в борьбе с врагами, нам надо под руководством Полководца Ким Ир Сена активно бороться за построение вольного края народа на раскинувшейся на три тысячи ли родной земле, воплощая в жизнь их чаяние».

Она закончила свою речь призывом: «Пусть все энергичнее борются за строительство новой, могучей и процветающей демократической Кореи, тесно сплотившись вокруг Полководца Ким Ир Сена!»

Снова раздались в толпе громкие возгласы: «Да здравствует солнце нации Полководец Ким Ир Сен!», «Да здравствует освобождение Кореи!»

Потом она направилась с пристани на морское побережье. Там валялись старые, разрушенные рыболовные суда, пригодными оказались лишь несколько лодок.

Но она без всякого уныния сказала Ким Рён Хва:

«Не надо падать духом. Чтобы скорее решить актуальный вопрос продовольствия в таком приморском районе, как здесь, нужно ловить больше рыбы».

Ким Чен Сук советовала: как можно скорее отремонтировать обветшавшие суда и рыболовные снасти, построить новые, и прежде всего – ловить рыбу с использованием небольших судов.

Покинув берег, она посетила один крестьянский двор, где был в разгаре обмолот бобов. Помогая хозяину в молотьбе, она расспрашивала о состоянии земледелия и сказала ему: Полководец Ким Ир Сен вынашивает замысел о будущем, когда крестьяне, обрабатывающие землю, станут ее хозяевами.

Растроганные ее словами, крестьяне-супруги ответили:

«Нам трудно выразить словами свою благодарность Полководцу. Непременно оправдаем его заботу. Будем прилежно заниматься земледелием».

Далее, Ким Чен Сук узнавала у антияпонских борцов, направленных в этот район, о деятельности молодежной и других общественных организаций в уезде Сонбон.

Здесь уже был организован комсомол, но он принял в свои ряды только молодежь из неимущих классов, приверженцев коммунизма, так что не успел расширить свои ряды как следует.

Союз освобожденной молодежи сплачивал вокруг себя немало юношей и девушек. Но его дело ограничивалось вмешательством в распределение имущества врага и выступлением с «лекцией о политической ситуации» чисто для интереса.

Ким Чен Сук разъяснила Сим Тхэ Сану и Ким Рён Хва линию Ким Ир Сена на создание организаций

Демократического союза молодежи. Речь зашла об объединении рабочей, крестьянской и других широких слоев молодежи в демократической молодежной организации для того, чтобы все они поднялись, как один, на строительство новой Родины. Она подчеркнула, что в соответствии с указанием Ким Ир Сена нужно ускорить перестройку комсомольской организации в демократическую с охватом самых широких слоев молодых людей.

Встретившись с заведующим отделом труда Союза освобожденной молодежи, Ким Чен Сук объяснила, что единственный путь, по которому должна идти молодежь возрожденной Кореи, заключается в осуществлении линии и курса Ким Ир Сена на строительство обновленной Родины, и отметила необходимость объединять различные слои молодежи под знаменем демократии.

Возвратившись на ночлег, антияпонские революционерки торопились со сборами в дорогу – в Пхеньян, где находится Ким Ир Сен.

Однако Ким Чен Сук решила немного отложить отъезд в Пхеньян и сказала им:

«Нам надо помогать Полководцу в его работе, а для этого – знать действительность освобожденной Родины. Не зная ее, как же мы сможем помогать ему и вносить достойный вклад в дело строительства новой Родины? Мы здесь должны лучше разъяснить населению три задачи строительства партии, государства и армии, намеченные им, поднять всех на борьбу за построение новой Родины».

Так сразу же после возвращения на родную землю Ким Чен Сук с другими партизанками тут же отправились в фургоне с брезентовым верхом в Чхончжин. Их встретил и сопровождал Ан Гир, который был направлен в Чхончжин на работу. Уже далеко за полночь они расположились в квартире двухэтажного дома в квартале Хэбан. Ранней зимой, в мороз они преодолели более 100 км и прибыли сюда глубокой ночью, но Ким Чен Сук сразу же позвонила в Пхеньян Ким Ир Сену и отрапортовала о своем прибытии.

Ким Ир Сен осведомился об их здоровье и дал согласие на

предложение Ким Чен Сук – разрешить им поработать определенный срок в Чхончжине вместе с направленными туда товарищами. Партизанки крепко спали, но Ким Чен Сук всю ночь напролет разрабатывала план работы в Чхончжине.

В то время в городе издавалась газета «Сэгир синмун». На ее первой странице была помещена специальная статья о прибытии Ким Чен Сук в Чхончжин.

«В ночь 26-го числа... приехала в Чхончжин Ким Чен Сук. Она, человек слабого пола, вместе с рожденным Кореей революционером Полководцем Ким Ир Сеном с оружием в руках мужественно сражалась против японских империалистов, за освобождение Кореи на просторах Маньчжурии, пробиваясь сквозь глубокие сугробы и свирепые вьюги и ночуя под открытым небом. Более 10 лет продолжала она тяжелую кровопролитную борьбу с твердой решимостью завершить корейскую революцию непосредственно вооруженной борьбой».

На следующий день, утром 27 ноября Ким Чен Сук радостно встретилась с Чвэ Чхун Гуком, Пак Ен Суном и Сим Юн Геном, которые были направлены по делам в район Чхончжина, и узнала от них о положении дел в провинции Северный Хамген.

В то время обстановка в этой провинции была очень сложной. Когда Ан Гир и другие ветераны антияпонской революции по распоряжению Ким Ир Сена приехали сюда, некий субъект, пробравшийся по указке Пак Хон Ена на ответственный пост в провинциальном парткоме, трубя о «сеульском центре», скрыто и открыто препятствовал претворению в жизнь организационной и политической линии партии.

Во второй половине дня Ким Чен Сук и другие партизанки поднялись на гору Комар. Любуясь общим видом города Чхончжина, она напомнила, что японцы перед тем, как удрать отсюда, до основания разрушили все заводы, и добавила:

«Всем сердцем восприняв линию Полководца Ким Ир Сена на строительство обновленной Родины, мы должны активно вести политическую деятельность среди населения и поднять его на осуществление этой линии. Такова очередная задача,

стоящая здесь перед нами».

На следующий день прорвавшиеся сквозь завесу снега корреспонденты газеты «Сэгир синмун» явились к Ким Чен Сук в дом для пресс-конференции.

Услышав о том, что в Чхончжин приехала она, они сначала посетили Ан Гира и попросили его организовать пресс-конференцию с ней. Тогда он был по совместительству главным редактором этой газеты, которая издавалась в Чхончжине. В сопровождении Ан Гира они встретились с Ким Чен Сук в двухэтажном доме в квартале Хэбан и попросили ее рассказать, как она, женщина, смогла участвовать в победоносной войне против японских миллионных полчищ на просторах Маньчжурии.

Слегка улыбаясь, Ким Чен Сук обвела взглядом корреспондентов и сказала:

«...Думаю, о себе мне не стоит говорить. Но могу подробно рассказать о том, как Полководец Ким Ир Сен разбил японских империалистов-разбойников».

Так началась пресс-конференция. Ким Чен Сук сначала рассказала о стратегии, тактике и приемах ведения боя Ким Ир Сена, который вел к победе антияпонскую вооруженную борьбу. Потом речь зашла о товарищах по борьбе. Когда она вспоминала о товарищах, которые погибли, так и не увидев возрожденную Родину, у нее на глаза навернулись слезы.

Пресс-конференция подходила к концу. Но Ким Чен Сук ни словом не обмолвилась о себе. Когда корреспонденты просили ее рассказать о ее биографии, она скромно отказалась:

«В газетах надо писать о великом Полководце Ким Ир Сене. Рассказы о его бойцах – частица истории его деятельности, не так ли? Так что вы должны писать о Полководце».

Тогда они стали забрасывать ее вопросами: «Сколько было вам лет, когда вы встали на путь революции?», «В каком году вступили в КНРА?», «В каких боях участвовали?»

На их вопросы она давала короткие ответы, но о своих боевых подвигах ничего не рассказала. Корреспондентам было очень досадно, что невозможно осуществить свое желание поместить на страницах газеты большие материалы о ее

подвигах. Но им было неловко долго задерживать ее – и они встали с места.

Ким Чен Сук пожала каждому из них руку и просила их правильно излагать в газете линию и курс Ким Ир Сена, чтобы поднять массы на активную борьбу за построение новой Родины.

После пресс-конференции газета «Сэгир синмун» поместила на первой странице публикацию под заголовком «14-летняя пламенная девочка посвятила себя революционному движению» с подзаголовком «Половина жизни революционерки Ким». Там было написано:

«Говорят, супруга революционера Кореи Полководца Ким Ир Сена Ким Чен Сук... с горячим стремлением к революции и далеко идущим замыслом 14-летней девочкой покинула семью в селе Фуяньдун уезда Яньцзи в Цзяньдао, затем смело вступила в партизанский отряд Ким Ир Сена, который вел кровопролитную борьбу против жестокого белого террора японской военщины в Маньчжурии, за независимость Кореи.

Рассказывают, что, взяв в руки оружие, она принимала участие в партизанских битвах, шла впереди в боях и не раз была на грани смерти... Слова революционерки Ким не могли не поражать нас. По ее словам, Ким Ир Сен – 30-летний пламенный молодой Полководец. Он революционер Кореи. С великим замыслом освободить Корею он действовал, как свирепый тигр, на просторах Маньчжурии, превратив ее в театр военных действий. Он наводил на японских самураев страх и трепет и прославился храбростью во всем мире.

... Ведя за собой не только корейских товарищей по революции, но и революционных деятелей соседнего Китая, он развернул кровопролитную ожесточенную борьбу против японской военщины, за освобождение Кореи. Это показывает: он – великий человек, которым мы гордимся.

Полководец Ким Ир Сен здоров и работает сейчас в Пхеньяне».

Эта газета поместила также заметку «Женщина, отдавшая половину своей жизни борьбе за независимость и освобождение

страны. Давайте научимся у нее духу самопожертвования!» Газета передавала слова Ким Чен Сук, сказанные ею на пресс-конференции:

«Пренебрегая дорожной усталостью, Ким Чен Сук от имени своих товарищей крепко пожимала руки корреспондентам-репортерам и говорила:

«Дорогие сограждане, пережившие столько невзгод и испытаний!.. Как вам известно, Корея освобождена еще не полностью, поэтому корейский народ должен еще более самоотверженно трудиться.

Прежде всего необходимо добиться общенационального сплочения масс и одновременно с этим настойчиво вести строительство.

Мы, корейские женщины, должны пробуждаться, правильно осознать действительность Кореи и прилагать все усилия для грандиозного строительства государства.

...Кроме того, следует как можно скорее установить нашу власть, добиться полной независимости Кореи и тем самым решить вопрос о раскрепощении женщин, о котором они страстно мечтали.

Что касается меня, то я и впредь буду изучать реальную действительность Кореи, овладевать знаниями и, не жалея трудов, прилагать активные усилия для строительства Кореи...»

Эта публикация вызвала большой отклик, распространяясь не только в провинции Северный Хамген, но и в Пхеньяне и по всей стране.

Спустя несколько дней Ким Ир Сен, прочитав заметку газеты «Сэгир синмун», сказал:

«Правильно разъяснила Чен Сук... Она высказала то, о чем я размышлял и хотел говорить».

В дни пребывания в Чхончжине Ким Чен Сук рассказывала людям о помыслах, планах Ким Ир Сена, энергично поднимая их на строительство обновленной Родины.

29 ноября Ким Чен Сук созвала партийное совещание сопровождавших ее партизанок и наметила план дальнейшей деятельности.

Она сказала: «Мы должны неизменно жить и бороться как

солдаты революции, солдаты товарища Ким Ир Сена на возрожденной родной земле так же, как было в прошлом. Если существуют различия между борьбой прошлой и нынешней, то в прошлом мы с оружием в руках били японских захватчиков, а теперь мы должны восстановить заводы и деревни, которые они разрушили при бегстве, т. е. претворить в жизнь линию на строительство обновленной Родины, выдвинутую товарищем Ким Ир Сеном. Эту линию можно осуществить лишь сплоченными силами всего народа, поэтому нам нужно идти в гущу различных слоев населения города Чхончжина».

Она продолжала: «Если люди знают, что мы боролись с японскими империалистами под командованием Полководца Ким Ир Сена, то они захотят знать о многом. И мы, естественно, должны подробно рассказывать о том, что он является спасителем нашей нации и подлинным руководителем».

В этот день она, осматривая базар в квартале Сохын города Чхончжина, рассказывала работникам о необходимости стабилизировать цены на товары, чтобы повысить уровень жизни народа, как того желает Полководец. На следующий день она встретилась с частнопрактикующим врачом и воодушевила его на то, чтобы он был настоящим медработником, служащим народу.

Присутствуя на приветственном сборе, состоявшемся в «Доме Кореи» в Чхончжине, Ким Чен Сук посмотрела концерт артистов музыкально-драматического ансамбля «Хэбан манхян». Она посоветовала им петь не модные, а боевые и революционные песни, способствующие претворению в жизнь линии Полководца Ким Ир Сена на строительство государства. В тот день собравшиеся попросили ее спеть песню. Она ответила: «Я не умею красиво петь, но по вашей просьбе спою одну из песен, которые во время боев с японскими оккупантами в тайге гор Пэкту мы пели, тоскуя по родному краю, по товарищам», – и спела песню «Тоска по родине».

На следующий день, 1 декабря, Ким Чен Сук имела беседу с работниками Чхончжинского городского народного комитета, а также помогла работникам подготовительной комиссии по

созданию женской организации провинции Северный Хамген.

В первой половине 9 декабря она осматривала Чхончжинский вокзал в сопровождении Ан Гира, а во второй половине дня отправилась на места восстановления железной дороги, чтобы ознакомиться с ходом работ.

Было очень холодно, но, не считаясь с этим, она навестила место работ. Она сказала, что, сражаясь в горах, ночевала на снегу, и такой мороз ей не страшен, села на дрезину и лично повела ее по направлению к Сусону. С ущелья Пурен навстречу ей дул свирепый ветер, в пути промелькнули заводы, разрушенные японскими империалистами. Добравшись до железнодорожного моста через реку Сусон, она осмотрела восстановленные железную дорогу и мост.

Вернувшись к месту, где шли восстановительные работы на железной дороге, она обратилась к рабочим:

«Железная дорога – это артерия страны, а вы – рабочий класс, сохраняющий ее. Полководец Ким Ир Сен не досыпает, не отдыхает как следует, руководя делом строительства партии, государства и армии, так что и мы должны трудиться на славу, чтобы облегчить его заботы хоть в малейшей степени».

10 декабря Ким Чен Сук посетила Чхончжинский городской профсоюзный совет. Она посоветовала его работникам довести до сознания рабочих доверие Ким Ир Сена к рабочему классу, надежды на него, чтобы они с осознанием своей роли хозяина завода, хозяина страны подняли весь народ на строительство обновленной Родины под руководством Полководца, как подобает руководящему классу революции. Вслед за этим она встретилась более чем с 30 представителями рабочих с заводов и фабрик города Чхончжина, немало часов разъясняла им идеи Ким Ир Сена о строительстве новой Кореи и вдохновила их на подъем в труде.

12 декабря она посетила Чхончжинский металлургический завод (ныне металлургическое объединение имени Ким Чака). Осведомившись о состоянии завода, разрушенного японцами при их бегстве, она встретилась с

рабочими, которые в то время обсуждали способы восстановления доменной печи.

Им было очень досадно, что они не могли найти пути извлечения десятков тонн металла и шлаков, застывших в печи.

Ким Чен Сук советовала им смелее искать путь к решению задачи.

Один из рабочих сказал, что можно решить вопрос с помощью взрыва, но трудно достать взрывчатое вещество.

Она сказала, что взрывчатое вещество вполне возможно достать, если действовать с таким же пылом и боевым духом, с какими антияпонские революционеры-борцы громили японских агрессоров, изготовляя «енгирские бомбы» в горах практически с пустыми руками.

Потом она встретилась во дворе с помощником машиниста, который привел в порядок паровоз, брошенный японцами, и разжег топку, и отметила: «Раньше вы, подвергаясь всяким оскорблениям и унижениям со стороны японца-машиниста, занимались каторжным трудом, но сегодня стали полноправным хозяином этого паровоза. Теперь можете сами водить паровоз». Она тут же поднялась в паровозную будку.

Над территорией завода тишину нарушил громкий гудок.

«Хорошо, ведите смело».

Пуская белый пар, паровоз начал двигаться вперед.

Так Ким Чен Сук, не позволяя себе ни минуты отдыха, проводила в Чхончжине каждый день, чтобы осуществить линию Ким Ир Сена на выполнение трех задач по строительству партии, государства и армии. Она выступила с публичной лекцией о положении страны, навестила Чхончжинскую женскую среднюю школу, Намганский филиал Сувонской начальной школы и другие учебные заведения и вместе с рыбаками вышла в море на судне.

В первой половине дня 14 декабря она отправилась в Пурен, чтобы узнать, как идет восстановление Пуренского металлургического и Комусанского цементного заводов. Ехать туда ей пришлось на грузовике с газогенератором. Днем, к 12 часам автомашина добралась до Пурена.

Работники комитета по восстановлению Пуренского металлургического завода хотели повести ее в контору завода, но она попросила сначала повести ее в цеха. Прибыв на место, где шли ремонт трансформатора и восстановление электропечи, она встретилась с рабочими и сказала им, что, конечно, важно знать технику, но еще важнее проникнуться решимостью восстановить завод своими силами и уверенностью, что вполне можно справиться с этим делом. Она добавила: «Давайте восстановим завод, разрушенный японцами, так, чтобы он стал еще лучше прежнего, покажем, на что способны наши рабочие».

Ветераны антияпонской революции, сопровождавшие в то время Ким Чен Сук, вспоминали об эпизоде, случившемся в тот день после посещения ей Пуренского металлургического завода.

«Комусан находится на дороге к Хвэрену, совсем недалеко от него, если ехать на автомашине. И мы решили на этот раз съездить вместе с Ким Чен Сук в ее родной край – Хвэрен. При мысли о том, что вместе с нею ступим на хвэренскую землю, мы буквально захлебывались от радости. Автомашина стремительно мчалась к Комусану и достигла развилки, откуда одна из дорог ведет к Комусанскому цементному заводу. Мы остановили машину и предложили ей сначала заехать в Хвэрен, а на обратном пути посетить цементный завод и попросили шофера гнать машину прямо в Хэрен. Однако Ким Чен Сук тут же уговорила водителя, сошла с машины и постояла на дороге. Она с глубоким волнением смотрела в сторону Хвэрена, который находится за перевалом Мусан. К Хвэрену вели железная дорога и автомобильное шоссе. Проедешь еще немного через перевал, и там уже родной край, которого она не забывала и во сне.

Ким Чен Сук долго смотрела в сторону Хвэрена и сказала, оглядывая нас:

«Теперь Полководец, выдвинув линию на строительство обновленной Родины, работает для ее осуществления, забывая о еде и отдыхе. Как же мне первым делом идти на побывку в родной край... Я обязана как можно скорее закончить свою работу здесь и поехать в Пхеньян охранять Полководца».

Мы, не скрывая сожаления, стояли на большаке, как вкопанные.

Она с улыбкой на лице продолжала:

«Хвэрен посетим позже, когда расцветут цветы».

В тот день Ким Чен Сук, отложив посещение родного края, куда было рукой подать, навестила рабочих Комусанского цементного завода.

Во время пребывания в Чхончжине каждый день она показывала практический пример – как должны помогать Ким Ир Сену его солдаты.

22 декабря Ким Чен Сук направилась в Пхеньян на поезде. Вагон был не пассажирским, а крытым товарным, с небольшой печкой и циновкой на полу.

Когда поезд покидал Чхончжинский вокзал, его тепло проводили чхончжинцы. Он ехал медленно, нередко останавливался, поскольку железные дороги еще не были полностью восстановлены. Наконец, поезд прибыл в Пхеньян – на восьмой день после отъезда. За эти 8 дней Ким Чен Сук окунулась с головой в работу по претворению в жизнь линии Ким Ир Сена на строительство новой Родины.

Сначала поезд остановился на станции Менчхон. Здесь она долгое время беседовала с ответственными работниками уезда Менчхон, которые ожидали ее прибытия на станции. Ким Чен Сук, осведомившись о положении дел в уезде Менчхон и жизни его населения, о делах руководящих работников, учила их всегда быть слугами народа, дорожить его жизнью и имуществом.

На следующий день утром она встретилась у станции с женщинами и, указывая на необходимость освободиться от пережитков старой идеологии и устаревших жизненных привычек, призвала их активно участвовать в жизни женской организации и внести большой вклад в строительство государства.

Поезд остановился на станции Кильчжу. Ким Чен Сук, приветливо поздоровавшись с массой народа, собравшейся у станции, выступила с речью. В своей речи она призвала собравшихся к построению могучего и богатого, суверенного и независимого го-

сударства. В вагоне она приняла руководящих работников женской организации уезда и рассказывала, как они должны отдать себя борьбе за строительство государства в поддержку линии Ким Ир Сена.

Следующий день, 24 декабря, – день рождения Ким Чен Сук. В этот день она ехала в обычном товарном вагоне поезда «Чхонджин – Пхеньян». Безостановочно стучали колеса поезда, из печки поднимался дым, на полу лежала циновка с несколькими одеялами для военных. В таком сумрачном вагоне Ким Чен Сук встретила свой день рождения – первый на возрожденной Родине, сидя с другими партизанками за скромно накрытым столом, с приготовленным ей самой угощением.

В Пхеньян она прибыла 29 декабря. До конца 1945 года, когда вся страна кипела ликованием возрождения, оставалось два дня.

РАДОСТНОЕ СОБЫТИЕ В МАНГЕНДЭ

1 января 1946 года Ким Чен Сук навестила Мангендэ. Вместе с нею были Ким Ир Сен и сынишка Чен Ир.

Ким Чен Сук ощущала Мангендэ своей духовной родиной, о которой она никогда не забывала в дни антияпонской войны. Каждый раз, когда она напевала песню «Тоска по родине», которой ее учил Ким Ир Сен, и когда она слушала вечером у костра на биваках его рассказы о Родине, в ее воображении рисовалось заветное Мангендэ.

Весть о том, что Ким Чен Сук вернулась в Пхеньян, достигла и Мангендэ. Родственники Ким Ир Сена с нетерпением ждали встречи с ней. Ведь она, как говорят, женщина-богатырь, сражалась вместе с Ким Ир Сеном в горах и на просторах. Какова она?

Бабушка никогда не видела Ким Чен Сук – сноху, жену своего старшего внука, и ей хотелось поскорее увидеть ее. Она мысленно представляла образ снохи, думая: чего только она не

натерпелась в горах. Таким же чувством был охвачен и дед. Ранним утром, когда сорока застрекотала на ветке ясеня, дед молча вышел на крыльцо, глядя на открытую калитку.

Через эту калитку уходили многие дети с большой надеждой спасти Родину. С тех пор долгие годы калитка оставалась открытой, как бы ожидая их, но многие не вернулись: и двое сыновей, и сноха, и второй внук... Не вернулись в родной двор и многие другие родственники, они сложили головы на алтарь революции.

Но скоро через эту калитку войдет во двор вместе с сыном долгожданная сноха – жена старшего внука, широко известная как женщина-полководец антияпонской войны. И в тот день дед довольно долго суетился у крыльца.

Направляясь в Мангендэ вместе с Ким Ир Сеном и любимым сынишкой, Ким Чен Сук не могла скрыть своего волнения. Перед ее глазами вставали образы деда и бабки и других близких родственников, с которыми она еще ни разу не виделась.

Когда они приехали в родной дом, бабушка вышла за калитку и сразу же обняла своего правнука. Дед, довольно долго рассматривая сноху и правнука, весь так и сиял от удовольствия.

«Кого я вижу! Приехала долгожданная сноха, да еще с милым дитятком, он точно утренняя звездочка. Сегодня у нас в доме большой праздник!»

На глазах у деда сверкали яркие слезинки.

Вслед за бабушкой и теткой Ким Чен Сук вошла в комнату.

Ким Ир Сен представил ей своего деда и бабушку. Ким Чен Сук с истовой вежливостью отвесила им низкий поклон. Затем она поклонилась одному за другим близким родственникам. Тетка была не на шутку растрогана ее скромностью и церемонным обращением. Она воображала себе Ким Чен Сук женщиной строгой и необыкновенной. Ведь она прославилась как женщина-полководец из тайги Пэкту.

Тетка заговорила:

«Когда же ей удалось научиться таким правилам

приличия?»

«Что ты городишь такую чушь? – укоряюще сказал дед. – Ты думаешь, что они не знают таких правил этики. Кто – кто, а они-то сражались за спасение нашей страны».

После поклона Ким Чен Сук представила им своего сынишку. Опустившись на колени, сынишка стал низко кланяться прадедушке и прабабушке. Дед обнял кланяющегося правнука, погладил узловатыми в суставах, крупными пальцами по лицу и плечам.

«...Ты весь в нашего Полководца. В столь суровое время в нашей семье родился такой удалец!»

По щекам деда снова потекли горячие слезы.

В родном доме устроили небольшой банкет. Стол был накрыт простыми, скромными блюдами, но заботливо приготовленными в доме и соседками.

Обращаясь к внуку и невестке, дед сказал:

«Мы не могли устроить вам большой свадебный стол. Считайте этот стол как бы свадебным».

Ким Чен Сук налила деду водку, принесенную ей. Принимая стакан водки, дед поглаживал серебристую бороду.

«Какое счастье, что мы пережили суровое время! Внук стал Полководцем. Передо мной его жена – яркая, как луна. На моих коленях правнук, наследник крови нашей семьи. В этот радостный день, наверно, успокоятся души и тех, кто рано ушел от нас. Спасибо тебе, сноха! С твоим приходом наш дом словно озарился ярким светом».

Делясь своими глубокими чувствами, дед опорожнил стакан.

«Дедушка и бабушка! – вежливо обратилась к ним Ким Чен Сук. – Сколько обид и горя довелось перенести вам за эти годы... Теперь пришло наше время. Желаю вам долгих и долгих лет жизни».

«Что ты, что ты? Разве это горе? Мы же жили под своей крышей, в теплой комнате. Ах, сколько вам приходилось перенести! Вам-то приходилось спать урывками прямо на снегу, утолять голод корнями трав. Так сражались в горах – увы! –

в течение 15 лет. Чего только вы не натерпелись!»

Бабушка, взяв за руку снохи, поглаживала ее.

Ким Ир Сен, поглядывая на бабушку с доброй улыбкой на лице, обратился к ней:

«Эх, бабушка, сколько ты горюшка вынесла! Затаскали тебя японские полицейские и их приспешники. Ты беды хватила через край».

«Я не считала это своим горем, – ответила бабушка, перебирая в памяти прошедшие дни. – И, правда, япошки и их приспешники затаскали меня, заставляя выдать им местонахождение внука, но я нисколько не согнулась перед ними. Хотя я была темная, но в душе был кремень. Меня не покидали думы: «мой внук – Полководец», и я оставалась непоколебима. Я бросала им в лицо обвинения: «Ах, вы негодяи этакие! Мой внук не оставит вас безнаказанными. Как ни бесчинствуете, но вы все равно не найдете моего внука!» И они трусили поднять руку на меня. Видимо, они знали: тронешь меня – так, чего доброго, не уйдешь от партизанской кары, – неизвестно, когда слетят их головы... Теперь все отошло в прошлое. Нам, живым, еще ничего, только обидно за тех, кто ушел от нас, не увидев жизни сегодня...»

К горлу у бабушки подступил горячий комок, и она не могла больше вымолвить ни слова, вытирая слезы. Уж сколько лет прошло с тех пор, как старший сын покинул родной дом с твердой решимостью освободить страну! Но не возвратился. Навсегда ушел и третий сын! Много воды утекло с тех пор, как она встретила весть о том, что покоится на чужбине прах любимой снохи и второго внука. Могла ли она забыть их, пусть даже прошло много лет!

Ее не переставала мучить тоска по ушедшим родным, становилась все тягостней. Точно такую же тоску она испытывала и в тот день, когда Ким Ир Сен впервые приехал в Мангендэ после возрождения Родины, и сейчас, когда перед ней явилась сноха с правнуком на руках. На глазах у всех навернулись слезы – не только у деда и бабки, но и у всех родственников, которые собрались в комнате. Их неотступно преследовали горькие

воспоминания. А тут юный Чен Ир, словно угадав невеселые мысли собравшихся, перевел разговор на другое, чтобы оживить атмосферу. Он подбежал к матери и просил ее:

«Мама! Давай приедем еще в дождливый день!»

«А почему в дождливый?»

«Я тоже, как отец, хочу взобраться на ясень и поймать радугу».

Его слова заставили всех вернуться к далеким детским годам Ким Ир Сена, и все не могли скрыть своего удивления.

Когда соседи попросили Чен Ира спеть песню, он тут же без застенчивости запел «Партизанский марш». На «браво» он еще раз исполнил революционную песню. Он спел ее громко и свободно, без жеманства. Собравшиеся наградили его аплодисментами.

Дед несказанно обрадовался и воскликнул:

«Недаром говорят в народе: от огромного утеса падает огромная тень. Наш правнук – будущий полководец».

В доме воцарилось всеобщее ликование. В тот вечер все члены семьи и соседи безо всяких церемоний пели песни. Тетка спела «Колыбельную песню», которую любила петь Кан Бан Сок. По уговорам тетки и настоятельной просьбе сельчан Ким Чен Сук спела «Тоску по родине». Ее песня произвела на всех собравшихся глубокое впечатление.

Между тем наступала глубокая ночь.

Ким Ир Сен той же ночью возвратился в Пхеньян. Он побывал в родном доме после долгих лет разлуки, но занятость государственными делами не позволила ему спокойно переночевать дома. Ушли и соседи. Все в доме расположились спать. Ким Чен Сук вместе с сынишкой легла рядом с бабкой и дедом.

Прошло время...

Проснувшись вдруг, Ким Чен Сук спохватилась: сынишки рядом нет. Подняв голову, она увидела его на руках у бабушки. Бабка и дед сидели у ее изголовья.

«Ой, ты проснулась. Уже глубокая ночь, спи еще», – ласково сказала бабушка.

Ким Чен Сук села на колени и спросила:

«Дедушка и бабушка! Почему вы не спите?»

«Старикам не спится, – ответил дед. – Не беспокойся о нас, спи. Тебе же все время приходилось спать в горах под открытым небом, подложив камень под голову. Редко же тебе приходилось спать на теплом местечке?»

Но Ким Чен Сук не собиралась дальше спать.

«Говорят, ты, – продолжал дед, – сызмальства ушла из дому, и тебе солоно досталось. Ты с юных лет жила непоколебимо, твердо решив бороться за возрождение страны. Когда судьба страны висела на волоске, ни дня не проходило спокойно во всех семьях! И из нашего дома многие ушли спасти страну от беды, и в его жизни не было ни одного спокойного дня. И ночью, когда капала дождевая вода с крыши, мы проводили время без сна, тревожась: где же они в такую непогоду? Не дрожат ли они от холода, плохо одетые? Бабушка твоего мужа все время крутила пустое колесо ручной прялки. Спрашиваю: чего ты крутишь пустое колесо прялки? Слышу в ответ: от горя. Теперь все это осталось в прошлом. Ты подарила нам правнука. Он продолжит род нашей патриотической семьи. Ты должна стараться, чтобы расцвел цветок в нашем доме. Воспитывай хорошенько наше дитятко, чтобы мальчик принял эстафету светлого будущего страны».

С каждой минутой Ким Чен Сук ощущала всеми порами кожи революционный, патриотический дух семьи Ким Ир Сена в Мангендэ, всем сердцем воспринимала слова деда как настоятельную просьбу корейского народа, всех соотечественников.

Она снова легла спать, но ей уже не спалось.

На следующий день она вернулась из Мангендэ в Пхеньян.

После этого она часто бывала в Мангендэ, проявляя дочернюю почтительность к дедушке и бабушке.

Она очень хотела привезти их к себе в Пхеньян. Наступают холода – она посылает им новую зимнюю одежду. А появятся особые вкусные блюда, она думает прежде всего о деде и бабушке.

Однажды к вечеру к ней прилетела весть о том, что бабушка слегла. И она тут же собралась ехать в Мангендэ.

Сопровождающие лица отговаривали ее: не лучше ли съездить завтра утром? Дорога в Мангендэ после вчерашнего ночного дождя стала весьма опасной, да и вечер уже наступает. Но Ким Чен Сук, не поддаваясь на уговоры, отправилась в путь.

На землю уже опустились сумерки. Дорога по плотине, ведущая в родной дом в Мангендэ, размякла от дождя, превратилась в болото, и машина остановилась: дальше не продвинуться. Ким Чен Сук, взяв узелок с сазанами и яблоком, вышла из автомобиля. Сопровождающий сказал: «Дорога топкая, нельзя идти». Но, несмотря на его уговоры, она ступила на грязную дорогу.

«Когда мы сражались в горах, – говорила она, – мы ходили гораздо более опасной ночной дорогой, а это пустяки».

Завидев вошедшую Ким Чен Сук, бабушка всполошилась:

«...Со мной ничего страшного. Напрасно тебя побеспокоили. Опять ты нагрянула ко мне на ночь глядя. Я-то часто болею. Не беспокойся. Моя болезнь – это последствия жестокости япошек. Теперь япошки удрали, скоро пройдет и моя болезнь».

«Бабушка, ты права. Япошки потерпели крах, и болезнь, которой страдала страна, как рукой сняло. Почему же и тебе не выздороветь?» – утешала она бабушку.

Однажды Ким Чен Сук появилась в родном доме в Мангендэ со стенными часами, которые она купила в магазине. До того времени в доме не было даже ходиков. Бабушка несказанно обрадовалась, что она навестила ее со столь дорогой вещью.

«Как я хотела иметь часы! – разглядывая их, сказала бабушка. – Когда твой свекор ходил в среднюю школу, у нас не было часов. И я готовила завтрак, приблизительно рассчитывая время. Как я хотела тогда иметь стенные часы... Ты словно заглянула в мою душу».

Глаза у бабушки увлажнились.

Ким Чен Сук не покидали думы о деде и бабке в Мангендэ, когда она находилась и на периферии, вдали от Пхеньяна.

Так, в сентябре 1947 года Ким Чен Сук вместе с Ким Ир Сеном побывала в горах Кымган. Она заглянула в магазин

«Сувениры», где купила головной убор альпиниста для него и трость для деда, а для себя – ничего.

Ныне эта заветная трость стоит в углу крыльца дома. И ее могут увидеть посетители родного дома в Мангендэ.

Ким Чен Сук была такой сердечной и почтительной! Дед и бабка в Мангендэ постоянно ожидали ее прихода. С ее появлением в доме воцарялось всеобщее ликование, как в праздник.

Однажды бабушка Ли Бо Ик обратилась к Ким Ир Сену с просьбой достать ей дамские часы, причем обязательно хорошие, пусть даже они дорого стоят.

Ким Ир Сен был в недоумении: бабушка-то всю жизнь прожила и без стенных часов, а вдруг ей понадобились дамские часы, да еще непременно хорошие.

Он достал часы и преподнес их бабке.

«Бабушка, зачем тебе эти часы?»

«Меня все время терзает мысль, что вы в горах поженились даже без свадебного подарка. Уже прошло немало времени, как вы вернулись с гор, а я, старуха, не смогла вам приготовить ни свадебного стола, ни одежды. И вот решила хотя бы подарить Чен Сук часы. Я буду бесконечно рада, если увижу Чен Сук с часами на руке».

Ким Чен Сук очень любила эти наручные часы – сердечный подарок от бабушки.

В сентябре 1949 года Ким Ир Сен проводил в последний путь Ким Чен Сук, свою беззаветно верную подругу по революции. На запястье ее руки были эти любимые ею наручные часы.

10. ОБРАЗ НЕИЗМЕННОЙ ВЕРНОСТИ

БЕССМЕННЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

Корея освободилась от колониального ига японских империалистов. Во всей стране царили общее ликование и восторг, радость от ее возрождения. Возвращались домой те, кого японские империалисты насильно угнали в чужие края по воинской и трудовой повинности, возвращались и те, кто перенес страдания изгнанников в других странах, в чужих краях. И едва ли не в каждом поселке, в каждом доме страны происходили волнующие встречи близких и дальних родственников после долгой разлуки.

Ким Чен Сук и после возвращения в Пхеньян, как в дни антияпонской борьбы, не позволяла себе ни минуты отдыха – помогала Ким Ир Сену в работе и всей душой стремилась обеспечить его безопасность.

Товарищи предлагали ей побывать в родном крае – в Хвэрене, навестить близких и знакомых. Но она возражала:

«Япошки удрали, но на смену им в Южную Корею пришли янки. Они там свили себе гнездо. Ныне реакция все время бесчинствует... В стране сейчас весьма сложное положение. В такой обстановке Полководец Ким Ир Сен работает, не зная ни сна, ни отдыха. Кому же, как не мне, помочь ему в работе? Я не поеду к родным до тех пор, пока страна не станет спокойной».

И в самом деле в то время в стране реакция усиливала свои вылазки. В такой ситуации обеспечение безопасности Ким Ир Сена было исключительно важным делом.

В северной части Кореи закладывался фундамент нового государственного строительства, росли демократические силы.

Пытаясь этому противостоять, классовые враги, подстрекаемые американскими империалистами, предпринимали гнусные террористические акции. Погиб, например, став жертвой вражеского террора, председатель Южнопхеньанского провинциального комитета партии. В революционную организацию он был вовлечен с помощью Ли Чжу Ена, посланного до возрождения Родины в провинцию Южный Пхеньан Ким Чен Сук, и старался претворить в жизнь идеи Ким Ир Сена.

О том, какой безумной наглости достигли вылазки реакции, красноречиво говорит случай с метанием гранаты на центральную трибуну торжественного массового митинга жителей провинции Южный Пхеньан, посвященного 27-й годовщине Первомартовского движения, с участием Ким Ир Сена. Примером того же рода служит и террористическая акция против семьи священника Кан Рян Ука[33], выступавшего в поддержку линии Ким Ир Сена в государственном строительстве.

Главной мишенью террористических действий реакции было избрано руководство партии и революции, во главе которых стоял Ким Ир Сен. Однако в то время охранники не были достаточно подготовлены для того, чтобы сорвать вылазки врага. Это и понятно: всех закаленных и верных ветеранов антияпонской вооруженной борьбы Ким Ир Сен направил на важнейшие участки строительства обновленной Родины.

В дни, когда Ким Чен Сук приехала в Пхеньян, в охранном отряде было много молодых людей, которые впервые взяли в руки оружие, только-только надели военную форму.

Приезду Ким Чен Сук в Пхеньян обрадовался как никто Ким Чак.

«Вы пришли, товарищ Ким Чен Сук, и на душе у меня стало легче».

Это были первые его приветственные слова при встрече с ней. Ким Чак хорошо знал Ким Чен Сук. Она не терпит ни малейших послаблений, если дело касается обеспечения безопасности и благополучия Ким Ир Сена, везде и всюду делает все, что в ее силах, чтобы дело охраны было

организовано в совершенстве.

«Вот беда: Полководец Ким Ир Сен не разрешает усиливать внимание к обеспечению его безопасности и к условиям его ночлега и питания», – сказал Ким Чак.

«Не беспокойтесь, товарищ Ким Чак. Делом укрепления охранного отряда займусь я. Как в те дни, когда мы партизанили в горах, так и сейчас для меня нет более важной задачи, чем охрана Полководца», – успокоила его Ким Чен Сук.

Встречаясь каждое утро с командирами охранного отряда и адъютантами, Ким Чен Сук интересовалась всеми – большими и малыми – вопросами, касающимися обеспечения безопасности Ким Ир Сена. А когда он возвращался в резиденцию, она непосредственно брала на себя обязанности его охранника.

Однажды, в один из первых февральских дней 1946 года, Ким Ир Сен всю ночь напролет писал в своем кабинете доклад по вопросу образования Временного народного комитета Северной Кореи. Охранники, несшие патрульную службу возле резиденции Ким Ир Сена, заметили Ким Чен Сук, стоявшую под окном его кабинета. Снег валил хлопьями.

Охранники попросили ее вернуться домой и отдохнуть, но она, улыбаясь, сказала: «Так я привыкла еще с тех дней, когда сражалась в горах, теперь мне уже не отвыкнуть». Как в годы антияпонской вооруженной борьбы, так и теперь она оставалась незаменимым патрульным и бессменным часовым, охраняющим безопасность Ким Ир Сена. Для нее это стало укоренившейся со времени многолетней антияпонской вооруженной борьбы привычкой, первейшей жизненной потребностью, прежде чем быть обязанностью.

Вот что случилось в середине февраля того же года.

Ким Ир Сен пригласил к себе в резиденцию работников пропаганды и беседовал с ними до поздней ночи, давая им указания по вопросам радиовещания. Ким Чен Сук, предложив собравшимся конфеты, находилась там же.

Вдруг совсем близко раздался выстрел. В комнате погас свет, и стало темно – ни зги не видно. Застигнутые врасплох, работники пропаганды насторожились и

растерялись.

Но только Ким Ир Сен, спокойно встав с места, сказал: «Не надо пугаться. Видимо, шуршат несколько мышат. Сделаем перерыв, а затем продолжим разговор».

С этими словами он направился к двери. Но там стояла Ким Чен Сук с распростертыми руками, закрывая собой проход. В ее руке был маузер.

«Нет! Нельзя. Идите в комнату».

«Ничего. Выйдем и посмотрим, в чем дело».

Ким Ир Сен собрался было выйти, но она, преградив ему путь, твердо заявила: «Ни в коем случае нельзя выходить! Это требование охранного отряда!»

Перед глазами работников пропаганды стояла не та Ким Чен Сук, нежная и добрая, которая только что предлагала им конфеты, а женщина-полководец горы Пэкту, телохранитель с маузером в руке. Глаза ее сверкали искрами во тьме. В тот момент она стояла на защите благополучия Ким Ир Сена буквально стеной.

Позже Хо Чжон Сук, на глазах которой это происходило, говорила: «Это была действительно незабываемая картина! Даже самый знаменитый в мире художник не сумел бы нарисовать такой бессмертный образ, как образ Ким Чен Сук того дня, стоявшей на защите великого вождя».

Это был случай с перестрелкой между террористами из группы «Химан» («Надежда» – ред.) Чо Ман Сика[34], подбиравшимися с целью ликвидировать руководство корейской революции, и сотрудниками службы безопасности, патрулировавшими в этом районе.

Будучи неизменным телохранителем, Ким Чен Сук охраняла Ким Ир Сена не на жизнь, а на смерть, своим личным примером воспитывала бойцов охранного отряда, постоянно учила их быть готовыми отдать всего себя делу обеспечения безопасности Ким Ир Сена, как это делали ветераны антияпонской революции.

Ким Чен Сук говорила, что бойцы охранного отряда должны как никто другой основательно вооружиться идеями Ким Ир Сена, отличиться высокой идейно-политической

подготовленностью. Для этого она обращала свое внимание на их политзанятия. Каждое утро она читала партийную газету, делая отметки в важнейших статьях, и давала ее командирам охранного отряда, чтобы они устраивали коллективную читку. В партийной газете, говорит она, помещаются статьи о линии и политических установках, выдвигаемых в каждый период Ким Ир Сеном, и обозрение внутреннего и международного положения; без их прочтения нельзя постичь идеи и планы Ким Ир Сена, в конечном счете, нельзя как следует выполнять обязанности солдата революции. Итак, в охранном отряде утвердилась стройная система активного воспитания личного состава с использованием партийной газеты и других видов печати.

Она сказала бойцам охранного отряда: кто не в курсе политики партии, тот при всем желании быть верными партии может поступать наперекор ее курсу.

И партийную жизнь она вела в одной ячейке с бойцами охранного отряда, вела их за собой своим личным примером.

В сентябре 1946 года, вскоре после учредительного съезда Трудовой партии Северной Кореи, в общепартийном порядке проводились беседы перед вручением нового партбилета. Но в партячейке охранников думали, что они обойдутся без беседы: ведь в их партячейке Ким Чен Сук! Они даже и не собирались участвовать в беседе. Так же думали и работники вышестоящей партийной организации.

Узнав об этом, Ким Чен Сук заявила: в рядах нашей партии нет места особому члену партии. Мы – партийцы, работающие в непосредственной близости с Полководцем, поэтому мы должны быть в партийной жизни примером для других. Когда мы сражались в горах, охранники Ставки Командования всегда показывали пример в партийной жизни.

На следующий день она вместе с членами своей партячейки пошла в вышестоящую партийную организацию, чтобы участвовать в беседе.

Благодаря Ким Чен Сук охранники стали достойными бойцами. И в их сердцах на всю жизнь глубоко запечатлелся ее образ – как пример беззаветной и пламенной

верности Ким Ир Сену, как высший образец такой преданности, когда чувства и действия неразрывны.

В начале апреля 1962 года Ким Чен Ир, помогая охранникам в уходе за цветниками вдоль дорожки, по которой часто ходил Ким Ир Сен, вспоминал о своей матери:

«Однажды, вскоре после освобождения Родины, моя мать пересадила несколько кустов тимьяна под окна кабинета товарища Ким Ир Сена.

Тогда люди говорили: вряд ли после пересадки они приживутся. Но кропотливый труд моей матери не прошел даром: они расцвели.

Когда вождь чувствовал усталость, работая ночь напролет, то, открыв окно, наслаждался благоуханием этих цветов».

В тот день, когда Ким Чен Сук выкапывала кусты тимьяна, на помощь ей прибежали охранники. Они любопытствовали: зачем ей понадобилось пересаживать цветы, за которыми она так любовно присматривала, – тем более, говорят, кусты тимьяна не всегда приживутся после пересадки. А если хочется пересадить их на другое место, то куда? Они же и без того растут на хорошем месте и видны из окна кабинета Ким Ир Сена.

Тогда Ким Чен Сук, вытирая пот с лица, сказала, что из кабинета Полководца этот цветник виден с далекого расстояния; кроме того, когда ветер дует не в ту сторону, аромат цветов минует его кабинет.

В дождливые дни она неизменно ожидала у ворот резиденции с зонтиком в руке. Как только приехавший Ким Ир Сен выходит из машины – она подносит ему зонтик. И эта картинка тоже навсегда врезалась в сердца охранников.

Когда же Ким Ир Сен находился в резиденции, она всеми силами стремилась оберегать условия его работы и отдыха: напоминала патрульным о том, чтобы не нарушали тишину, делали обход потише; а когда ей приходилось колоть дрова, то делала это в углу сада; в часы предрассветного сна она отгоняла палкой стаю шумливых птиц. Перед тем, как он выходит на работу или возвращается с работы, она еще раз подметает и без того чистую дорожку. Когда Ким Ир Сен отправляется в

дальний путь, она заранее узнает на метеорологической станции прогноз погоды, расспрашивает о состоянии дорог, указывает охранникам, на что им следует обратить внимание, готовит все необходимое в дорогу, чтобы в любой обстановке была обеспечена его безопасность.

Каждый шаг Ким Чен Сук служил охранникам примером заботы о безопасности Ким Ир Сена, примером беззаветной преданности ему.

Особое внимание уделяла она совершенствованию их искусства стрельбы.

Она говорила: если охранник одним выстрелом не поразит цель, значит, его оружие хуже, чем камни или палки, – и учила всех охранников быть меткими стрелками.

В один из осенних дней 1946 года Ким Чен Сук посетила стрельбище, чтобы наблюдать за учебными стрельбами охранников. Она заметила, что у одного из взводов неважные результаты стрельбы. Причина крылась в руководстве огневой подготовкой со стороны комвзвода.

Если сама, думала она, поможет им в течение нескольких дней, то значительно улучшатся результаты стрельбы у всех бойцов взвода. Но прежде всего нужно повысить искусство стрельбы у комвзвода, чтобы он надлежащим образом руководил огневой подготовкой нового пополнения охранников.

На следующий день она вызвала к себе того комвзвода. Вместе с ним пошла на стрельбище. Проверив пистолет, она выстрелила по мишени с расстояния 30 метров и одним выстрелом поразила цель. Передала ему пистолет, предложила стрелять из него. Оказалось, что тот командир взвода почти не имел опыта стрельбы – только несколько раз пробовал стрелять из пистолета, причем почти ни разу не попал в цель. И вот результат: первая пуля ушла в «молоко», вторая лишь зацепила край мишени.

Ким Чен Сук ознакомила его с правилами стрельбы, освоенными ей самой, научила его приемам стрельбы, чтобы они легче стали привычными для него. В ходе тренировок изо дня в день меткость стрельбы у комвзвода повышалась.

Она говорила ему: чтобы овладеть качествами командира,

надо в совершенстве знать все виды оружия, – и обучала его стрельбе из пулемета, а также правилам меткой стрельбы по мелькающей и движущейся мишеням, стрельбы на звук. С каждым днем повышалось искусство стрельбы не только комвзвода, но и его бойцов.

Говоря, что во всех песнях есть ритм и такт, и точно также во всех звуках имеется присущая им интонация, Ким Чен Сук отметила:

«Из всех звуков охранник должен уметь улавливать звуки, отличающие нашего Полководца, и привыкать к ним: к звукам мотора его машины, звукам его шагов, звукам дверей при его входе и выходе, звукам его кашля; словом, по одному звуку надо уметь узнавать Полководца. Особенно важно различать звуки в ночное время, поэтому надо знать и помнить обычные ночные звуки. Надо уметь точно определить любой звук: шум листвы на деревьях, жужжание насекомых, крики птиц, стук капель росы. Только тогда можно быстро выделить незнакомые звуки и принять необходимые меры...»

Все это был бесценный опыт обеспечения безопасности Командующего Ким Ир Сена, накопленный Ким Чен Сук в тайге Пэкту и на маньчжурских просторах. Используя этот огромный опыт, она обучала охранников умению различать признаки предметов.

Она воспитывала охранников так, чтобы они образцово соблюдали воинские Уставы и наставления, требовала усердно заниматься строевой подготовкой, чтобы они всегда имели облик отборного отряда.

Увлекая охранников личным примером, она добилась того, что они всегда строго следовали требованиям правил охраны.

Однажды Ким Чен Сук возвращалась в свою резиденцию. Ее остановил у ворот незнакомый офицер, совсем недавно назначенный в охранный отряд. Он совершал обход, знакомясь со сторожевой службой у резиденции. Офицер поинтересовался, по какому делу она идет в резиденцию. Ким Чен Сук с легкой улыбкой на лице ответила, что она живет в этом доме. Но офицер и представить не мог, что Ким Чен Сук в

столь скромной одежде. Он решил уточнить. Часовой не успел подсказать ему, и офицер вошел в караульное помещение. Через несколько минут он выбежал из него, не на шутку растерянный, и не находил себе места.

Тогда Ким Чен Сук похвалила его за то, что он поступил по всем правилам, отметила, что охранники, оберегающие Полководца, должны именно так строго соблюдать требования Устава, и посоветовала учить на его примере других.

Она уделяла должное внимание и внешнему виду охранников.

Однажды, когда охранники легли спать, она, отпоров от их военных форм подворотнички, выстирала их и заново пришила к кителям.

Оглядывая утром бойцов, которые не смели поднять глаз от смущения, Ким Чен Сук сказала: «Вам, конечно, это нелегко. Если вы дома, то этим делом займутся ваши матери или сестры».

Им было неловко, и они не знали, что ответить.

«Если мобилизовать членов женской организации, – продолжала Ким Чен Сук, – то они бы с удовольствием занялись этим делом для вас. Но армейцы должны уметь все делать своими руками: и шить, и стирать, и стряпать. Только тогда они могут легко справиться с любыми делами, в какой бы трудной обстановке они ни находились».

С этими словами она показала бойцам, как надо пришивать подворотничок.

В дождливый день она разбивала палатку для часовых, а в зимние холодные дни согревала камень и подкладывала им под ноги.

Благодаря ее заботе охранный отряд, который был совсем молод сразу после возрождения Родины, смог стать образцовым подразделением, отличающимся высокой идейно-политической и военно-технической подготовленностью и железной дисциплиной.

Ким Ир Сен, довольный высокой подготовленностью охранного отряда, велел руководящим работникам Пхеньянского училища и всех других военных учебных

пунктов побывать в центральном охранном отряде, познакомиться с порядком несения военной службы в нем, чтобы распространить его пример на все военные училища и подразделения военных учебных пунктов.

Те, кто знакомился с военной службой охранного отряда, не могли скрыть своего восхищения. Ким Чак и другие ветераны антияпонской революции выразили особую благодарность Ким Чен Сук за то, что она заложила краеугольный камень в дело надежной охраны руководства корейской революции.

Опыт охранного отряда впоследствии послужил основой для совершенствования Устава внутренней службы и наставления Корейской Народной Армии, а сам охранный отряд стал образцом для будущих регулярных революционных вооруженных сил.

Ким Чен Сук делала все, что в ее силах, чтобы обеспечить безопасность Ким Ир Сена.

Она старалась улучшить его питание, несмотря на то, что он требовал, чтобы условия его питания ничем не отличались от условий у простых людей; заменила абажур в вагоне специального поезда, на котором ездил он для руководства работой на месте, абажуром цвета персикового дерева, помогающим снять усталость во время поездок; первой ездила теми маршрутами, по которым следовал бы его путь для руководства работой на месте, и предлагала заранее привести в порядок участок дороги или мост...

Ким Чен Сук старалась осуществить все, что требовалось для благополучия Ким Ир Сена.

В один из тех дней, когда Ким Ир Сен был занят подготовкой к решительным, последним боям за возрождение Родины, ему приснилось, что он работает в просторном кабинете среди множества книг. Ветераны антияпонской революции, радуясь, говорили, что это пророческий сон: он станет президентом. С тех пор утекло много воды, прошел не месяц и не два, а годы. Ветераны революции забыли об этом сне, забыл его и Ким Ир Сен.

Но не забыла Ким Чен Сук.

В апреле 1947 года она любовно обустроила кабинет

Ким Ир Сена. Она вкладывала свою душу во все: и в книжный шкаф, и в стол, и в их размеры и места, словом, во все принадлежности кабинета. Расставляла книги в шкафу, классифицируя их по тематике, чтобы удобнее было ими пользоваться, привела в порядок газеты, журналы, документы. Осмотрев кабинет, Ким Ир Сен выразил удовлетворение: кабинет обустроен как нельзя лучше, отлично расставлены книги, разумно расположены газеты и журналы, чтобы удобнее было их использовать. Он очень любил чтение, и в дни антияпонской войны постоянно носил с собой книги. В первые дни после возрождения страны во время встречи с командующим войсками Приморского военного округа (СССР) К. А. Мерецковым в Люйшуне Ким Ир Сен услышал, что у них много книг, конфискованных у японцев. Он тут же велел выделить самолет, чтобы вывезти эти книги двумя рейсами для библиотеки будущего университета.

В день, когда был обустроен кабинет, Ким Ир Сен и Ким Чен Сук сфотографировались на память.

Широко известны корейцам слова Ким Чен Сук, произнесенные тогда, когда она вместе с Ким Ир Сеном побывала в горах Кымган, что в провинции Канвон.

Оказавшись перед причудливыми скалами на Манмульсане («десять тысяч феноменов» – ред.), Ким Чен Сук спустилась обратно оттуда, чтобы готовить ужин для Ким Ир Сена. И на следующий день, 28 сентября, не дойдя до водопада Курён, до которого было рукой подать, ей пришлось спуститься: «Я, видать, слишком увлеклась красотой природы. Не заметила, как прошло время, любуясь панорамой гор Кымган. Пора готовить еду для Полководца. А то я могу нарушить его диету».

Сопровождающие предлагали: взобраться еще немного – и красота природы, было бы хорошо хоть немного полюбоваться ее панорамой, а уж потом можно и спуститься. Но она возражала: «После обеда Полководцу будет пора отправляться в дорогу, на руководство работой на месте. Я должна спуститься, чтобы приготовить обед и подготовиться к его отъезду».

Позже, когда Ким Ир Сен снова посетил водопад Курён, он с

глубоким волнением вспоминал те дни и с горечью сказал: «Осенью 1947 года, когда мы посетили горы Кымган, Чен Сук так и не удалось полюбоваться водопадом Курён. Она остановилась вон там, пониже, и вернулась обратно, чтобы приготовить обед для меня. Мы уговаривали: до водопада рукой подать, взберемся и полюбуемся им. Но она настояла на своем и спустилась, сказав, что приедет сюда позже. Чен Сук ушла от нас, так и не полюбовавшись водопадом Курён».

С первых дней начала корейской революции обеспечивать безопасность и благополучие Ким Ир Сена – спасителя корейской нации и ее будущего – стало наивысшей задачей, поставленной историей перед ней. Именно эту высокую миссию, поставленную корейской революцией перед временем и нацией, олицетворяла собой Ким Чен Сук.

БЕССМЕРТНЫЙ ГИМН

В сердцах корейского народа, ликовавшего от радости возрождения и созидавшего новую жизнь, с каждым днем росло стремление навеки запечатлеть в песне заслуги Ким Ир Сена – светоча возрождения.

В один из майских дней 1946 года Ким Чак навестил Ким Чен Сук. Тогда она работала на приусадебном огороде.

«Я пришел к вам по срочному делу», – обратился к ней Ким Чак. Он вынул из портфеля кипу писем. Письма были разнообразные – одни написаны тушью, другие пером или карандашом. В письмах содержалось единодушное чаяние всего корейского народа: сложить песню о Полководце Ким Ир Сене.

Ким Чак уже тогда дал поэту Ли Чхану задание написать слова песни о Полководце Ким Ир Сене. Он сказал об этом Ким Чен Сук.

«Я давно знаю о нем, не раз читала его стихи на страницах газет. Уверена, что такой страстный и талантливый

поэт сможет отлично написать слова песни о Полководце Ким Ир Сене», – сказала она.

Но Ким Чак беспокоился, как бы не узнал об этом Ким Ир Сен.

«Узнает он – непременно упрекнет меня».

Если оглянуться на историю корейской революции, то на заре ее соратники Ким Ир Сена сложили и пели революционный гимн «Звезда Кореи» с чувством почтения к нему. Но это был первый и в то же время последний случай.

В период антияпонской вооруженной борьбы бойцы КНРА горячо желали создать, петь революционный гимн о Ким Ир Сене. Но всякий раз он строго запрещал воспевать его, и их желание не сбылось.

Ким Чен Сук заявила:

«Надо создать песню о Полководце Ким Ир Сене. Эта песня должна быть посвящена его заслугам. Ее надо сложить лучше, чтобы наш народ пел ее всегда, из поколения в поколение».

После этого она часто интересовалась у Ким Чака, как продвигается дело с песней.

Однажды Ким Чен Сук, очередной раз спросив об этом у Ким Чака, сказала: «Конечно, ему, поэту, не имеющему опыта антияпонской революционной борьбы, трудно будет сочинять песню о Полководце», – и направила поэту блокнот-песенник, в котором было записано более 100 революционных песен, в том числе песни, написанные лично Ким Ир Сеном. В этот песенник Ким Чен Сук заносила революционные песни одну за другой во весь период антияпонской вооруженной борьбы и бережно хранила его.

Когда была закончена рукопись текста песни, поэт предложил Ким Чаку помочь ему обратиться к Ким Чен Сук за советом. И она пригласила его к себе. В тот день она рассказала ему о разных случаях с Ким Ир Сеном в годы антияпонской вооруженной борьбы.

«В нашей стране нет таких мест, где бы не были запечатлены святые следы нашего Полководца, посвящающего всю жизнь во имя независимости страны и счастья народа. Его следы

видны и на крутых кряжах гор Пэкту, и в излучинах рек Амнок и Туман. Они есть и в других цветущих краях свободной страны.

Пройдя тернистый путь сквозь холодный ветер на маньчжурских просторах и проводя долгие ночи у костра в тайном лагере, мы были твердо уверены в том, что придет день, когда мы расскажем о великой любви Полководца Ким Ир Сена к Родине и народу как о прекрасной легенде.

...Бессмертные революционные заслуги нашего Полководца Ким Ир Сена вместе с его дорогим именем вечно будут жить в сердцах народа».

Ее слова вдохнули жизнь в поэтический замысел и ритм революционного гимна, которые вынашивал и старался выразить поэт. И текст первого революционного гимна в Корее после ее возрождения был завершен. Его вскоре напечатали на страницах газет и журналов. Молодой композитор Ким Вон Гюн сложил музыку песни. Состоялось прослушивание «Песни о Полководце Ким Ир Сене». Она моментально распространилась среди народа по всей стране и звучала повсеместно на родной земле, где ключом била новая жизнь.

«Песня о Полководце Ким Ир Сене» превратилась в бессмертный гимн, в песню верности, она вдохновляла весь корейский народ на новые подвиги в годы строительства новой, демократической Кореи, во время Отечественной освободительной войны, в дни послевоенного восстановления и строительства народного хозяйства, в период социалистического строительства, словом, она сопровождала весь ход осуществления дела корейской революции.

Ким Чен Сук направляла также работу по созданию и воздвижению статуи Ким Ир Сена, чтобы вся корейская нация жила и трудилась с чувством почтения к нему.

10 августа 1947 года она посетила село Кан, где тогда находилось Мангендэское революционное училище. Делясь своими мнениями с курсантами училища, она сказала им: «Ныне у вас, может быть, имеются некоторые неудобства в жизни и учебе, но когда завершится строительство нового, современного здания училища, возводимого по инициативе Полководца

Ким Ир Сена в Мангендэ, вы будете учиться, не испытывая никаких неудобств». Дети, узнав об этом, подпрыгивали от радости. Их мысли и думы уже летели в Мангендэ.

Оглянувшись на сопровождавших ее ветеранов антияпонской революции и работников, она сказала: «В новом Мангендэском училище надо воздвигнуть бронзовую статую Полководца Ким Ир Сена, чтобы воспитанники училища жили и учились, постоянно взирая на его образ... Давайте воздвигнем статую Полководца. Лучше всего перед самым главным корпусом училища. Тогда дети могут всегда видеть его статую. Так можно осуществить их чаяние всегда быть рядом с ним».

Ким Чак и другие ветераны антияпонской революции были рады ее предложению, горячо его одобрили.

Ким Чен Сук сказала: «Воздвигнем статую перед главным корпусом училища, откуда виднеются река Тэдон и сопка Манген, тогда дети, где бы они ни находились, на реке Тэдон или на сопке Манген, смогут оттуда видеть ее».

Возвратившись в резиденцию, она глубоко обдумывала, в каком виде создать первую в Корее статую Ким Ир Сена. Со следующего дня она стала разыскивать работников, сведущих в сооружении статуи, а когда они собрались, обсудила с ними вопрос о воздвижении статуи. Статуя, говорила она, обязательно должна олицетворять образ Полководца периода антияпонской вооруженной борьбы.

24 октября 1948 года состоялось торжественное открытие статуи Ким Ир Сена в Мангендэском революционном училище одновременно с церемонией сдачи в эксплуатацию нового его здания.

С тех пор в Корее стали воздвигаться одна за другой статуи Ким Ир Сена, что отвечало сокровенному чаянию всего народа.

11. ВО ИМЯ ПРОЦВЕТАНИЯ РОДИНЫ

ПОДДЕРЖИВАЯ ЛИНИЮ ВОЖДЯ

В первые дни после возрождения Родины в стране возникла весьма сложная обстановка.

Империалисты США, оккупировав Южную Корею, строили гнусные козни с целью сорвать усилия корейского народа по строительству обновленной Родины. Подстрекаемые ими классовые враги предпринимали бешеные попытки повести население по пути реакции. К тому же выдающие себя за «революционеров» фракционеры, а также правые и «левые» оппортунисты вводили народ в заблуждение, одни – ратуя за строительство буржуазной республики, другие – за немедленный переход к социалистической революции.

Ким Чен Сук, обращаясь к ветеранам антияпонской революции, работающим на периферии, сказала:

«Как в прошлом, когда мы сражались в горах, нам следует пресечь вылазки ренегатов революции и фракционеров и последовательно осуществлять линию Полководца Ким Ир Сена на строительство партии, государства и армии».

Это был боевой лозунг, которого им неизменно нужно было придерживаться в сложной обстановке.

Успех строительства новой Кореи после ее возрождения зависел от укрепления и развития только что созданной Коммунистической партии Северной Кореи, от ее роли.

Ким Чен Сук повсеместно направляла работу партийных организаций согласно революционным идеям Полководца Ким Ир Сена. Так, в декабре 1945 года она посетила Чхончжинский горком партии. Узнав, что его работники не уразумели, что и как делать для реализации линии на

организационно-партийное строительство, и ощущают нехватку надлежащего актива, она сказала: «В провинции Северный Хамген было много подпольных революционных организаций, созданных раньше под непосредственным влиянием антияпонской вооруженной борьбы, и имеется немало тех, кто самоотверженно боролся за возрождение Родины. Нужно отыскать этих товарищей и готовить из них актив».

На учредительном съезде партии, продолжала она, Ким Ир Сен отметил, что надо строить нашу партию как массовую политическую партию, имеющую прочную социальную базу в лице неимущих классов, а для этого нужно шире принимать в партийные ряды лучших представителей рабочих, крестьян и других слоев населения, быстрее создавать партийные организации на металлургическом и других заводах и фабриках.

И позже Ким Чен Сук, посещая ряд местных парторганизаций, помогала им исправить ошибки в работе, усваивать верные методы деятельности, чтобы правильно осуществлялась линия на партийное строительство, намеченная Ким Ир Сеном.

Большие усилия она прилагала к работе с молодежными организациями.

Молодежное движение в Корее должно было идти по указанному Ким Ир Сеном пути. Этот вопрос был ключевым в деле укрепления партии и собственных сил корейской революции.

В то время возрождение Родины взбудоражило прежде всего сердца молодежи, бурлящей, как вулкан. Но представители молодежи не видели ясного пути вперед, не знали, к чему приложить пыл молодости.

Правда, с возрождением Родины были повсеместно созданы комсомольские организации, но в их ряды вовлекалась лишь небольшая часть молодежи – только из числа неимущих. К тому же молодых притягивали к себе возникшие тогда разношерстные молодежные организации – «Союз освобожденной молодежи», «Союз учащихся», «Союз белоодежной молодежи»,

«Общество христианской молодежи», «Союз молодежи – чхондогёсцев» и так далее.

Таково было положение, сложившееся в молодежном движении в первые дни после возрождения Родины. Проанализировав его, Ким Ир Сен выдвинул лозунг: «Патриотическая молодежь, соединяйся под знаменем демократии!», – и наметил курс на создание Демократического союза молодежи – единой массовой молодежной организации, охватывающей все слои молодежи.

Однако антипартийные, фракционные элементы упорно выступали против создания Демократического союза молодежи, разглагольствуя, что реорганизация комсомола в демсомол означает «отступление» молодежного движения, его «превращение в правое». Они даже на собраниях для создания демсомола протащили решение о сохранении комсомола как отдельной организации.

На III расширенном заседании Исполкома Центрального организационного комитета партии Ким Ир Сен подверг острой критике раскольнические и подрывные происки фракционеров, выступающих против создания Демократического союза молодежи, и предпринял меры но немедленному созданию демсомола.

Таким образом, 17 января 1946 года по его предложению была созвана конференция демократических организаций молодежи Северной Кореи, на которой было провозглашено создание Демократического союза молодежи Северной Кореи.

В тот день Ким Чен Сук до глубокой ночи беседовала с представителями молодежи, подбадривая их и внушая им веру в свои силы.

Участники беседы долго вспоминали ее слова, сказанные в тот день:

«Полководец Ким Ир Сен называет молодежь опорой строительства новой, демократической Кореи.

Он, начавший революционную борьбу с молодежной работы, желает, чтобы молодежь взяла на себя большую долю в строительстве обновленной Родины так же, как брала в

кровопролитной борьбе за возрождение Родины.

Поэтому вы, товарищи, должны идти на заводы, в села, учебные заведения – во все уголки страны, где живет молодежь, поддерживая выдвинутую Полководцем линию на строительство новой Родины, глубоко разъяснять молодежи его высокий замысел и крепко сплотить ее в демсомольские организации».

После создания демсомола в его ряды влилось огромное множество юношей и девушек.

Ким Чен Сук помогла демсомолу, чтобы он с честью выполнил свою миссию настоящего молодежного авангарда и приводного ремня партии в реализации ее линии и курса.

Однако небольшая группа молодых учащихся, обманутых лживой пропагандой врага, выступила против курса партии – они даже устроили «стачку учащихся» в одной из школ города Пхеньяна. Ким Чен Сук тут же предложила организовать для учащейся молодежи города публичную лекцию, с которой выступит сама.

Она разоблачила перед публикой лживую сущность вражеской демагогии и разъяснила миссию молодежи. Закончила свою речь она следующими словами:

«Если вы не хотите снова быть рабами империалистов, а хотите, чтобы наша страна была подлинно независимым, суверенным государством, вам необходимо следовать за Полководцем Ким Ир Сеном.

Во имя строительства новой, демократической Кореи вы, учащиеся, должны учиться, учиться и учиться.

Вам дан один-единственный путь – это путь к демократии, по которому ведет нас Полководец!»

В тот момент зал потрясли бурные аплодисменты и возгласы «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!»

Благодаря ее деятельности демсомол стал еще успешнее выполнять свою миссию как настоящего молодежного авангарда партии, и влияние партии среди молодежи значительно окрепло в соответствии с планами Ким Ир Сена.

Ким Чен Сук прилагала все свои усилия к осуществлению его линии на государственное строительство.

Империалисты США делали все для того, чтобы воспрепятствовать созданию народной власти. Идя в ногу с ними, сектанты и другие отщепенцы всех мастей мешали основанию подлинно народной власти, ратуя кто за образование проамериканской «буржуазной республики», а кто за немедленное основание «власти пролетарской диктатуры»

Прояпонские элементы, национальные предатели проникали в местные органы власти и занимались интригами, чтобы подорвать авторитет народной власти.

Через несколько дней после возвращения на Родину Ким Чен Сук встречалась с работниками Чхончжинского городского народного комитета. Какую власть надо создать на возрожденной Родине, сказала она, – это весьма важный вопрос, от решения которого зависит судьба страны и нации. В настоящее время некоторые ратуют за создание «буржуазной республики» или «власти пролетарской диктатуры». Это вымыслы тех, кто не знает характера и задачи корейской революции. Полководец Ким Ир Сен наметил курс на создание народно-демократической республики, соответствующей конкретной действительности Кореи и требованиям народных масс, продолжала она. И нам следует активно бороться за осуществление этого курса.

Она часто выезжала в Яндок, Чунхва и другие уезды. Каждый раз подробно знакомилась с работой местных народных комитетов и помогала работникам органов власти всегда быть верными слугами народа.

В мае 1946 года она была вместе с Ким Ир Сеном в Чунхваском уездном народном комитете. Местные работники не смогли конкретно ответить на вопрос Полководца: какова сейчас действительность деревни в уезде? Позже она отдельно побеседовала с ними. При японцах уездная управа, сказала она, была антинародным органом управления, который властвовал над народом, отличаясь бюрократизмом и произволом. А сегодня уездный народный комитет служит органом подлинно народной власти, последовательно защищающим интересы народа. Поэтому вам, сотрудникам уездного народного комитета, надлежит лучше работать, как и учит Полководец Ким Ир Сен.

8 февраля 1946 года на Севере Кореи был образован

Временный народный комитет Северной Кореи – центральный орган власти, и Ким Ир Сен стал Председателем комитета.

После этого вылазки врагов еще более усилились.

Невзирая на опасность, Ким Чен Сук развернула активную деятельность, чтобы сорвать происки реакции.

В феврале того же года, сразу же после образования Временного народного комитета Северной Кореи, в актовом зале Пхеньянской женской средней школы №4 была организована публичная лекция на тему образования народной власти. Враги пытались сорвать ее нормальное проведение. Прямо в ходе ее один из реакционеров перебил лектора репликой: пока еще не основано единое государство, а в Северной Корее уже создан Временный народный комитет – не означает ли это раскол страны? Если этот ВНК является властью рабочих и крестьянских масс, то он, следовательно, отлучает от власти капиталистов и торговцев. Разве это не сепаратная власть?

Не успел лектор, слегка растерявшись, дать ответ, как реакционеры подняли крик: мы не одобряем такую неясную власть, требуем общенационального правительства. Во время этой шумихи они даже разбрасывали листовки. В конце концов лекция была сорвана.

Осведомленная об этом событии, Ким Чен Сук предложила еще раз организовать публичную лекцию там же и выразила свою решимость выступить с лекцией.

Работники ответили, что да, публичная лекция будет снова, но попросили ее не выступать лично. Было неизвестно, какой скандал заново устроят обнаглевшие реакционеры.

Однако Ким Чен Сук говорила, что эта лекция имеет важное значение для разъяснения массам линии на государственное строительство, разработанной Ким Ир Сеном, и ей нельзя отказаться от нее, ссылаясь на опасность, и предложила вести соответствующую организационную работу.

Таким образом, публичная лекция была проведена вновь. Актовый зал был битком набит публикой, которая собралась послушать речь Ким Чен Сук.

«Дорогие граждане! – сказала Ким Чен Сук. – Совсем

недавно мы торжественно праздновали историческое событие – создание Временного народного комитета Северной Кореи.

Наш народ, взяв в свои руки власть, с большой радостью и восторгом встретил это знаменательное событие».

Народ, говорила она, получил подлинно народную власть благодаря тому, что мудрый руководитель нации Полководец Ким Ир Сен организовал и развертывал более 20 лет тяжелую антияпонскую революционную борьбу, а после возрождения Родины повел энергичную борьбу за установление народной власти. Образованный им Временный народный комитет Северной Кореи в корне отличается от прежнего органа управления при японском владычестве, выжимавшего пот и кровь из народа. Это орган настоящей народной власти, который пустил корни свои в гущу народных масс, работает по воле народа и последовательно защищает его интересы. Этот комитет, продолжала она, не является помехой образованию единого правительства, а, наоборот, служит прочным фундаментом и ускорителем для его образования. Это власть, основанная на едином фронте всех слоев населения, включая рабочих, крестьян, совестливых национальных капиталистов, верующих; не допущены лишь национальные предатели и компрадорская буржуазия, сотрудничавшие с японскими империалистами.

С самого начала лектор приковала к себе внимание слушателей. Она продолжала лекцию простыми словами, без прикрас:

«Мы знаем, что недавно в этом же зале состоялась публичная лекция, а горстка реакционеров разбрасывала никчемные листовки в знак протеста против образования ВНКСК.

Но, как вам известно, ВНКСК образован, и народ горячо приветствует его.

О чем говорит эта неопровержимая реальность? Она яснее ясного показывает, что никакими отчаянными происками и яростными вылазками враги народа не смогут сломить его стремление к справедливости и повернуть вспять колесо истории».

Публика заволновалась. Лектор подчеркнула, что ВНКСК проведет демократические реформы и осуществит вековые чаяния рабочих и крестьян. Тогда на этой земле произойдет сотворение нового мира. Закончила она свою речь призывом: пусть все тесно сплотятся вокруг Полководца Ким Ир Сена, защитят народную власть до конца, поднимутся, как один, на великое дело строительства обновленной Родины.

Ее речь часто прерывалась бурными аплодисментами.

После окончания публичной лекции в зале раздались возгласы: «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!», «Да здравствует Временный народный комитет Северной Кореи!», «Станем борцами за укрепление демократической почвы для строительства государства, поддерживая намеченную Полководцем Ким Ир Сеном линию!»

Реакционеры и в этот день пробрались в зал, чтобы сорвать публичную лекцию. Но подавленные стройной логикой речи лектора и настроением взволнованных масс, они трусливо удрали.

Это выступление Ким Чен Сук стало важным событием. Она разоблачила преступные акты реакции, разъяснила массам правоту линии на образование народной власти и подняла их на строительство новой Кореи.

Вскоре Ким Ир Сен обнародовал Закон о земельной реформе, Закон о национализации ведущих отраслей промышленности, Закон о труде, Закон о равноправии женщин, блестяще осуществил их и открыл новую страницу истории сотворения мира. Эти великие перемены тесно связаны и с неутомимыми усилиями и бессмертными заслугами Ким Чен Сук.

В дни земельной реформы она выезжала в деревню, разоблачала и срывала махинации помещиков и реакционеров. Поднимала крестьян на борьбу за защиту и последовательное осуществление курса Ким Ир Сена на проведение земельной реформы.

Однажды в феврале 1946 года, в канун земельной реформы, она посетила село Синхын волости Копхен уезда Тэдон. Помогая крестьянкам в полевой работе, она разъясняла им курс

на земельную реформу, намеченный Ким Ир Сеном.

Женщины быстро почувствовали привязанность к ней и изливали ей свою душу: говорят, что Полководец Ким Ир Сен даст крестьянам землю, отнятую у помещиков. Правда ли это? Даст ли он землю и таким, как мы, неимущим? Идут слухи, что дать-то землю дадут, да только за деньги. А сколько стоит одно чонбо? Разве отдаст помещик землю даром?..

Ким Чен Сук доходчиво разъясняла: Полководец Ким Ир Сен осуществит чаяние крестьян, раздаст им обязательно землю. Что землю будут давать за деньги – это ложь, распространяемая негодяями. Помещика-то один-два, а крестьян сотни и тысячи. Если крепко сплоченные крестьяне все станут бороться рука об руку с рабочими, то помещики волей-неволей отдадут землю. Таким образом она воспитывала всех крестьян хозяевами предстоящей земельной реформы.

В результате успешного проведения земельной реформы наконец-то осуществилось вековое чаяние крестьянства.

Однако и после земельной реформы вылазки реакции продолжались.

Озабоченная этим, Ким Чен Сук посетила одно из сел уезда Тэдон. Помогая крестьянам в севе, она беседовала с ними. Они рассказывали ей о своей радости и счастье: безвозмездно получили землю. Но вдруг один из крестьян спросил ее:

«Ходят слухи, что нам придется обратно сдать землю, полученную при распределении. Правда ли это?»

В ответ она сказала:

«Это ложные слухи, распространяемые помещиками, чья земля была конфискована. Хозяевами земли крестьяне стали навечно. Никто уже не сможет отнять у вас эту землю».

Она продолжала:

«В последнее время помещики, лишенные земли, прибегают ко всяким гнусным трюкам. Они распускают сплетни: земля не может быть вечной собственностью крестьян, когда будет образовано «единое правительство», то крестьянам придется вернуть землю обратно. Помещики идут даже на подлые акции, убивая верных сельских работников и активных членов

партии. Эти обстоятельства требуют от нас еще крепче сплотиться вокруг Полководца Ким Ир Сена, отстоять до конца землю, полученную от него, еще лучше обрабатывать землю и тем самым заложить прочную основу для строительства государства».

Таким образом она сорвала вылазки реакции, помогла крестьянам, еще не имевшим уверенности в себе и колебавшимся, стать идейно сознательными, подняться на строительство новой Кореи.

Ким Чен Сук прилагала свои усилия и к пресечению всех махинаций классовых врагов, пытавшихся помешать национализации важнейших отраслей промышленности.

К тому времени реакционеры пустили утку: после опубликования Закона о национализации промышленности все частные промышленные предприятия, будь то большие или малые, будут конфискованы и национализированы. Принимая реакционную выдумку за правду, некоторые предприниматели в спешке бросились продавать на рынке машины и оборудование своих предприятий.

Чтобы поправить положение, Ким Чен Сук встретилась со многими средними и малыми торговцами и предпринимателями города Пхеньяна и разъяснила суть и правоту национализации важнейших отраслей промышленности. Речь шла о том, что это мероприятие не только не ущемляет их интересов, но, наоборот, обеспечивает им свободную предпринимательскую деятельность.

Тем самым были своевременно пресечены гнусные происки реакции, стремившейся оторвать эти слои от демократических сил, чтобы воспрепятствовать национализации промышленности.

10 августа 1946 года в Северной Корее был обнародован «Закон о национализации промышленности, транспорта, средств связи, банков и других учреждений».

С вступлением в силу Закона о национализации важнейших отраслей промышленности и Закона о труде рабочие, ранее подвергавшиеся угнетению и унижениям, были освобождены от ярма рабства, заняли место хозяев заводов и страны, стали действительно пользоваться подлинными свободами и

равноправием.

Ким Ир Сен обнародовал Закон о равноправии женщин, принял меры по демократизации юстиции, прокуратуры, просвещения и культуры, вел работу по решению вопросов о национальных кадрах и интеллигенции.

Под его руководством были успешно выполнены задачи антиимпериалистической и антифеодальной демократической революции. В результате народная власть еще более окрепла, и в феврале 1947 года образован Народный комитет Северной Кореи. Корейская революция вступила в период перехода к социализму.

Ким Чен Сук думала, что для осуществления намеченной Ким Ир Сеном линии на государственное строительство предстоит еще долгий путь, великое дело строительства государства будет осуществлено только тогда, когда будет создано единое общекорейское правительство. И она вкладывала всю душу и энергию в борьбу за выполнение этой задачи.

В 1948 году состоялось Совместное совещание представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи. В ходе подготовки к этому совещанию и после него во всех районах Северной и Южной Кореи развернулась общенациональная борьба за срыв попыток империалистов США и марионеточной клики Ли Сын Мана расчленить нацию, за самостоятельное объединение страны.

В мае того же года при подстрекательстве империалистов США в Южной Корее были проведены сепаратные «выборы», а на основе их сфабрикованных «результатов» установлена сепаратная марионеточная «власть».

29 июня Ким Ир Сен созвал консультативное совещание руководителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи и выдвинул здесь курс на образование общекорейского правительства путем скорейшего осуществления политической линии партии, направленной на создание народно-демократической

республики.

Ким Чен Сук активно помогла в работе по учреждению государственного герба и флага создаваемой республики. Она первой читала материалы, документы и справочники, предоставленные Ким Ир Сену для чтения дома, делала отметки на подобранных заголовках, кое-что выписывала из их содержания для осведомления его о тех или иных материалах.

Однажды к Ким Чен Сук в дом приехала начальник Департамента пропаганды, которая тогда ломала голову над проектом государственного герба и флага. Ким Чен Сук приняла гостью и советовала ей:

«... Наш государственный герб и флаг должны быть приемлемыми для народа не только Северной, но и Южной Кореи. В них должен быть ярко отражен великий замысел и курс Полководца Ким Ир Сена на строительство обновленной Родины. Он отметил, что флаг Республики должен иметь фон красного цвета, символизирующего алую кровь, пролитую борцами за свободу и независимость Родины, и революционные силы, сплоченные вокруг нашей партии. Он также сказал, что в верхней части герба должны быть изображены красная пятиконечная звезда и солнечные лучи, символизирующие светлое будущее нашей Родины и революционные традиции, унаследованные Республикой».

Она несколько раз подчеркивала, что ни в коем случае нельзя упустить в изображении государственного флага и герба звезду - символ революционных традиций партии и будущего Родины.

В то время антипартийные и контрреволюционные фракционеры настаивали на том, чтобы в круг на флаге вписать не пятиконечную звезду, а плуг, подчеркивающий якобы «корейскую специфику».

Ким Чен Сук точно разъяснила начальнику Департамента пропаганды планы Ким Ир Сена, чтобы больше не высказывались реакционные утверждения.

Когда шла работа над проектом герба, Ким Ир Сен отметил, что ему не нравится доменная печь, в гербе должна быть отражена электрификация страны. Для этого Ким Чен Сук

предложила изобразить на нем электростанцию, и Ким Ир Сен остался этим доволен.

Вот как рождались государственный флаг и герб КНДР, которые весь мир знает сейчас.

До и после основания Республики Ким Чен Сук прилагала усилия к развитию подлинно народной и революционной литературы и искусства.

Она помогла творческим работникам в постановке пьесы «Гора Пэкту» и в создании кинофильмов, включая первый в Корее художественный кинофильм «Моя родина» на тему антияпонской вооруженной борьбы.

Когда Пхеньянская женская средняя школа №4 готовила художественную самодеятельность, она руководила на месте репетицией – на сцене поправляла танцевальные действия и вокальное сопровождение для совершенствования танца с пением «Тансимчжур», который любили исполнять члены Детского отряда партизанского района.

Страна переживала затруднения в хозяйстве. Но и тогда Ким Ир Сен планировал немало строить больниц и санаторных комплексов, а также современную центральную поликлинику для излечения болезней, с которыми не могут справиться другие больницы, для оказания технической помощи другим больницам.

Однажды Ким Ир Сен у себя дома принял одного медработника и за обеденным столом спросил его, не успел ли он подыскать место под постройку Центральной поликлиники. Тот не нашелся что ответить. А Ким Чен Сук, сидевшая рядом с ним, сказала, что она просмотрела многие места и самым подходящим ей кажется поляна, примыкающая к Восточнопхеньянскому ипподрому.

10 марта 1948 года она выехала туда с Ким Чаком, Ли Ёном и другими, сопровождая Ким Ир Сена. Тут она еще раз объяснила, чем это место кажется ей подходящим для крупной поликлиники: территория большая, тихая, воздух чистый, пути сообщения удобные.

Ким Ир Сен одобрил ее мнение, и этот участок в квартале Тэсин Восточного района города Пхеньяна был

определен как место для строительства Центральной поликлиники (ныне поликлиника Красного Креста Кореи).

Позже Ким Чен Сук с самого начала строительных работ не раз посещала стройку, помогала в решении трудных вопросов о перевозке, материальном снабжении и прочем, советовалась о мерах к краткосрочной профессиональной подготовке строителей-мастеров внутри стройтреста, заботилась о рабочем снабжении.

В начале апреля следующего года она в третий раз выехала на стройку в самый разгар внутренних работ после возведения корпусов.

Она осведомилась о строительных работах и отметила: при наличии 400 помещений можно развернуть все отделения, необходимые для лечения разных заболеваний. Особенно нужно хорошо укомплектовать, сказала она, отделения гинекологии и педиатрии. Женщины, составляющие половину населения, с возрождением Родины пользуются равными с мужчинами правами и участвуют в общественной жизни. Однако немало женщин страдают от гинекологических болезней. Корейские женщины стыдливые, и они не любят показывать врачам-мужчинам больное место. Так что следовало бы подготовить гинекологов-женщин.

19 августа 1949 года министр здравоохранения посетил ее -для медицинского осмотра.

Не обращая внимания на свое здоровье, она спросила его, почему затягивается ввод поликлиники в строй, намеченный на 15 августа, и предложила ему вместе выехать на место.

Так Ким Чен Сук с министром посетила поликлинику, которая вскоре должна быть сдана в эксплуатацию. Любуясь грандиозными корпусами поликлиники, она сказала: мы вправе гордиться тем, что построили крупную поликлинику.

Осматривая помещения в здании, она посоветовала работникам рационально разместить отделения и палаты и обсуждала с ними нерешенные вопросы.

«Сегодня мы построили только одну крупную поликлинику, а в дальнейшем построим повсеместно в стране современные больницы, опираясь на опыт этой

поликлиники», – вдохновила их Ким Чен Сук.

Дать корейскому народу возможность жить счастливой жизнью долгие годы без заболеваний при самой передовой народной системе здравоохранения – таково было ее горячее желание.

Ким Чен Сук обращала серьезное внимание также на партийную газету и другие средства массовой информации с тем, чтобы их содержание полностью соответствовало требованиям корейской революции.

14 апреля 1946 года она обратилась к одному из редакторов газеты: хотя работа по редактированию партийной газеты заметно улучшается, но в ней чересчур много заметок о жизни другой страны. «Во всяком случае при редактировании партийной газеты, – сказала она, – должен быть сделан упор на наше собственное. Ведь партийная газета – это идеологическое оружие партии, она призвана служить делу нашей революции. Мы всегда должны рассматривать любой вопрос с точки зрения интересов нашей революции, подчинять все ее делу».

Она постоянно заботилась о том, чтобы печать и информация твердо придерживались классовой линии.

В дни создания партии и основания государства почти не было таких сфер жизни, в которые не были бы вложены ее усилия, ее душа.

9 сентября 1948 года на весь мир было провозглашено образование КНДР. В тот день по возвращении в резиденцию Ким Ир Сен пригласил Ким Чен Сук к себе. За обеденным столом он налил ей вина в стакан и говорил:

«Сегодня наконец выполнены три задачи – создать партию, государство и армию. За все это время ты немало потрудилась, помогая моей работе. Но я ничего не мог сделать для тебя и только причинял тебе беспокойство. И вот сегодня я наливаю тебе бокал и давай выпьем за тебя».

«Почему вы говорите, что ничего не сделали для меня? Ведь вы создали партию, организовали армию и основали Республику. Какой это большой подарок для меня! Ведь вы же осуществили мечту всей моей жизни! Я ничего другого больше не желаю».

Осуществление триединой задачи – создания партии,

государства и армии – было ее мечтой и горячим желанием, хранившимися в глубине души еще со времен антияпонской войны.

В ПЕРВЫХ РЯДАХ ДВИЖЕНИЯ ЗА ВСЕОБЩУЮ ИДЕЙНУЮ МОБИЛИЗАЦИЮ НА ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Задачи антиимпериалистической и антифеодальной демократической революции на Севере страны были выполнены, и корейская революция вступила в новую, более высокую стадию развития.

Однако политическое сознание людей отставало от изменения социально-экономических условий. В их сознании по-прежнему немало оставалось пережитков капиталистической, феодальной идеологии, сохранялись дурные привычки.

Невозможно было закрепить и умножить достижения демократических реформ, да еще вывести дело революции и строительства нового общества, на новый, более высокий рубеж, не искоренив из сознания людей пережитки старого, не подняв выше революционный дух и не установив свежую национальную атмосферу в жизни.

Глубоко осознав это актуальное требование развития революции, Ким Ир Сен на III расширенном заседании ВНКСК (25 ноября 1946 года) наметил курс: развернуть движение за всеобщую идейную мобилизацию на государственное строительство[35].

Ким Чен Сук шла в массы, разъясняла им его цель и значение, поднимая их на активное участие в движении. И пламя этого движения стало распространяться по всей стране.

С 1947 года Корея приступила к выполнению первого народнохозяйственного плана. Это был грандиозный план, предусматривавший увеличение промышленного производства примерно вдвое по сравнению с предыдущим годом за счет

восстановления всех заводов и фабрик, которые пока еще бездействовали. Здесь было много трудностей. Когда план был объявлен, классовые враги издевались: люди, которые только стреляли из винтовки в горах, мечтают достать с неба звезды. Озабоченные голоса раздавались и в зарубежных странах.

Однажды в феврале 1947 года ветераны антияпонской революции погостили у Ким Чен Сук. Они сказали ей, какие сплетни распускают враги. Выслушав их, она сказала: «О чем только не болтают проходимцы! Когда Полководец Ким Ир Сен начал антияпонскую вооруженную борьбу, японские империалисты назвали нас, партизан, «каплей в море», «глупыми мечтателями», пытающимися разбить «Великую Японию» самодельными гранатами. Когда мы вернули себе потерянную Родину, такие же враги насмешливо трубили: люди, мастерившие всего лишь бревенчатые домики в горах, вряд ли смогут восстановить доменную печь одним топором и пилой. И правда – тогда мы вернулись только с вещмешком за спиной. Но мы восстановили чугуно- и сталелитейные заводы, стали выплавлять чугун и сталь, восстанавливали и развивали экономику и тем самым заложили материальную основу для улучшения народной жизни». «Наш первый народнохозяйственный план, – продолжала она, – составлен на основе достаточного учета революционного энтузиазма нашего народа и реальных возможностей. Вы, кажется, озабочены вопросами денежных средств, материалов и техники. Если вы будете, как учит Полководец Ким Ир Сен, идти в гущу рабочих, крестьян, интеллигенции, технических работников и мобилизовать их силу и ум, то все будет решено. А для этого нам следует энергично продолжать движение за всеобщую идейную мобилизацию на государственное строительство, инициатором которого выступил он».

Ким Чен Сук часто выезжала на промышленные предприятия и в села, помогала руководящим работникам, рабочим и крестьянам лучше трудиться, изыскивать резервы и активно развертывать это движение.

Однажды она посетила авторемонтную мастерскую в

Центральном районе города Пхеньяна. Поздоровавшись с рабочими, она интересовалась ходом ремонтных работ.

Тут прибежал заведующий мастерской, узнав, что прибыла Ким Чен Сук.

Он предложил ей зайти в свою контору, но она сказала:

«Давайте посмотрим рабочее место».

На дворе и тут и здесь валялись болты и многие другие годные запчасти.

«У вас рабочие говорят, что за неимением материалов и запчастей задерживается ремонт автомобилей. Но вы видите: валяются ценные материалы. Значит, здесь не претворяется как следует в жизнь выдвинутый Полководцем Ким Ир Сеном курс: сэкономить и увеличить производство».

Она с заведующим пошла в угол двора, где громоздилась куча металлолома. В куче оказалось немало болтов и других годных запчастей. Имелись также ценные машины и оборудование, которые вполне можно отремонтировать и затем использовать. При виде их руководящие работники и рабочие мастерской, ощутив угрызения совести, понурили голову.

Ким Чен Сук сказала им:

«В прошлом корейцы были колониальными рабочими, нанятыми на завод, где хозяйничали японцы. Стало быть, и завод, и машины были не свои. Капиталисты выжимали из нас все соки. Следовательно, их вещи нам не были дороги. Однако теперь мы с вами стали хозяевами страны, и завод, и машины стали собственностью страны, нашим имуществом. Что будет с экономикой страны, если хозяева страны не дорожат ее добром, бросают его на свалку, расточают? Долгое время мы, дочиста ограбленные японскими империалистами, на пустом месте делали первые шаги в строительстве государства. И ныне у нас ощущается острая нехватка во всем. При таких условиях для ускорения процесса строительства новой Кореи, богатой и сильной, все должны приняться за дело, затянув пояс: сделать то, чего нет, экономить то, что есть, и тем самым преодолеть трудности. Полководец призвал развернуть движение за всеобщую идейную мобилизацию на государственное

строительство. Главная цель движения в том, чтобы все мы обрели сознательность и гордость хозяев страны. Четко понимая его высокий замысел, мы должны энергично развернуть это движение...»

Далее Ким Чен Сук разъясняла им конкретные меры для активного развертывания движения.

«Полководец отметил, что это не такое движение, которое могло бы ограничиться выкрикиванием лозунгов и провозглашением агитационных речей. Это практическое движение. Оно направлено на то, чтобы все люди, изжив пережитки старой идеологии, могли практическими делами вносить свой вклад в строительство демократической Кореи. Чтобы энергично развернуть это движение согласно планам Полководца, обязаны идти в авангарде прежде всего руководящие работники. Им следует глубоко изучить его речь, тщательно вести организаторскую работу и активнее поднимать народные массы на это движение».

Благодаря ее усилиям в коллективе этой ремонтной мастерской разгорелось пламя движения за всеобщую идейную мобилизацию на государственное строительство, пламя массового соревнования – движения за увеличение производства.

Рабочие стали беречь материалы и запчасти, перевыполняли каждый месяц ремонтный план, изготовляя своими силами запчасти, которых не было или не хватало.

16 апреля 1947 года Ким Чен Сук выехала на Пхеньянскую зерноперерабатывающую фабрику, чтобы поднять ее руководящих работников и рабочих на эти движения.

К тому времени фабрика производила ежедневно десятки тонн патоки, крахмала и глюкозы. Однако в стиле работы руководителей и рядовых рабочих фабрики сохранилось немало пережитков старого периода японского господства. Работники предприятия не подумывали о том, чтобы восстановить разрушенное японцами при бегстве оборудование по выпуску кондитерских изделий и увеличить производство продукции для населения. Но пока они были довольны только текущим производством. А в это время в крахмальном цехе от небрежного

обращения с продукцией были велики потери крахмала.

Осматривая производственные процессы фабрики, Ким Чен Сук подробно знакомилась с положением дел на фабрике. Обращаясь к рабочим, инженерно-техническим и управленческим работникам, собравшимся в зале для обсуждения вопросов производства кондитерских изделий, она сказала: «Полководец Ким Ир Сен озабочен тем, что прошло уже два года после возрождения Родины, но пока еще не налажено дело снабжения детей кондитерскими изделиями. Несколько дней назад, возвращаясь после руководства делами на месте, он встретился в пути с сельскими детьми. Он спросил: лакомятся ли они конфетами? Они ответили: пока еще нет. Этот ответ уязвил его в сердце. И вчера утром он сказал, что коль он не в состоянии кормить детей страны конфетами как следует, то и ему нельзя справить свой день рождения. И отказался даже сесть за стол, скромно накрытый по случаю дня его рождения. Он возлагает большую надежду на эту зерноперерабатывающую фабрику, чтобы снабжать детей конфетами и печеньем».

От этого ее рассказа работники фабрики испытали угрызения совести: они пока еще не свободны от психологии наемных работников, не хватает у них сознательности хозяев страны, хозяев фабрики, следовательно, они не оправдали ожиданий Полководца.

В зале воцарилась тягостная тишина.

Наконец, встал с места пожилой рабочий и сказал:

«И мы сами сможем изготовить машины для выпуска кондитерских изделий, если возьмемся за дело. Готовы сейчас же изготовить машины и производить конфеты и печенье, чтобы кормить ими детей».

Вслед за ним и другие наперебой выражали свою решимость – взяться за техническую реконструкцию процессов производства, дополнительно изготовить оборудование и тем самым резко увеличить производство кондитерских изделий.

Вскоре на фабрике произошли большие перемены в производстве продукции.

В том же году Ким Чен Сук посетила также Пхеньянскую

кокономотальную фабрику, Кансонский сталелитейный завод, швейную фабрику и многие другие промышленные предприятия, большие и малые. Повсюду она вдохновляла рабочих на строительство обновленной Родины.

Ким Чен Сук обращает внимание и на работу по искоренению из сознания крестьян пережитков старой идеологии и устаревших привычек.

Однажды в феврале 1947 года она посетила одну деревушку уезда Чунхва. В ней было пять-шесть крестьянских дворов. Она зашла в домик, где селяне веселились, устроив игры и пиршество. Им довелось впервые на своей земле собрать богатый урожай благодаря заботе Ким Ир Сена. Сельчане, довольные и счастливые, проводили зимние дни в пустых кутежах, следуя старым привычкам. Они говорили: «Мы, хлеборобы, живем, находя в таких играх и попойках радость и смысл жизни».

Присаживаясь к ним, она сказала: «Сейчас в стране туго с продовольствием. Этим обеспокоен наш Полководец. Разве можно так растрачивать зерно и проводить время попусту, не занимаясь подготовкой к весенним полевым работам? Ведь таким образом нельзя оправдать его заботу и ожидания. Ваше дело – хотя бы с завтрашнего дня взяться за дело, приготовить навоза в достатке. Тем самым соберем в этом году более обильный урожай и доставим ему радость. Вот это и значит активно участвовать в движении за всеобщую идейную мобилизацию на государственное строительство, начатом по его призыву».

Вечером того дня она доложила Ким Ир Сену о реальном положении деревни, и он принял меры для усиления среди крестьян этого движения.

В сентябре 1947 года Ким Чен Сук выехала в поселок Чипсам села Ондэчжин уезда Кенсон, заботясь о жизни парцеллярных рыбаков. В поселке была рыболовная бригада, объединившая 11 дворов. Осведомившись о работе бригады, она сказала: «Очень хорошо, что вы сообща, собрав средства, построили судно и начали совместное рыболовство. Созданная тут рыболовная бригада наглядно показывает правоту указаний

Полководца об организации рыболовной кооперации. Это бесценные ростки».

Она была очень рада, что их жизнь улучшается.

Спустя несколько дней она еще раз прибыла в поселок Чипсам, еще конкретнее изучила положение дел в рыболовстве и подробно доложила о нем Ким Ир Сену. Выслушав ее, Ким Ир Сен отметил, что действительность показывает, что вполне назрели требования рыбаков об организации рыболовной кооперации; кстати, нужно изучать положение еще одного рыболовного поселка, где жизнь людей еще тяжела.

А затем 25 сентября она вместе с ним выехала в поселок Ембунчжин.

В тот день он долго беседовал с местными рыбаками, раскрывая перед ними широкие перспективы развития рыболовной кооперации.

В Кенсоне Ким Чен Сук встречалась со средними и малыми предпринимателями, разъяснила им намеченный Ким Ир Сеном курс по вопросам частной торговли и предпринимательства и вдохновила их на строительство государства.

Тогда уездные работники предоставили ей для ночлега особняк, стоящий на территории горячего источника. В нем она заметила шкаф для одеяла и кухонную утварь – чувствовался труд заботливой домохозяйки. Увидев это, она спросила уездного работника, чья это квартира. Оказалось, до возрождения Родины хозяин этого дома содержал винокуренный завод и умер, а его жена проживала здесь с племянницей. Ее попросили временно освободить дом, чтобы использовать его на прокат, а самой уехать пока в гости к родственникам.

Узнав об этом, Ким Чен Сук сказала:

«Вы говорите, что предложили хозяйке уехать к родственникам, чтобы меня ничто не обеспокоило. Видимо, вы с неприязнью к ней заставили ее покинуть свой дом, имея в виду, что при японцах ее муж жил зажиточно, занимаясь винокурением. Хозяйка, наверное, безропотно освободила дом, когда ей сообщили о нашем приезде. Видите, она оставила шкаф для одеяла незапертым, а сарай с

закромами – открытым. Значит, она доверяет нам и поддерживает нас».

Она продолжала:

«Хозяйка наверняка хотела быть вместе с нами, хотя освободила дом без оговорок. Надо скорее вернуть ее домой».

И хозяйка через день вернулась и стала жить вместе с Ким Чен Сук. Она была тронута скромностью и сердечностью Ким Чен Сук. Но однажды хозяйка, охваченная тревогой с первых дней возрождения страны, спросила ее:

«Что же будет с нами, людьми, жившими раньше зажиточной жизнью?»

Ким Чен Сук, вникнув в ее душу, ответила:

«Вам, хозяйка, не следует беспокоиться. Те, кто поддерживает политику нашей партии, могут жить достойной жизнью, кем бы он ни был».

Лицо хозяйки тут же просияло радостью, но тень опасения на нем все же не исчезла: «Будут ли до конца доверять таким людям, как я?»

Ким Чен Сук помогала хозяйке: обе готовили крупу из зерен, работая вместе на ножной крупорушке, сидела за ручной веялкой. За работой она рассказывала хозяйке, как в годы антияпонской вооруженной борьбы патриотически настроенные предприниматели, отозвавшись на призыв Полководца Ким Ир Сена, оказывали помощь партизанам. Вместе с хозяйкой она сходила на базар и в магазин, чтобы знать реальное положение в этой местности. Пользуясь случаем, она встречалась с частными торговцами и предпринимателями, производящими или продающими предметы народного потребления. Беседуя с ними, она поощряла их предпринимательскую деятельность.

Хозяйка ясно поняла замысел Полководца Ким Ир Сена о государственном строительстве и делилась своими мыслями с родственниками и соседями. Эта весть прокатилась по всему району Кенсона и взволновала средних и малых предпринимателей, занятых фотографией, производством швейных изделий.

Прошло несколько дней, и один из винокуров

навестил Ким Чен Сук. До возрождения Родины он вместе с мужем упомянутой хозяйки занимался винокурением. После возрождения Родины и он внес вклад в строительство новой Кореи, пожертвовав немалую сумму денег. Он много слышал от жены своего бывшего коллеги о Ким Чен Сук, но робел встретиться с нею, ибо не раз слышал, что такой человек, как он, является «объектом ликвидации».

Ким Чен Сук вышла на двор навстречу гостю, радушно пригласила его в комнату и, усадив его, побеседовала с ним. Прослушав его рассказ о себе, о переживаниях, она сказала: «Полководец Ким Ир Сен призывает поощрять частное предпринимательство, еще больше выявлять инициативу частных предпринимателей в строительстве новой Кореи... Но здесь, видимо, ходит много сплетен, что-де средние и малые предприниматели являются «буржуазией», «объектом ликвидации». Это ложные слухи, распространяемые фракционерами и местными сепаратистами, не поддерживающими волю Полководца. Еще с периода антияпонской вооруженной борьбы он доверял не только средним и малым предпринимателям, торговцам, но и национальным капиталистам, любящим страну и нацию. Его доверие остается неизменным и сегодня, когда Родина возрождена. Говорят, что предприниматели, лишенные Родины и подвергавшиеся национальным унижениям при японцах, сегодня живут, страдая при воспоминании о том, что в прошлом жили зажиточно. Теперь следует отбросить такую мысль и еще активнее участвовать в государственном строительстве во имя страны и самого себя».

Тот предприниматель, возвратившись домой, рассказал своим коллегам о том, как он побеседовал с Ким Чен Сук. Он старался поднимать всех предпринимателей и торговцев района Кенсона на строительство государства.

Через несколько дней Ким Чен Сук с работницами женской организации пошла на базар, а по пути заглянула к тому предпринимателю.

Интересуясь работой его предприятия, она посоветовала ему: «Надо вести хозяйство в интересах страны и народа. Только тогда можно пользоваться высоким доверием

Полководца Ким Ир Сена и уважением народа».

Она обедала в кругу его семьи. За обедом рассказала о том, что случалось с ней в годы антияпонской вооруженной борьбы. Особенно растрогала до слез супругов этой семьи и сопровождавших ее работниц женской организации история о Чэчанцзыском партизанском районе.

Хозяин дрожащим голосом отозвался: «В годы, когда патриоты нашей страны под руководством Полководца Ким Ир Сена боролись за возрождение Родины, преодолевая всякие невзгоды и лишения, мы-то проживали спокойно в теплой комнате. Нам просто неловко в душе».

В его голосе еще звучала озабоченность: «Доверяют ли до конца таким людям, как я?»

И она, пожимая ему руку, говорила: «Сегодня, после возрождения страны, Полководец Ким Ир Сен окружает глубоким доверием и заботой средних и малых предпринимателей и торговцев, содействующих строительству государства. Так что ни в коем случае не надо колебаться, даже если кто-либо пустит вздорные сплетни. Следует доверять только ему и идти по указанному им пути».

Долго шла беседа на тему линии на построение обновленной Родины, намеченной Ким Ир Сеном, что дало им уверенность в себе. Перед отъездом она сфотографировалась на память в усадьбе с членами его семьи.

Позже он со многими средними и малыми предпринимателями включился в движение за всеобщую идейную мобилизацию на государственное строительство и был избран депутатом местного органа народной власти.

Ким Чен Сук уделяла также внимание движению за ликвидацию безграмотности женщин.

Однажды она посетила одно из сел уезда Рёнган и обратилась к женщинам: «Движение за ликбез имеет целью не только ликвидировать неграмотность, но и построить новую, богатую и сильную, демократическую Корею, еще лучше осуществляя замысел Полководца Ким Ир Сена о

строительстве государства. Неграмотные не могут успешно вести государственное строительство и воспитание своих детей. Женщины должны лучше вести земледелие, активно участвовать в работе по ликбезу и тем самым обязательно оправдать заботу Полководца Ким Ир Сена, который открыл путь к новой жизни».

ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЖЕНСКОГО ВОПРОСА

В начале 1946 года две женщины, представлявшие Северохамгенскую провинциальную организацию Союза демократических женщин Северной Кореи, прибыли в его ЦК и передали письмо на имя Ким Чен Сук.

«... Мы, женщины провинции Северный Хамген, имеем честь выразить самое глубокое уважение и почтение Ким Чен Сук – гордости Кореи на Востоке, воплощению достоинства всех наших женщин».

В начатом такими словами письме говорится: «Еще в ранней юности Вы вступили в ряды партизанской армии Полководца Ким Ир Сена и вели кровопролитную борьбу за возрождение Родины и эмансипацию женщин, а сегодня, после возрождения Родины, активно работаете, чтобы добиться блистательного развития женского движения в Корее... В декабре прошлого года Вы, пребывая в провинции Северный Хамген, правильно руководили ее работой, в результате создано множество организаций Союза женщин, в которые включены десятки тысяч женщин».

Письмо продолжает:

«Мы, женщины освобожденной Кореи, стремящиеся идти по пути справедливости, заявляем, что немыслимо ни укрепление и развитие Союза демократических женщин, ни полное раскрепощение женщин в отрыве от Вашего руководства. Вы учите нас жить и работать по воле великого лидера нашей нации Полководца Ким Ир Сена.

Уважаемая Ким Чен Сук!

По единодушной воле членов женской организации провинции Северный Хамген мы искренне желаем, чтобы Вы лично руководили работой женского союза нашей страны и вели нас, женщин, по верному пути борьбы».

Аналогичные письма в ее адрес ежедневно поступали и из других провинций и районов страны.

Она сказала работницам Союза женщин, что и впредь в оправдание их доверия сделает все, чтобы претворять в жизнь замысел Ким Ир Сена и помочь, как сейчас, Союзу женщин, призвала их общими усилиями наладить его дело.

В первые дни после возрождения страны в женском движении Кореи создалось весьма сложное положение из-за раскольнических происков фракционеров и реакционеров.

Но всякие трудные вопросы были разрешены благодаря тому, что Ким Чен Сук прилагала титанические усилия к осуществлению идей и курса Ким Ир Сена относительно женского движения и решения женского вопроса.

Вот что произошло во время совещания руководящих работников ЦК Союза демократических женщин, созванного для реализации решений III расширенного заседания Исполкома Центрального организационного комитета Коммунистической партии Северной Кореи. На совещании было сообщено основное содержание доклада Ким Ир Сена на упомянутом заседании и обсуждены задачи Союза женщин по осуществлению политической линии партии.

А когда совещание подходило к концу, вдруг в зале раздалась реплика: почему обсуждают только политическую линию Компартии, не следует ли обсуждать и «политическую линию» Демократической партии? Тут же высказалась зампредседателя (Пак Хен Сук), сидевшая в президиуме, как бы ожидавшая этого: Союз женщин обязан без предрассудков относиться и к вопросам линии других политических партий. Она также пространно рассказывала о «политической линии» Демократической партии на создание буржуазной республики с ее президентом Ли Сын Маном путем «всеобщего сплочения» с привлечением всех без

исключения, даже прояпонских элементов и национальных предателей.

Тогда зампредседателя ЦК Союза демократических женщин Ан Син Хо, член президиума совещания, ударив кулаком по столу, заявила, что кроме линии, намеченной Ким Ир Сеном, нет другой политической линии, которую должен поддерживать Союз демократических женщин. И совещание было прервано без принятия каких-либо решений.

Ан Син Хо немедленно навестила Ким Чен Сук и рассказала о том, что случилось на совещании. Выслушав ее, Ким Чен Сук сказала: «Значит, сегодня на совещании клика Пак Хен Сук выявила свое нутро. Надо вовремя сорвать ее вылазки».

Ан Син Хо до тех пор знала только преступления, совершенные Пак Хен Сук до возрождения Родины: она в сговоре с американскими миссионерами создала христианскую женскую организацию и вместе с Чо Ман Сиком была причастна к «Енчжонхвэ» – организации прояпонских прислужников, ратуя за компромисс с оккупантами, за непротивление.

От Ким Чен Сук узнала Ан Син Хо подлинное нутро Пак Хен Сук, выявившееся после возрождения страны.

С возрождением Родины Пак Хен Сук вместе с Чо Ман Сиком пролезла на ответственные посты в Демократической партии и Народном политическом комитете провинции Южный Пхеньан и мешала осуществлению линии Компартии на строительство новой Кореи. Она была также причастна к «Национальной партии женщин» – правой реакционной партии, созданной в Сеуле.

Ким Чен Сук сказала, что Союз женщин сможет до конца выполнить задачу раскрепощения женщин только под руководством партии рабочего класса, и подчеркнула необходимость сорвать попытки реакционеров создать антинародное правительство, а для этого разоблачить их нутро.

На следующий день совещание было продолжено, и на нем были вполне разоблачены и резко осуждены гнусные происки Пак Хен Сук и других реакционерок. Реакционерки в

спешке покинули зал совещания, но и после этого Пак Хен Сук продолжала свои подрывные действия.

Ким Чен Сук приняла меры для того, чтобы разоблачить реакционные вылазки Пак Хен Сук. На совещании актива Союза женщин и на собраниях местных женских организаций была проведена интенсивная работа по разоблачению преступлений Пак Хен Сук, закончившаяся исключением ее клики из Союза женщин.

Позже Ким Чен Сук, вспоминая события тех дней, сказала: мы смогли предотвратить раскол женского движения и добиться идейно-организационного единства рядов Союза женщин, исключив клику Пак Хен Сук своевременно, сразу после возрождения Родины.

В то время внутри женского движения немало наблюдалось групп, течений и различных тезисов. В частности, проблемой стали пережитки буржуазного женского движения.

Весной 1946 года ЦК Союза женщин созвал совещание, на котором присутствовала Ким Чен Сук. Касаясь вывешенных на улицах лозунгов «Защитим человеческие права женщин!», «Настоящее раскрепощение женщин начинается с завоевания права на участие во власти!», она спросила, почему они оставлены до сих пор.

Одна из ответственных работниц ответила: «Вокруг этих лозунгов не раз шли дискуссии среди работниц ЦК Союза женщин, но к единому мнению так и не пришли. Мы решили обратиться к Вам за советом по окончании настоящего совещания».

Ким Чен Сук отозвалась: «Для успешного завершения проходивших неоднократно дискуссий нужно исходить из выдвинутых Полководцем Ким Ир Сеном идей о женском движении и курса на строительство организаций Союза женщин».

«Еще в первые дни после освобождения страны, – сказала она, – Полководец, освещая путь вперед, по которому должно идти женское движение в Корее, выдвинул лозунг «Все женщины, как одна, поднимемся на строительство новой, демократической Кореи, крепко сплотившись под

демократическим знаменем!» Нам надо повесить этот лозунг».

Что касается «защиты человеческих прав женщин», продолжала она, то это лозунг буржуазного женского движения, выступающего за права женщин в эксплуататорском обществе, где попраны все человеческие права. Но это далеко от лозунга о раскрепощении женщин, выдвинутого рабочим классом. Если говорить о «праве на участие во власти», то это означает право на участие женщин в парламентской политике при капитализме. Оно, следовательно, чуждо политическим правам женщин-трудящихся. Наша народная власть проводит ряд мероприятий по защите прав женщин. И женщины избираются членами народных комитетов всех ступеней и наравне с мужчинами принимают участие в политической жизни страны. Они стали хозяевами заводов, хозяевами земли. При этих условиях два упомянутых лозунга не соответствуют требованиям нашей революции. Вредность этих лозунгов наглядно сказалась в «борьбе против содержания наложницы», которая отражена в политическом отчете провинциальных женских организаций по успешному проведению земельной реформы...

В период земельной реформы в некоторых районах фракционеры разглагольствовали, что-де женщины могут участвовать в государственном строительстве, только вернув себе человеческие права. Вместо того, чтобы мобилизовать женщин на земельную реформу, они заставили их вести «борьбу против содержания наложницы». Вызывали наложниц на собрание женской организации, унижали их личность. Не принимали женщин их семей и родственниц в женскую организацию или исключали из нее. Так женская организация, представляющая собой организацию политического воспитания, вела себя, как орган юстиции или администрации, поднимая повсеместно пустую шумиху. Вследствие этого работниц женской организации стали называть «грубиянками», и женщины боялись вступить в женскую организацию. Женщины, бросившие жизнь

наложницы, скитались по улице, не имея средств к существованию, а те, кто имели содержанку, со злобой нападали на работниц женской организации.

Ким Чен Сук советовала работницам Союза женщин извлечь урок из таких явлений, лучше разобраться во всех вопросах, встающих в женской работе, и решить их согласно идеям и воле Ким Ир Сена.

Она заботилась также о том, чтобы женщины-кисэн, которые подвергались при японцах всяким унижениям и оскорблениям, расстались с позорным прошлым и встали на путь новой, полнокровной жизни.

Ким Чен Сук помогла работницам в составлении проекта программы Союза демократических женщин Северной Кореи.

Однажды Хо Чжон Сук, ведающая этой работой, зашла к Ким Чен Сук и поведала, что дело составления программы не идет на лад. «Участники этой работы, – говорит Хо Чжон Сук, – занимают две противоположные позиции: одни требуют включить в программу статью о защите человеческих прав женщин и их избавлении от политико-юридической кабалы, другие – включить статью о ведении борьбы за раскрепощение и актуальные интересы женщин сплоченными и организованными силами неимущих женщин. А я сама толком не знаю, как составить программу».

Прослушав ее, Ким Чен Сук отметила: первая позиция – повторение программы буржуазного женского движения, а вторая - механическое копирование программы раскрепощения пролетарских женщин, выдвинутой социалистами – деятелями женского движения. Чтобы составить верную программу Союза женщин, надо хорошо знать самобытную идею Полководца Ким Ир Сена о решении женской проблемы периода демократической революции. Как он отметил, основные задачи женщин возрожденной Кореи – ликвидировать последствия господства японского империализма и пережитки феодализма, добиться подлинного социального освобождения женщин, завоевать полный суверенитет и независимость Родины путем активного участия всех женщин в государственном строительстве.

«По нашему мнению, – сказала она, – все женщины должны считать первейшей задачей Союза женщин борьбу за создание КНДР, что и является основной политической задачей партии. Да еще можно включить в программу такие проблемы, как окончательное освобождение женщин от колониальной и феодальной эксплуатации, возвышение их политического и экономического положения как хозяев власти и хозяев земли и заводов, избавление женщин от личного закабаления и неравенства, их освобождение от феодальных дурных привычек, векового невежества, непросвещенности и так далее».

Вот так и был составлен проект программы Союза демократических женщин Кореи. Проект высоко оценил Ким Ир Сен.

Эта первая программа Союза демократических женщин была единогласно принята на его I конференции, проходившей с 10 мая 1946 года.

Ким Чен Сук дала ясный ответ и на вопрос о традициях женского движения в Корее, который встал как сложный вопрос к тому времени в этом движении.

Союз демократических женщин был создан путем слияния разных женских организаций, и выходцы из женских организаций, находившихся под влиянием Демократической партии или христианства, ратовали за свои «традиции», а некоторые женщины - выходцы из женского союза, примыкавшего раньше к Коммунистической партии, утверждали, что, мол, женское движение в Корее берет начало от каких-то «борьбы» и «движения», развернутых раньше фракционерами.

В некоторых статьях началом женского движения в Корее считалось организованное в 1924 году «Общество подруг-женщин Кореи» и пространно говорилось об его «заслугах». Восхваляли даже «деятельность» прояпонской организации «Общества патриотических женщин».

ЦК Союза демократических женщин решил дать отпор таким неверным взглядам, поместив в журнале «Корейская женщина» статью от имени заведующего отделом пропаганды ЦК. Но работницы ЦК Союза женщин допустили еще одну ошибку. Они сами толком не понимали сути данного вопроса, поэтому, с одной стороны, подвергали острой критике такую

реакционную женскую организацию, как «Общество патриотических женщин», а с другой – приняли за «традиции» женского движения в Корее всякую «борьбу» женщин, имевшую место внутри и вне страны.

Именно в то время, в феврале 1947 года, работниц ЦК Союза женщин пригласила к себе Ким Чен Сук.

Перелистывая журнал «Корейская женщина» (февральский номер), она объяснила неправильность тех или иных взглядов по вопросу о традициях женского движения в Корее. «Подлинные традиции женского движения в нашей стране, – сказала она, – сложились в результате того, что Полководец Ким Ир Сен встал на путь революции и повел корейскую революцию и женское движение к победе».

Благодаря наличию заложенных им этих глубоких и крепких корней корейского женского движения, продолжала она, стало возможным немедленно создать массовую политическую женскую организацию – Союз демократических женщин в трудных, сложных обстоятельствах сразу после возрождения Родины. Следовало бы вести активную пропаганду, чтобы женщины правильно поняли революционные традиции, которые должно унаследовать женское движение в Корее.

Она разъясняла формы и методы пропагандистской работы.

Союз женщин интенсивно проводил пропагандистскую работу по воспитанию своих членов в духе революционных традиций, которые предстояло унаследовать женскому движению в Корее, усиливал непримиримую борьбу с попытками извратить или принизить их.

Таким образом Союз демократических женщин Кореи стал твердо отстаивать, наследовать и развивать революционные традиции, заложенные в годы антияпонской революционной борьбы.

Чтобы избавить женщин от феодального закабаления и бесправия и повести их по пути созидания новой жизни, нужно было скорее объединить их в политическую организацию.

Ким Чен Сук выезжала на Пхеньянскую

зерноперерабатывающую фабрику, в восточнопхеньянский и другие районы, чтобы активно помогать созданию женских организаций и энергично поднять широкие массы женщин на строительство обновленной Родины.

К тому времени на Пхеньянской зерноперерабатывающей фабрике не было женской организации. Инструктор профсоюзной организации по делам женщин – не женщина, а рослый мужчина среднего возраста. Он курировал социально-политическую жизнь работниц. Такое наблюдалось и на других предприятиях – мужчина выполнял роль председателя женской организации. Это стало вопросом, решение которого не терпело дальнейшего отлагательства.

Ким Чен Сук сказала, что серьезной ошибкой является то, что не была создана женская организация на таком предприятии, как зерноперерабатывающая фабрика, где женщины составляют большинство трудового коллектива.

«Сейчас женская организация, – отметила она, – не пустила свои корни в гущу женщин промышленных предприятий и деревни. Это прямо противоречит намеченному Полководцем Ким Ир Сеном принципу строительства женской организации. Правда, важно объединить в женскую организацию и домохозяек, но намного важнее сплотить в организации трудящихся женщин. При сплочении широких масс женщин в женской организации главный упор надо делать на вовлечение трудящихся женщин – таково принципиальное требование строительства женской организации».

После этого на той зерноперерабатывающей фабрике началась работа по созданию женской организации. В третьей декаде марта того же года женские организации были созданы во всех цехах, а затем образовался фабричный комитет Союза женщин.

Много проблем было и в основании женской организации из домохозяек. Некоторые женские организации принимали только бедных женщин, игнорируя предпринимательниц, торговок и членов их семей.

Однажды, пребывая в жилом квартале Сансонгё, Ким Чен Сук

спросила работницу женской организации:

«Почему так мало членов в сельской женской организации?»

Последовал ответ, что в селе много женщин, но быстро расширять их организацию невозможно, потому что среди женщин немало предпринимательниц, торговок и членов их семей, верующих, женщин-кисэн и тому подобных, которых нельзя принять в ряды женской организации.

«Нет ли среди них желающих вступить в женскую организацию?» – спросила Ким Чен Сук.

Работница сельской женской организации ответила:

«Недавно женщины из семей средних и малых предпринимателей и торговцев просились в организацию, но мы отказали им, чтобы сохранить чистоту ее рядов. Доложили об этом организации высшей инстанции, которая одобрила нашу позицию».

Выслушав ее, Ким Чен Сук сказала:

«Как желает Полководец Ким Ир Сен, мы должны принимать в женскую организацию различные слои женщин, желающих внести вклад в строительство новой, демократической Кореи».

Благодаря усилиям Ким Чен Сук, направленным на претворение в жизнь линии Ким Ир Сена на развитие женского движения, в ноябре 1945 года, когда был создан Союз женщин, в его рядах насчитывалось 150 тысяч человек, а в мае 1946 года, когда состоялась I конференция Союза, – более 600 тысяч, а в конце того же года – 1 миллион.

Резкий рост рядов Союза женщин настоятельно требовал качественного укрепления его организаций и повышения политико-делового уровня их руководителей.

В то время фракционеры и неблагонадежные чуждые элементы пытались удалить с руководящей работы в Союзе женщин выходцев из рабочих и крестьян, ссылаясь на их неграмотность. И наблюдалось немало случаев, когда руководители женских организаций из среды трудового народа теряли уверенность в себе и отступали перед этим напором.

В начале мая 1946 года Ким Чен Сук встретилась с

работницами ЦК Союза женщин – участницами I конференции Союза. Она передала им, что Ким Ир Сен предложил организовать специальный семинар для работниц женских организаций сразу после I конференции Союза женщин. Она сказала:

«Собрать в одном месте работниц женских организаций всей страны – дело не простое. Если, пользуясь этим случаем, организовать семинары, то, пожалуй, будет много пользы как для повышения уровня их подготовленности, так и для развития работы женских организаций».

Таким образом, проходил 15-дневный специальный семинар. Он дал хорошие результаты в деле повышения уровня работниц женских организаций.

30 июля 1946 года был обнародован Закон о равноправии женщин. В тот день Ким Чен Сук встретилась с работницами ЦК Союза женщин, поделилась с ними радостью и посоветовала им провести торжественные митинги не только в центре и в провинциях, но и в уездах, волостях, селах, в учреждениях, на предприятиях, в школах, деревнях и рыбацких поселках – повсеместно, где живут женщины. Она также указала на формы и методы проведения этих мероприятий. Так вся страна была охвачена праздничной атмосферой, а заодно повышалась сознательность женщин, стремящихся защищать свои права и достоинство.

Через несколько дней после этого, в начале августа, Ким Чен Сук получила информацию из провинции Хванхэ: одна семья выгнала сноху, которая заболела после родов и уже второй год лежит в постели. Родители мужа больной вывезли ее на телеге и оставили во дворе дома ее родителей. Этот поступок был основан на феодально-конфуцианском вероучении «семь оснований для развода с женой»[36] и «три заповеди для женщины»[37]. Больная женщина стала жертвой старой, изжившей себя этики, навязывающей женщинам безусловную покорность и унижение. Произошла крупная ссора между свойственниками, между родами, вызвав шумные общественные толки.

Ким Чен Сук рассматривала этот случай не как простой семейный раздор, а как проявление старой феодальной этики, как зло, мешающее социальному освобождению женщин.

Аналогичные явления, отличающиеся друг от друга лишь по их формам, наблюдались не только в провинции Хванхэ. Одна женщина, например, была изгнана из семьи за то, что упрекала мужа, увлеченного азартной игрой, а другая – за «непочтительное отношение» к родителям мужа: она подала им миску с кипятком одной рукой, ибо другая рука у нее была воспалена.

Ким Чен Сук отметила, что все это – последствия укоренившейся годами дурной привычки, которая не может быть устранена юридической контролью или кратким разъяснением, и, следовательно, женские организации должны развернуть борьбу за ликвидацию последствий такой старой этики, как «три заповеди для женщины», «семь оснований для развода с женой». Вскоре эта борьба развернулась в массовом порядке повсеместно в стране.

Вместе с тем Ким Чен Сук обращала серьезное внимание и на искоренение суеверий среди женщин.

Однажды в декабре 1947 года она зашла в ЦК Союза женщин и спросила его сотрудниц, знают ли они, что случилось на днях в уезде Рёнган провинции Южный Пхеньан из-за суеверия.

Никто не мог ответить. Ким Чен Сук сказала: «Вот о чем придется мне рассказать вам. Одна женщина захворала, а ее дочь, не обратившись к врачу, пригласила шаманку на сеанс магии, продолжавшийся целых три дня. В конце концов женщина умерла. Такие суеверия не изжиты среди женщин, что создает большие помехи строительству нового общества и развитию женского движения. По мотиву истории с жертвой суеверия в уезде Рёнган надо интересно сочинить и поставить на сцене одноактную пьесу». При этом она напомнила, что в годы антияпонской революционной борьбы революционный спектакль «Молельня»[38] оказывал огромное влияние на массы.

Позже в провинции Южный Пхеньан на сцене была поставлена пьеса на тему ликвидации суеверий, которая вызвала сенсацию. Пьеса, созданная провинциальной организацией Союза женщин, произвела на людей несравнимо большее впечатление, чем публичная лекция, разъяснительная беседа и контроль.

Ким Чен Сук советовала: «Женская организация должна хорошенько воспитывать бывшую шаманку и гадалку так, чтобы они сами разоблачили вздорность суеверия на собрании и собеседовании. Это тоже даст большой эффект, пожалуй, не меньший, чем выступления художественной самодеятельности». Вскоре такие собрания и собеседования проводились везде и всюду.

По мере активизации подобной деятельности женских организаций постепенно исчезали суеверия, которые в прошлом пронизывали духовный мир многих женщин. Так произошла перемена в их идейно-духовной жизни.

Освобождение женщин от феодальной кабалы и скованности суевериями – это эпохальная перемена не только в истории женского движения Кореи, но и в пятитысячелетней истории корейского народа.

А Ким Чен Сук рассматривала это событие как первый шаг в эмансипации женщин. Потому что действительное равноправие женщин и их социальное освобождение будут осуществлены только тогда, когда во всех областях общественной жизни они будут занимать равное с мужчинами место, вместе толкая колесо телеги, имя которой – революция.

21 мая 1946 года Ким Ир Сен лично принял участие в церемонии начала работ по изменению русла реки Потхон и первым вынул лопатой грунт. Вечером того дня Ким Чен Сук встретилась с руководителями провинциальных, городских и уездных женских организаций – участницами 15-дневного специального семинара, организованного по окончании I конференции Союза женщин. Она сообщала им о церемонии и предложила: «Следовало бы, чтобы и наши женщины, ставшие хозяевами новой Кореи, наряду с

мужчинами сооружали дамбу реки Потхон. Предлагаю собравшимся здесь работницам Союза женщин, хотя бы на один день прервав семинар, первыми поднять факел ударного труда. Как вы думаете?»

Все участницы семинара горячо одобрили ее почин.

Далее она сказала: «Участие наших женщин в работах по изменению русла реки Потхон нацелено не просто на решение проблемы рабочей силы. Если наши женщины будут принимать активное участие в этих работах, то это, в конце концов, послужит хорошим моментом для изменения общественного сознания в отношении места и роли женщин в стране, станет фактом реального воплощения равноправия женщин в области политики, экономики, культуры, во всех сферах общественной жизни».

Весть о том, что и женщины будут участвовать в работах по изменению русла реки Потхон, тут же облетела весь Пхеньян, и женщины города ночью стали готовиться к участию в этих работах. На следующий день – 22 мая сотрудницы ЦК Союза женщин и более 200 участниц семинара направились на стройку. К ним присоединились и другие женщины города Пхеньяна. Их ряды вскоре насчитывали более 1000 человек. Когда они с развевающимися флагами Союза женщин стройными рядами пришли на работу уверенной поступью, многочисленные мужчины молодого и среднего возраста были просто ошеломлены этой неожиданностью. Со временем все больше женщин выходили на стройку. Но немало женщин все еще заперлись у себя дома.

Чтобы мобилизовать на эти работы домохозяек, Ким Чен Сук выступает с инициативой провести митинг домохозяек города Пхеньяна.

16 июня начинается вторая ударная трудовая вахта по изменению русла реки Потхон, нацеленная на завершение работ на основных участках. Утром на спортивной площадке Квансонской средней школы собралось более 10 тысяч домохозяек. На ветру реют флаги Союза женщин и плакаты, которые принесли женские организации города. Под духовой оркестр женщины громко поют песни,

выкрикивают лозунги. Это был крупномасштабный митинг женщин-домохозяек, невиданный в истории Пхеньяна. После доклада и выступлений было принято благодарственное письмо в адрес Ким Ир Сена.

После митинга женщины в приподнятом настроении направились на стройку – на реку Потхон. Эта грандиозная трудовая вахта впервые продемонстрировала силу корейских женщин, сплоченных вокруг Полководца Ким Ир Сена и вставших на движение за государственное строительство.

15 июля 1946 года эта огромная задача была выполнена – за каких-то 55 дней, вопреки утверждениям некоторых людей о том, что на это не хватило бы и три года. Большую роль здесь сыграли женщины.

В те дни, когда шли работы, Ким Чен Сук в простой спецовке выходила на стройку без никакого сообщения. Работала вместе с членами женской организации – вынимала грунт лопатой, порой большой в группе, и переносила его на спине в мешке. Вдохновляла женщин на трудовые подвиги личным примером. В июле шли сильные дожди, но почти каждый день она выходила на работу. Со временем из уст в уста передавались слухи, что Ким Чен Сук вместе с сыном выходит и работает на стройке.

Однажды старик преклонного возраста, который, стоя на дамбе, внимательно следил за работами, подошел к ней и отвесил низкий поклон.

«Вы что, дедушка, что с вами?» – взяла она его за руки, воткнув в землю лопату.

«Корейской нации, – говорил старик взволнованным голосом, – улыбнулось счастье – мы имеем солнце нации в лице Полководца Ким Ир Сена, небом ниспосланного. Да еще вы, Ким Чен Сук, лично работаете, глубоко вникая в душу всего народа. С чем же сравнить ваше благодеяние! С высотой неба, что ли?»

Старик проживал долгое время на равнине у берега реки Потхон, страдая ежегодно от наводнений. С начала работ каждый день выходил на берег, чтобы помочь труженикам. Его взволновало то, что и женщины самоотверженно работают,

соревнуясь с мужчинами. Он понял, что поразительная перемена в жизни женщин произошла благодаря заботе Ким Чен Сук. Ему захотелось лично поблагодарить ее за то, что вырастила хозяевами страны, достойными труженицами женщин, которые в прошлом жили в отрыве от общества, неся на себе клеймо слабого существа.

С учетом опыта работ по изменению русла реки Потхон Ким Чен Сук помогала женским организациям поднять всех женщин на грандиозную борьбу за строительство обновленной Родины. С этой целью она побывала в уезде Кенсон провинции Северный Хамген, уезде Косон провинции Канвон, уездах Тэдон и Яндок провинции Южный Пхеньан и многих других районах страны.

Когда в Корее состоялись первые демократические выборы, Ким Чен Сук приложила все усилия к тому, чтобы они привели к новому сдвигу в социальном освобождении женщин. Предстоящие выборы, сказала она, станут знаменательным событием, когда женщины страны будут реально пользоваться равными с мужчинами политическими правами, обеспеченными Законом о равноправии женщин.

С приближением выборов заметно усилились вылазки реакционеров, пытавшихся сорвать их. В иных районах при их подстрекательстве шаманки и гадалки распускали нелепые слухи: отказ от голосования приведет к предотвращению беды на три года; если не опускать баллотировочный бюллетень в урну, а взять его домой и сжечь, то будет крепкое здоровье; изменен порядок баллотировки: кто хочет голосовать за, тот должен опускать бюллетень в черную урну, если против – в белую урну. А настроенные против народной власти священнослужители разглагольствовали: третье число ноября – это воскресенье, то есть день отдохновения и молитв, так что после молитвы верующие не должны являться на избирательный пункт, а должны спокойно отдыхать дома.

В связи с вылазками реакции в третьей декаде октября Ким Чен Сук встретилась с руководителями ЦК

Союза женщин.

Она советовала им мобилизовать на предвыборную кампанию как можно больше лучших работниц и других членов женской организации, которые должны составить списки избирателей по домам, непосредственно встречаться с ними, сообщить дату выборов, разъяснить порядок голосования, все до подробностей практики.

Таким образом были сорваны вылазки реакционеров, и все женщины участвовали, как одна, в первых демократических выборах с высокой политической сознательностью и энтузиазмом.

Настало 3 ноября – день исторических первых демократических выборов. Ким Чен Сук вместе с руководителями Союза женщин приехала на избирательный участок №52 Чунсонского избирательного округа Центрального района города Пхеньяна, где и проголосовала.

Когда она вышла во двор после голосования, ее с восторгом и радостью обступили избиратели. Она сказала им: «Сегодня проводятся исторические первые демократические выборы. В голосовании как полноправные избиратели участвуют наши женщины, составляющие половину населения. Да еще многие женщины выдвинуты кандидатами в члены народных комитетов всех ступеней и, несомненно, будут избраны. Это – знаменательное событие, первое в пятитысячелетней истории нашего народа. Это наглядно показывает, что наши женщины избавлены от всякого рода личной и общественной кабалы и дискриминации, стали хозяевами в социально-политической жизни».

К тому времени в женском движении в Корее отмечалось еще одно торжество: Союз демократических женщин Северной Кореи вступил в Международную демократическую федерацию женщин. Так корейские женщины наравне с женщинами зарубежных стран вышли на международную арену.

Еще до этого, в апреле 1946 года, Ким Чен Сук после ознакомления с проектом доклада ЦК СДЖСК I конференции Союза спросила, почему в проекте не сказано, как Союз

должен действовать на международной арене.

Работницы ответили, что пока рано развертывать внешнюю деятельность.

Ким Чен Сук отметила: «Желательно поставить в повестку дня предстоящей конференции и обсудить вопрос о вступлении Союза в МДФЖ. Правда, наш Союз женщин молод, но если смело развернет свою деятельность, постепенно набираясь опыта, то покажет прогрессивным женщинам мира силу корейских женщин, тесно сплоченных вокруг Полководца Ким Ир Сена и вносящих достойный вклад в строительство новой Кореи, – и встретит их поддержку и симпатию».

Таким образом на I конференции Союза женщин был обсужден вопрос об участии в МДФЖ и решено подать официальное заявление о вступлении в нее.

МДФЖ пригласила делегата СДЖСК на внеочередной конгресс федерации, назначенный на 10 октября 1946 года, на котором должен быть утвержден вопрос о принятии СДЖСК в члены МДФЖ. 14 октября с трибуны конгресса выступила с речью представительница корейских женщин. Позже было единогласно принято решение о приеме Союза демократических женщин Северной Кореи в Международную демократическую федерацию женщин.

ХОРОШО ПОДГОТОВИТЬ БУДУЩИЕ ПОКОЛЕНИЯ

20 февраля 1946 года по предложению Ким Ир Сена был поставлен в повестку дня I заседания Временного народного комитета Северной Кореи вопрос о карандаше. На заседании было принято решение о производстве карандашей собственными силами.

По какому поводу именно этот вопрос обсуждался на I заседании высшего органа народной власти?

Однажды в январе того же года в ходе ознакомления с

условиями жизни крестьян одной деревни в окрестностях Пхеньяна Ким Чен Сук увидела, что в одном доме несколько юных школьников занимались учебой, выводя и стирая буквы на песке в ящике. Когда она спросила, нет ли у них карандашей, они ответили, что берегут их, чтобы использовать в школе.

Она развязала узелок с учебниками одного из них. В нем был лишь совсем крохотный огрызок карандаша.

Что касается Ким Чен Сук, то она сама училась родному языку с помощью ящика с песком в вечерней школе в селе Фуяньдун, а во время антияпонской вооруженной борьбы бойцы выводили буквы на снегу и земле. А почему же теперь, после возрождения страны, нельзя обеспечить детей карандашами? Ей стало тяжело на душе при такой мысли. В тот же день она рассказала Ким Ир Сену обо всем, что увидела.

Ким Ир Сен сказал: в период долгого колониального господства японцы не построили ни одной карандашной фабрики, конечно, нужно будет построить в стране большую карандашную фабрику, но на данном этапе требуется поставить дело так, чтобы средние и мелкие предприниматели больше производили карандашей повсеместно.

Ким Чен Сук думала о том, какие меры нужно принять для производства карандашей. Узнав, что в одном галантерейном магазине карандаши постоянно есть в продаже, она посетила его. Там карандаши были. Один предприниматель, который живет на равнине Потхон, выпускал их с помощью простого оборудования. Ким Чен Сук купила несколько карандашей и вернулась домой.

Попробовав писать заточенным ею карандашом, Ким Ир Сен обрадовался хорошей находке и сказал: «Ничего, наши дети могли бы им пользоваться». На следующий день он посетил мастерскую того предпринимателя и, пожав рабочим руки, запачканные графитом и углем, похвалил их за полезное дело. Он сказал, что впредь государство будет обеспечивать их всем необходимым для того, чтобы они производили больше высококачественных карандашей.

Так в феврале 1946 года на I заседании Временного

народного комитета Северной Кореи появился в повестке дня вопрос о карандаше.

В то время Ким Чен Сук заботилась о том, чтобы во всем содержании школьного обучения проходили красной нитью демократические и революционные идеи.

В третьей декаде марта того же года она посетила Пхеньянскую женскую среднюю школу №4 и побеседовала с преподавателями и ученическим активом.

В ходе беседы оказалось, что в школе не хватает преподавателей, она не обеспечивается, как положено, школьным инвентарем и всем, что необходимо для опытов и практики. Самым трудным вопросом оказалось отсутствие учебников с полноценным содержанием. Использовались учебники предметов естественных наук, таких, как алгебра, геометрия, физика и химия, которые употреблялись еще при японцах; преподавание же предметов обществоведческого цикла велось по учебным руководствам, спускаемым порою Департаментом просвещения.

Ким Чен Сук сказала: «Скоро школы будут обеспечиваться учебниками и учебным инвентарем. Сейчас вы преподаете урок школьникам в трудных условиях, но все же есть здесь важные моменты, которые вам не следует упускать в своей работе. Полководец Ким Ир Сен сказал, что самым важным вопросом сегодня в деле просвещения является осуществление демократизации образования. А для его решения необходимо прежде всего ликвидировать как можно быстрее остатки колониально-поработительского образования периода японского империализма».

Она также отметила: использование учебников по предметам естественных наук возможно, но в упражнениях по этим предметам нельзя допускать содержания, выражающего принижение корейского народа; кроме того, надо разобраться, нет ли остатков японского стиля в распорядке педагогической работы школы, в организации внеурочной жизни учеников и в работе школьной администрации.

Мы должны, продолжала она, глубоко разъяснить ученикам линию на строительство новой Кореи, выдвинутую

Полководцем Ким Ир Сеном, и вселить в них высокое сознание, что теперь корейцы не колониальные рабы японского империализма, а полноправные хозяева своей страны, независимого государства. Она подчеркнула, что нужно как следует преподавать ученикам историю, географию и культуру Кореи и, в частности, рассказывать о том, как лучшие сыновья и дочери корейского народа боролись с оружием в руках против японских захватчиков.

Далее она наставляла: не только давать ученикам живые знания, полезные для демократического строительства в стране, но и подготовить из них способных работников новой, демократической Кореи, широко вовлекая их в общественную деятельность, например, в работу агитбригад по земельной реформе.

Потом она побывала еще в нескольких школах, знакомилась с делом образования и помогала решать наболевшие вопросы.

Однажды в июле 1947 года Ким Чен Сук посетила типографию, где печатались учебники. Утром того дня Ким Ир Сен обеспокоился тем, что еще не изготовлены учебники и тетради к новому учебному году.

А в типографии издания печатали по очереди, установленной в соответствии с договорами, независимо от их важности, отчего печатание учебников было отодвинуто на задний план.

Ким Чен Сук сказала: теперь, после возрождения страны, наши люди работают не ради денег, а на революцию, так что очередность печатания изданий следует определять с точки зрения интересов революции, – значит, сейчас, перед началом нового учебного года, нет ничего более неотложного, чем издание учебников.

По возвращении из типографии она доложила Ким Ир Сену о работе типографии и высказала свое мнение: нужна специализированная типография для своевременного печатания учебников.

Тут же Ким Ир Сен распорядился: в типографии в первую очередь печатать учебники. Позже он принял меры по

созданию типографии, специализирующейся на печатании учебников. Так был успешно решен вопрос об учебниках, ставший самой большой трудностью в учебно-воспитательной работе школ.

Ким Чен Сук обращала серьезное внимание и на революционное воспитание грядущих поколений с юного возраста – через жизнь в организациях и разнообразную общественную деятельность.

В июне 1946 года она присутствовала на церемонии торжественного обещания члена Детского союза в Синянской начальной школе Пхеньяна. Учителя, сотрудники и ученики школы обрадовались ее участию в церемонии, и родители школьников пришли в праздничной одежде.

После доклада директора школы председатель дружины Детского союза прочитал текст обещания, затем на грудь каждого вступившего прикрепили детсоюзный значок.

Директор школы предложил Ким Чен Сук выступить с поздравительной речью. Это было неожиданно. В другом случае она могла бы и отказаться, но ради подрастающего поколения поднялась на трибуну.

Горячо поздравив новых членов Детского союза, она сказала:

«Глядя на вас, только что вступивших в Детский союз, окруженных заботой и вниманием Полководца Ким Ир Сена, я вспоминаю членов Детского отряда партизанской опорной базы.

Пусть тяжелы были дни, когда мы, преодолевая бушующую метель, боролись с японскими оккупантами, но Полководец Ким Ир Сен, предвидя далекое будущее революции, создал Детский отряд – подлинную организацию детей».

Она рассказала, как мужественно боролись члены Детского отряда, преодолевая суровые испытания, и продолжала:

«Красное знамя, которое Полководец Ким Ир Сен дал в руки членов Детского отряда в дни кровопролитной борьбы против японских разбойников, сегодня передано Детскому союзу Кореи, а число его членов возросло до сотен тысяч человек».

Она подчеркивала: члены Детского союза должны вырасти преданными Полководцу Ким Ир Сену, способными работниками новой Кореи, следуя примеру членов Детского отряда, сохранивших революционные убеждения до конца своей жизни.

После церемонии она встретилась с учителями – вожатыми организаций Детского союза. Сначала прочитала текст торжественного обещания и сказала: обещание члена Детского союза – это решимость, выбор пути, который делают дети с началом жизни в первой для себя организации, поэтому важнее всего дать обещание быть верным Полководцу Ким Ир Сену. Рассматривая устав Детского союза, она предложила выдвинуть вместо нынешних четырех лозунгов один лозунг – «Сплотимся под знаменем Полководца Ким Ир Сена!»

ЦК Демократического союза молодежи по ее совету обновил текст обещания и лозунг.

Таким образом, Ким Чен Сук заложила правильную основу идейно-политической работы Детского союза. Затем она выступила с инициативой вести «движение за создание образцовой организации Детского союза» и, часто встречаясь с его членами, рассказывала им о членах Детского отряда, мужественно сражавшихся во время антияпонской вооруженной борьбы, чтобы они унаследовали их несгибаемый боевой дух и революционную волю.

Она советовала шире практиковать массовые гимнастические выступления учащихся, способствующие воспитанию нового поколения в духе организованности и коллективизма.

В апреле 1947 года перед открытием спортивного дворца демсомола на поляне горы Нам в городе Пхеньяне демсомольцы готовились к «Вечеру специальных видов спорта».

В то время в Пхеньянской женской средней школе №4 физрук предложил организовать массовые гимнастические выступления. Однако он не получил поддержки – высказывалось мнение, что, мол, пока нет ни опыта, ни технического мастерства. Общее мнение склонилось к тому, чтобы выступить с несколькими простыми видами спортивных упражнений.

Узнав об этом, Ким Чен Сук, высоко оценив предложение физрука, сказала: массовые гимнастические выступления являются очень хорошим видом спорта не только для закалки организма, но и для воспитания учащихся в духе организованности и коллективизма.

«Во время антияпонской вооруженной борьбы, – говорила она, – в школах Детского отряда на партизанских опорных базах, пусть и в малом масштабе, широко практиковали такую гимнастику при проведении спортивных праздников, в ходе которых и сами дети, и зрители получали большое воспитательное воздействие. Хорошо было бы, чтобы учителя, сотрудники и учащиеся этой школы общими усилиями подготовили массовые гимнастические выступления с воспитательным содержанием».

Эти слова Ким Чен Сук были переданы физруку. Он очень обрадовался тому, что пришли ему в голову ясные творческие замыслы придать воспитательное содержание массовой гимнастике.

Вскоре после этого в один из последних дней апреля Ким Чен Сук вместе с Ким Ир Сеном присутствовала на «Вечере специальных видов спорта».

Проводились разнообразные спортивные состязания, а в завершение была представлена массовая гимнастика. Сначала учащиеся в белой спортивной форме выполняли энергичные гимнастические упражнения, демонстрируя ритмы своей полнокровной жизни в демократическом учебном заведении. Затем выступали гимнастки с красными цветами в руках. Показывая разнообразные стройные коллективные композиции, они изображали пластичными движениями чувства бесконечной славы и благодарности Ким Ир Сену. 18 учащихся вышли вперед из строя и взяли в руки буквы так, что сложился лозунг – «будем надежными, способными работниками новой, демократической Кореи!» В тот момент общий гимнастический строй с возгласом «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!» выбежал между рядами гимнасток с цветами, развернутыми в виде веера.

Ким Ир Сен остался доволен и аплодировал каждый раз, когда демонстрировалась новая сцена.

Радости Ким Чен Сук не было конца. В образе бодрых и здоровых детей она видела будущее Кореи, ведомой Ким Ир Сеном, и ощущала чувство величайшего счастья.

5 июня 1949 года по случаю третьей годовщины со дня создания Детского союза были проведены демонстрация с участием более 40 тысяч членов Детского союза и объединенный сбор детсоюзных организаций. Возвращаясь с торжественных мероприятий, Ким Чен Сук с глубоким волнением вспоминала о первомайской демонстрации членов Детского авангарда и Детского отряда, состоявшейся 16 лет тому назад в Бэйдуне, что в Ванъюйгоу. Глядя через окно машины на членов Детского союза на улице, она сказала: «Что может быть радостнее, чем видеть крепких подрастающих детей, призванных взять на себя будущее нашей Родины!»

Внимание Ким Чен Сук привлекало также воспитание детей дошкольного возраста.

В июле 1947 года благодаря ее усилиям были открыты и начали свою работу детские ясли и детсады, избранные в качестве образца для распространения опыта по всей стране.

Уже в мае 1946 года перед I конференцией Союза демократических женщин Северной Кореи Ким Ир Сен на встрече с работницами Союза – участницами конференции указал на необходимость массового создания детских яслей и садов.

Ким Чен Сук старалась найти пути осуществления этого указания.

10 января следующего года, получив сообщение о том, что найдено подходящее для детских яслей здание, она сразу отправилась на место. Осмотрев двухэтажное кирпичное здание, находящееся в тогдашнем жилом квартале Сунен Центрального района Пхеньяна, она сказала: можно использовать его под ясли, если как следует переоборудовать. Она обошла все комнаты первого и второго этажей, часто помечала что-то в своем блокноте. До

недавнего времени там размещалась музыкальная школа, комнаты были не очень уютны. Один из сопровождающих сказал: чтобы устроить здесь детские ясли, требуется здорово потрудиться – и не скрывал своей озабоченности.

Ким Чен Сук ответила: «Нам нельзя ждать дня, когда будут созданы благоприятные условия. Надо оборудовать детские ясли сейчас нашими силами. Я буду вам по возможности помогать. Давайте вплотную возьмемся за дело».

Дома она работала над этим далеко за полночь. Положила на стол большой лист бумаги и, всматриваясь в блокнот со свежими записями, сделанными при осмотре здания, рисовала эскиз цветными карандашами, стирала ластиком и снова рисовала. Проект получился детальный, указывающий расположение спальни, столовой, комнаты для кормления грудных детей, зала для игр, медпункта, раздевалки, ванной, кухни, склада и офисных помещений. Предлагалось, как обставить каждое помещение.

12 января она с тем же проектом снова вышла на место и объясняла работникам о размещении и оборудовании помещений яслей, сказала, что надо срочно выбрать необходимый персонал и при условии, когда в стране мало врачей, в больнице должен быть назначен врач, призванный специально проводить медосмотр и лечение детей в любое время на помощь медсестре, работающей в яслях.

В мае 1947 года, когда работа по оборудованию яслей подходила к концу, Ким Чен Сук осведомилась, что еще не подготовлено. Она сама сшила несколько ватных одеял из ткани, которую ей подарили товарищи по оружию, достала швейную машину, кухонную утварь, патефон и послала все это в ясли. Ею был установлен режим дня в яслях, удобный для матерей – согласованный с началом и окончанием их рабочего дня. По ее совету к дверцам платяных шкафчиков были приклеены рисунки: например, самолет, автомобиль, танк, яблоко, помидор и другие, – чтобы легко находили свой шкаф дети, еще плохо знающие буквы.

Вскоре после начала работы яслей один работник обратился к ней с просьбой дать яслям имя. Она сказала, что хорошо

было бы назвать их яслями «8 марта» в честь Международного женского дня.

Так началом истории введения подлинно народной системы охраны и воспитания детей в Корее стали образцовые ясли «8 марта», созданные под руководством Ким Чен Сук. Сегодня корейцы зовут ясли «8 марта» яслями имени Ким Чен Сук.

В сентябре 1947 года Ким Ир Сен посетил ясли «8 марта» и хвалил работников за то, что ясли хорошо устроены и очень продуманно организован режим дня. Увидев приклеенные к шкафчикам рисунки, он был доволен тем, что было хорошо придумано в соответствии с уровнем умственного развития маленьких детей и это поможет развитию их эмоции. Посмотрев, как забавно двигаются трехлетние дети, он беспокоился о том, что они могут при ходьбе и ползании по полу упасть, получить травму, и сказал, что на пол комнат для детей надо настлать ковер, имеющийся в здании ЦК партии.

Ким Чен Сук приложила большие усилия и к работе детских садов.

В 1947 году государство приняло меры по устранению одногодичного дошкольного образования детей в начальной школе и по организации трехгодичных детских садов. После этого государством и за его счет были созданы и начали работать многочисленные детские сады.

25 января 1949 года, посетив один из детских садов, Ким Чен Сук сказала: дети наивны и чутки к окружающей среде, подобно тому, как белая бумага в красном растворе окрашивается в красный цвет, в зеленом – становится зеленой, – значит, обучение и воспитание их надо строить в соответствии с этим. Обучение и воспитание детей, продолжала она, – это очень важная работа, связанная с будущей судьбою Родины и нации; будущее Родины зависит от того, как мы обучаем и воспитываем детей.

В марте того же года она вновь пришла в тот детский сад. Присутствуя на уроке, предложила давать детям, особенно старшей группы, начальные знания по школьным

предметам, поскольку им скоро предстоит поступить в школу, и обязательно воспитывать в них чувство ненависти к классовым врагам через эмоциональное воспитание на уроках пения и в детских играх.

Таким образом она сделала упомянутый детсад образцом для всей страны. В последней декаде июня она подтвердила накопленный опыт на месте и посоветовала соответствующим работникам широко распространять его.

В следующем году в Пхеньяне было проведено общереспубликанское заседание воспитательниц детских садов по обмену опытом. Но это было уже после скоропостижной кончины Ким Чен Сук. Участники заседания с глубокой скорбью по утрате Ким Чен Сук твердо поклялись еще лучше воспитывать грядущие поколения, как того она пожелала при жизни.

Ким Ир Сен считал подготовку национальных кадров ключевым вопросом в строительстве нового общества и надежной гарантией вечного процветания Родины, ставил эту работу на первое место. Ким Чен Сук с беззаветной преданностью поддерживала его высокую мысль.

Важной задачей было создание университета как питомника национальных кадров.

В июле 1946 года Ким Ир Сен провозгласил резолюцию Временного народного комитета Северной Кореи о создании университета первого народного вуза в Корее, и провел подготовительную работу.

Подготовительный комитет по созданию университета решил дать университету имя Ким Ир Сена и форсировал подготовку к его основанию.

Однажды Ким Чен Сук узнала у одного работника, что те, которые одно время шумели о «сеульском центре», ставили под сомнение идею – назвать университет именем Ким Ир Сена. Она сказала ему: ведь они с самого начала выступали против создания университета, считая, что это «преждевременно», поэтому нечему удивляться их козням; присвоить университету имя Ким Ир Сена – таково единодушное желание народа, и это вполне естественно. Она продолжала:

«Создание университета было инициативой уважаемого Полководца, и благодаря его энергичному руководству не за горами день основания университета. Давайте скорее откроем университет имени Ким Ир Сена и тем прославим на весь мир его имя. Сделаем университет имени Ким Ир Сена первоклассным в мире вузом».

Подготовка к основанию университета продвигалась ускоренно.

Ким Чен Сук задумалась над тем, как лучше обучать и воспитывать в университете из сыновей и дочерей рабочих, крестьян и погибших революционеров национальные кадры, и нашла вариант – дать им предварительное образование перед обучением на основном факультете. Она доложила об этом Ким Ир Сену.

Она также помогала делу создания новых институтов, поддерживая замысел Ким Ир Сена о создании технических вузов на основе нескольких факультетов университета. Тем самым она внесла бесценный вклад в создание высших учебных заведений в Корее, где раньше не было ни одного вуза, и началась новая история – история подготовки большого числа национальных кадров.

ЗАСЛУГИ В ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА АРМИИ

Ким Ир Сен наметил линию на немедленное превращение Корейской Народно-революционной армии в регулярные революционные вооруженные силы. Он исходил при этом из необходимости иметь сильную национальную армию, способную защитить Родину и нацию, завоевания революции, чтобы Корея стала полностью суверенным, независимым государством. И он считал это актуальнейшей задачей, не допускающей ни малейшего отлагательства в условиях, когда империалисты США оккупируют половину территории страны и лезут из кожи вон, чтобы превратить

всю Корею в свою колонию.

С самого начала своей революционной борьбы Ким Чен Сук глубоко осознала истину революции, что лишь оружием можно добиться возрождения Родины и защищать партию и вождя, Родину и революцию. И она отдавала все свои силы для осуществления линии Ким Ир Сена на строительство армии.

Первоочередное внимание было уделено ею надлежащей подготовке военных и политических кадров, которые станут ядром в превращении Корейской Народно-революционной армии в регулярные революционные вооруженные силы. Посещая Пхеньянское училище более 30 раз, она помогла ему выполнить свою миссию, свой долг как кузницы военных и политических кадров.

23 февраля 1946 года Ким Чен Сук вместе с Ким Ир Сеном участвовала в церемонии открытия Пхеньянского училища. В беседе с руководителями училища она сказала: обучение и воспитание курсантов надлежит вести, последовательно руководствуясь революционными идеями Ким Ир Сена.

В тот день она, увидев в коридоре казармы портреты известных полководцев других стран, спросила, почему представлены только эти портреты, тогда как в Корее было много известных патриотов-полководцев, посоветовала повесить портреты корейских патриотов-полководцев и сказала: любовь к Родине исходит прежде всего из глубоких знаний о своем.

Рассматривая сделанные в училище разные наглядные пособия, она подчеркнула необходимость широкого внедрения методов обучения на наглядных, живых примерах, поскольку большинство курсантов плохо владеют корейской письменностью. В военных занятиях, продолжала она, нельзя допускать механического подражания иностранным образцам, а следует вести обучение по-корейски – так же, как мы делали в годы антияпонской вооруженной борьбы.

Так в Пхеньянском училище составили всю программу обучения на основе идей Ким Ир Сена, согласно характеру и призванию училища, в духе лучшего освоения собственного,

корейского, усовершенствовали по-новому методы обучения и последовательно установили революционную атмосферу учебы в среде курсантов.

Ким Чен Сук прилагала титанические усилия прежде всего к тому, чтобы привить курсантам Пхеньянского училища и других учебных заведений по подготовке военных и политических кадров дух беззаветной преданности Ким Ир Сену. Когда была создана «Песня о Полководце Ким Ир Сене», она, обменявшись мнениями с Ким Чаком – тогдашним начальником Пхеньянского училища, посоветовала курсантам петь эту песню хором большого состава.

С января по июнь 1946 года империалисты США организовали 8 полков южнокорейских «охранных войск национальной обороны» и «войск береговой охраны», взяли в свои руки право командования ими, откровенно проявляя гнусное намерение превратить южную часть Кореи в свою вечную колонию. Сложившееся положение требовало скорее превратить КНРА в современные регулярные революционные вооруженные силы.

В связи с этой обстановкой Ким Ир Сеном были приняты новые меры для развития военного образования: в июле того же года было создано Центральное училище по подготовке кадров органов безопасности, призванное специально готовить военных командиров, а на Пхеньянское училище была возложена задача по подготовке культурно-политических работников армии.

Ким Чен Сук часто бывала в Центральном училище по подготовке кадров органов безопасности и уделяла большое внимание тому, чтобы основательно вооружить курсантов военными идеями Ким Ир Сена, приобщить их к приемам ведения боя и тактике корейского образца. Несколько раз она посещала и учебное поле для тактических занятий, разъясняла преподавателям и курсантам необходимость усвоить созданные Ким Ир Сеном непревзойденные и разнообразные тактические приемы корейского стиля, включая метод штурмового боя, боя «звук на востоке, а удар на западе», а также претворять в жизнь его курс на создание

артиллерийских войск.

Большое значение она придавала также подготовке политических работников армии.

В конце марта и в начале мая 1947 года она посетила Пхеньянское училище. Самым важным в работе этого училища, сказала она, является идейное воспитание курсантов – только при налаживании этой работы можно выпестовать из всех них политические кадры, преданные Полководцу Ким Ир Сену. Заметив в училище несколько пренебрежительное отношение к военным дисциплинам под предлогом, что оно готовит политработников, она сказала руководителям училища: если культурно-политические работники будут плохо знать военное дело, то они не смогут активно мобилизовать воинов на выполнение военных заданий, не смогут действенно помогать военным командирам в политическом плане.

5 октября 1947 года, в день 3-го выпуска курсантов Пхеньянского училища, Ким Чен Сук снова посетила его. Она горячо поздравила выпускников, которые пойдут на разные участки строительства революционных вооруженных сил, и сказала: «Надежда Полководца Ким Ир Сена на вас – ядро нашей партии, политработников Народной Армии, велика. Первейшая ваша задача в частях и подразделениях – основательно вооружить всех воинов его революционными идеями и тесно сплотить их вокруг него, чтобы они были беззаветно преданы делу корейской революции».

Большие усилия были приложены ею и к подготовке командного состава разных видов регулярных вооруженных сил.

Подготовка кадров для видов вооруженных сил, родов войск и специальных войск – одно из непреложных требований строительства регулярной армии. Однако обстановка первых дней после возрождения Родины не позволяла сразу создать все учреждения по подготовке ведущих кадров для всех видов вооруженных сил, родов войск и специальных войск.

17 марта 1946 года принятые Ким Ир Сеном меры привели к созданию в Пхеньянском училище авиационного отделения.

30 июня Ким Чен Сук вместе с Ким Ир Сеном приехала в

Пхеньянское училище. В тот день она разъясняла руководителям училища его планы по вопросам создания военно-воздушных сил новой Кореи и подчеркнула необходимость быстро завершить строительство аэродрома собственными силами училища. Затем она пошла на стройку и помогала курсантам в их труде, воодушевляла их на скорейшее завершение работ.

Коллективным ударным трудом училище к концу июля создало все условия для тренировочных полетов и начало летную подготовку. Уже 11 августа курсанты показали Ким Ир Сену и Ким Чен Сук демонстрационный полет.

В ноябре следующего, 1947 года Ким Чен Сук у себя дома встретилась с одним работником, назначенным начальником военно-морского училища по подготовке кадров органов безопасности, и сказала ему: «Корее, омываемой морями с трех сторон, нужны мощные военно-морские силы, способные надежно защищать родные моря. Самый надежный и быстрый путь создания военно-морских сил – это подготовка у себя кадров военно-морского флота». Она просила его скорее подготовить кадры военно-морских сил, которые способны умело организовать и командовать боями на море, управлять современными военными кораблями.

Она просила также ответственных работников соответствующей провинции оказывать активную помощь созданию военно-морского училища, мобилизуя на это массы.

Таким образом, благодаря ее усилиям, направленным на подготовку костяка регулярной армии, революционные вооруженные силы Кореи с первого дня превращения их в Корейскую Народную Армию стали армией партии; еще крепче стала ее военно-политическая основа, чтобы она могла с честью выполнить свою высокую миссию как защитницы дела корейской революции.

В напряженные дни создания регулярной армии Ким Чен Сук посвятила много времени налаживанию интендантской службы.

Актуальнейшим вопросом в то время явилось обеспечение военным обмундированием. Тогда еще не была определена военная форма, и не только солдаты, но и командиры носили

разнообразную одежду, в которой они вступили в армию, а у некоторых – даже трофейные японские военные мундиры.

В связи с этим вопросом Ким Ир Сен осветил принцип – наследуя традиции, заложенные во время антияпонской вооруженной борьбы, изготовить военное обмундирование корейского образца, которое ярко отражает характер революционной армии, армии народа, соответствует национальным особенностям, мироощущению и удобно для ведения боевых действий.

Часто бывая на военной швейной фабрике, Ким Чен Сук советовала скорее создать образцы обмундирования и снаряжения, таких, как военная форма, ремень, головной убор, погоны, вещмешок, патронташ, подсумки для магазинной коробки, фляги и саперной лопатки и так далее.

25 февраля 1947 года был выпущен образец военного обмундирования.

Первым военной формой нового образца был обеспечен личный состав комендантского взвода. Ким Чен Сук сама осмотрела образцы формы и исправила недостатки, а потом посоветовала показать форму Ким Ир Сену. Осмотрев бойцов комендантского взвода в новой военной форме, он указывал: воротник гимнастерки должен быть отложным, к нему пришить вставку синего цвета, закрывающую шею, подшить дополнительную ткань к рукавам и штанинам, застегивать их на пуговицы, сделать головной убор пониже и двухслойной.

Ким Чен Сук позаботилась о том, чтобы военная форма немедленно была переделана по его указаниям.

В тот же день, демонстрируя перед ним девушек, одетых в женскую военную форму, она высказала свое мнение, что изготавливаемый образец юбки не подходит к телосложению корейской женщины и, кажется, сковывает действия. Она предложила сделать юбку девушки-бойца регулярной армии в складку, расширенную книзу, учитывая форму юбки женщины-бойца антияпонской партизанской армии.

Ким Ир Сен, согласившись с ней, сказал, что вещмешок, который он также рассматривал, сделан не очень хорошо, и

рекомендовал изготавливать его более практичным и удобным для военных действий.

На следующий день утром Ким Чен Сук показала ему вещмешок, который она сама переделывала всю ночь напролет, и спросила, нравится ли ему этот вещмешок, изготовленный в подражание партизанскому вещмешку. Размер вещмешка был подходящим, чтобы в нем поместились нужные воину провиант, патроны и НЗ, к нему были прикреплены шнурки для пристегивания одеяла и карман для часто используемых вещей, – разъясняла она. В партизанском отряде для лямок вещмешка употребляли бязь без обработки, но это, видимо, не подходит для регулярной армии, и она сделала их, прострочив ткань в два слоя.

Ким Ир Сен внимательно смотрел вещмешок, слушая ее объяснение, и был доволен: вещмешок был хорош на вид и удобен для использования, его легко будет производить на фабрике, а стеганные помочи подходят к облику воина регулярной армии, к тому же это дает значительную экономию ткани.

17 марта 1947 года Ким Ир Сен утвердил эти образцы обмундирования как военную форму Корейской Народной Армии и дал задание обеспечить производство летних военных мундиров, чтобы до конца апреля их могли надеть все воины.

Ким Чен Сук почти каждый день ездила на военную швейную фабрику и другие предприятия, помогая их коллективам увеличить производство путем внедрения поточного метода и повысить качество продукции. С мая того года все воины уже имели возможность носить новую военную форму, а армия – обрести облик регулярных революционных вооруженных сил.

В конце октября 1947 года Ким Ир Сен указал: 8 февраля следующего года, по случаю второй годовщины со дня создания центрального органа власти, провозгласить перед всем миром создание Корейской Народной Армии на основе превращения Корейской Народно-революционной армии в современные регулярные вооруженные силы и вместе с тем в тот же день

торжественно провести военный парад КНА.

Для военного парада следовало дополнительно произвести военное обмундирование на 1200 с лишним офицеров и более чем на 6000 солдат. До назначенного срока оставалось всего три месяца, а производительность фабрик была ограничена. Среди некоторых работников интендантской службы было даже мнение – изготовить военную форму для парада в другой стране.

Ким Чен Сук рассказала руководящим работникам и рабочим об указаниях Ким Ир Сена. А он отметил, что нельзя даже думать о том, чтобы обеспечить участников парада военными мундирами иностранного производства. Когда мы воевали в горах, сказала она, весной и осенью партизанки швейного подразделения шили военную форму ночи напролет, чтобы переодеть в нее партизан. В то время нам надо было доставать и ткань и вату собственными силами, притом в обстановке продолжающихся боевых действий: обмундирование изготавливалось и ручной швейной машинкой после переделки большой иглы в подходящую для машинки, и вручную. Однако мы ни разу не сорвали срока, назначенного Полководцем Ким Ир Сеном.

Вдохновленные ее словами, рабочие форсировали производство с духом и энтузиазмом партизанок швейного отделения КНРА и обеспечили к сроку выпуск военной формы для участников парада.

Ким Чен Сук взяла на себя и работу по изготовлению воинских знамен.

Она не только заботилась обо всем процессе от составления эскиза воинских знамен до их изготовления, но и сама вместе с другими женщинами семей офицеров занималась вышивкой и строчила на швейной машинке.

Сегодняшние воинские знамена революционных вооруженных сил Кореи пропитаны ее неутомимым трудом тех дней.

Она приложила самые искренние усилия к подготовке форменной одежды Ким Ир Сена для принятия военного парада, включая мундир, пальто, головной убор и сапоги.

Наряд стоящего на трибуне парада Полководца Ким Ир Сена и сегодня видит корейский народ на фотографии и в кадрах документального фильма: он был приготовлен ею.

8 февраля 1948 года в Пхеньяне состоялся военный парад, провозглашающий создание регулярных вооруженных сил, рождения которых так страстно желал и ждал корейский народ.

В тот день Ким Чен Сук тоже пришла на парадную площадь. Она аплодировала марширующим чеканными шагами воинам и с почтением смотрела на Ким Ир Сена, стоящего на трибуне. На ее глаза навернулись слезы. Как она ждала того момента!

Она сказала стоящим рядом ветеранам антияпонской революции:

«В мире не было случая, когда какой-нибудь выдающийся военачальник создал, укрепил и развил армию при таком тяжелом условии и такой дорогой ценой, как это сделал наш Полководец Ким Ир Сен. В этом смысле наша Народная Армия и сегодня, и в будущем навеки должна быть армией великого Полководца».

Повлажнели и глаза у ветеранов антияпонской революции. Они были охвачены глубоким волнением при мысли о том, что Ким Ир Сен прилагал титанические усилия ради этого дня, а Ким Чен Сук сделала все необходимое для осуществления его дела строительства армии.

И после военного парада она не жалела времени и сил для скорейшего укрепления и развития Народной Армии.

Ким Ир Сен непрерывно расширял ряды Народной Армии, установил в ней стройную организационно-командную систему и создал новые рода войск.

Вынашивая план по созданию могучих и современных механизированных танковых частей в Народной Армии, он в начале августа 1948 года дал Рю Ген Су задание сформировать первую танковую часть.

Ким Чен Сук сшила Рю Ген Су военную форму и ему сказала: «В этой форме отражается горячее желание

товарищей по революции, чтобы вы как можно быстрее организовали мощную танковую часть». Она подчеркнула необходимость создания непобедимой, могучей брони.

Часто бывая на месте, она помогала ему в формировании танковой части. Она раздавала танкистам письменные принадлежности, необходимые для занятий и тренировки, вдохновляя их проявлять высокий энтузиазм в боевой подготовке, и принесла им листовой табак, выращенный дедушкой Ким Ир Сена в Мангендэ, – наставляла их активно заниматься тренировкой, как надеется народ.

Однажды в разгар тренировки она вместе с Ким Ир Сеном посетила эту войсковую часть. Сопровождающий их зарубежный военный специалист сказал, что, наверное, потребуется по меньшей мере год для подготовки танкистов так, чтобы они умели управлять танком своими руками. Выслушав это, Ким Чен Сук сказала командирам части: «Нам некогда так долго осваивать танковую технику, как в другой стране. Если хорошо организовать тренировки и руководить ими в соответствии с уровнем подготовки воинов, то можно успеть за более короткий срок. Наши воины наверняка постараются уложиться в несколько месяцев».

В части форсировали тренировки своими, корейскими приемами, в результате воины освоили технику управления танком за три месяца и смогли даже устроить военный парад.

Глядя на парадный строй танков, мчащихся грозно вперед, Ким Чен Сук сказала: «В горах мы боролись без танков, но сегодня, когда страна возрождена, должно быть много танков. Американцы, оккупировав Южную Корею, намереваются захватить и Северную, поэтому невозможно воевать с одними лишь винтовками, как раньше: надо еще более укрепить Народную Армию, увеличивая число таких механизированных частей, как танковые».

Однажды в июне 1949 года она посетила авиачасть и узнала, что одна женщина, которая работает в библиотеке штаба, очень хочет стать летчиком. Она сказала: «По-моему, это очень похвально. Пусть она станет летчицей, об

этом сказал Полководец Ким Ир Сен. Наши женщины отличаются стойкостью, высоким патриотизмом, они вполне способны водить самолет». Она рассказывала, как успешно проходили женщины-бойцы КНРА парашютные тренировки, в которых возникали затруднения даже у мужчин.

Благодаря такому доверию Ким Чен Сук первой в Корее летчицей стала Тхэ Сон Хи, которая впоследствии совершила героический подвиг во время Отечественной освободительной войны.

В 1949 году несколько швейных фабрик и заводов по производству снаряжения были подчинены Особому управлению промышленности Кабинета Министров. Ким Чен Сук приложила большие усилия к увеличению производства продукции на этих предприятиях.

6 марта того года она посетила швейные фабрики, ознакомилась с производственным процессом, с положением дел. После этого она выступила с лекцией перед рабочими. Она рассказывала: все более откровенными становятся провокационные вылазки империалистов США и южнокорейской марионеточной клики, направленные на развязывание новой войны; не бывает дня, когда на 38-й параллели не звучали бы выстрелы; в стране создается напряженная ситуация, и война может вспыхнуть в любой момент. Далее она рассказала о борьбе партизанок швейного подразделения во время антияпонской вооруженной борьбы, воодушевляя руководителей и рядовых рабочих фабрик, чтобы все они с глубоким пониманием важности своих задач прилагали настойчивые усилия для производства обмундирования и снаряжения.

Вдохновленные этим, рабочие швейных фабрик проявили новаторство и добились заметных успехов: за несколько месяцев произвели сверх плана большое количество военных мундиров и снаряжения.

Серьезное внимание Ким Чен Сук уделяла также хозяйственному обеспечению воинов. Она не раз бывала в

подсобном хозяйстве, подведомственном управлению тыла КНА, и советовала его работникам добиться образцового ведения овощеводства и свиноводства и затем распространить этот опыт во всех подсобных хозяйствах воинских частей. Кроме того, она посетила хлебобулочную фабрику, проявляя заботу о том, чтобы обеспечивать воинов разнообразным питанием, изготовлять не только высококачественный хлеб, но и большое количество сухарей, удобных для употребления как во время боевой подготовки, так и в случае непредвиденных событий.

Поддерживая курс Ким Ир Сена на военное строительство, Ким Чен Сук отдала много сил созданию армейской газеты «Корейская Народная Армия» и повышению идейно-политического уровня публикуемых материалов.

В начале мая 1948 года она ознакомилась с пробным номером газеты, подготовленным недавно созданной редакцией газеты «Корейская Народная Армия». Оказалось, редакция механически подражала стилю военной газеты другой страны, и большую часть газетной площади заняли публикации об армии той страны; у газеты не было своего лица – не было особенностей, присущих военной газете именно Кореи. Это было связано с тем, что большинство журналистов, редакторов и руководящих работников редакции раньше занимались литературной деятельностью не в военной сфере, да и у них не хватало опыта редактирования газеты.

Получив информацию о таком положении дел в редакции военной газеты, Ким Ир Сен организовал полуторамесячный семинар для военно-политической подготовки ее редакторов и журналистов.

4 июля, сразу же после окончания семинара, Ким Чен Сук посетила редакцию газеты. Поскольку цель газеты Народной Армии, сказала она, заключается в разъяснении и пропаганде военных идей и линии Полководца Ким Ир Сена, в мобилизации воинов на их осуществление, то следует писать о традициях антияпонского партизанского отряда и военно-

политической подготовке нашей армии, твердо придерживаться собственных позиций в редактировании газеты.

На следующий день работникам редакции газеты Народной Армии было передано указание Ким Ир Сена: приступить к выпуску учредительного номера газеты.

7 июля, когда ускоренными темпами велась подготовка к выпуску первого номера газеты, Ким Чен Сук снова выехала в редакцию.

Ознакомившись с макетом первого номера газеты, составленным работниками редакции, она сказала: не мешало бы поместить портрет Полководца Ким Ир Сена на первой странице, в центре передовой статьи, а под заглавием газеты – отрывок из его речи на недавнем военном параде КНА. Она посоветовала также помещать заметки с фотографиями о тех, кто отличился в военно-политической подготовке, отклики жителей, гордящихся славной регулярной армией суверенного, независимого государства, письма от родных семей бойцам, стоящим на страже Родины, и другие материалы, которых работники редакции даже не предусмотрели.

Посмотрев план четвертой страницы, она сказала: сегодня утром сообщалось, что американские стервятники бомбили рыболовные суда Южной Кореи, вышедшие на промысел возле острова Ток, в результате чего потоплены суда и убиты рыбаки. Надо больше помещать таких материалов, чтобы повысить ненависть воинов к американским агрессорам.

Наконец, 10 июля был выпущен учредительный номер газеты КНА.

Ким Ир Сен вернулся домой на обед с газетой в руке, довольный отличным редактированием первого номера газеты КНА.

Ким Чен Сук сразу позвонила ответственному работнику редакции. Она высоко оценила труд сотрудников редакции по выпуску первого номера газеты и сообщила, что Ким Ир Сен похвалил их за его отличное редактирование.

Линия Ким Ир Сена на строительство армии успешно претворялась в жизнь. КНА начала превращаться в непобедимые революционные вооруженные силы, современную могучую армию, способную продемонстрировать внушительность своей мощи. Видя ее славный облик, Ким Чен Сук чувствовала глубокое волнение и гордость: стала явью заветная мечта о регулярной армии – мечта тех партизан, которые, ночуя под открытым небом на раздольях чужбины, вели кровопролитные бои с японскими агрессивными полчищами, оснащенными современной техникой. И она проливала слезы от тоски по боевым товарищам по революции, которые сложили голову на поле боя, не дожив до этого дня.

14 октября 1948 года состоялась церемония второго выпуска Первого центрального военного училища. Рано утром она вышла в сад резиденции, где ветеран антияпонской революции Сон Чжон Чжун ожидал Ким Ир Сена, чтобы сопровождать его на выпускную церемонию. Тот предложил ей участвовать вместе с Ким Ир Сеном в церемонии.

Ким Чен Сук ответила:

«Да, непременно пойду. Какое это радостное событие! И вы, товарищ Сон, наверное, помните, как мы на занятиях в Байши-таньском тайном лагере горячо обсуждали вопрос о скорейшем создании регулярной армии после освобождения Родины».

В тот день она вместе с Ким Ир Сеном приняли участие в церемонии выпуска и смотрели тактическую подготовку курсантов с боевой стрельбой. Она сказала: «Какое это радостное и славное дело! Вчерашние рабочие и крестьяне стали хозяевами страны и получают образование в военном училище».

После ознакомления с тактической подготовкой она направилась в столовую и, засучив рукава, вместе с бойцами-поварами готовила специальные блюда для курсантов. Это был один из самых радостных дней в ее жизни.

Много лет спустя на встрече с ответственными

работниками ЦК партии Ким Чен Ир, вспоминая о матери того времени, сказал:

«Когда я недавно осматривал историко-революционный музей в объединенном военном училище имени Кан Гона, видел там фотографии, показывающие, как много труда вложил товарищ Ким Ир Сен в строительство регулярных революционных вооруженных сил сразу после освобождения страны. Они произвели на меня большое впечатление. Среди них был снимок, где сфотографированы вождь-отец, мать и я, присутствовавшие на церемонии второго выпуска Первого центрального военного училища 14 октября 1948 года. На этой фотографии мать опустила голову: она плакала. Тогда я спросил, что с ней случилось, и она ответила, что при виде строя таких молодцеватых наших офицеров ей вспоминаются период антияпонской вооруженной борьбы и павшие товарищи по революции...

Поистине велики заслуги матери в истории строительства армии».

Действительно в строительстве армии нет такой отрасли, в которую не вложен был бы неутомимый труд Ким Чен Сук. Сегодня непобедимые вооруженные силы надежно защищают небо, землю и море Кореи, вся страна превратилась в своего рода неприступную крепость и осуществлено вооружение всего народа. На первых страницах этой славной истории записаны ее бессмертные заслуги.

ДУМАЯ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ РОДИНЫ

Ночью 22 сентября 1981 года Ким Чен Ир сказал работникам следующее:

«Наверное, немного таких людей, которые бы так же страстно желали объединения Родины, как моя мать. Пришли как-то к ней ветераны антияпонской революции и говорили: теперь, в отличие от периода борьбы в горах Пэкту, у нас есть территория, власть и богатство страны, – почему бы вам не

сшить себе хоть один комплект красивой одежды. На их сердечные слова мать отвечала, что после объединения страны, когда все соотечественники будут жить зажиточно в хорошей одежде, мы тоже счастливо заживем в шелковой одежде. Мать, всегда думая прежде всего об объединении Родины, отодвигала свое все счастье на задний план».

Объединить Родину – это было самым горячим желанием и чаянием Ким Чен Сук. Во имя приближения того дня, когда вся нация будет жить на объединенной Родине, она отдавала все свои силы с первых дней после возрождения страны.

Раскол территории страны на две части – несчастье и трагедия, навязанные корейскому народу американскими агрессорами, которые влезли в Южную Корею в масках «освободителя» и «помощника». Однако после возрождения страны некоторые люди, обманутые лживой пропагандой противника, строили иллюзии в отношении американского империализма. Как-то на встрече с Ким Чен Сук один работник рассказывал, как он попал в затруднительное положение при проведении пропаганды. Когда он закончил пропагандистскую работу, одна женщина интеллигентного вида задала вопрос: с какой точки зрения следует рассматривать дислоцированные в Южной Корее американские войска, не «освободители» ли и они, состоявшие в союзнических вооруженных силах? А тот работник не смог дать ясного ответа.

Во время второй мировой войны, объяснила Ким Чен Сук, американские империалисты участвовали в составе армий союзников, они никогда не упускали из виду цель – получить побольше плодов победы в войне, подчинить себе побежденные в войне страны, а затем и союзные государства и тем самым осуществить свои планы завоевания мирового господства. Вряд ли готовы были проливать кровь за освобождение Кореи враги, которые на протяжении истории совершали акты агрессии против Кореи, осуществляли разграбление ее богатств. Правда состоит в том, что лишь через 20 с лишним дней после освобождения

Кореи амерканские войска влезли в Южную Корею, не выстрелив ни одной пули и не пролив ни капли крови, – как же назвать такие войска словом «освободитель»? Американские войска – это не «освободитель», а агрессор, оккупировавший Южную Корею. Надо крепко помнить, что агрессивная природа американского империализма не меняется – так же, как и волк не может превратиться в овцу, и повышать бдительность.

Когда Ким Чен Сук встречалась с руководящими работниками или беседовала с жителями, она часто обращалась к вопросам объединения Родины, раскрывала раскольнические происки империалистов США, вселяла в своих слушателей решимость самостоятельно объединить Родину сплоченными силами всей нации. Она обращала серьезное внимание, в частности, на то, чтобы вдохновить революционеров, представителей различных слоев населения, весь народ Южной Кореи на священную борьбу за объединение страны.

Их память запечатлела облик Ким Чен Сук, сочетающей опыт работы с массами, приобретенный давно в революционной борьбе, и необыкновенное обаяние, – облик уважаемого учителя.

В начале 1946 года Ре Ун Хен[39] приехал в Пхеньян. Проживая около месяца в резиденции Ким Ир Сена, он пользовался теплым гостеприимством Ким Чен Сук и был восхищен ее личными качествами. По возвращении в Сеул он часто говорил членам своей семьи и друзьям следующее:

«До сих пор я видел много героинь и выдающихся женщин не только в Корее, но и за рубежом. Но нигде я не встречал такой женщины, как Ким Чен Сук. Она женщина-полководец, прославленный меткий стрелок и политическая деятельница, обладающая широким политическим кругозором и зрелостью, и к тому же она такая умная, нежная, скромная и простая. Такого человека, как Ким Чен Сук, больше не было, нет и не будет на Востоке и на Западе».

В юношеские годы Ре Ун Хен, лелея надежду на возрождение Родины, кричал «Ура!» в дни

Первомартовского движения. Приняв участие в международной конференции по вопросам права восточных наций на самоопределение, он изложил горести слабой и малой колониальной нации. Посетил «Шанхайское временное правительство»,[40] встречался и с самозваными участниками коммунистического движения. Объезжая ряд стран Азии и Европы, встречался с людьми, считающимися выдающимися личностями. Словом, он был известным человеком Кореи того времени. Как-то премьер-министр Японии вызвал Ре Ун Хена в императорский дворец в Токио, посулил ему титул барона и обещал назначить губернатором Тайваня. Но тот категорически отказался, заявив, что лучше жить батраком в независимой Корее, чем стать японским бароном и губернатором или каким-нибудь другим чиновником более высокого ранга.

Пройдя такой жизненный путь, он был гордым, привык не преклоняться перед известными миру политиками, героями и выдающимися личностями. Однако, прожив почти месяц в резиденции Ким Ир Сена, он был полностью покорен достоинствами Ким Чен Сук и по возвращении в Южную Корею не уставал восхвалять ее.

Враги соблазняли Ре Ун Хена обещаниями дать образование в США двум его дочерям, которые учились в женском университете Рихва. Однако он послал их в Пхеньян, доверив Ким Ир Сену и Ким Чен Сук. Это говорит о том, какое глубокое доверие и уважение он питал к ним, как солнцу нации и маяку объединения.

К 1948 году создалось более серьезное препятствие на пути к объединению Кореи. Сорвав работу Совместной советско-американской комиссии, американские империалисты в ноябре 1947 года незаконно протащили в ООН «корейский вопрос» и, используя машину голосования, добились принятия резолюции об установлении в Южной Корее сепаратного «правительства».

В связи с этим Ким Ир Сен наметил курс, направленный на то, чтобы тесно сплотить все патриотические силы Севера и Юга и сорвать попытки

империалистов США сфабриковать марионеточное сепаратное «правительство». Затем он выдвинул предложение созвать Совместное совещание представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи.

Ким Чен Сук развернула активную деятельность для того, чтобы это совещание стало решительным переломным моментом в борьбе против попыток американских империалистов увековечить раскол Кореи, за ускорение процесса объединения Родины. В плане приглашения южнокорейских делегатов, разработанном подготовительным комитетом совместного совещания, предусматривалось лишь 6 - 7 делегаток от Южной Кореи. Узнав это, Ким Чен Сук спросила, почему так мало делегируется женщин от Южной Кореи, и сказала: надо, чтобы южнокорейские женщины правильно понимали намерения Полководца Ким Ир Сена, созывающего совместное совещание, и реальную жизнь в Северной Корее, где народ стал хозяином страны. И будет хорошо, если приедет как можно больше, хотя бы на одну, делегаток из Южной Кореи. Таким образом, в совместном совещании в качестве делегаток участвовали все южнокорейские женщины, подавшие заявки.

Когда они прибыли в Пхеньян, Ким Чен Сук узнала, что они одеты по-разному и у некоторых из них были испорчены платья во время перехода 38-й параллели. Она позаботилась о том, чтобы более чем 20 делегаткам за одну ночь сшили корейскую национальную одежду в соответствии с их телосложением и возрастом и они участвовали в совещании в присущем корейской нации наряде.

На совещании южнокорейские делегатки видели Полководца Ким Ир Сена и с глубоким волнением приняли его предложение об объединении Родины. 27 апреля Ким Ир Сен и Ким Чен Сук приняли их, а спустя два дня Ким Чен Сук еще раз встретилась с ними. Она расспросила, не болен ли кто-нибудь из них и какие неудобства в их жизни, и сказала, что они, наверное, тоскуют по семьям, поскольку уже прошло 10 с

лишним дней. Затем рассказала о направлении их дальнейшей деятельности. Речь шла о том, чтобы больше южнокорейских женщин выступали в поддержку духа совместного совещания и еще более энергичнее вели борьбу за спасение Родины, а в данный момент сосредоточили силы на борьбе за срыв «сепаратных выборов 10 мая»[41].

А когда наступил день отъезда южнокорейских делегаток, одна ответственная работница Союза независимых женщин Южной Кореи обратилась с просьбой разрешить им еще раз увидеться с Ким Чен Сук.

Этот союз был небольшой женской организацией, находящейся под влиянием национализма, по своим политическим позициям был промежуточной группировкой. Делегатки из этого союза во время пребывания в Пхеньяне ни с кем не общались, а на экскурсиях проявляли созерцательность и равнодушие.

А во время встречи с Ким Чен Сук та ответственная работница союза выразила свою решимость: по возвращении в Сеул поставить вопрос о слиянии Союза независимых женщин с Союзом демократических женщин Южной Кореи. Это был приятный сюрприз. Что касается этой женщины, то она родилась в семье последователей буддизма, с молодости под значительным влиянием национализма относилась с неприязнью к женским организациям, находящимся под влиянием коммунистической партии, и в то же время повернулась спиной к реакционной женской организации клики Ли Сын Мана, Ким Сон Су. И вот такая женщина неожиданно выступила с инициативой слияния с Союзом демократических женщин. Собственно говоря, тогда они приехали в Пхеньян как любопытствующие – просто посмотреть реалии Северной Кореи. Однако все, что они видели и слышали, было для них совсем ново и восхищало их. Они понимали, что в результате осуществления задачи национального освобождения и решения вопроса о власти в Северной Корее закон вполне обеспечивает равноправие женщин с мужчинами – они пользуются всеми правами гражданина. Кроме того, они осознали, что Союз

демократических женщин Южной Кореи призывает женщин прежде всего на борьбу против американских оккупантов и их приспешников, за объединение и независимость Родины. Вот, исходя из этого, они и решили слиться с Союзом демократических женщин.

Ким Чен Сук сказала: «Очень отрадно, что вы в Пхеньяне имели правильное представление о Севере, но у меня иное мнение насчет слияния двух женских союзов».

Работницы Союза демократических женщин Северной Кореи и гостьи из Южной Кореи думали, что она будет приветствовать слияние двух женских организаций.

Чуть позже Ким Чен Сук пояснила: на данном этапе сливать Союз независимых женщин с Союзом демократических женщин Южной Кореи нецелесообразно; они выдвигают разные лозунги, поэтому если сейчас слить эти две организации, то может не получиться согласия между их членами, да и, если судить по составу Союза независимых женщин, после слияния могут, кажется, появиться такие, кто, не согласившись со слиянием, вознамерится организовать новую, еще одну женскую организацию.

В Союзе независимых женщин, продолжала она, состоят в основном женщины из среды интеллигенции, верующих, торговок и предпринимательниц, придерживающих националистической позиции. В Южной Корее немало женщин, принадлежащих к этим категориям. В пробуждении этих женщин, в привлечении их к антиамериканской борьбе за спасение Родины Союз независимых женщин может сыграть значительно большую роль, чем Союз демократических женщин Южной Кореи, основной состав которого составляют трудящиеся женщины. По-моему, Союзу независимых женщин вместо роспуска своей организации следовало бы вовлекать в свои ряды больше женщин из средних слоев и идти в ногу с Союзом демократических женщин Южной Кореи в борьбе за объединение Родины.

Такое научное суждение может сформулировать только выдающийся политический деятель с необыкновенной проницательностью и богатым опытом революционной деятельности.

Растроганная этим, ответственная работница Союза независимых женщин дала обещание: запечатлев ее советы в душе, укрепить свою организацию как патриотический коллектив, борющийся против американских захватчиков, за объединение Родины, идти рука об руку с Союзом демократических женщин Южной Кореи, а в данный момент активно бороться против «сепаратных выборов и сепаратного правительства».

По возвращении домой делегатки южнокорейских женских организаций задали свой тон в общенациональной борьбе за срыв «сепаратных выборов 10 мая». Союз независимых женщин решительно сорвал попытки империалистов США и клики Ли Сын Мана вовлечь его в поддерживающую их реакционную женскую организацию. Он вместе с южнокорейским Союзом демократических женщин стал членом Единого демократического отечественного фронта в июне 1949 года, когда ЕДОФ сформировался путем слияния Единых демократических национальных фронтов Северной и Южной Кореи.

В упомянутом совместном совещании участвовало немало ультраправых политических деятелей Южной Кореи.

Ким Ир Сен уделял особое внимание работе с Ким Гу. Он говорил, что его поведение на данном совещании станет пробным камнем для определения вопроса, смогут ли коммунисты образовать единый фронт с правыми националистами Южной Кореи или нет.

Что касается Ким Гу, то он во время японского владычества был главой «Шанхайского временного правительства», а после возрождения страны стал лидером ультраправой Независимой партии Южной Кореи. Вся его жизнь была отдана борьбе с коммунизмом. Поэтому немало работников считали почти невозможным повернуть его к коалиции с коммунизмом.

Однако Ким Чен Сук верила, что если у Ким Гу есть национальная совесть и он правильно поймет осуществленные в Северной Корее мероприятия в интересах народа и эпохальные перемены, а также курс Ким Ир Сена

на самостоятельное объединение Родины, то он сможет вступить на путь коалиции с коммунизмом.

Она вовлекла в работу с Ким Гу Ан Син Хо, которая хорошо знала линию и политику Трудовой партии Северной Кореи и которой Ким Гу мог верить. Одно время ее старший брат Ан Чхан Хо занимал важный пост в «Шанхайском временном правительстве»; сама же Ан Син Хо была с давнего времени в отношениях необычайно близкой дружбы с Ким Гу.

После возрождения Родины Ким Ир Сен, высоко оценивая антияпонский патриотический дух Ан Чхан Хо, тепло заботился о членах его семьи: Ан Син Хо вступила в ТПСК и совмещала должность председателя женской организации города Нампхо и зампредседателя ЦК Союза демократических женщин Северной Кореи.

За несколько дней до начала совместного совещания Ким Ир Сен у себя дома сказал Ан Син Хо, что в совещании будет участвовать Ким Гу, что ее очень удивило.

После ухода Ким Ир Сена на работу она пошла к Ким Чен Сук, настолько взволнованная и обеспокоенная, что было не свойственно ее более чем шестидесятилетнему возрасту. Ким Чен Сук предложила ей сесть и спросила, что случилось.

«Слушала крайне удивительную новость. Только что от Полководца узнала, что в Пхеньян приедет Ким Гу, чтобы участвовать в совместном совещании Севера и Юга».

«А тут нет ничего удивительного, уважаемая. Все те, кто желает объединения страны, должны сплотиться воедино – это идея Полководца. Почему же Ким Гу нельзя приехать в Пхеньян, если он хочет объединения?»

Однако Ан Син Хо сказала, что, как она полагает, обсуждать общенациональный вопрос об объединении Родины с таким антикоммунистом, как Ким Гу, просто невозможно и, более того, может провалиться большое дело, связанное с воссоединением страны.

Ким Чен Сук разъяснила ей политику Ким Ир Сена по созданию единого фронта.

Выслушав ее слова, Ан Син Хо признала свою близорукость и сказала: когда приедет Ким Гу, расскажу ему обо всем, что я знаю о политике Ким Ир Сена.

Спустя несколько дней Ан Син Хо снова пришла к Ким Чен Сук и сказала: «Я готовилась к беседе с Ким Гу, но никак не приходит на ум, с чего и как начать. Я ломаю и ломаю голову над этим за несколько дней и вот, наконец, снова пришла к вам».

«Что и как говорить? с улыбкой сказала Ким Чен Сук. – Здесь ничего сложного. Расскажите ему, пожалуйста, все, что вы видели, слышали и испытали в Северной Корее, – все, как оно есть. До сих пор Ким Гу, вероятно, думает, что коммунисты огульно отвергают таких националистов, как он. Кроме того, он, наверное, верит злостной пропаганде наемной печати Южной Кореи, что в Северной Корее у помещиков отняли землю, чтобы раздать ее нескольким людям. Он, может быть, верит и в абсурд, будто в Северной Корее запрещают религию и разрушили все буддийские храмы. Вы должны дать ему понять, что все это ложь. Вместе с тем расскажите ему о том, что вы сами видели и чувствовали – какую политику проводит Полководец Ким Ир Сен, как он трудится без сна и отдыха на благо Родины и нации. Можете также сказать, что вы работаете на важном посту в Союзе женщин, и еще о каких-нибудь других вещах. Тут ничего трудного нет».

Ан Син Хо, наконец, обрела уверенность в себе и смелость и поспешила с подготовкой к встрече с Ким Гу.

В середине апреля Ким Гу приехал в Пхеньян и в тот же день был принят Ким Ир Сеном.

Ким Ир Сен горячо приветствовал Ким Гу и оценил его приезд в Пхеньян для участия в совместном совещании как мужественный патриотический поступок.

Ким Гу охватило глубочайшее волнение. Он был полностью пленен обликом молодого и стройного Полководца Ким Ир Сена – светлого будущего корейской нации, человека беспредельно скромного и сердечного, преисполненного мудрости и страсти...

Перед его безмерным великодушием и благородной

нравственностью без следа исчезли былое высокомерие и монументальность великана Ким Гу, который всегда надевал на себя длинный халат *турумаги* и грозно смотрел на людей через очки.

Когда взволнованный встречей с Ким Ир Сеном Ким Гу вернулся в гостиницу, к нему пришла Ан Син Хо. Их встреча была трогательной. Поздоровавшись друг с другом, они поделились сокровенными думами. Потом Ан Син Хо рассказывала ему о действительности Северной Кореи, в частности, о величии и народном облике Ким Ир Сена, что она сама видела и ощущала, и о том, как она наслаждается плодотворной жизнью благодаря его заботе.

Во время пребывания в Пхеньяне Ким Гу посетил отчий дом Ким Ир Сена в Мангендэ, где он родился, – увидел, как занимается земледелием и скромно живет его дед Ким Бо Хен, которому было тогда под восемьдесят. В Мангендэском революционном училище Ким Гу встретился с сыном Рян Сэ Бона, бывшего командующего Армией независимости, учащимся теперь благодаря заботе Ким Ир Сена. Посетив гору Рёньак, видел, что здесь в порядке содержится, как и раньше, монастырь, где когда-то он сам скрывался во избежание слежки японской полиции. Побывал он и на металлургическом заводе Хванхэ, где его поразил гордый вид рабочих завода, которые своими руками восстановили разрушенную японскими самураями доменную печь и непрерывно выплавляют железо, и всем существом ощутил дух народа Северной Кореи, твердой поступью идущего вперед. Все было так, как ему рассказывала Ан Син Хо.

Перед отъездом из Пхеньяна Ким Гу еще раз встретился с Ким Ир Сеном и сказал: «Я решил поддерживать Вас, Полководец Ким Ир Сен. Вы небывалый в мировой истории великий человек и единственный вождь Кореи».

По возвращении в Южную Корею Ким Гу широко пропагандировал величие Ким Ир Сена, его выдающуюся политическую линию и курс на объединение Родины и отдал всего себя борьбе за коалицию с коммунизмом и воссоединение страны, поддерживая линию Ким Ир Сена.

Ким Чен Сук помогала работникам всегда твердо придерживаться самостоятельной позиции в решении вопроса объединения Родины и тесно сочетать борьбу за воссоединение страны с международной антиимпериалистической и антифашистской борьбой.

В январе 1949 года на расширенном заседании ЦК Союза демократических женщин был заслушан доклад о деятельности корейской делегации, которая участвовала во 2-м Международном женском конгрессе. Было решено созвать совещание актива Союза женщин, чтобы принять соответствующие меры.

На встрече с работницами ЦК Союза демократических женщин Ким Чен Сук сказала: «Самый главный смысл 2-го Международного женского конгресса – в том, чтобы бороться против фашизма и империализма, защищать мир и безопасность во всем мире, вернуть женщинам их права, попранные угнетателями, и охранять их. Этот вопрос мы должны решить в том направлении, чтобы создать благоприятную обстановку в борьбе за строительство нового общества и объединение Родины. Поэтому, по моему мнению, было бы хорошо, чтобы в совещании участвовали не только женщины – активистки Северной Кореи, но и многие делегатки Южной Кореи, чтобы это был женский слет общекорейского масштаба».

Далее она предложила: не мешало бы принять и опубликовать обращение, исходя из характера и содержания обсуждаемого на совещании вопроса.

Работницы ЦК Союза женщин запланировали: посоветоваться с женскими организациями Южной Кореи, созвать общекорейскую конференцию и принять на ней обращение к женщинам всей страны.

Ким Ир Сен, получив предложение о принятии таких мер, выразил свое удовлетворение и предложил назвать форум Общекорейским слетом женского актива.

Рассмотрев проект обращения, Ким Чен Сук отметила: главная цель слета женского актива состоит в том, чтобы активизировать борьбу всех женщин Севера и Юга Кореи против американского засилья, за самостоятельное объединение

страны, в частности, воодушевлять борьбу патриотически настроенных женщин Южной Кореи. Поэтому в обращении необходимо сделать главный упор не на вопрос экономического строительства в Северной Корее, а на вопрос борьбы против американского империализма и марионеточной клики Южной Кореи, вопрос объединения Родины, выступая с призывом к южнокорейским женщинам.

6 февраля того года в Пхеньяне открылся Общекорейский слет женского актива, на котором было принято это обращение. О нем широко информировали СМИ, оно распространялось через женские организации среди женщин Севера и Юга Кореи, вдохновляя их всех на борьбу против американских захватчиков и за спасение Родины.

Патриотически настроенные женщины Южной Кореи вышли на демонстрации, требуя немедленного вывода американских оккупационных войск и свержения марионеточного «правительства» Ли Сын Мана. Они или непосредственно участвовали в энергично развернувшейся в разных районах Южной Кореи партизанской борьбе, или оказывали ей помощь.

Ким Чен Сук проявляла теплую заботу о приехавших в Пхеньян южнокорейских революционерах, которые боролись за революцию на Юге страны и объединение Родины. Среди них были южнокорейский революционер Сон Си Бэк, супруги Кан Гю Чхан и Ко Чжин Хи – борцы сопротивления на острове Чэчжу.

В один из воскресных дней августа 1948 года Сон Си Бэк посетил Мангендэ. Отвесив низкий поклон Ким Бо Хену и Ли Бо Ик – деду и бабушке Ким Ир Сена, он отдыхал в тени тополя, который посадил и вырастил Ким Хен Чжик, отец Ким Ир Сена. Тут Ким Чен Сук встретилась с ним.

«Какие мытарства вы испытывали в стане врагов! Отдыхайте как следует и восстановите здоровье, пока пребываете здесь».

Сон Си Бэк выразил ей свое желание узнать о ее богатом опыте подпольной деятельности в период антияпонской вооруженной борьбы.

Она ответила, что ей нечего сказать о своем опыте. Но он просил еще и еще раз, и она рассказала: «По моему опыту подпольной деятельности среди сельчан во время антияпонской вооруженной борьбы, самое главное в борьбе в районах, контролируемых противником, – это глубоко укорениться среди народа. Если не войти в гущу масс и не пользоваться их активной поддержкой и помощью, невозможно успешно вести подпольную борьбу».

В тот день она рассказывала о некоторых непреложных правилах, которыми нужно руководствоваться в подпольной работе. Речь шла о том, что прежде всего нужно найти актив среди масс, воспитывать его и, опираясь на него, создать крепкие подпольные революционные организации, а вокруг них тесно сплотить широкие массы, о том, что при создании новой подпольной организации или ее расширении необходимо обязательно наладить прикрытие, о том, что следует лучше различать своих и врагов и повысить революционную бдительность в каждом деле и так далее.

«Самым главным в подпольной деятельности, – подчеркнула она, – было без спешки и суеты при любых трудностях хладнокровно и решительно действовать с незыблемой революционной верой в Полководца Ким Ир Сена и решимостью следовать только за ним».

Сон Си Бэк был глубоко тронут ее словами. По возвращении в Южную Корею он расширял подпольные организации и, отважно ведя борьбу, внес большой вклад в срыв гнусных махинаций врагов, направленных против КНДР. Позже он был арестован врагами, но до последней минуты жизни стойко сохранил свои революционные убеждения.

После возрождения Родины супруги-революционеры Кан Гю Чхан и Ко Чжин Хи создали народный комитет на острове Чэчжу, самоотверженно боролись за проведение политики Ким Ир Сена во всей Южной Корее. Они вели вооруженную борьбу против «сепаратных выборов и сепаратного правительства», фабрикуемых американскими империалистами, и в марте 1948 года перешли в Северную

Корею, в объятия Ким Ир Сена, оставив четырех детей на острове Чэчжу.

Они были окружены заботой и вниманием Ким Ир Сена. Кан Гю Чхан работал на важном посту в ЦК партии, а Ко Чжин Хи – в Пхеньянском городском народном комитете. Оба были избраны южнокорейским народом депутатами и участвовали в сессии Верховного Народного Собрания КНДР. Ким Ир Сен, встретившись с ними, ценил их как борцов – супругов, депутатов, избранных на острове Чэчжу.

Ким Чен Сук несколько раз встречалась с Ко Чжин Хи и заботилась о ее работе и жизни. Когда Ко Чжин Хи стала учиться в Центральной высшей школе по подготовке руководящих кадров, то воодушевляла ее, чтобы она хорошо занималась – достойно для слушателя-депутата ВНС.

Ким Чен Сук не раз вела задушевную беседу с Ко Чжин Хи и узнала, что она с мужем беспокоятся о четырех детях, оставленных на острове Чэчжу. Ким Чен Сук сказала об этом Ким Ир Сену, чтобы привезти их к родителям. Когда они справляли новоселье, Ким Чен Сук послала им комплект мебели, постель, рис и даже дополнительные продукты, а через несколько дней сама посетила их и тепло обняла детей.

Ким Чен Сук сказала Ко Чжин Хи: «После объединения Родины поедем вместе с Полководцем Ким Ир Сеном на озеро Пэкнок в горах Ханна. Тогда я посмотрю, как вы гарцуете на гнедом коне».

Таким образом, она непрерывно вселяла в сердца этих супругов горячее стремление к объединению Родины.

Когда началась Отечественная освободительная война, супруги Кан Гю Чхан и Ко Чжин Хи до последней минуты своей жизни мужественно сражались за освобождение своего родного края на самой передовой линии фронта и в тылу противника. Они внесли большой вклад в победу в великой Отечественной освободительной войне и в осуществление дела объединения Родины.

12. БЛАГОРОДНЫЕ ЧУВСТВА ДОЛГА И ЛЮБВИ

КУРСАНТЫ МАНГЕНДЭ

Вскоре после своего триумфального возвращения на Родину Ким Ир Сен встретился с ветеранами антияпонской революции. На встрече с ними он говорил: «Семьи, дети погибших соратников разлетелись в суматохе антияпонской войны, и теперь их судьба никому неизвестна. Наш долг – разыскивать их, глубоко позаботиться о них, хорошенько воспитать их. Погибшие товарищи доверили нам своих маленьких детей, просили нас после возрождения Родины дать им образование и воспитать из них революционеров. За весь период своей тяжелой борьбы я ни на минуту не забывал этих завещаний. Теперь пора выполнить их. Будем разыскивать их всех, возьмем под опеку, дадим им хорошее образование, подготовим из них достойных революционеров, какими были их отцы и матери».

Его слова возбудили у ветеранов революции воспоминания о трудных днях борьбы с японскими захватчиками, когда по его советам в партизанских районах учредили школы Детского отряда, воспитывали там революционеров из детей погибших боевых друзей. Тогда Ким Чен Сук заменяла им родную мать или сестру. Люди в наши дни знают детскую роту из главных сил КНРА, оставившую глубокий след в истории корейской революции. Пройденный ею путь лучше слов рассказывает о высочайших чувствах революционного долга и любви к юным бойцам, проявленных Ким Ир Сеном и Ким Чен Сук.

Ранним утром в июне 1942 года они, прохаживаясь

вдоль берега речки Собэк у Пэктусанского тайного лагеря, говорили, как после возрождения Родины разыскать всех детей погибших боевых друзей и подготовить из них надежную смену революции.

И вот страна возрождена. Каждый день Ким Ир Сена был заполнен делами до предела. Напряженного труда требовали задачи: создать и укрепить партию и народную власть, довести до победы проходящие в стране глубокие демократические преобразования с последующим закреплением их достижений, осуществить планомерное развитие народного хозяйства, создать регулярные революционные вооруженные силы.

В бурном потоке сложнейших дел Ким Ир Сену все-таки удалось добиться многого: в марте 1946 года он создает Общество по оказанию помощи борцам против японских империалистов, предназначенное содействовать социальной и государственной поддержке семей павших революционеров, в том числе их детей, а в следующем году революционное училище в Мангендэ и комиссию по набору в училище. Вместе с тем он рассылает в разные районы страны и за границу ветеранов антияпонской революции и других работников с заданием разыскать и привезти в Пхеньян детей павших революционеров.

На встречах с боевыми друзьями и соответствующими работниками, отправляющимися с таким заданием, Ким Чен Сук говорила: «Не думайте возвращаться обратно после одно- и двухразового розыска этих детей. Разыскивайте месяц, а то и другой, пока не найдете их».

Так летом 1947 года Рим Чхун Чху встретился с ней, отправляясь в Восточную Маньчжурию. Его задание – разыскать детей павших революционеров на Северо-Востоке Китая и привезти их на Родину. В беседе с ним она вспоминала каждого из многих боевых друзей, погибших смертью храбрых на поле брани против японских захватчиков. «Пусть придется обшарить весь мир, – сказала она, но надо найти. С таким подходом к делу вы сможете найти всех этих детей».

Сама она до того времени не имела никаких вестей о

судьбе своих родных. Она горела стремлением найти всех детей погибших боевых друзей, дать им возможность учиться по своему желанию, воспитать из них надежных продолжателей дела революции и осуществить желание погибших.

Все предпринятые Ким Ир Сеном меры в этом направлении и старания Ким Чен Сук не пропали даром. Отовсюду в Пхеньян стали съезжаться многочисленные дети павших революционеров.

Теперь все внимание Ким Чен Сук было уделено созданию временного корпуса здания училища, место для которого было выбрано в селе Кан. Посетив корпус, она объясняла рабочим, что здесь будут учиться дети революционеров, которые отдали свою жизнь борьбе за возрождение Родины. Это дом для их детей, продолжала она, которые в прошлом переживали неимоверные страдания, знали только унижения и оскорбления. Поэтому любую работу надо сделать с любовью и заботой, пусть это всего-навсего кладка кирпича или вставка оконной рамы. И она помогала рабочим, в поте лица месила глину, подавала ее строителям.

В начале августа 1947 года, наконец, пришло сообщение, что в село Кан приехали дети погибших революционеров. Отправляясь к ним вместе с Ким Ир Сеном, она сильно волновалась.

«Говорят, приехали наши дети. Так хочется видеть их. А сколько-то их собралось... Вот уже сейчас волнуется у меня сердце», – сказала она.

Машина въехала на территорию училища, и к ней бросились игравшие там дети, громко крича: «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!» Приехал родной вождь-отец Ким Ир Сен, по которому они тосковали даже во сне!

Но в нескольких шагах от него дети вдруг остановились и вдруг молча мешкали. Их терзала мысль: как в таких лохмотьях оказаться в объятиях Полководца? Рубашки с изодранными плечами, холщовые брюки, протершиеся на коленях, изношенные лапти... Ким Чен Сук следила за жалким видом детей и с острым чувством жалости и сочувствия обняла их

со словами:

«Милые дети! ...Полководец не винит вас за то, что вы плохо одеты. Это же не ваша вина».

И она слегка подталкивала их в сторону Ким Ир Сена. Только тогда дети бросились к нему в объятия, зовя «Полководец!» и заливаясь слезами. А Ким Ир Сен охрипшим от волнения голосом сказал:

«Ничего. Не плачьте. Скоро все будет в порядке: сошьем хорошую одежду, и вы будете учиться...»

В тот день он просил Ким Чен Сук скорее сшить форменную одежду, обувь и фуражку тоже.

В общей цепи подготовки к открытию училища Ким Чен Сук обращала неослабное внимание на изготовление для детей хорошей форменной одежды.

Знакомясь со схематическим рисунком формы, подготовленным работниками, она говорила: «Учтите, что это форменная одежда для курсантов революционного училища. Лучше придать ей форму военного мундира с красными манжетами, подчеркивая таким образом унаследование революционных традиций антияпонской борьбы». И она собственноручно нарисовала эскиз.

После того, как был окончательно утвержден схематический рисунок формы, она большую часть своего времени проводила в пошивочной мастерской при училище и на швейной фабрике, сделала все, чтобы изготовление форменной одежды спорилось в проворных руках швей. В результате к открытию училища все дети получили новую форму.

За несколько дней до открытия училища она позвала к себе в резиденцию нескольких детей, одетых в новую форму.

«Все вы выглядите молодцом в новой форме! Посмотрим еще раз», – сказала она.

Она внимательно осматривала их наряд, прося повернуться то лицом, то спиной к ней. Заметив, что на одной девочке одежда сидит не очень красиво, она спросила: «Разве тебе все впору? Я же велела, чтобы всем подогнали одежду». Оказалось, что девочка, боясь, что не получит одежду обратно, не отдала ее на подгонку.

Ким Чен Сук крепко обняла ее и сказала:

«Ой, бедняжка моя, боялась потерять одежду, первую новенькую для тебя! Ее тебе дал Полководец. Да кто же ее теперь посмеет отнять у тебя? Никто!»

Тут же Ким Чен Сук подогнала форму по фигуре, аккуратно отутюжила юбку в складку и проверила, как получилось.

Однажды ей сказали, что прибыли с опозданием дети, которые скитались в Восточной Маньчжурии. Она просила немедленно привести их в резиденцию.

Когда они проходили ворота, там их встретила Ким Чен Сук с распростертыми руками и сказала со слезами:

«Наконец-то пришли, дети мои! Нам так долго приходилось вас искать. Ведь уже три года, как страна возрождена... Знаете, что вас ждет не дождется Полководец?»

Она заключила их в свои объятия, а слезы текли по ее щекам. Плакали и дети. Ким Чен Сук привела их в комнату. Она досконально разузнавала у каждого имена отцов и матерей и опять обнимала их, будто по их лицам узнала старых боевых друзей. «Сколько мук, сколько горестей... без отцов и матерей...», – от волнения ее слова часто прерывались.

Вытирая детям мокрые от слез лица, она вдруг заметила дыру на штанах у колен одного мальчика.

«Разодрались у тебя штаны. ...Сними-ка, сейчас я их починю...», – сказала Чен Сук.

Но мальчик отвернулся, схватившись обеими руками за пояс брюк. Она догадалась, что у него нет нижнего белья, и опять грусть наполнила ее сердце. Если бы жива была его мать, таким он не ходил бы... Чен Сук стала латать дыру на штанах прямо на нем.

Мальчик взволнованным голосом воскликнул «Мама!» и уткнулся лицом в ее объятия.

Поглаживая его по голове, она ласково говорила: «Не надо, теперь ты курсант и оденешься в новую форму. Знаешь – ее дал Полководец». Увидев, как она штопает разодранные штанишки мальчика, одна сотрудница, стоявшая рядом, попросила Ким Чен Сук передать ей эту работу, но она покачала головой и сказала:

«Нет. Наши соратники в последнюю минуту своей жизни до-

верили своих детей Полководцу. Я как их мать сделаю это сама».

Глядя на ее проворные руки, накладывающие стежок за стежком, все ощутили, как подступает к горлу горячий комок.

Наконец, 12 октября 1947 года было открыто революционное училище в Мангендэ как наследник школы Детского отряда в период антияпонской борьбы.

В тот день Ким Чен Сук приняла участие в церемонии и поздравила первых курсантов.

И впоследствии она обращала серьезное внимание на работу училища, чтобы дети павших революционеров росли преданными Ким Ир Сену солдатами революции, обладавшими качествами, необходимыми для ведущих кадров партии, государства и армии.

23 октября 1947 года по приглашению Ким Ир Сена к нему в резиденцию приехал заместитель начальника училища по политчасти. Но тогда сложилось так, что Ким Ир Сен был вынужден по срочному звонку телефона выехать на работу. Ким Чен Сук радушно встретила гостя, решила воспользоваться случаем, чтобы обсудить, как вести учебно-воспитательную работу в училище.

Замначальника сказал, что у него мало такого опыта и он хотел бы обратиться за советом именно к ней, поскольку у нее большой опыт работы с Детским отрядом.

Ким Чен Сук скромно ответила, что она тоже мало знает, но согласилась высказать свое мнение: «Революционное училище в Мангендэ – наследник школы Детского отряда в период антияпонской борьбы. Перед ним сегодня стоит важная задача – готовить костяк для работы партии, государства и армии на возрожденной Родине. В частности, подготовка большого числа военных кадров для армии – это первейшая задача вашего училища».

Она напомнила, как сразу после возрождения Родины внутри партии появились всякие тезисы, противоречащие линии, намеченной Ким Ир Сеном. И осветила свою мысль о том, что училище должно стать кузницей настоящих революционеров Кореи, признающих только идеи Ким Ир Сена и готовых без

сожаления отдать жизнь борьбе, которую он ведет к победе, – таких, какими были их отцы и матери.

Далее она коснулась вопросов: как повысить качество обучения и воспитания путем оптимального сочетания преподавания с разнообразной внеурочной деятельностью курсантов, как содержательно вести военную подготовку, в том числе тренировку в стрельбе.

Замначальника откровенно сказал ей, что детям очень трудно даются предметы естественных наук, потому что они прежде не получали систематического образования. Выслушав его, она заметила: «Но все же преподаватели не должны терять уверенность. Необходимо разъяснить ученикам как следует, что без общих научных знаний невозможно освоить современные военные знания, и помогать им побороть себя и непременно овладеть знаниями по предметам естественных наук».

Разговор перешел на содержание обучения по предметам. Замначальника по политчасти выложил свое мнение по этому поводу: обучать всех одним и тем же предметам вне зависимости от пола, так как потом из них должны выйти ведущие кадры партии, государства и армии.

При этом Ким Чен Сук подчеркнула необходимость аккуратного обучения девочек домоводству и шитью. «Понимаю вас, – сказала она, – но ученицам нужны качества, присущие женщине. Они должны уметь и варить кашу, и шить одежду».

Потом зашел разговор об усилении нравственного воспитания и физической подготовки. Она рассказала, как Ким Ир Сен, посетив одну из средних школ уезда Тэдон, именовал ее «Самхынской средней школой» в том смысле, что школьники должны стать надежными кадрами новой Кореи, сочетающими в себе умственное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство, и подчеркнула, что именно такими и надо вырастить воспитанников училища.

Она обратила внимание на выработку в них благородной нравственности, носители которой знают правила приличия,

сохраняют уважение к старшим и любовь к товарищам и ценят интересы товарищей и коллектива больше собственных, учитывая то обстоятельство, что они рано лишились родителей и не могли получить как следует семейного воспитания. И остановилась на необходимости воспитать их в революционном духе так, чтобы они следовали примеру своих отцов и матерей, сохранявших до конца жизни верность революционным убеждениям и чувство долга. И еще коснулась таких вопросов, как активизация их учебы и жизни в организации, улучшение жизненных условий, закалка физкультурой, спортом и трудом, улучшение хозяйственного снабжения, а также ряда других вопросов работы училища.

20 марта 1948 года Ким Чен Сук выехала на стрельбище при училище. В то время там шла полным ходом тренировка перед стрельбой боевыми патронами, которая была назначена через несколько дней.

Глядя на курсантов, занятых тренировкой, она находилась под большим впечатлением. Всего полгода прошло с тех пор, как они начали учиться в училище, сказала она, а видно, как они выросли, – просто не узнаешь. Если бы их видели такими их погибшие родители, они были бы очень рады!

Она помогала курсантам исправлять отдельные действия в стрелковой подготовке. В этот день Ким Ир Сен вел показательную стрельбу для курсантов, потом передал оружие Ким Чен Сук и предложил попробовать стрелять. Она берет оружие, готова к стрельбе. С первого выстрела поражаются одна за другой три мишени – стеклянные бутылки, установленные на далекой дистанции.

Одна курсантка спрашивает Ким Чен Сук, в чем секрет меткой стрельбы. И получает такой вот ответ: «Знаешь, милая, нажимать курок надо не пальцем, а душой. Горишь ненавистью к врагу – стреляешь без промаха».

Так Ким Чен Сук помогла курсантам училища усвоить не только секрет искусства стрельбы, но и самое главное – высокую сознательность революционного солдата, человека с ружьем.

Ким Чен Сук была родной матерью для всех курсантов.

Поздняя осень 1947 года. Среди курсантов гуляла болезнь – лихорадка. Руководители училища делали все для лечения болезни. Заботясь о здоровье Ким Ир Сена и Ким Чен Сук, они решили доложить об этом попозже, когда уляжется болезнь.

В этот самый момент Ким Чен Сук приехала в училище. Узнав о случившемся, просит вести ее в изолятор, где лежат больные. Сиделка запрещает: «Знаете, у них заразная лихорадка. Никому входить не разрешается». «А тебе кто, дорогая, разрешил быть здесь?»

«Я же здешняя, работаю в училище. Ничего страшного не будет, даже если я слегла бы. А вы занимаетесь большими делами государства, да еще всегда вместе с Полководцем. Вам ни в коем случае входить сюда нельзя».

Просьба к Ким Чен Сук была очень настойчивой, руководители училища просили ее: «В другие помещения вы можете идти, а в изолятор – нельзя».

Ким Чен Сук всерьез говорит:

«Их, этих детей, нам поручили ушедшие от нас наши соратники по революции, погибшие в борьбе за возрождение Родины. Я обязана идти к ним. Разве родители отстранятся от своих больных детей? Даже страдающих заразной болезнью? Сейчас они, думаю, лежат с высокой температурой, жаждут прикосновения материнских рук, душой зовут родную мать».

Ничто не помешало ей войти в изолятор. Она долгое время внимательно осматривала больных и сказала: кажется, опасность проходит, надо налаживать профилактику и лечение.

Вернувшись вечером к себе, она делает кимчхи из омежника лежачего, тянучку из клейкого риса и достает лекарства для воспитанников училища. Предлагает медперсоналу провести медицинский осмотр курсантов и основательно устранить малейшие симптомы болезни.

Осенью того же года двое из училища пришли к ней в гости. Ким Чен Сук вместе с ними проводила воскресенье. Она видела на лице одной курсантки симптомы болезни, не обнаруженные даже при медосмотре, и послала ее в больницу на лечение.

Прошло несколько дней. Настал день посещения больных. Девочки в одной палате, находящиеся в праздничном настроении, ждали приезда родных своей семьи. Они без стеснения спрашивают курсантку: «Кого ты ждешь из дома?»

Ждать ей было некого. И она, не ответив, в постели закрыла глаза. Но, к большому удивлению, ей раньше всех сообщили, что пришла мать на свидание.

«Пришла мама?!» Она, широко открыв глаза, встала с постели. Отворяется дверь, и входит в комнату Ким Чен Сук. Спешит к кровати и заключает в свои объятия девочку. «Ждала меня? Как чувствуешь себя?» – спрашивает она.

Ответа не последовало. Девочка, не сдержав нахлынувшие чувства, дала волю слезам. Дрожащим голосом повторяет: «Мама моя дорогая!»

Девочка три с половиной месяца лежала в больнице. Когда ее выписали из больницы, Ким Ир Сен очень обрадовался, увидев ее совсем здоровой, говорит: «Кого вижу! Совсем ты здорова. Выросла неузнаваемо»

Летние каникулы того года. Эта девочка побывала у Ким Чен Сук. Читала в саду книгу. Хозяйка Ким Чен Сук взялась за работу – начала окрашивать ткань в растворе розового цвета. Юная гостья говорит:

«Отдохните немножко, погода жаркая».

«Спасибо, читай книгу. А я ни на минуту не могу быть без работы», – и Ким Чен Сук продолжает свое дело.

Она хотела сделать девочке выходное легкое платье, поскольку и в знойные дни юная курсантка ходила в форме с ремнем. Но девочка об этом пока не знала. Через несколько дней Ким Чен Сук подарила ей выходное платье розового цвета, и девочка поняла, над чем так старательно она трудилась. Девочка, тронутая материнской заботой, проливала слезы.

Несмотря на большую занятость делами, Ким Чен Сук все-таки выкраивает время, чтобы посещать училище. По воскресеньям с утра ждет юных гостей – курсантов. На улице видит курсантов – приводит их к себе в дом. Во время заготовки кимчхи на зиму идет в училище и делает все, что нужно для этого. В новогодний праздник сидит вместе с

ними за столом в училище, чтобы доставить им радость.

Когда в училище был принят сын бывшего подпольщика КНРА, она поехала в училище встретиться с ним. Подарила ему авторучку, которой пользовалась с партизанского периода.

Воспитанники училища, окруженные заботой Ким Чен Сук, выросли беззаветно преданными партии борцами за революцию, активнейшими работниками, призванными нести эстафету корейской революции в твердых руках.

Не случайно дети павших революционеров стали ныне надежными руководящими работниками в деле корейской революции, храня святую память о Ким Чен Сук, все они говорят: «Она стала для нас единственной родной матерью!»

ТЕПЛО ДУШЕВНОЙ ЗАБОТЫ

Ким Ир Сен вспоминает:

«Всю свою жизнь Ким Чен Сук прожила не для себя, а для товарищей. Ее жизнь началась с любви к товарищам, развивалась, исходя из этой любви, в ходе чего она стала выдающейся революционеркой, обладающей наивысшим уровнем коммунистической нравственности и долга. Все, что она сделала за свою жизнь, было сделано для товарищей, для народа, для революции. Для самой же себя у нее ничего не осталось.

В мыслях Ким Чен Сук не было понятия «я». «Пусть я буду голодной и больной, пусть мне будет холодно, но я буду рада и спокойна, если не будет холодно товарищам, если они не будут голодны и больны. Если ценою моей жизни можно будет спасти товарищей, то я без малейшего колебания, с улыбкой на лице выберу смерть», – такова была точка зрения Чен Сук на жизнь».

О ней Чан Чхоль Гу вспоминает: «Раз познакомившись с ней, тяжело с ней разлучаться».

Всю жизнь не забывает ее партизанка Со Сун Ок, которая вместе с нею служила в отряде, которым командовал

лично Ким Ир Сен. На ночлеге Ким Чен Сук укрывала ее, 16-летнюю партизанку, своим шерстяным одеялом, своим телом защищала ее от холода. Когда им пришлось расставаться друг с другом на учебной базе, она подарила Со Сун Ок на память это единственное одеяло, под которым они вместе спали, – то самое, которым Чен Сук постоянно пользовалась. Оно всегда лежало поверх ее вещевого мешка. И когда этот вещмешок был таким огромным, что за ним не было видно человека, партизаны узнавали его хозяйку по этому одеялу.

Перед разлукой Со Сун Ок, взяв ее за руки, непрерывно плакала. Засовывая это одеяло в вещмешок уходящей, Ким Чен Сук сказала: «Возьми с собой на память. Хоть оно и не новое, но ты не забывай, что оно хранит тепло сестры, которая любила тебя, как родную сестренку».

Более полувека Со Сун Ок свято хранила то одеяло. В августе 1992 года, когда Со Сун Ок посетила Родину, она преподнесла Ким Ир Сену это одеяло на память. Оно теперь лежит на стенде в Музее корейской революции.

Молодые революционеры, борцы против японского империализма с триумфом вернулись на возрожденную Родину и начали один за другим обзаводиться семьей. Ким Чен Сук накрывала новобрачным свадебный стол. Среди них был и Ли Ыль Сор. И поныне он, теперь ветеран, с волнением воспоминает о том скромном свадебном столе, где лежали и блюда из ростков соевых бобов, выращенных ею самой. Новым семьям она посылала дополнительные пищепродукты. Тхэ Бен Рер обзавелся семьей тоже благодаря Ким Ир Сену. Она сама накрывала ему свадебный стол и заботилась о хозяйстве новой семьи. Заботились они не только о двоих.

Ким Мен Чжун, Сон Чжон Чжун, Ли О Сон, Кан Сан Хо и другие молодые бойцы, а также ветераны пожилого возраста, лишившиеся родных во время антияпонской войны, начали новую семейную жизнь, окруженные их теплой заботой и вниманием.

Горячая любовь Ким Чен Сук к товарищам по революции переросла в заботу о членах семей погибших, в чувство ответственности за их судьбы.

В марте 1948 года переселились в Пхеньян с Северо-Востока

Китая семьи О Тхэ Хи и О Чхан Хи, которые отдали на алтарь Родины своих детей – О Чжун Хва, О Чжун Хыба, О Чжун Сона и других.

Узнав о приезде этих семей, Ким Чен Сук посетила их ночлег. Старый О Тхэ Хи и его родные, не успев надеть обувь, босыми выбежали во двор навстречу гостье и собирались отвесить ей низкий поклон. Она первой, взяв их за руки, приветствует: «Дедушки и бабушки! Сколько мук в вас...» Она не могла закончить свои слова от нахлынувших чувств – подкатил к горлу горячий комок. Все родные О Тхэ Хи прослезились. На руки Ким Чен Сук падали крупные капли слез человека старого возраста, который раньше ни разу не пролил ни слезинки в лихолетье, даже получив самые трагические вести.

«Какими жестокими были сражения с злейшими япошками. А ты, дочка, так надежно охраняла Полководца, чего и желали все корейцы. И потому мы, видать, сегодня так... радуемся светлому миру, ступили на родную землю!»

«Что вы говорите, дедушки! Сегодняшнюю радость нам принесли ваши дети – те, что храбро сражались с чувством верности Полководцу».

Во второй половине того дня она пригласила их к себе домой. На встрече с гостями предложила трем снохам: одной ухаживать за родителями мужа, а остальным – позаботиться о курсантах революционного училища в Мангендэ.

Ким Ир Сен выделил для их семьи дом. И после этого она постоянно заботилась об их жизни и быте. Так, в канун новогоднего праздника 1949 года она послала им продукты питания, в том числе клейкий рис, мясо, сладости, конфеты и фрукты, даже дрова в избытке, чтобы они весело провели праздник. В начале наступившего нового года опять посетила их.

«Мы в такой теплой комнате проводим праздник, – говорит она. – Мне живо вспоминается, как в то время мы вместе с О Чжун Хыбом и другими товарищами провели новогодний праздник в заснеженном глухом лесу. А теперь сбылась тогдашняя наша мечта. Вы, дедушки, помогали нам,

антияпонским партизанам. Немало было мучений, многие ваши дети сложили голову в боях за возрождение страны. Теперь вам долго и долго жить вместе с Полководцем, надеюсь, что ваши потомки станут настоящими революционерами».

Детям наказывает: ваши отцы были верными Полководцу Ким Ир Сену до последних минут своей жизни; вам следует продолжать их дело и стать опорой Родины. После возвращения к себе домой Ким Чен Сук посылает старым людям ткань – она обратила внимание на то, что они зимой одеты в легкую одежду.

Как-то приехала в Пхеньян Чвэ Чхэ Рен – жена погибшего революционера Ли Чжэ Суна, которая в то время жила в Кильчжу. Ким Чен Сук вышла к парадному входу, где стоит часовой, чтобы встретить гостью. Вспоминая о встрече с Ли Чжэ Суном в тайном лагере в Хэйсяцзыгоу, Ким Чен Сук говорила:

«Товарищ Ли Чжэ Сун боролся мужественно. До последних минут своей жизни он стойко хранил убеждения революционера. Будем хорошенько заботиться о детях, чтобы они продолжали незавершенное им дело».

Чвэ Чхэ Рен, окруженная безмерной заботой Ким Чен Сук, проводила незабываемые дни в резиденции Ким Ир Сена. Несмотря на большую занятость, вместе с гостьей Ким Чен Сук поднималась на сопку Моран, они побывали на Тэдонганском речном вокзале, смотрели кино. Приняла Чвэ Чхэ Рен участие и в первомайском приеме по приглашению Ким Ир Сена.

Ким Чен Сук предложила ей обучать детей в революционном училище, воспитывая из них революционеров, как того желает Ким Ир Сен.

«Каким образом найти всех без исключения детей ушедших от нас товарищей по революции, чтобы принять их в училище? Что надо сделать, чтобы они хорошо питались и одевались, чтобы они не знали никаких забот и тревог, не испытывали чувства одиночества? Как и из какого цвета ткани сшить им хорошую одежду, чтобы она им понравилась? Думы о них не дают мне спокойно спать».

Теплота заботливых рук Ким Чен Сук согревала сердце ветерана антияпонской революции Пак Дара, который после возрождения Родины вышел из Содэмунской тюрьмы, не мог даже передвигаться из-за последствий жестоких пыток японских палачей и все время лежал в больнице. Благодаря ее заботе революционер на склоне лет смог проводить счастливые, плодотворные дни. Однажды ему удалось приехать в Пхеньян и встретиться с Ким Чен Сук.

«Товарищ Пак Дар!»

«Товарищ Ким Чен Сук!»

Это была их третья встреча. Они раньше встретились в Хэйсяцзыгоуском тайном лагере у подножия горы Пэкту и вблизи каменной пещеры в Чхонсансу в Корее.

«Вы, товарищ Пак Дар, – говорит она, – стойко боролись в застенках до дня возрождения Родины! Теперь Родина стала свободной, мы с вами вместе с Полководцем. Можете со спокойной душой лечиться».

Ким Ир Сен выделил ему жилье неподалеку от своей резиденции. Ким Чен Сук заботилась обо всем: об устройстве его дома и переселении. В сезон приготовления кимчхи – засолки овощей на зиму – сама делала это в его доме.

В резиденции всегда было многолюдно. Приходили не только ветераны антияпонской революции, но и бывшие подпольщики районов Таоцюаньли и Синпха. Гостили у нее Ли Чжу Ен, Ли Ён, Ли Ен и другие руководящие кадры партии и правительства, которые раньше боролись внутри Кореи. Каждый раз она тепло встречала их, давала им ценные советы о делах, проявляла глубокую заботу об их жизни до самых мелочей.

Она безгранично любила людей труда Кореи, которые в прошлом жили в тисках эксплуатации и в бесправии, помогала им стать полноправными хозяевами нового государства, работниками, преданными Ким Ир Сену.

Вот случай, о котором и поныне рассказывают менчхонцы, как легенду.

... Однажды на станции Менчхон остановился поезд Чхончжин – Пхеньян.

Было раннее утро следующего дня. Ким Чхоль Хо, дежурная по приготовлению пищи, встала пораньше утром, чтобы таскать воду. Видит: Ким Чен Сук с ведром в руке уже выходит из вагона. За прошедшую ночь все вокруг было укрыто снежным покровом. Колодец находился невдалеке, но не было черпака – а без него воды не достанешь. В такую рань пока еще ни одна женщина не вышла на колодец за водой. Ким Чхоль Хо увидела бадью, висящую под стрехой ближайшего дома у колодца, и собралась идти к тому дому.

Ким Чен Сук уговаривает подругу: «Подождем еще немножко. Скоро проснется хозяйка». И потихоньку начинает мести снег у колодца. Весь снег у колодца убран, но ничего было не слышно в том доме. Ким Чхоль Хо беспокоилась: что же делать, если вдруг тронется поезд? Да и завтрак задержится. И захотела разбудить хозяйку дома у колодца. Ким Чен Сук обращается к ней: «Незачем разбудить сладко спящих. Лучше нам еще потерпеть, хотя это трудно». И тут же начинает подметать двор того дома. Когда двор очищен был от снега, вышла во двор хозяйка. Ошеломленная от неожиданности, она долго не находила нужных слов, наконец, молвила: «Дом наш близко от станции, много людей заходит, но такого случая ни разу не было».

Хозяйка, конечно, не знала, кто она, эта добрая и заботливая женщина. Но долго не отрывала глаз от нее, как бы чувствуя в ней дыхание нового мира, сотворенного с возрождением Родины.

Родина была возрождена, но почти у всех корейцев еще не исчезли следы многострадальной колониальной нации. Ким Чен Сук делала все, чтобы они скорее привыкли к новой, плодотворной жизни, созидаемой под руководством Ким Ир Сена, стали хозяевами в строительстве новой Кореи.

Вот что случилось 12 апреля 1947 года. Ким Чен Сук со своим сыном посетила Пхеньянскую кокономотальную фабрику. Руководители фабрики рассказывают ей, как идет производство на предприятии, как живут рабочие. Затем она осматривает процессы производства. Ознакомившись с сортировкой коконов, идет в мотальный цех.

Сопровождающие со смущением ей говорят: «Вам не надо туда идти». Условия труда были там просто ужасные: густая завеса пара мешала даже различать лица работающих, с потолка без конца падали капли воды, душил неприятный запах от вареных коконов...

Ким Чен Сук, не мешкая, первой входит в цех:

«Как же нам нельзя входить! Там трудятся девушки – мотальщицы. Я приехала узнать, как они работают. Давайте пойдем».

Она подходит к девушке, которая сортирует руками коконы, плавающие в воде. Вода казалась очень горячей. Ким Чен Сук погружает свою руку в воду – примерно около 80 градусов. Берет руки девушки и сначала не находит слов – так ее сердце защемило. После долгого молчания обращается к юной девушке:

«Руки у тебя, вижу, так огрубели... Как тебе больно!»

Девушка всхлипывает. Ким Чен Сук тепло поглаживает ее по плечам и продолжает:

«Теперь Родина возрождена. Строится мир для трудового народа. И мы будем жить весело, трудиться достойно и вдохновенно, не завидуя никому на свете».

Обращается к руководителям фабрики:

«Сколько было у нас до возрождения Родины мучений и оскорблений! Страшно даже вспомнить те времена! Теперь это не должно повториться. А я здесь вижу – вот такие огрубевшие руки, как у этой девушки. Слыхала, здесь, на фабрике, немало сирот-девушек. О них вы должны тепло заботиться, как родители».

В тот день она советует снабдить работниц-девушек резиновыми передниками, чтобы не мочили их одежду брызги воды, и установить вентилятор в цехе, ибо воздух нечист. Осмотрев мотальный цех, она выходит во двор к прядильному цеху и видит высокие заборы с колючей проволокой, которыми обнесена фабрика. Ограду соорудили японцы для того, чтобы не могли убежать девушки, насильно угнанные на работу.

«Почему, – продолжает она, – вы оставили эту

проклятую ограду с колючей проволокой? Только увидишь ее – дрожишь от ужаса. Жестокие японцы! Обнесли фабрику такими проволочными заграждениями, чтобы выжимать последние соки из корейского народа. При мысли об этом ненависть к ним бурлит. Как тяжко на душе у девушек, когда они видят эту проклятую ограду! Ради чего мы вели трудную борьбу в горах? Для того, чтобы разрушить именно такие колючие заборы, сковывающие людей. Уберем колючую проволоку и понизим заборы. Так скорее залечим острые раны на душе наших женщин!»

Осмотрев все, вплоть до общежития рабочих, она покинула фабрику.

Обо всем, что видела на фабрике, она рассказала Ким Ир Сену. Через несколько дней он руководил на месте работой этой фабрики. Послал рабочим большое количество шерстяных одеял, кухонной утвари, промасленной бумаги для пола, разных видов медикаменты, резиновые передники и немало дополнительных продуктов питания.

Любовь Ким Чен Сук к народу всегда находила конкретное выражение там, где она побывала, – на бесчисленных заводах и фабриках, в деревнях и рыбацких поселках. Она тронула струны сердец всех, с кем встречалась, – рабочего, крестьянина, интеллигента, предпринимателя и торговца.

Раннее лето 1946 года. Однажды Ким Чен Сук вышла на улицу идти к врачу корейской традиционной медицины: дал знать о себе рецидив раны, полученной во время партизанской борьбы в горах. Она никогда не приглашала к себе врача, сама шла пешком. Адъютант предложил ей поехать на машине, но она отказалась.

Едва она вышла на улицу, ее, с трудом передвигающую ноги, увидел сотрудник, ведающий делами молодежи в Центральном оргкомитете Коммунистической партии Северной Кореи. Узнав, в чем дело, попросил ее подождать и поспешно ушел куда-то. Спустя несколько минут он вернулся вместе с рикшей и, откинув занавеску палатки, предложил больной сесть в двуколку.

Ким Чен Сук с сочувствием глядит на горбатого старика,

который ждет, когда женщина сядет в коляску, затем переводит взгляд на приведшего его работника и строгим тоном говорит:

«Мы сражались, утоляя голод кореньями трав и ночуя на снегу под открытым небом, ради того, чтобы после возрождения Родины помпезно ездить на рикше?! Нет! Мы, революционеры, боремся за то, чтобы до конца освободить народ от всякого рода эксплуатации и гнета, построить новое общество, где все равноправны и живут свободно. Вам, товарищ, не тоже взять рикшу для кого-нибудь, надо бороться против такого неравенства, когда человек возит человека по улице».

По щекам старика струятся слезы. Слушая ее, он чувствует, как тают в его сердце все скопившиеся до сих пор обиды и горе.

Ким Чен Сук подходит к старику и, держась рукой за оглоблю рикши, говорит:

«Прошу прощения, дедушка! Он не понял меня, и потому случилось такое недоразумение».

Попрощавшись со стариком, она продолжает свой путь.

Хозяин рикши глядит вслед тяжело ступающей при помощи другого женщине и, повернув рикшу, идет за ней. Он без колебания останавливает перед ней рикшу и умоляюще говорит:

«Разрешите мне, водителю рикши, возившему в прошлом только богачей, сегодня в последний раз с гордостью таскать тележку с самой дорогой гостьей да при людях!»

Ким Чен Сук, взяв обеими руками руку старого человека, говорит:

«Дедушка! Вы пока еще не поняли меня. В прошлом мы вместе с Полководцем Ким Ир Сеном, Солнцем нашей нации, боролись против японских самураев, за возрождение Родины, создание на свободной родной земле нового мира, где могут хорошо жить такие бедные, униженные люди, как вы. Наша страна, наша родная земля возрождена ценою крови многих павших революционеров. Как же мне, хотя я и

нездорова, ехать на рикше, которую тащит старый человек? Конечно, я благодарна вам за внимание».

Старик, охваченный невообразимым волнением, долго стоял как вкопанный в землю, на месте до тех пор, пока не скрылась из виду та благородная женщина.

С той поры начали исчезать один за другим рикши с улиц Пхеньяна. Они пошли работать на заводы и стройки, чтобы жить достойно как хозяева новой Кореи.

Проводимые после возрождения Кореи земельная реформа и другие демократические преобразования сопровождались ожесточенной классовой борьбой с реакционерами. Были и терзающие душу жертвы.

Так погиб Ким Хе Сон, председатель сельского комитета Второго поселения Сон волости Сонтхэ уезда Кансо провинции Южный Пхеньан, которому довелось встретиться с Ким Ир Сеном и Ким Чен Сук в своей деревне. Самоотверженный борец за земельную реформу был убит реакционерами 9 апреля 1946 года.

Услышав о трагедии, Ким Чен Сук на следующий день, 10 апреля, посещает то самое поселение, где орудуют реакционеры. Утешает членов семьи покойного. По указанию Ким Ир Сена были организованы государственные похороны. Ким Чен Сук лично определяет состав похоронного комитета, приглашает центральный военный оркестр и готовит некролог на похоронах. Так простой крестьянин был поставлен на алтарь бессмертия.

В августе следующего года Ким Чен Сук направляется в уезд Кенсон провинции Северный Хамген, чтобы помочь Ким Ир Сену, который должен приехать руководить делами провинции на месте в сентябре.

В Кенсоне она встречается с женщиной Чхэ Хи, профоргом мотального цеха Чхончжинской прядильной фабрики. Профорг приехала на отдых в санаторий с горячим источником, получив путевку от парткома фабрики. Неожиданная встреча! От радости Чхэ Хи просто не знала, как вести себя.

Их знакомство состоялось сразу же после возрождения

Родины, когда Ким Чен Сук работала в Чхончжине. В те дни она находилась в двухэтажном доме в квартале Хэбан. Однажды утром пришла какая-то женщина в лохмотьях с ковшиком для сбора подаяний. Вышла Ким Чен Сук в военной форме. Нищая, увидев женщину в мундире, была перепугана и поспешно убежала куда-то. Это и была Чхэ Хи.

Ким Чен Сук посылает за ней сотрудницу женской организации. Ждет у ворот и тепло встречает Чхэ Хи. Присаживается с нею рядом и, держа ее потрескавшиеся грубые руки, спрашивает, как ее зовут, сколько ей лет. Женщина была крайне взволнована – ее душу терзала мысль, что до сих пор жила как гонимая, униженная «нищая». Закрыв лицо обеими руками, она выбежала на улицу.

На следующий день Ким Чен Сук сама идет в «поселок нищих» и опять встречается с Чхэ Хи. Узнав от работницы женской организации, что женщина в военной форме является героиней антияпонской войны, «нищая» рассказала ей все о своей горькой жизни – то, чего никогда и никому не говорила. Выслушав печальную историю, Ким Чен Сук причесала ее и поправила на ней одежду.

«Не теряй уверенности в себе, Чхэ Хи, – говорит она. – Поучишься и возьмешься за дело строительства нового государства – станешь работницей, не уступающей другим».

До заката солнца она пробуждает в Чхэ Хи смелость и силу созидать новую жизнь. И развязывает узелок, что принесла с собой.

«Хотелось бы помочь тебе чем-нибудь, но, к сожалению, нынче у меня нет ничего. Думала, думала и принесла вот это. Бери, пожалуйста, без стеснения».

В узелке оказалась чистая военная форма. Ким Чен Сук помогает ей надеть военную форму. И радуется: «Вижу, похожа на женщину-новобранца КНРА». После этого идет прямо в Чхончжинское городское отделение милиции и советует его сотрудникам: «Если в списке имущества, конфискованного у врага, имеются рис и ткани, то следовало бы скорее

раздавать их бедным семьям. Хорошенько позаботьтесь о той женщине, которая живет в «поселке нищих».

Прошло несколько дней. Ким Чен Сук опять посещает городское отделение милиции и напоминает, что дом родителей Чхэ Хи находится где-то в Хвэрене и что надо непременно найти их адрес.

В конце декабря того же года состоялась, наконец, волнующая встреча Чхэ Хи с родной матерью в квартале Кунсим Хвэрена. Позже жизнь ее вошла в колею – она вылечилась и усердно занималась учебой. Вступила в партию и стала работать председателем женской организации Кунсимской шахты. Недавно была избрана профоргом мотального цеха Чхончжинской прядильной фабрики...

В конце санаторного отдыха Чхэ Хи зашла к Ким Чен Сук попрощаться. Ким Чен Сук радуется ее выздоровлению и вынимает из бумажного пакета рубашку с короткими рукавами.

«Возьми. Просто в знак моей симпатии, – говорит она. – Пока положение в стране трудновато, я не могла сделать это из более хорошей ткани».

Чхэ Хи, глубоко тронутая ее заботливостью, не могла сразу притянуть руки к подарку. Она знала: Ким Чен Сук сама всегда в скромном наряде, но дарит ей такую одежду – необыкновенную. Ким Чен Сук улыбается: «Не стесняйся. Будешь на фабрике прясть нить – сошьешь из нее мне красивое платье, и все». И проводила ее на далекое расстояние.

Окруженная ее заботой, Чхэ Хи быстро росла и в идейно-духовном плане. Была избрана делегатом II съезда партии и участвовала в его работе, а в апреле 1949 года совершила зарубежную поездку в составе профсоюзной делегации Кореи.

Ким Чен Сук делала все на благо народа, а сама всегда в простой национальной одежде вела скромную жизнь. Все ее усилия были направлены на закладку фундамента в строительстве новой Кореи.

Все, кто виделись с Ким Чен Сук, без исключения

удивлялись ее личным качествам и скромному образу жизни. Многие из них допускали «оплошность», не узнав ее.

Таким был и крестьянин Ким Чжэ Вон – инициатор движения за пожертвование «патриотического риса». Когда он прибыл в Пхеньян с рисом на своей повозке, в которую был запряжен вол, Ким Чен Сук тепло встретила гостя, проделавшего далекий путь. Сама разгружала вместе с крестьянином тяжелые мешки с рисом. После разгрузки она отряхнула с блузы крестьянина крошки соломы и пыль и подала ему теплую воду для умывания.

Ким Чжэ Вон никак не мог подумать, что эта гостеприимная женщина в простой одежде – Ким Чен Сук. И он открыл ей свою душу: «В Пхеньяне сбылась моя заветная мечта увидеться с Полководцем Ким Ир Сеном. Однако, честное слово, очень жаль вернуться, не встретившись с Ким Чен Сук, которая, как мне рассказывали, очень преданна Полководцу и метким огнем вгоняла япошек в трепет и страх. Прошу, помогите мне на этот раз увидеться с Ким Чен Сук».

Ким Чен Сук улыбается и обращается к Ким Чжэ Бону: «Я же приветствовала вас, и мы вместе разгружали мешки риса. Видать, опять же теперь мне придется представиться».

«Ой-ой! Значит, вы...» – от смущения он не знал, как быть, и извинился за свою невнимательность.

Подобную «оплошность» допустил и бизнесмен из Синичжу. Он сказал Ким Чен Сук: «Я думал – вы, несомненно, в шелковой одежде». И услышал в ответ: «Как же я могу ходить в шелках? Ведь не у всех шелковая одежда. Когда будет успешно осуществлена политика Полководца и все станут ходить в шелковой одежде, то и я, как все, буду одеваться в шелк».

Добрая душа Ким Чен Сук коснулась и иностранцев в Корее, и позже они стали близкими друзьями корейского народа.

Это было после поражения японского милитаризма. В 1946 году японские солдаты возвращались в свою страну. Среди них были и две японские девушки – 16-ти и 19-ти лет. Они вместе с солдатами добрались из Северо-Восточного Китая

до Пхеньяна. Обездоленные скитались по улицам, прося милостыню. Однажды они пришли в дом Ким Чен Сук за подаянием.

Ким Чен Сук пригласила их в резиденцию и тепло отнеслась к ним. Сын спрашивает: «Ты, мамка, боролась против япошек, а почему теперь берешь их в дом и кормишь их?» Мать отвечает: «Твой отец и твоя мать боролись с японскими империалистами. Мы не воевали против рабочих, крестьян, людей труда Японии».

Некоторые охранники остерегались девушек из враждебной Корее страны, которые живут в резиденции. Однако Ким Чен Сук, непринужденно общаясь с ними, вместе готовила пищу и сироп для Ким Ир Сена.

Однажды Ким Ир Сен страдал от высокой температуры, была сильная простуда. Японские девушки дали Ким Чен Сук таблетки, которые они хранили при себе на всякий случай. Ким Чен Сук без малейшего колебания получила препараты и дала их Ким Ир Сену. Так они проживали несколько месяцев вместе с Ким Чен Сук, как в родной семье, и, наконец, благополучно вернулись в Японию. С той поры прошло много времени, но они никогда не забывали, как она тепло заботилась о них в самые тяжелые для них дни. Спустя 20 с лишним лет в январе 1971 года они прислали Ким Ир Сену благодарственное письмо, в котором выразили свою решимость отдать все свои силы во имя японо-корейской дружбы.

Недалеко от резиденции жила японка, муж ее был корейцем. Она была угнетена мыслью, что сама японка. Ким Чен Сук заботилась о жизни этой женщины и помогала ей обрести бодрость и активно поддерживать мужа, прилагающего все свои усилия для строительства новой Кореи. Ким Чен Сук обращала внимание и на то, чтобы дети семьи японки могли играть в войну вместе с ее сыном и соседними ребятами.

С тех пор утекло много воды. Сейчас эта японская женщина достигла 80-летнего рубежа, а ее детям скоро 60 лет, но и поныне они с глубоким волнением вспоминают Ким Чен Сук.

В первые годы после возрождения Родины приезжали в Пхеньян к Ким Ир Сену многие иностранные делегации и друзья из-за рубежа. Некоторых из гостей Ким Чен Сук приглашала к себе в дом на несколько дней.

Летом 1948 года приехала в Пхеньян с дочерью Ван Ичжы – супруга Чжоу Баочжуна, который имел глубокие дружественные отношения с Ким Ир Сеном в годы антияпонской вооруженной борьбы. Ким Чен Сук сразу пригласила обеих к себе домой.

К тому времени в Китае шла ожесточенная война с гоминьдановцами и отряды КНРА, посланные Ким Ир Сеном, помогали китайской революции.

Ким Чен Сук относилась к китаянке Ван Ичжы и ее дочери Чжоу Вэй как к родным, членам семьи. Уже через несколько дней маленькая Чжоу Вэй чувствовала себя как дома, стала резвиться непринужденно и даже просила не свою мать, а Ким Чен Сук то, чего ей хочется есть. И та делала все, чего хочет девочка. Когда Чжоу Вэй захотела сиропа, сделала сама сироп. Захотела китайских блюд – цзяоцза и цзяцзянмянь, она приготовила их собственными руками. Она говорила: «Видите, мы классовые братья и сестры. Дома вот так вместе едим, а когда боремся против империалистов, мы в одном окопе делим горе и радость». В период Отечественной освободительной войны Чжоу Баочжун выразил корейскому народу твердую солидарность. В 1951 году направил на корейский фронт даже своего адъютанта и водителя своей легковой машины.

13. НАСЛЕДУЯ ВЫСОТЫ РАЗУМА И НРАВСТВЕННОСТИ ВОЖДЯ

СЫН ГОРЫ ПЭКТУ

Вспоминая о Ким Чен Сук, Ким Ир Сен сказал: «Ким Чен Сук, которая всю свою жизнь отдала во имя товарищей и народа, ничего не оставила для детей – ни денег, ни ценностей. Деньги, которыми она пользовалась, были моей заработной платой, которую я получал каждый месяц, а дом, в котором она жила, и мебель, которой она пользовалась, были собственностью государства. И если говорить о наследии, оставленном нам Ким Чен Сук, то это будет то, что она вырастила Ким Чен Ира, то есть дала партии и Родине будущего руководителя. Вы говорите, что я воспитал из него своего преемника, но на деле основа этого была заложена Ким Чен Сук. В этом ее самая большая заслуга перед революцией».

Трудное, неспокойное было время, когда Ким Чен Сук растила сына. Вокруг гремела война с японскими захватчиками, продолжались кровопролитные бои. А затем, когда канонада войны затихла, началась новая, не менее сложная борьба – за создание обновленной, демократической Кореи фактически на пустом месте, движение по никем не проторенному пути.

Для нее это были непростые дни – дни с бесконечными боями и походами по глубоким заснеженным тропам в горах. Часто ей приходилось бросаться под пулю, заслоняя собой ребенка, согревать теплом своего тела совсем замерзшего малыша, и мальчик спокойно рос, закутанный в пропахший порохом подол маминого мундира.

Мать наказывала сыну: подрастешь – станешь верным помощником отца, замечательным человеком, когда сердцем воспримешь его высокую идею. Не жалей сил ради своей Родины и народа.

С раннего детства мать приучала сына относиться к отцу не просто как к главе семьи, а как к вождю народа, запечатлевала в его душе незыблемый принцип: всегда старайся вникать в глубокую суть его идей и верно продолжай их.

Поведала мать и всю историю, связанную с именем отца. Ким Ир Сен, сказала она, это имя ему дали товарищи по революции, выражая чаяние народа. В нем кроется глубокий смысл, их горячее желание, чтобы он был Солнцем, разгоняющим тьму, нависшую над страной, ковал для народа вечное счастье... Луна светит отраженным солнечным светом, доходчиво объяснила мать, и мириады звезд сверкают на небе, отраженные светом Солнца. Оно и есть единственный для нас во всей Вселенной источник света. Он, твой отец – Солнце Кореи, Солнце народа и долг каждого из нас – нести всю полноту солдатской ответственности перед Полководцем.

Как-то раз после возвращения на Родину Ким Чен Сук впервые посетила вместе с сыном Мангендэ – родной дом Ким Ир Сена. На следующий день она не забыла дать наставление сыну: запомни, сынок, это род потомственно патриотический, всегда в борьбе с врагами за свою страну и народ был смел и мужествен. Подрастешь – продолжай дело отца и сделай свою страну, теперь свободную от японского ига, самой прекрасной в мире. Так ты сможешь сохранить традицию рода Мангендэ.

Она брала с собой сына не только в Мангендэ, но и в Чхильгор и село Понхва, где сохранились следы жизненного пути рода Мангендэ.

Приводила его на сопку Манген и рассказывала, как его дед Ким Хен Чжик сочинил стихи «Сосна на горе Нам»[42], а на переправе Мэкчжон поведала, как его отец, тогда еще совсем маленький, был верен замыслу деда Ким Хен Чжика и помог ему в большой работе.

Рассказывая все это, мать очень хотела, чтобы в душу маленького сына вросла основа революционной семьи, семьи потомственных патриотов, посвятивших себя делу

своей Родины и народа, борьбе против иноземных агрессоров. Ее рассказы произвели на мальчика неизгладимое впечатление.

Как-то Ким Чен Сук собиралась вместе с сыном в Мангендэ. И вдруг мальчик спрашивает: «Мама, а где я родился?»

Воспоминания незаметно возвращают ее к партизанским дням. Тайный лагерь в дремучей тайге гор Пэкту, скромный бревенчатый домик у ручейка Собэк... Она уходит в контролируемый врагами район, оставив у товарищей сына, которому еще не исполнилось и года. Задание выполнено. Ну, скорей домой! Ее встречают боевые друзья уже на первой заставе у лагеря, передают ей на руки малыша. Крепко, крепко обнимает его, волнуется от прикосновения к теплым, нежным щечкам сынишки.

На минуту задумавшись, мать отвечает: «А как же иначе, ты ведь родился на горе Пэкту. Гора это самая высокая в Корее, гора с чудесным озером Чхон, с густыми лесами, а главное – там твой отец громил самураев».

Мать дала ему понять, что в горных отрогах Пэкту таится революционный дух, с которым партизаны стойко боролись, падая с ног, но вставая снова, пока не добивались окончательной победы.

Мальчик рос, часто слушая такие рассказы, и у него в душе созрело чувство глубокого уважения к отцу, гордость за героя, беспощадно громившего японских оккупантов в горах Пэкту.

Ким Чен Сук брала с собой маленького сына, когда сопровождала Ким Ир Сена, отправляющегося руководить делами на месте. Она желала, чтобы сын перенял высокую нравственность отца, посвящающего всего себя делу народа. Приводя сына на заводы и фабрики, в села и рыбацкие поселки по маршруту Ким Ир Сена, она знакомила его с бьющей ключом жизнью Родины, где кипят творческая активность и патриотический энтузиазм рабочих и крестьян. Она дала ему возможность увидеть собственными глазами и, что называется, ощутить кожей те огромные заботы и усилия, которых отец не жалеет для народа. Мать упорно внушала ему мысль: люби, оберегай трудовой народ так же, как отец, отдай

всего себя делу народа.

На этом пути сын всегда был рядом с отцом – и в снег и в дождь. И познавал истинный смысл революции: она нужна для того, чтобы предоставить народу величайшее счастье, и именно в революции, направленной на осуществление самостоятельности человека, выражается величайшая любовь к человеку, а отец – великая личность, олицетворение этой любви.

Ким Чен Сук воспитывала сына на собственном примере, чтобы сын относился к отцу с глубоким уважением и почтением, был целиком предан ему.

Как обычно, Ким Ир Сен рано утром уходил на работу, и каждый день Чен Сук провожала его до ворот, и там же встречала его вечером и ночью, как бы он ни поздно возвращался.

Зная это, сын и сам ожидал время возвращения отца, охотно выходил с матерью за ворота и радостно встречал его.

Как-то ночью шел дождь, дул сильный ветер. Чен Ир, забывшись на минутку в легком сне, вдруг проснулся, почувствовав присутствие человека. В комнату вошла мать. Мальчик коснулся ее холодных рук и спросил недоуменно: откуда ты? Мать улыбается и тихо отвечает: из сада. Погода ненастная, и я обошла вокруг дома. Но чем чаще так случалось, тем больше мальчик недоумевал, и ему очень хотелось разгадать эту загадку. И вот однажды мать говорит ему: «Я на себя беру обязанность охранять папу».

И на следующий день, когда приближалось время возвращения отца, он выходит на пост перед домом и стоит рядом с часовым с деревянным ружьем на плече.

Мальчик видел, как мать тихо, на цыпочках проходит мимо комнаты отца, и следовал ее примеру. По комнатам бегал энергичный мальчик, но у дверей комнаты отца замирал, соблюдал тишину.

Чен Сук составила для сына очень строгий режим дня, точно такой же, как у отца. В этом выразилось ее желание еще с малолетства приучить сына к режиму дня отца – такого человека, который отдает все силы для победы революции, во имя свободы и счастья народа.

Сын соблюдал режим, никогда не нарушал.

Вставал он рано утром, выходил с отцом на прогулку. Ким Ир Сен, взяв сына за руку, прохаживался по садовой дорожке, рассказывал ему очень много интересного и полезного. Разговоры касались природы и общества, корейской и мировой революции, знаменитых людей разных периодов истории – от древних веков вплоть до наших дней, экономики и военного дела, и постоянно расширялся круг тем.

Так рос Чен Ир, у него, естественно, складывались лучшие качества и нравственность, нужные руководителю.

Он точно, как часы, следовал режиму дня, и однажды это серьезно обеспокоило одного из работников. И тот сказал Чен Сук: «Мальчику бы побольше резвиться, ведь возраст у него так мал. А какой у него напряженный режим дня! Это для него чересчур большая нагрузка». Но Чен Сук возражала: «Привычки у человека рождаются с юных лет. Пусть он привыкнет к режиму отца уже сейчас. Ведь он должен вырасти замечательным помощником отца, верным исполнителем его замыслов».

Ким Ир Сен, как обычно, работал допоздна, возвращался домой глубокой ночью, порой после полуночи или к рассвету. Но мать была неумолима. Вырабатывая у мальчика привычку дожидаться отца в любых обстоятельствах, Чен Сук сначала старалась занимать его интересными сказками, детскими рассказами и загадками-разгадками, а потом уже использовала это время для воспитания, подводя вместе с ним итоги сделанного за день.

Ким Чен Сук считала своим величайшим удовлетворением и единственным принципом всей жизни предоставление вождю радости и прилагала большие усилия к тому, чтобы сын обладал таким же, как у нее самой, благородным, верным воззрением на жизнь.

Ким Чен Сук глубоко изучала труды Ким Ир Сена, с усердием просиживая над ними порой за полночь, не пропускала ни одной его речи, читала даже в мчащейся машине, если это было напечатано в газете. Личный пример матери, ее революционизирующее воспитание в значительной мере

содействовали закреплению у мальчика серьезного подхода к учебе.

Она с величайшими усилиями поощряла, развивала дарования сына – незаурядный ум и проницательность, удивительную пытливость, непокорную, смелую натуру, великодушие, доброту и простоту.

Когда маленький сын стал интересоваться явлениями природы и задавал матери вопросы, она не отмахивалась от них, не пропускала ни одного слова, развивала его способность наблюдать за сложными явлениями природы и общества, досконально объясняла законы существования вещей и явлений. Как выглядит земля и почему она вращается? Отчего бывают день и ночь и смена сезонов? Почему идут снег и дождь, дует ветер? Отчего течет река и затем впадает в море? Почему выпущенный из рук воздушный шар поднимается в небо, тогда как брошенный камень падает на землю? И о сложных явлениях общества. Когда возникло человеческое общество и как оно развивалось? Как капиталисты и помещики эксплуатировали рабочих и крестьян? Почему трудящиеся должны стать хозяевами заводов и земли? Откуда взялись американские агрессоры и почему они засели в Южной Корее? При этом мать умело подводила мальчика к тому, чтобы он самостоятельно нашел ответ, сделал вывод.

Ким Чен Сук открыла в нем склонность к музыке и старалась развивать его талант. Один из ветеранов антияпонской революции даже недоумевал: неужели она сделает из сына музыканта?

Основы знаний, впитанные от матери, стали ценным заделом, они позволили ему впоследствии стать человеком реальной силы, овладевшим огромной эрудицией, всеми богатствами человеческого ума и большим талантом не только в областях науки и техники, но и литературы и искусства.

Ким Чен Сук изо всех сил старалась вырастить сына замечательным человеком, как того желал Ким Ир Сен. Ее заботам поистине не было конца.

Она частенько доступными словами рассказывала сыну, какой грандиозный план строительства обновленной Родины вынашивает отец. В этом сказывалась ее намерение с малолетства привить сыну интерес к делам отца, широту и смелость размышлений, привычку рассчитывать все в масштабах всей страны. Мать заботилась, чтобы сын в своем мышлении не был ничем не стеснен, думал о великом. Если речь пойдет о горах, пусть он подумает о самой высокой и величественной в Корее горе Пэкту, а если идут разговоры о широких и больших масштабах, то пусть он не останавливается на реках или озерах, а вспоминает и об океанах.

Вот слова Ким Ир Сена, высказанные им в один из ноябрьских дней 1989 года. «Видишь гору Пэкту – и вспоминаешь Ким Чен Ира. Он сын горы Пэкту, а гора Пэкту – его родина, колыбель, откуда идет его мужество. Все в нем – идеи и характер, склонности и привычки – удивительно походит на гору Пэкту. Весь он проникнут темпераментом и духом горы Пэкту. Это человек настоящего пэктусанского типа».

Такие качества Ким Чен Ира, олицетворяющие дух горы Пэкту, воспитывались и еще полнее развивались благодаря заботам Ким Чен Сук.

Это было во время антияпонской борьбы. В партизанском отряде шла интенсивная военно-политическая подготовка. Однажды Чен Сук, возвращаясь с боевыми товарищами из очередных занятий, увидела, как Чен Ир отчаянно вцепился в большую скалу.

Товарищи недоумевают, а Чен Сук им объясняет: мальчик, наверное, хочет подняться на высокую скалу, чтобы поглядеть оттуда на сплошное море лесов. Они хотели было помочь ему, но тут их останавливает Чен Сук. «Не надо. Если сам не просит помощи, пусть до конца залезет своими силами. Ничего страшного не будет!»

Уже тогда Чен Сук открыла в совсем маленьком сыне признаки сильной воли и мужества, увидела в них ростки несгибаемой стойкости и несравненного дерзания и помогла

ему, чтобы он думал и действовал смело и размашисто, и, если что-то решил, пусть добивается своего. Она никогда не разрешала поступать против принципов и морального долга и этим привила мальчику принципиальность и справедливый характер.

В зимние дни, когда выпало много снегу и дул холодный ветер, мать не позволяла сыну чересчур тепло одеваться.

Она наказывала сыну: «Когда твой отец сражался с самураями в горах, ему часто приходилось переносить суровую зиму в легкой одежде. Но после жарких боев и напряженных походов, бывало, его одежда была пропитана потом. Значит, и ты, сынок, зимой не укутывайся в одежду, бегай по двору и играй в снежки».

Вот так Чен Ир и выработал в себе железную волю, мужество, закалил крепкий организм.

Шло лето 1946 года.

Однажды Чен Ир увидел перед своим домом лошадь на привязи. Возле лошади стоял охранник. Мальчик попросил его помочь ему сесть на лошадь. Тот поднял его, усадил в седло и повел коня в поводу. Когда лошадь немного прошагала, мальчик попросил отдать ему повод. Однако охранник был не вправе рисковать – дать повод четырехлетнему мальчику. Конь с виду смирный, но кто знает – вдруг он помчится вскачь или подпрыгнет? Понимая, что подвергать его опасности никак нельзя, охранник отказался выполнить его просьбу.

Позже он поведал об этом Ким Чен Сук, но та была довольна дерзостью своего мальчика. «Захотел один ездить на коне, и в каком возрасте! Какая смелость! Рыцарь без страха», – обрадовалась она и выразила свое намерение позаботиться о том, чтобы он научился ездить на коне и продемонстрировал перед отцом искусство верховой езды.

Попытка мальчика казалась вызывающе смелой, можно даже сказать – нелепой, неосуществимой мечтой, но мать одобрила, а затем и помогла ему осуществить свое желание. Благодаря заботе матери Чен Ир стал тренироваться в верховой езде.

Чен Сук починила для сына седло, подтянула стремена, чтобы они были мальчику по росту, внушала ему, что надо обязательно помнить при верховой езде. Конь, наставляла она, знает, любит ли его хозяин или нет, поэтому сначала сдружись с ним, не забудь приласкать и дай ему полакомиться любимым фуражом...

С тех пор прошел год. Однажды привели белого коня с ипподрома. Мальчик тут же попытался взобраться в седло. Тогда бабушка Ли Бо Ик, которая в это время стояла во дворе, не на шутку удивилась и отмахнулась: «Ну и ну! Беду навлекаешь».

«Ничего, справится» – улыбаясь, успокаивали бабушку Ким Ир Сен с Чен Сук и помогли сыну сесть в седло.

Теперь Чен Ир, сидя на белом коне, держал поводья в крепко сжатых ручонках. Конь скакнул несколько раз, но потом зашагал послушно. А Чен Ир со спокойным видом держал поводья и повернул коня за ворота. На глазах у бабушки Ли Бо Ик и других родственников, гостивших в тот день в резиденции, мальчик повел себя не по возрасту молодецки и уверенно, и они не переставали им восхищаться.

А вот что было в один из сентябрьских дней 1947 года. Ким Чен Сук с сыном проводила время в районе Кенсона провинции Северный Хамген. Как раз в это время сюда приехал Ким Ир Сен для руководства делами периферии. И Чен Сук решила показать ему, как сын ездит на коне.

Чен Ир сел на коня, выехал на большак и пустился рысью. Но скоро он увидел впереди на дороге повозку, запряженную волом. Он быстро натянул поводья и остановил коня. Конь вздыбился и фыркнул, а Чен Ир спокойно держался на коне. Это видел отец, поспешавший за ним на коне, и весело засмеялся.

Ким Чен Сук научила сына метко стрелять. Научила, как стрелять с упором на деревьях и скале, как целиться в летящую птицу или плывущую рыбу. Объясняла, как совмещать мушку с целиком, наводя ствол на цель, показывала при этом свои действия.

После тренировки Ким Чен Сук воспользовалась случаем, когда семья выехала в одну из местностей, чтобы показать Ким Ир Сену стрельбу сына. В качестве мишени прикрепили к стволу тополя лист бумаги. Получив от отца заряженный пистолет, маленький сын уверенно встал в нужное положение. Чен Сук слегка поправила его позу и дала краткий совет: стреляй не пальцами, а душой.

Раздались выстрелы.

Все три пули пробили белую бумагу.

Довольный отец заключил сына в свои объятия и подбодрил: «Молодец! Потом ты уже сможешь стрелять на скачущем коне».

Ким Чен Сук вкладывала всю свою душу в сына, стараясь развивать в нем глубокое чувство товарищества.

Однажды в детском саду была организована велогонка. Когда гонка началась, Чен Ир сразу вырвался вперед: сказалась его привычная физическая закалка. Дети гнали изо всех сил, но вдруг один из них повалился набок вместе с велосипедом. И Чен Ир, случайно увидевший это, остановился, подбежал к нему, помог ему подняться и сесть на велосипед. В конце концов, к сожалению, в гонке Чен Ир занял второе место.

Но мать крепко обняла сына и похвалила его: «Ты молодец – помог товарищу. Прекрасно, это лучше, чем если бы ты занял первое место!»

Мать часто наставляла, что большим человеком становится тот, кто считает своим долгом заботу о других, и прилагала все усилия для того, чтобы привить сыну качества настоящего революционера – благородные чувства любви к человеку, морального долга, революционную принципиальность, любовь к правде.

Вскоре после возрождения Родины к Ким Ир Сену часто заезжали в гости члены семей погибших революционеров, в том числе Ма Дон Хи и Рю Ен Чхана, и многие соратники по революции. Они пребывали у него в доме несколько дней, порой даже несколько месяцев. И это вызывало у сына вопросы. Чен Сук объяснила ему: в жизни человека

всего дороже дружба и чувство морального долга. Человеку одному жить нельзя, ему положено жить, общаясь с другими. А для этого необходимо поддерживать дружбу с другими, научиться отвечать на дружбу дружбой. Если человек не научился этому и замкнулся в кругу эгоистических интересов, то он уже изменил долгу человека, за что будет осужден и отвержен в обществе...

Однажды вечером, как раз в то время, когда обычно они подводили итоги прошедшего дня, мать сказала сынишке: «Хорошо, что ты целый день был в согласии с друзьями. Так и впредь доверяй, люби человека, если он не враг, – и тебя всегда поддержат. Ведь только так и бывает в жизни».

Мать доказывала доступными словами, что всех, кто решаются на революцию, сможет сделать товарищами тот, кто сумеет их любить, доверять им и вести за собой.

ТЫ СЫН ПОЛКОВОДЦА, А ЗНАЧИТ ...

Ким Чен Сук воспитывала сына в обстановке скромной, простой жизни.

Она не раз говорила: «Знаешь, сынок, все корейцы глубоко уважают твоего отца-Полководца. Почему? Потому что твой отец великий человек. И еще: он человек скромный и простой – живет так же, как простой народ. И мы с тобой должны жить по примеру отца – так, как живет народ».

Ким Ир Сен и Ким Чен Сук часто посещали зерноперерабатывающую, кокономотальную фабрики и другие предприятия, деревни и рыбацкие поселки. Они делали все для того, чтобы народ жил все лучше. Но у самих в доме не было даже гардероба – они пользовались простыми вешалками. Комната была обставлена очень скромно – простая кровать, обычный письменный стол.

Однажды Ким Чен Сук начала шить сыну летнюю одежду. Ей помогала одна женщина. Она видит: ткань – это кусок

матерчатого купола парашюта, и предлагает: «Сшить бы ему из хорошей ткани». Парашютная ткань воздухонепроницаема и не может впитывать капельки пота. Стало быть, не подходит для летней одежды.

«Спасибо, – ответила она той женщине. – Но, знаете, сейчас мало кто в стране шьет своим детям одежду из хорошей ткани. Нам надо одевать его в такую же простую одежду, как и в других семьях». Рубашечка с короткими рукавами, сшитая из парашютной ткани белого цвета, и брюки из черной ткани – такую самую простую одежду подарила мать сынку на лето.

И зимняя была такая же простая, как у всех детей того времени.

Однажды Чен Ир в починенных матерью носках был в охранном подразделении. Увидев это, молодые охранники очень удивились: «Как это у сына Полководца такие носки?»

Выслушав об этом от сына, мать сказала: «Так говорят дяденьки потому, что они плохо понимают жизнь, сынок. Почему это стыдно носить такие носки? Знаешь, когда я была маленькой, о носках просто нечего было сказать. Нечем было прикрыть холодной зимой голые ноги – ни лоскута не было. А когда я воевала в горах, вся обувь была изношенной. И приходилось так: каждую ногу без обуви обмотаешь веревкой – и пошла в гору. Родина наша возрождена, но люди пока живут не так уж зажиточно. Много, очень много детей носят не новые, а починенные носки. Может, и ты это видел. Тем более, что ты – сын Полководца, и потому негоже считать себя отличным от других. Когда другие едят кашу из чумизы, то и мы должны есть такую же кашу. Когда они носят заштопанные носки, нам тоже надо носить такие же носки. Если носишь новую одежду, новые носки, когда у других их нет, – это будет тебе куда более стыдно».

И питание Ким Чен Сук готовила скромное.

Осенью 1947 года она была в уезде Кенсон провинции Северный Хамген. В те дни она варила сыну кашу из риса с

чумизой. Обеспокоенной этим одной работнице Ким Чен Сук сказала: «Спасибо. Не беспокойтесь. Когда Полководец Ким Ир Сен воевал в горах, ел то же, что и рядовые бойцы. Когда они питались похлебкой, он ел такую же; когда они ели кукурузу, он ел то же самое. Как же нам сейчас питаться рисом, говорит он, когда не все имеют такую возможность? Приношу ему кашу из любого зерна, а не из риса, – и он бывает доволен».

Та работница просит ее готовить кашу из риса хотя бы только для сына. Она с улыбкой на лице отвечает: «С детства всякий должен питаться, как другие».

Однажды кто-то из охраны обратился к ней с просьбой дать полакомиться как следует Чен Иру в часы между едой. Ким Чен Сук отвечает:

«Сейчас Полководец душой болеет за то, что детям не всегда остаются конфетки. Его сын не должен отличаться от других. Этого не желает сам Полководец, да и для меня это недопустимо».

И мать сказала своему сыну: «У нас в стране пока еще мало выпускается конфеток. Япошки перед своим поражением разрушили все зерноперерабатывающие фабрики. И в семьях простых людей, рабочих, крестьян, не могут дать детям конфетки».

Ви Чхан Сук, проводившая в те дни немало времени в ее доме, вспоминает: «Теперь у нас все малыши яслей и детских садов каждый день получают парные хлебцы с вареной фасолью. Это между едой. А в праздники им подарки – кулечки с кондитерскими изделиями. Среди них – карамели и вафля. При виде всего этого у меня невольно вспоминается то, что Ким Чен Сук сказала в тот день. И как сегодня вижу ее сына, маленького Чен Ира, который ел вареную картошку между едой».

Ким Чен Сук заботилась о том, чтобы сынок ее следовал примерам коммунистической нравственности отца и рос настоящим человеком.

Однажды вечером сын спрашивает мать, занятую глажением: «Мама, почему ты и папа приветствуете часового? А вот другие

проходят мимо него без привета». В ответ: «Знаешь, сынок, вот эти дяденьки часовые много и много работают. Они охраняют твоего отца. И им всегда от нас привет. Это – приличие, которое нам надо соблюдать».

Затем мать доходчиво объяснила: тем, как человек соблюдает правила приличия, определяются его достоинства и личные качества. И учила его, как следует вести себя в этом плане.

Когда-то Ли Бо Ик из Мангендэ (бабушка Ким Ир Сена) несколько дней проводила в доме внука. Каждый день правнук Чен Ир, встав утром рано и опрятно одевшись, приветствует: «Доброе утро, прабабушка!», а вечерком приносит ей чайник с водой, чтобы она могла попить воды среди ночи, если ей захочется, и говорит ей: «Спокойной ночи, прабабушка!» – только после этого уходит укладываться спать. А когда ему хочется погулять на улице, обязательно спрашивает: «Прабабушка, разрешите мне погулять?» На улицу – только с ее согласия. Ли Бо Ик не переставала удивляться вежливому поведению правнука.

Ким Чен Сук воспитывала у сына чувство уважения к народу, постоянно наставляла его: ни в коем случае не причинять людям хлопоты.

Это было, когда она с сыном побывала в уезде Кенсон. Местные женщины встретились с ней. Они принесли ей новое одеяло и, несмотря на ее уговоры, все-таки оставили его у нее.

После ухода гостий она сказала сопровождающим: «Какая у них сердечность! Новое одеяло принесли! В семье-то просто нелегко чистить хоть бы разок одеяло. Сохраним его в чистоте и вернем его перед отъездом». И сыну сказала, чтобы он пользовался только принесенным из дому.

Сопровождающие просили ее: «Вы можете разрешить хотя бы сыну пользоваться этим одеялом». Она сказала: «В годы антияпонской вооруженной борьбы Полководец Ким Ир Сен категорически запретил любое ущемление интересов народа. То же самое и с этим одеялом, что они принесли. Это выражение их сердечной заботы. Одеяло, которым они бережно

пользуются, нам нельзя употреблять. Не так ли?»

Сын тоже согласился: «Мне лучше мое одеяло. Все сделаю, как делает папа. Хлопот не буду доставлять людям».

Мать, ласково поглаживая его по плечам, одобрила: «Молодец, сынок милый! Нам надо жить так, как учит твой папа».

Народные качества матери Ким Чен Ир считал эталоном для своих поступков. Он никогда не видел себя отчужденным от сверстников. И в детский сад, и в начальную школу ходил всегда в хлопчатобумажных носках, *комусинах* (резиновая обувь – ред.) или спортивных тапочках, как у других. Одевался так же, как другие, ходил в школу с узелком учебников и тетрадей, завернутым в платок, – так же, как его друзья.

Это было летом какого-то года, когда Чен Ир ходил в среднюю школу. Он чистит *комусины* водой из крана. Его увидел друг по школе и спрашивает: «Почему ты в *комусинах* – таких потных? Лучше бы в кедах, скажем, баскетболиста».

Так же вел себя он и в дни учебы в полной средней школе и студенчества – носил простую форменную одежду. Во время общественного труда он приходил в рабочей одежде, жил так же, как его друзья. Никакого отличия не было – вместе с ними переносил грузы на палке, вычищал со дна реки ил и грязь, придерживался тех же правил дисциплины.

Вот такие качества простого человека воспитывала у него Ким Чен Сук.

Так рос он – исключительно скромным, трудолюбивым мальчиком. Одна из соседок, каждый день видящая мальчика, обратилась к его матери: «Вижу, вы слишком строги к сыну».

Ким Чен Сук ответила: «Сынок мой родился в горах Пэкту. Носила его наверху вещмешка – укрытого моей военной формой. Шагать он учился, опираясь на мое оружие. Рос, питаясь съедобными растениями и водой гор Пэкту. И я хотела бы воспитать его, как подобает сыну горы Пэкту».

Да, она, Ким Чен Сук, уже в те годы смотрела далеко вперед – в будущее революции и Родины. Воспитала своего

сына великим революционером, сыном Родины и народа, призванным продолжать и свершить дело корейской революции, начатое отцом.

* * *

В возрожденной Корее была создана Трудовая партия Кореи, которая направляла строительство новой Кореи, образовалась Корейская Народно-Демократическая Республика – первое в истории Кореи суверенное, независимое государство, превращались в сильную регулярную армию революционные вооруженные силы, унаследовавшие традиции антияпонской войны. Кроме того, дважды были выполнены планы развития народного хозяйства, в результате чего выросло благосостояние народа.

21 сентября 1949 года Ким Ир Сен отправился в уезд Тхосан, чтобы руководить на месте делами трудящихся, поднявшихся на строительство обновленной Родины. И в тот день, как обычно, Ким Чен Сук вышла во двор и проводила его. У нее, казалось, все было нормально, как раньше, – и походка, и выражение лица, и речь.

На самом деле в то время она чувствовала себя очень неважно. Однако на лице ее не было ни тени боли и страдания. Она провожала Ким Ир Сена, светло улыбаясь.

Стоя у ворот вместе с сыном, Ким Чен Сук долго смотрела в ту сторону, где исчезла его легковая машина. В то время она еще не знала, что провожает его в последний раз.

Ким Чен Сук отправила сына в детский сад и вошла в комнату. Она продолжала шить шерстяное белье для Ким Ир Сена. Ощутила острую боль, но, силясь ее перетерпеть, она не бросила работу, пока не кончила ее.

День клонился к закату. Состояние Ким Чен Сук все более

ухудшалось.

Ей предложили поехать в больницу, но она отказалась. Не хотела уезжать из дома, пока не вернется Ким Ир Сен.

Адъютант намеревался по междугородному телефону сообщить Ким Ир Сену о критическом состоянии Ким Чен Сук. Но она не разрешила: это может помешать Ким Ир Сену в его работе.

Порой больная чувствовала, что сознание становится неясным, и она, пытаясь взять себя в руки, дышала прерывисто. Адъютант не мог больше ждать, поднял трубку и набрал номер.

В 11 часов 40 минут ночи Ким Ир Сен вернулся домой. Но уже тогда Ким Чен Сук была в бессознательном состоянии. Ее увезли в больницу.

На рассвете 22 сентября 1949 года Ким Чен Сук скончалась. Ушла из жизни героиня антияпонской войны, непоколебимая революционерка, которая самоотверженно сражалась во имя Родины и народа, горела любовью к товарищам и соотечественникам. Газеты и радио передали сообщение о ее кончине.

От внезапной, совсем неожиданной вести о смерти Ким Чен Сук вся страна рыдала, заливалась слезами горя и скорби. С утра множество людей шли туда, где лежала покойная.

Ким Ир Сен долго вглядывался в лицо Ким Чен Сук, окруженной живыми цветами, и сказал:

«Ким Чен Сук была пламенной революционеркой. Она отдала всю свою жизнь борьбе за возрождение Родины, за торжество нашей революции. Она была известным стрелком, незаурядной подпольщицей-политработницей, стойкой коммунисткой, не знающей ни малейшего колебания перед суровыми испытаниями и трудностями. Рано потеряла всех родных – и родителей, и брата, рассталась и с другими родственниками. Она росла, переживая все и всякие муки и лишения. Она очень любила Родину, товарищей, не жалела себя ради интересов революции. Все, что она сделала, было сделано для товарищей. Для самой же себя у нее ничего не оставалось».

24 сентября под траурную музыку руководители партии и правительства вынесли тело покойной.

Ким Чен Сук страстно желала возрождения Родины и много лет вела кровопролитную борьбу против японских захватчиков. Но, к великому сожалению, она прожила на земле возрожденной Родины всего лишь четыре года. Ее смерть была величайшим горем для всего корейского народа. Она умерла в 32-летнем возрасте, ее жизнь была слишком коротка.

Но и за эти годы заслуги Ким Чен Сук перед Родиной и нацией были поистине немеркнущими.

Вся жизнь Ким Чен Сук – это благороднейшая жизнь солдата-гвардейца, целиком отданная делу великого вождя Ким Ир Сена. Она совершила бессмертные подвиги в борьбе за возрождение Родины, за свободу и счастье народа. А еще – она родила и вырастила Ким Чен Ира как руководителя корейской революции, продолжателя революционного дела чучхе.

Заслуги Ким Чен Сук будут вечно жить в памяти корейского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 6 год чучхе. Новая система летосчисления учреждена в Корее 8 июля 1997 г. по случаю 3-й годовщины со дня кончины Президента Ким Ир Сена, создателя идей чучхе и организатора победы в корейской революции и строительстве нового общества, для прославления его революционной жизни и заслуг. Точкой отсчета является 1912 год – год его рождения.

2 Рим Чхун Чху (8 марта 1912 – 27 апреля 1988). В раннем возрасте принял участие в революционной борьбе, после антияпонских выступлений учащихся был брошен в Содэмунскую тюрьму в Сеуле. Выйдя на свободу, вступил в КНРА. Член Партийного комитета КНРА, секретарь Восточноманьчжурского партийного комитета действия и т. д. После возрождения Родины – председатель провинциального комитета партии, секретарь Президиума ВНС КНДР, вице-президент КНДР.

3 **Революционное общество взаимной выручки –** одна из массовых антияпонских организаций, созданных Ким Ир Сеном в период антияпонской революционной борьбы. Оно объединяло тех, кто доброжелательно относится к революционерам – борцам против японского империализма и занимает нейтральные позиции. В него вошли также сочувствующие им люди, в том числе старого возраста. Общество значительно способствовало укреплению основ антияпонской вооруженной борьбы в массах.

4 Имеются в виду крупномасштабные организованные выступления крестьян китайского Цзяньдао против японских грабителей и реакционных помещиков, развернувшиеся весной 1932 г. под руководством Ким Ир Сена. Они создали благоприятные условия для организации антияпонских партизанских отрядов и их опорных баз, создания прочных основ вооруженной борьбы в массах.

5 **«Отряд самоохраны» –** вооруженное формирование, созданное японцами с 1932 г. в населенных пунктах Северо-Востока Китая. В него насильно вербовались молодежь и люди среднего возраста под предлогом обеспечения «безопасности местности своими силами». Отряд помогал японским оккупантам и полиции в карательных операциях против антияпонских партизан, в уничтожении революционных сил.

6 Речь идет о революционном танце с песней. Создан Ким Ир Сеном в начальный период его революционной деятельности. Лейтмотив произведения: если вся корейская нация крепко сплотится единой душой и встанет на борьбу с оккупантами, то она добьется независимости страны.

7 **Марионеточные войска Маньчжоу-Го** были созданы после оккупации Маньчжурии японцами и конструирования ими псевдогосударства «Маньчжоу-Го» 1 марта 1932 г. Ликвидированы в 1945 г. после поражения Японии и развала ма рионеточного «Маньчжоу-Го».

8 Имеется в виду одна из форм опорной партизанской базы, созданная в годы антияпонской вооруженной борьбы. Формально она была под контролем противника, а практически находилась под влиянием КНРА. Ее назначение – оказание помощи КНРА, подготовка резерва революционных сил; занимала промежуточное положение, была пунктом связи между партизанскими районами и контролируемой врагом зоной.

9 «Минсэндан» – контрреволюционная организация японских шпионов и прислужников. Создана японцами в китайском Цзяньдао в феврале 1932 г. «Минсэндан» действовал по указке японских оккупантов, выдавая себя за «защитника» интересов корейской нации под прикрытием лозунга о «праве корейской нации на существование», а также о «корейской автономии в Цзяньдао». Истинной его целью было усыплять антияпонские настроения корейского народа, забросать грязью корейских революционеров, посеять раздоры и вражду между корейцами и китайцами, разложить ряды революционеров изнутри. Сущность «Минсэндана» была выведена на чистую воду с самого начала его существования. И он был распущен в июле 1932 г. После этого японцы с помощью агентов спецслужб и своих приспешников строили всякие козни, распространяя провокационные слухи, будто среди революционеров таится много минсэндановцев. Обманутые японскими интригами национал-шовинисты и фракционеры с низкопоклоннической психологией, политически невежественные и движимые неблагонадежными политическими амбициями, развернули крайне левацкую так называемую «антиминсэндановскую» борьбу, которая оказала пагубное влияние на единство и сплоченность революционных рядов, на развитие корейской революции. Эти левацкие перегибы были преодолены Ким Ир Сеном.

10 **10 год сёва –** 1935 год. Это традиционная японская система летосчисления: за начало взят 1926 год – год вступления Хирохито на престол императора Японии.

11 **Чвэ Хен (**8 июня 1907 – 9 апреля 1982) – участник антияпонской борьбы. Был арестован японской полицией и провел 7 лет в тюрьме. В июле 1932 г. выпущен на волю. Вступил в КНРА, возглавляемую Ким Ир Сеном, стал одним из ее командиров. Во время Отечественной освободительной войны в Корее – командир корпуса КНА. После войны – министр Народных Вооруженных Сил. Был на ответственных постах в партийных и государственных органах.

12 **Пак Дар (**28 декабря 1910 – 1 апреля 1960) – руководитель Союза национального освобождения Кореи (СНОК). В сентябре 1938 г. арестован японской полицией по доносу ее прислужника. В августе 1945 г. с возрождением Родины освобожден из Содэмунской тюрьмы в Сеуле. Прикованный к постели из-за последствий варварских пыток японских палачей, он занимался в Пхеньяне литера-

турным творчеством.

13 Имеются в виду повальные аресты корейских революционеров и патриотов в 1937 и 1938 гг., произведенные японскими захватчиками в Хесане и других районах Кореи и в Чанбае Северо-Восточного Китая. В итоге только один Хамхынский местный суд вынес в августе 1941 г. неправедные и жестокие приговоры 167 патриотам Кореи, многие из которых были осуждены на смертную казнь или пожизненное тюремное заключение.

14 «Кёвакай» – реакционная организация марионеточного «Маньчжоу-Го», созданная японскими империалистами 25 июля 1932 г. Она сыграла роль отряда особого назначения, подлинного гнезда реакционеров, выступавших в поддержку агрессивной политики Японии. В соответствии с планом Квантунской армии по «обеспечению безопасности и спокойствия» участвовала в «уничтожении» антияпонских вооруженных сил в Маньчжурии и пыталась заразить население реакционной идеологией. Распущена в 1945 г. после поражения Японии и ликвидации марионеточного «Маньчжоу-Го».

15 Суринар – день народного празднества в Корее. С давних времен корейцы отмечают его 5 мая по лунному календарю после завершения весеннего сева. Праздник помогал крестьянам снять накопившуюся в ходе весенней страды усталость перед прополкой полей, чтобы затем выращивать богатый урожай. В программе праздника – национальная борьба *сирым,* катание на качелях, стрельба из лука и другие игры и развлечения.

16 Тве – единица объема, а также посуда-мерка для зерна и жидкости. Боль шое тве – около 1, 8039 литра, а малое – его половина.

17 Имеется в виду крестьянская война (1894 – 1895) против феодальных правителей страны и японских агрессоров в провинции Чолла, что в юго-западной части Корейского полуострова. По старой корейской системе летосчисления 1894 г. был годом кабо.

18 Имеются в виду выступления корейских патриотов против иноземных агрессоров. Они усилились с 1895 – 1896 гг., когда японская агрессия против Кореи приняла откровенный характер. В частности, борьба корейских ополченцев, развернувшаяся за 10 лет до и после японской оккупации (1904 – 1914 гг.), нанесла се рьезный удар по японским агрессорам в Корее и за ее пределами.

19 **Первомартовское народное восстание** называется также Первомартовским движением. Эта общенациональная патриотическая борьба корейского народа против варварского японского колониального режима вспыхнула 1 марта 1919 г. Начало восстанию положила массовая демонстрация, участники которой выкрикивали лозунг: «Да здравствует независимость Кореи!» Восставшие совершили налеты на органы японской администрации, подвергая агрессоров и предателей суровой каре. Пламя выступлений быстро распространилось на Северо-Восток Китая, в Шанхай, в российское Приморье, в Японию, на Гавайи и в другие

регионы, где проживают корейцы.

20 Общество Синганхвэ – организация единого фронта, созданная в Сеуле в феврале 1927 г. общими усилиями коммунистов и националистов. В своей программе она выдвинула задачи укрепления сплоченности всей корейской нации, намереваясь общими силами нации добиться независимости страны. В мае 1931 г. она прекратила существование вследствие диверсионных акций японских оккупантов, реформистских вылазок внутри самого общества и отсутствия главных руководящих сил, способных умело направлять организацию.

21 Имеется в виду одна из административно-канцелярских управ последователей корейской традиционной национальной религии чхондогё. Различаются управы центральная и местные.

22 Общество друзей – сходы или организации с целью наладить дружбу и согласие между людьми. В дни антияпонской вооруженной борьбы подпольщики-политработники, направленные в Корею, использовали эту форму для осуществления легальной деятельности по объединению широких масс в революционные ряды.

23 Поход на Жэхэ. До и после вспышки китайско-японской войны левацкие авантюристы Коминтерна навязали его антияпонским вооруженным формированиям Северо-Востока Китая. Приказ окружить и атаковать столицу «Маньчжоу-Го» Чанчунь и выступить далее в направлении Жэхэ дал начало волюнтаристской, авантюристической военной операции, в основе которой лежали отрыв от реальности и безрассудство. Поход кончился неудачей, принес огромные потери.

24 Хангави - день национального осеннего празднества корейцев. 15 августа по лунному календарю люди посещают могилы предков и совершают жертвоприношения. Перед сбором нового урожая в этот день проводятся разнообразные развлечения.

25 Речь идет о восстании левацко-авантюристического характера, которое подняли в своих гнусных целях сектанты-низкопоклонники в Восточной Маньчжурии Китая в мае 1930 г. Оно дало повод японским империалистам и китайской гоминьдановской военщине обрушить жестокие репрессии на коммунистов и антияпонски настроенные массы. Поражение восстания принесло множество жертв.

26 Это выражение взято из легенды о богатыре, который несколькими шагами одолевает путь в сотни, тысячи ли, сокращая расстояния. В дни антияпонской революционной борьбы корейцы восхищались выдающимся полководческим искусством и боевой тактикой Ким Ир Сена, сравнивая их с волшебными приемами действий героя легенды.

27 Речь идет о крупномасштабной карательной операции японских войск против КНРА. В сентябре 1939 г. в Гирине было создано командование этих ка-

рательных войск. Операция носит два названия: «карательная операция в трех провинциях – Тунхуа, Гирине и Цзяньдао» и «карательная операция в трех провинциях Дунбяньдао». В ней был задействован 200-тысячный контингент вооруженных сил противника.

28 «Сфера совместного процветания в Великой Восточной Азии» – агрессивная концепция японских империалистов, выдвинутая в 40-е годы минувшего века и нацеленная на создание монопольной японской «сферы влияния» (колоний). Япония поздно вступила на путь капиталистического развития. Для установления своего господства в Азии и во всем мире империалисты Японии замышляли сна чала вытеснить из Азии капиталистические силы Европы и Америки, чтобы затем поставить под свой контроль весь Тихоокеанский регион. Ради этого они и выдвинули идею т. н. «нового порядка совместного процветания стран Азии». Для реализации своих агрессивных замыслов они разожгли пожар войны на тихоокеанском театре, в которой потерпели поражение. Однако и сегодня милитаристы Японии лезут из кожи вон, надеясь осуществить бредовую мечту былых времен.

29 **Ан Гир** (24 февраля 1907 – 13 декабря 1947). В 1933 г. вступил в КНРА, возглавляемую Ким Ир Сеном. Командир полка КНРА, начальник штаба ее 3-й армейской группы. После возрождения Кореи (август 1945 г.), находясь на важных постах в партийных и правительственных органах, прилагал активные усилия для выполнения трех задач по созданию партии, государства и вооруженных сил.

30 О Чжин У (8 марта 1917 – 25 февраля 1995) – ветеран антияпонской революции. В годы Отечественной освободительной войны в Корее – командир дивизии, начальник штаба корпуса КНА. После войны – министр Народных Вооруженных Сил, член Президиума Политбюро ЦК ТПК. Находился на важных постах в партийных и государственных органах. В 1992 г. – маршал КНА.

31 **Ким Чак(**14 августа 1903 – 31 января 1951). С 1927 г. участвует в революции. Арестовывался японской полицией, не раз был в тюрьмах. В 1932 г. вступил в КНРА, стал одним из ее командиров. После возрождения Родины – заместитель Председателя Народного комитета Северной Кореи, заместитель Председателя Кабинета Министров КНДР и по совместительству министр промышленности. В дни Отечественной освободительной войны в Корее – член Военного Комитета и командующий фронтом.

32 Имеются в виду три региона в южной части Кореи: провинции Северный и Южный Чхунчхон, Северный и Южный Чолла, Северный и Южный Кенсан.

33 **Кан Рян Ук** (7 декабря 1904 – 9 января 1983) – патриот, политический дея тель. В годы японской оккупации Кореи занимался педагогической и религиозной деятельностью патриотической направленности в качестве педагога и пастора. Сек-

ретарь Президиума ВНС КНДР, председатель ЦК Социал-демократической партии Кореи, вице-президент КНДР.

34 **Чо Ман Сик.** После возрождения Кореи состоял в руководстве Демократической партии Кореи, созданной в Пхеньяне. По указке американской военной администрации в Сеуле, созданной США после оккупации Южной Кореи, вместе со своими последователями пытался повернуть партию на антинациональный, антинародный путь, а также затормозить борьбу народа за демократическое общественное развитие в Северной Корее, за образование общекорейского суверенного, независимого государства, расколов демократические силы Северной Кореи. В феврале 1946 г. он и его прихвостни были изгнаны из руководства партии и исключены из ее рядов.

35 Это движение за преобразование сознания людей в возрожденной Корее было нацелено на преодоление насажденных в прошлом японскими империалистами старых идеек и устаревших бытовых привычек, за вооружение людей новыми идеями о строительстве государства и утверждение жизнерадостной, живой атмосферы национальной жизни. Инициатором движения выступил Ким Ир Сен 25 ноября 1946 г. на III расширенном заседании Временного народного комитета Северной Кореи.

36 «Семь оснований для развода с женой» означают содержание семи статей канона феодально-конфуцианской морали, обосновывающих условия изгнания мужем жены из дома: неуважение к родителям мужа, бесплодие, развратное поведение, дурная болезнь, ревность, склоки, воровство. Тем самым предопределялись полное подчинение жены и привилегированный статус мужа в патриархальной семье.

37 **«Три заповеди для женщины».** Имеются в виду три обязанности женщины, сформулированные в каноне феодально-конфуцианской морали: в юношестве беспрекословно подчиняться воле родного отца, после замужества во всем следовать указаниям мужа, а после утраты мужа подчиняться сыну. Такие правила реакционной морали закрепляли бесправие женщины и ее феодальное порабощение.

38 «Молельня» – революционная пьеса, сочиненная Ким Ир Сеном в начальный период его революционной деятельности, по которой был поставлен спектакль в китайском поселении Цзяцзятунь. Произведение разоблачает ложность и обман суеверия, реакционность помещиков и прояпонских прислужников и раскрывает мысль: чтобы жить счастливо, люди труда должны верить не в бога, а в свои собственные силы.

39 Ре Ун Хен (22 апреля 1886 – 19 июля 1947) – родом из Янпхена в провинции Кенги, деятель движения за независимость Кореи. Вначале, будучи причастным к работе «Шанхайского временного правительства» и Компартии Корё, боролся за независимость страны. Директор издательства газеты «Чосон чжуньан ильбо» в Сеуле, председатель Союза по строительству государства Кореи, лидер

Народной партии Кореи. После возрождения Родины боролся в Южной Корее за самостоятельную политическую линию, за коалицию с коммунистами и объединение страны. Убит врагами из-за угла.

40 Имеется в виду «временное правительство Республики Корея», образованное в апреле 1919 г. в Шанхае 29 националистами-эмигрантами. Это была никем не признанная группировка эмигрантов, не имевшая никакой базы в массах и собственного политического фундамента. Официальные лица этого «правительства» не прекращали групповую грызню, выливавшуюся в перманентную перестройку «кабинета министров», развертывали «движение с петициями», пытаясь добиться независимости Кореи с помощью империалистических держав, прежде всего США. Взимали с соотечественников огромные деньги под видом «средств на нужды движения», расходуя их на развратную жизнь. Организовывали теракты против коммунистов и создавали помехи антияпонской вооруженной борьбе корейского народа. В августе 1945 г. с окончанием военных действий на тихоокеанском театре это «правительство» прекратило свое существование.

41 Имеются в виду сепаратные выборы, незаконно проведенные в Южной Корее 10 мая 1948 г. Империалисты США использовали их для создания препятствий на пути самостоятельного объединения Кореи, для полного превращения Южной Кореи в свою колонию. В результате сфальсифицированных выборов был сфабрикован продажный лисынмановский режим.

42 «Сосна на горе Нам» – революционная песня, автором которой является Ким Хен Чжик, выдающийся руководитель антияпонского национально-освободительного движения в Корее. Песню он сочинил осенью 1918 г., когда покинул родной край Мангендэ, лелея великий замысел о возрождении Отчизны. Текст и мелодия песни проникнуты несгибаемым революционным духом автора, пламенным патриотизмом, отчетливым антияпонским настроением, непреклонным стремлением борца к возрождению Родины.

Сосна на горе Нам

1. Знаешь ли ты, мой друг дорогой,
Как отважна сосна? Лютой
зимой на горе Нам
Не согнулась в злой буран она.
Все готова снести сосна,
И воскреснет она
В день, когда вновь
К нам придет весна.

2. Жизнь не нужна мне, друг дорогой,
Жизнь мне смерти страшней,
Если в бою не смогу добыть

Я свободу Родине моей.
Сто готов я пройти огней,
Но свободу в бою
Должен добыть
Родине моей.

3. Если настигнет пуля меня,
Будут драться сыны.
Внуки мои в бой тогда пойдут,
Нам они весну вернуть должны.
Вся Корея моя споет,
Все три тысячи ли:
Слава тебе,
Вольный наш народ!